Дальневосточный федеральный университет
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
Институт социально-политических исследований РАН

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Сборник трудов II Международной научно-практической конференции

4–5 июня 2018 г.

Владивосток
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДВФУ
2018

УДК 314.74(5:265)(063)
ББК 60.73(59:94)я431
М57

Проведение конференции и публикация сборника трудов осуществлены при финансовой и организационной поддержке ДВФУ, ИСПИ РАН, МГИМО МИД России, Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-010-20046), Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, а также Администрации Приморского края.

Под общей редакцией
чл.-корр. РАН, д-ра экон. наук, проф. С.В. Рязанцева (МГИМО МИД России, ИСПИ РАН);
канд. физ.-мат. наук, доц. М.Н. Храмовой (МГИМО МИД России, ИСПИ РАН);
канд. экон. наук, доц. Л.А. Савинкиной (ДВФУ)

Редакционная коллегия:
Н. Хорие (Университет Тоямы, Япония),
М. Митигами (Университет Ниигаты, Япония),
Б. Даве (Университет Лондона, Великобритания),
С. Мусикавон (Университет Махидон, Таиланд),
С. Рязанцев (МГИМО МИД России, ИСПИ РАН, Россия),
М. Храмова (МГИМО МИД России, ИСПИ РАН, Россия),
В. Белкин (ДВФУ, Россия),
Е. Гаффорова (ДВФУ, Россия).

М57 **Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока** : сборник трудов II Междунар. научно-практич. конф., 4–5 июня 2018 г. / [под общ. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной ; ред. кол.: Н. Хорие, М. Митигами, Б. Даве, С. Мусикавон, С. Рязанцев, М. Храмова, В. Белкин, Е. Гаффорова]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – 266 с.

ISBN 978-5-7444-4303-0.

Для ученых, специалистов в области демографической и миграционной политики, экономики, социологии, преподавателей, студентов и аспирантов, представителей органов государственной власти и бизнес-структур.

УДК 314.74(5:265)(063)
ББК 60.73(59:94)я431

© ФГАОУ ВПО ДВФУ, ФГАОУ ВО МГИМО МИД России, ФГБУН ИСПИ РАН, 2018

ISBN 978-5-7444-4303-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....7

Раздел 1 КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....9

Авдеев Ю.А. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....9

Воробьева О.Д. ЗАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ.....12

Гончарук И.В. ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА *Минченкова Ю.О., Подлесная Д.В.* НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....16

Денисенко В.А. ВАХТОВЫЙ МЕТОД НА ТЕРРИТОРИИ АМУРСКОЙ И САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И КАМЧАТСКОГО КРАЯ: СФЕРЫ ПРИЛОЖЕНИЯ ТРУДА.....20

Зубков В.В. ФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....24

Иванов Д.В. ДЕМОГРАФИЯ И ОНТОЛОГИЯ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ.....28

Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....31

Мостахова Т.С. ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА.....34

Мотрич Е.Л. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ.....37

Рязанцев С.В., Очирова Г.Н. ЭМИГРАЦИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....42

Савинкина Л.А., Мухсян Т.В. РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА.....50

Сердюкова Е.А., Шевчук К.О. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ.....56

Тупикина Е.Н., Гулевич А.В., Грищенко А.И. ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ДИНАМИКА МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....60

Храмова М.Н., Лукьянец А.С. ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....65

РАЗДЕЛ 2 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....71

Гришанова А.Г. РОЛЬ МИГРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....71

Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 74

Доржиева С.Ч. ИМИДЖ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 77

Ефременко В.Ф. РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ 80

Карпец О.В., Юрченко Е.С. ВОЗМОЖНЫЕ ЭФФЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ ВЛАДИВОСТОК – МУДАНЬЦЗЯН НА ЭКОНОМИКУ ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ 84

Кожевникова Н.И. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ 87

Лукьянец А.С. Храмова М.Н., Маньшин Р.В. МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 91

Останина Е. В., Назарова Д.С. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СНИЖЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ 96

Сукнева С.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 98

Шестера М.Д. МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО \ ВОСТОКА 102

РАЗДЕЛ 3 СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 107

Афанасьев М.Ю., Нанавян А.М. БАЗИС ХАРАКТЕРИСТИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЛЯ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ: МИГРАЦИОННЫЙ ПРИРОСТ В ИНДИКАТОРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ 107

Вебер Шломо, Давыдов Д.В. ИНДЕКСНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ 112

Ивашина Н. В. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ 115

Максимова Л.В., Тимошина Н.Г. ВЫЯВЛЕНИЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ МИГРАНТОВ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ 120

Поличка Н.П. ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 123

Тупикина Е.Н., Бурменко М.В. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ 127

Турков С.Л. КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕШЕНИИ НАУЧНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 130

Фомин М.В. ПРОЕКТНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ОБЪЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 134

Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Озерова Г.П., Лободин П.Н. МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КЛЕТОЧНЫМИ АВТОМАТАМИ 138

Эркан Гу. ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ 144

РАЗДЕЛ 4 МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: МОДЕЛИ И ПРОГНОЗЫ 151

Байков Н.М. ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АСПЕКТ 151

Вазиров З.К. ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН 154

Волчев Д.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ 157

Забровская Л.В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 161

Зикунова И.В. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ: ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 164

Кирюхина В.А., Миргеева В.П. ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ 168

Левен Ройден. МЕННОНИТЫ-СТАРОВЕРЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕПАТРИАЦИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ 172

Линь Ву, Хуксин Ву, Эркан Гу, Хай Джин Чао, Ксин Ю. ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ В ГОРОДАХ 175

Миргеева В.П. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 182

Молоткова И.С. НЕЛЕГАЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ 184

Письменная Е.Е., Рязанцев С.В. МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЮ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС 190

Пяткова П.Т. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИМОРСКОГО КРАЯ И КИТАЯ 201

Скрыбыкина М.С. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЮЖНУЮ КОРЕЮ 206

Ячин С.Е. ОГРАНИЧЕННАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА 209

РАЗДЕЛ 5. МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ 213

Аргудяева Ю.В. РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В ПРИМОРЬЕ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, АДАПТАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ 213

Ващук А.С. ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ КНДР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 2007 – 2017 ГГ. 216

Головачев С.Б. ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТУДЕНТОВ 221

Дышин А.В. ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА КНР В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ 227

Казачун Г.А., Иванов Д.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИММИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ: ОПЫТ “КИТАЙСКОГО” ВАНКУВЕРА 230

Митигами Маю. УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ЕЖЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 234

Мукомель В.И. ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ 238

Очирова О.А., Петрова А.А. ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ 243

Перминова Г.И., Кралюк К.О. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ .. 246

Посвалюк Н.Э., Посвалюк Т.В. ОПЫТ АДАПТАЦИИ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПРИНИМАЮЩИХ СЕМЬЯХ ХАБАРОВСКА 250

Тупикина Е.Н., Грищенко А.И., Гулевич А.В. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ДЛЯ МИГРАНТОВ 253

Хамидулин В.С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ 257

Шевченко А.В. АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В П.Г.Т. НИКОЛАЕВКА 261

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие друзья!

Вот уже второй раз во Владивостоке на острове Русский в кампусе Дальневосточного федерального университета при сотрудничестве ученых ДВФУ, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Института социально-политических исследований РАН, Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке 4-5 июня 2018 г. состоялась II Международная научно-практическая конференция «Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока».

Конференция вызвала интерес среди представителей экспертного, научного и предпринимательского сообщества, общественности, консульско-дипломатических служб, органов государственной власти, в чьи полномочия входят вопросы социально-экономического развития Дальнего Востока из Биробиджана, Благовещенска, Владивостока, Екатеринбурга, Иркутска, Комсомольска-на-Амуре, Новосибирска, Москвы, Улан-Удэ, Хабаровска, Якутска.

Обсудить проблемы, концепции, вызовы и практики взаимодействия в сфере миграционной политики разных стран и континентов собрались представители России, Великобритании, Вьетнама, Канады, Китая, Соединенных Штатов Америки, Таджикистана, Таиланда, Узбекистана, Японии.

Цель демографической политики России на Дальнем Востоке это прирост населения. Для этого необходимо создать условия, которые позволят с одной стороны закрепить местное население, а с другой стороны привлечь извне не только людей, но и дополнительные ресурсы для развития Дальнего Востока.

В сборнике представлены материалы конференции. Надеемся, что результаты проведенных исследований будут широко использованы в практической работе представителей федеральных и региональных органов власти для регулирования миграционных процессов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и будут одинаково полезными ученым, студентам, аспирантам, и бизнес-структурам.

Позвольте выразить глубокую признательность руководству и сотрудникам Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Института социально-политических исследований РАН, Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке за неоценимую помощь в организации работы по подготовке и проведению конференции, рецензированию докладов и статей участников конференции, формированию и редактированию программы и сборника материалов конференции.

Доктор экономических наук,
директор Школы экономики и менеджмента ДВФУ,
сопредседатель организационного комитета конференции
Е.Б. Гаффорова

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Второй раз Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) становится интеллектуальной площадкой по обсуждению животрепещущих проблем в области миграции и миграционной политики, демографического развития и демографической политики. В рамках проекта «Миграционные мосты в Евразии – 2018» - это третье научное мероприятие текущего года после Тоямы (Япония) и Афин (Греция). Ученые ДВФУ органично вписались в проект «строительства» научных миграционных мостов, а Владивосток стал его неотъемлемой частью - российские и иностранные участники с большим удовольствием ждали встречи на дальневосточной земле. Первая конференция прошла в 2015 году, и вот, спустя три года, ДВФУ вновь принимает Миграционные мосты. Представительство впечатляет – участвуют 10 стран – Россия, Великобритания, Вьетнам, Израиль, Канада, КНР, США, Таиланд, Таджикистан, Япония. К конференции подготовлен сборник научных трудов, который стал результатом плодотворной работы ученых из разных стран и регионов России.

В этом году конференцию организовали три партнера - ДВФУ, МГИМО МИД России и ИСПИ РАН. Конференция проходит в то время, когда Россия ставит перед собой задачи развития Дальнего Востока и его интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион. По-моему, всеми уже осознано, что миграция представляет собой важнейший ресурс демографического и социально-экономического развития Дальнего Востока. Усилия российского государства в настоящее время направлены на привлечение соотечественников и квалифицированных специалистов, сохранение населения на дальневосточных территориях. В этом вопросе требуется постоянная экспертная поддержка, и прекрасно, что конференция становится регулярным научным мероприятием, на котором ученые могут обмениваться идеями, обсуждать новые проекты, взаимодействовать с представителями органов государственной власти.

Хочется поблагодарить руководство и ученых ДФВУ за прекрасную организацию конференции, а также активность, энтузиазм и профессионализм. Желаю и абсолютно уверен в успехе конференции во Владивостоке!

Врио директора Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН

С.В. Рязанцев

Раздел 1
КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ № 17-2-012517

АВДЕЕВ Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия, e-mail: avdyural@mail.ru

MIGRATION POLICY FOR THE RUSSIAN FAR EAST

Yury A. AVDEEV, PhD in Economics, leading researcher of the Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: avdyural@mail.ru

Аннотация. Дальний Восток – территория убывающего населения. Эта тенденция сохраняется на протяжении последних 25 лет, а предпринимаемые меры пока не в состоянии ее переломить. Обсуждаются вопросы миграционной политики для региона – совокупность экономических, социальных, управленческих решений, законодательных актов, которые смогут преодолеть убыль населения, и создать привлекательные условия для притока сюда мигрантов, повлиять существенно на демографическую структуру, что обеспечит динамику простого воспроизводства населения.

Ключевые слова: Дальний Восток, миграционные процессы, демографическая структура населения, стратегия развития территории.

Abstract. Far East-area of declining population. This trend has continued for the past 25 years, and the measures are not yet in a position to reverse. Discusses migration policy for the region is a set of economic, social, managerial decisions, legislation, which will be able to overcome the population decline and create attractive conditions for the inflow of migrants here, impact significantly on the demographic structure that will provide the dynamics of simple reproduction of the population.

Key words: Far East, migratory processes, demographic structure of the population, the territory development strategy.

Российский Дальний Восток – 6,2 млн. кв. км суши и 5 млн. кв. км акватории в экономической зоне России. А осваивает это пространство население численностью в 6,2 млн. человек: на каждого дальневосточника только суши приходится по квадратному километру. По этому показателю ближайшие страны превосходят нас в сотни раз, что становится предметом рассуждений о справедливости владения такой территорией одной страной, и демографическая проблема региона обретает масштаб национальной.

В 2017 г. Правительством утверждена Концепция демографической политики для Дальнего Востока до 2025 года (Концепция) [1], в которой предусматриваются меры по сдерживанию убыли населения и даже небольшой рост численности. Первоначальная идея: вернуть утраченные позиции 1990-х годов прошлого столетия и превзойти численность в 8 млн. человек, в результате острых дискуссий умерилась до 6,5 млн. человек. Концепцией и Планом мероприятий по ее реализации предусматривается, что рост демографического потенциала будет обеспечиваться главным образом за счет естественного воспроизводства, тогда как миграционным процессам в этих документах отводится второстепенная роль.

Целевая установка

Целью демографической политики России на Дальнем Востоке должен стать **опережающий прирост населения по отношению к притоку инвестиций и вновь создаваемым местам приложения труда** за счёт положительного миграционного сальдо и динамики демографических показателей.

Даже самая активная демографическая политика не сможет обеспечить такого прироста в ближайшие 25 лет. Повышение рождаемости, снижение младенческой смертности, при всей важности, не смогут повлияют на прирост трудового потенциала сегодня, тогда как нагрузка на занятую часть населения возрастёт значительно. Даже за счет привлечения населения извне [2], когда местное население продолжает покидать эту территорию, не является решением проблемы. Подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году продемонстрировала это. Бизнес, пришедший извне, привлекал иностранную рабочую силу, тогда как местное население редко оказывалось востребованным. Классическая формула: за капиталом следует рабочая сила, здесь не работала. Не завершив многие объекты, подрядчики ушли, ряд местных компаний на субподряде доведены до банкротства, убыль населения не прекратилась. Эта ситуация не стала предметом анализа, системного подхода к проблеме не сформировалось. Решения, о которых раньше можно было только мечтать: свободный порт, особые экономические зоны, бесплатная земля, налоговые и таможенные преференции, – все то, что должно привлечь инвесторов, при убывающем населении уже сегодня приводит к обратному эффекту.

Остановить отток

Логика диктует выстраивание приоритетов в ином порядке. Задача номер один: прекратить отток местного населения. Решающим фактором может стать свобода и стимулирование предпринимательской деятельности, снижение налоговой нагрузки и тарифных ограничений для постоянных жителей этой территории. С другой стороны, стимулирование интенсивного миграционного прироста может быть обеспечено за счёт введения особого миграционного режима на локальных территориях, например, в пределах Владивостокской агломерации, свободного порта Владивосток, юга Дальнего Востока, всего федерального округа, потом страны в целом. С учетом колоссальной разницы демографических потенциалов Дальнего Востока и окружающих его стран, миграционный поток должен быть канализирован и направлен преимущественно на наращивание социально-инфраструктурного потенциала территории. Индикатором эффективности мер по сдерживанию оттока и стимулированию притока населения могли бы стать дальневосточники, которые уезжали отсюда в последние десятилетия в поисках более масштабных дел, и для кого период адаптации не потребует много времени. Если здесь для ведения бизнеса действительно будут созданы условия, отличающиеся от других регионов страны, первыми будут именно они.

И только на следующем шаге по мере роста численности населения региона за счет стабилизации коренного населения и миграционного притока извне, и соответственно изменений в демографической структуре, в процессах воспроизводств начнутся позитивные сдвиги: рост рождаемости, увеличение доли населения в молодых возрастах, сокращение удельного веса пенсионеров, рост продолжительности жизни и т.д.

Пока же ситуация характеризуется отсутствием системного видения проблемы, и бесконечным набором частных задач, решение которых упирается в ограниченные возможности бюджета. Это утверждение в полной мере относится к региональной миграционной политике, рассогласованности принимаемых решений на практике.

Потенциальные источники прироста населения

Источников пополнения населения Дальнего Востока немного: сокращение оттока местного населения; межрегиональное перераспределения внутри страны; привлечения соотечественников, проживающих за рубежом, и иностранные граждане, которые хотят работать на российском Дальнем Востоке.

Стабилизировать численность можно при условии сдерживания оттока населения, которое покидает северные территории, и перемещаются на юг Дальнего Востока. Это часть программы вахтового освоения северных территорий, при обустройстве их семей в более благоприятных условиях. Но, невостребованными на юге, люди, покидают Дальний Восток.

В 2017 году истек второй пятилетний срок Государственной Программы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Непростое миграционное законодательство, своеобразный подход к управлению миграционными процессами Министерства внутренних дел, общая установка на сдерживание притока мигрантов, становится труднопреодолимым барьером для соотечественников. Ярко это проявилось в отношении беженцев из Донбасса, которые для чиновников – иностранцы. Необходимо исключить из миграционного законодательства все препятствия для ускоренного получения гражданства соотечественниками, и в виде пилотного проекта начать его реализацию на локальных территориях: опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток, а также предоставить им право участвовать в проекте дальневосточный гектар.

Повысить привлекательность региона можно только за счет интенсивного наращивания социально-инфраструктурного потенциала, что требует привлечения рабочей силы. Речь идёт о формировании целевого миграционного потока на определённый срок для реализации конкретных задач. Ускоренное экономическое развитие Дальнего Востока – это не только рабочие места, но и современная социальная инфраструктура. При убывающем демографическом потенциале бизнес-проекты даже в льготных условиях рискуют остаться нереализованными из-за дефицита живого труда. Миграционное законодательство и сложившаяся практика управления миграционными процессами не позволяют и не смогут принимать на порядок больше мигрантов, значит, инфраструктурное обустройство затянется на десятилетия, а пришедшие резиденты по окончании льготного периода уйдут.

Принятые федеральные законы следует дополнить еще одним “Об особом миграционном режиме для территорий опережающего социально-экономического развития”. Поощряя инвестиционную деятельность в регионе, привлекая на территорию капитал, без участия живого труда рассчитывать на результат не приходится, поэтому необходимо на законодательном уровне усилить миграционный приток населения на эту территорию. Более того, перспективным направлением в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона могла бы стать оценка возможностей формирования единого рынка труда стран Северо-Восточной Азии и Российского Дальнего Востока. Вопрос о двойном гражданстве для переселенцев на Дальний Восток может рассматриваться в качестве мотивации. Кроме того, расширение масштабов привлечения рабочих из Корейской Народно-Демократической Республики для реализации инфраструктурных проектов, несмотря на вводимые ограничения и санкции, следует рассматривать шире простого преодоления дефицита рабочих рук. Вовлекая в иную социальную среду десятки и сотни тысяч корейцев, создается возможность иной формы социализации, альтернативного взгляда на жизнь.

Ориентир на долгосрочную перспективу

Нуждается ли Дальний Восток в новых людях, при каких условиях они окажутся здесь востребованными, заинтересовано ли государство, чтобы численность дальневосточников постоянно росла? Пока сохраняется приоритет отраслей добывающей промышленности с невысокой долей добавленной стоимости, даже наличное население оказывается избыточным, “лишним” [3].

В перспективе столетия, с учетом природно-ресурсного потенциала региона, важно понять при каких условиях Россия сможет занять лидирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и эти позиции рассматривать в качестве приоритета, обеспечивая их льготными режимами и соответствующим законодательством. Таких позиций не много: это освоение Мирового океана, освоения космического пространства, и выстраивания интеграционных связей между европейской и азиатской культурами [4]. Это те сферы, где российский авторитет пока остается неоспоримым, потребность в результатах этой деятельности остро испытывают многие страны, а возможности кооперации просматривается на десятилетия вперед.

Реализация такого стратегического замысла будет вызывать доверие потенциальных партнеров, послужит надежным сигналом для понимания наших долговременных намерений, может стать основанием для размещения здесь своих представительств, управленческих структур, прихода сюда надолго. – Все это может лечь в основу декларации “О новой доктрине Азиатско-Тихоокеанского партнерства”.

Выводы

Миграционная политика, как и всякая политика, искусство возможного. Любое действие требует финансирования, а значит ресурсы должны быть сосредоточены на ключевых (стратегических) направлениях. Вряд ли возможно из совокупности частных стратегий сформировать единую стратегию региона. Основные мировые события разворачиваются в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и Дальний Восток является передовой линией такого взаимодействия. Необходимо открывать производства, обеспечивающие российское первенство [5]. Не экспорт природных ресурсов, а использование природно-ресурсного потенциала на обеспечение приоритетных отраслей национального хозяйства и развития интеграционных связей. Современная демографическая ситуация в регионе не простая, здесь недостаточно односложных терапевтических приемов. Сохраняющееся пока население, его демографическая структура не оставляют шансов решить проблему за счет естественного воспроизводства. Это задача федерального уровня, и должны быть точно сформулированы стратегические цели развития региона. Для России Дальний Восток – не обуза, для нее это шанс вернуть себе статус мировой державы, рассматривая восточный вектор развития страны как наиболее перспективный, реализовать который можно только при наличии соответствующего человеческого капитала.

Список литературы и источников

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 “Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года”

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации

3. Галушка А. Отток населения с Дальнего Востока сократился в 4 раза. Информационное агентство Regnum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://regnum.ru/news/society/2165647.html

4. “Российская газета” – Федеральный выпуск № 6662 (91). 29.04.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/gazeta/rg/2015/04/29.html

5. Авдеев Ю.А. Свободный порт Владивосток – за и против. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2017/N02/3_Articles/005_Avdeev.pdf

ЗАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00314)

ВОРОБЬЕВА Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ, профессор кафедры демографии ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: 89166130069@mail.ru

POPULATION OF THE FAR EAST: PAST AND FUTURE

Olga D. VOROBYEVA, Doctor of Economics, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Professor of the Department of Demography of the Higher School of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: 89166130069@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к решению проблем заселения Российского Дальнего Востока, которые использовались в XIX и начале XX века и доказали свою эффективность. Показан опыт разработки стратегии и тактики развития в условиях советского периода. Предложены варианты актуальной миграционной политики с учетом использования современных информационных технологий и реального миграционного потенциала. Обосновывается необходи-

мость сбалансированного по ресурсам и хозяйственным связям пространственного проектирования развития проблемных территорий Дальнего Востока.

Ключевые слова: миграционная политика, переселение на Дальний Восток, миграционный потенциал, информационная среда, дальневосточный гектар, подготовка кадров для аграрного сектора.

Abstract. The article examines the main approaches to solving the problems of settling the Russian Far East, which were used in the 19th and early 20th centuries and proved to be effective. The experience of development of strategy and tactics of development in the conditions of the Soviet period is shown. Options for the current migration policy are proposed, taking into account the use of modern information technologies and real migration potential. The necessity of the spatial planning of the development of problematic territories of the Far East balanced by resources and economic relations is substantiated.

Keywords: migration policy, migration to the Far East, migration potential, information environment, Far East hectare, training of personnel for the agricultural sector.

Российское государство стоит перед проблемой заселения Дальневосточных регионов уже не первый раз. Примерно полтора века назад начался процесс колонизации самых отдаленных и практически незаселенных российскими подданными обширных владений, занимающих огромные территории, отнесенных к дальневосточным окраинам.

Как известно, уже к концу XIX века по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года численность жителей Сибири, куда включались и регионы Дальнего Востока составили 5,8 млн. человек (табл.1) [2].

Таблица 1

Численность и плотность населения Дальнего Востока в 1897году

Губернии	Численность населения, человек			Число жителей на версту
	Мужчин	Женщин	Оба пола	
Амурская	68269	52037	120306	0,30
Приморская	152061	71275	223336	0,13
Сахалинская	20472	7641	28113	0,42

Накануне Первой мировой войны в 1914г. в Сибири и на Дальнем Востоке проживало уже больше 10 млн. человек, из которых 7794 тыс. человек проживали в Сибири и 2207 тыс. –на Дальнем Востоке. Естественно, такой колоссальный общий прирост населения, был результатом реализации переселенческой политики.

Разнообразие природно-климатических условий, ресурсных возможностей, транспортных связей, условий проживания, отдаленность от Центра страны, указывают на необходимость крайне дифференцированно и экономически взвешенно подходить к решению этой проблемы. Изменившиеся, по сравнению с прошлым, условия, связанные с полуторавековым прогрессом в области техники и технологий, не сделали регион более однородным и легко доступным для освоения и заселения. В связи с этим, тот уникальный и достаточно успешный опыт необходимо воспринять, основные подходы позаимствовать, а конкретные меры модернизировать с учетом реальных условий [6].

Какие же основные подходы могут и должны быть использованы?

1. Предварительное, достаточно подробное знакомство переселенцев с условиями быта и возможностями хозяйственной деятельности в районах предполагаемого вселения. Используя современные технологии картографии, моделирования природно-климатических ситуаций, будущие переселенцы могут и должны ознакомиться с макро и микроусловиями жизни в новых для них обстоятельствах. В информационный портфель должны входить не только географические данные, но и социально-экономические и сведения о возможностях ведения собственной предпринимательской деятельности и многое другое, в зависимости от запросов переселенцев [3].

2. Инвестирование средств из государственного бюджета для подготовки участков, выделяемых переселенцам для хозяйственного освоения, включая первоочередное создание необходимой

инженерной и социальной инфраструктуры в местах компактного проживания переселенцев (образовательные, лечебные, конфессиональные и др. учреждения).

3. Учитывая разнообразие и многообразие аспектов, отличающих отдельные регионы друг от друга необходимо подготовить научно обоснованную систему льгот, преференций, освобождения от разного рода повинностей, получение преимуществ и привилегий, по сравнению с жителями уже староосвоенных и обжитых регионов. Размер помощи должен зависеть от территории вселения и конкретной потребности переселенцев [8].

Материальное стимулирование заселения новых районов должно быть дифференцировано по трем направлениям:

а) в зависимости от важности и квалификации труда;

б) в зависимости от значения отрасли народного хозяйства (или вида экономической деятельности);

в) в зависимости от обжитости и трудности освоения территории.

4. Широкое применение ссудной помощи как инструмента переселенческой политики, который стал широко практиковаться уже с 1861 года. Ссуды различного целевого назначения, условий и сроков возврата должны предоставляться как отдельным семьям, так и кооперированным переселенческим организациям на хозяйственное обзаведение.

5. Использование двух различных схем оказания помощи переселенцам. Согласно одной схеме основные меры должны направляться в адрес конкретных переселенцев с целью облегчения их устройства в районах вселения. Согласно другой - во главу угла должна ставиться необходимость подъема хозяйства самого района вселения [5]. Обе они должны дополнять друг друга. В самом общем виде все подходы к переселенческой политике в Сибири и на Дальнем Востоке Российской Империи условно разделяют на концепции, относящиеся, во-первых, к выбору районов выхода переселенцев, во-вторых, к подбору состава переселенцев и, в-третьих, к стимулированию переселений [8]. На первое место справедливо ставились меры, способствующие экономическому освоению региона. Говоря в современных терминах, это означает, что во-первых необходимо определение регионов, обладающих необходимым демографическим потенциалом, во-вторых, подбор состава переселенцев в зависимости от обладания необходимыми навыками и предпринимательскими способностями, и в-третьих, повышение материальной и социальной мотивации переселений [4].

Восточный вектор миграционных потоков сохранялся на протяжении всего советского периода проведения миграционной политики. Объемы переселения можно проследить по данным, как текущей статистики, так и Всесоюзных переписей населения 1926 года и начиная с переписи 1970 по 1989 годы (перерыв в учете миграции населения в переписях населения составил 44 года (с 1926 по 1970 годы) [7].

В 1960-е годы показатели интенсивности миграции городского населения Дальнего Востока были выше, чем в среднем по РСФСР в 1,5 раза. [2]. Два десятилетия с 1970 по 1989 годы, прошедшие между Всесоюзными переписями населения, в которых отражены процессы миграции населения в едином государстве – СССР, свидетельствуют о росте численности новоселов (то есть населения, изменившего место постоянного жительства за последние два года до проведения переписи) в Восточных регионах (табл. 2).

Для Дальнего Востока это выражается в том, что его население с 1920 по 1990 г. возрастало темпами в 3—4 раза более высокими, чем росло население СССР в целом. В результате доля Дальнего Востока в численности населения страны с 0,7 % в 1920-е годы повысилась до 2,3 % в 1980-е годы, а разрыв в показателях плотности населения сократился с 20 до 6 раз [7].

Но за полтора века развития во многом изменились не только объективные условия проживания, занятости и заселения пустеющих Дальневосточных регионов, но и миграционный потенциал населения, изменились профессиональные возможности и потребности населении, запросы и опыт жизнедеятельности. Всё это требует осмысления и развития нового опыта в изменившихся условиях XXI века. Первой и самой важной трансформацией, в условиях высокого уровня урбанизации, и которую необхо-

димо учесть в новых подходах переселенческой политики является отсутствие миграционного потенциала среди аграрного населения. В то же время заселение Дальневосточных регионов предполагает развитие поселений именно сельского типа. Об этом свидетельствует уже хотя бы тот факт, что одним из первых мотивов к переселению был назван «дальневосточный гектар». Для этого необходимо население, если не с опытом ведения хозяйства в сельских условиях, то хотя бы с желанием этот опыт получить. Но такие желания должны быть подкреплены возможностями получения навыков и знаний в области аграрных специальностей и малого и среднего бизнеса, в качестве необходимой инфраструктуры вокруг аграрного сектора. Таким опытом располагают немногочисленные переселенцы из сельской местности, в частности, традиционно сельские жители, прибывшие из других стран. Для переселенцев-горожан должны быть предусмотрены образовательные модули с набором необходимых знаний в области агрономии, животноводства, передовых технологий и умений использования технических средств. Процесс деурбанизации населения также сложен и труден, как и процесс приватизации, но без возвращения горожан к аграрному труду, причем на основе высокоэффективных современных технологий, проблема заселения территорий Дальнего востока не может быть решена. Следовательно, одним из важнейших инструментов переселенческой политики должны стать значительные преференции для переезжающих в сельскую местность с целью осваивать аграрные профессии и вести сельский образ жизни. Разрыв между городскими и сельскими материальными стимулами должен составлять от 1,2 до 2 раз, в зависимости от ранее названных критериев.

Таблица 2

Динамика численности новоселов, проживающих менее 2-х лет на новом месте жительства (по данным переписей 1970,1979,1989 гг.)

Экономические районы	Число новоселов, проживают менее 2-х лет (чел.)			Темпы роста численности новоселов (%)		
	1970	1979	1989	1979 к 1970	1989 к 1979	1989 к 1970
Западно-Сибирский	1012230	1394269	2106776	137,7	151,1	208,1
Восточно-Сибирский	793859	1082251	1204843	136,3	111,3	151,8
Дальневосточный	772983	995367	1170069	128,8	117,6	151,4

Нельзя не учитывать разнообразие природно-климатических и географических условий, в которых располагаются дальневосточные субъекты. В середине XX века успешно использовался экспедиционный метод разработки научно-обоснованных рекомендаций по развитию, хозяйственному освоению и заселению дальневосточных регионов. Известны экспедиции, организованные Институтом экономики Академии наук СССР, результатом которых стали адресные рекомендации и дальнейшие инвестиции в развитие конкретных «точек роста». В современных условиях такого рода исследования могут быть проведены с меньшими трудовыми и материальными затратами, используя возможности имеющихся информационных ресурсов и современного разработанного математического аппарата. Но фрагментарное, не сбалансированное по ресурсам и хозяйственным связям пространственное проектирование развития проблемных территорий Дальнего Востока не позволит вывести этот регион из хронического кризисного состояния и отдельным импульсам развития придать устойчивый характер.

Список литературы и источников

1. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. Госиздат, Москва-Ленинград, 1930

2. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 192с.

3.Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

4.Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия. - М.: Экономический ф-т МГУ, ТЕИС, 2008.

5.Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., Наука, 1990. 170с.

6.Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. Спб., 1908.

7.Топилин А.В., Воробьева О.Д., Максимова А.С., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Территориальные сдвиги в размещении населения РФ и социально-экономическое развитие регионов. – М.: Креативная экономика, 2018. 168 с.

8. Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. Москва-Ленинград, 1926.

ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ГОНЧАРУК Ирина Владимировна, кандидат географических наук, доцент Владивостокского филиала Российской таможенной академии, Владивосток, Россия, e-mail: goncharuk.irina@vfrta.ru

МИНЧЕНКОВА Юлия Олеговна, студент Владивостоксого филиала Российской таможенной академии, Владивосток, Россия

ПОДЛЕСНАЯ Дарья Валентиновна, студент Владивостоксого филиала Российской таможенной академии, Владивосток, Россия

FACTORS AND CONSEQUENCES OF MIGRATORY OUTFLOW OF POPULATION FROM PRIMORSKY REGION

Irina V. GONCHARUK, PhD in Geography, Associate professor of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia, e-mail: goncharuk.irina@vfrta.ru

Jlia O. MINCHENKOVA, student of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia

Darja V. PODLESNAJ, student of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia

Аннотация. Россия последние десятилетия испытывает влияние демографического кризиса. С целью увеличения численности населения применяется регулирование миграционных процессов в федеральных округах страны. Дальневосточный федеральный округ и, в частности, Приморский край за последние несколько лет столкнулись со стремительным оттоком населения. В работе выявлены особенности миграционных процессов в Приморском крае и предложены меры по снижению оттока населения в другие регионы страны.

Ключевые слова: внутренняя миграция, миграционное сальдо, социально-экономические условия жизни, миграционная активность, мотивы миграции, трудовой потенциал.

Abstract. For many years Russia has been facing the demographic crisis which is an serious problem. The regulation of migration processes in different federal districts of the country is applied in order to increase the population The Primorsky Region over the past few years faced the fast outflow of population. Therefore, the goal of the work is to reveal the peculiarities of migration processes in the Primorsky Region to identify problematic issues and study measures to reduce them.

Keywords: internal migration, migration balance, socio-economic conditions of life, migration activity, migration rationale, labor potential

Для Российской Федерации миграция имеет большое значение. В 2017 году население страны составило 146804,4 тыс. постоянных жителей, общий прирост составил 76 тысяч человек. Однако, естественный прирост составил -135,8 тысяч человек. При этом стоит отметить, что миграционный прирост составил 211,8 тысяч человек, т.е. 38, 8 % от общего прироста.

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации обусловлена стабильным сокращением численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемо-

сти. Основной задачей государства является увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, одной из целей является привлечение мигрантов для удовлетворения потербностей демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции [2].

Миграции населения имеют большое значение для многих регионов Российской Федерации. Несмотря на то, что в общественном сознании россиян постепенно закрепляется восприятие Дальнего Востока как одного из наиболее перспективных регионов, обладающих наибольшим потенциалом для социально-экономического развития страны, демографическая ситуация складывается иным образом. Население Приморского края сокращается, прежде всего, за счёт миграционного оттока.

За последние 5 лет миграционное сальдо для Приморского края составило -30,8 тыс. чел. В 2017г. прибыло 75619 человек, а выбыло 81210 человек, что сформировало миграционный отток в размере 5591 человек.

Из других регионов России за 2017 год в Приморский край прибыли 20,8 тыс. человек (на 3,2% больше, чем в 2016 г.), из них на постоянное место жительства 5,8 тыс. человек. Выехало в другие регионы России 25,3 тыс. человек (на 0,4% меньше чем в 2016 г.), из них зарегистрировались на постоянное жительство в этих регионах – 10.2 тыс. человек.

Основные причины смены места жительства, покидающие Приморский край в возрасте 14 лет и старше указывали следующие: личного и семейного характера – 33%, возвращение к прежнему месту жительства после временного отсутствия – 30%, смена и поиск работы – 11%, в связи с учёбой – 8%. Эти же причины были основными и у прибывающих в край (28%, 36%, 17%, 9% соответственно).

Миграция оказывает влияние не только на численность населения края, но и на его качественную структуру (возрастно-половой состав, уровень образования и т.д.). Изучение возрастного состава мигрантов показывает, что самым мобильным неизменно является население в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16-59 лет, женщины – 16-54 года). С 2013 по 2017 годы из Приморья уехали в другие субъекты Российской Федерации 99,1 тыс. человек трудоспособного возраста или 76% от общего числа выбывших межрегиональных мигрантов, а прибыло в край – 78,6 тыс. человек данной возрастной категории (79% всех прибывших из других регионов). То есть за 5 лет численность населения трудоспособного возраста за счет межрегионального оттока уменьшилась на 20,5 тыс. человек.

Наибольшая миграционная активность свойственна населению в возрасте 20-30 лет. Это молодежь, которая получает образование, начинает работать, ищет лучшее место для карьеры, обзаводится семьей.

За последние 5 лет Приморье покинуло 16 тыс. человек - специалистов с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием. За это время в другие регионы России уехали 82 доктора наук и 151 кандидат наук, а прибыло в край, соответственно, 48 и 116 [4]. Отток интеллектуальной элиты негативным образом сказался на качественном составе постоянного населения Приморского края.

Таким образом, из края уезжает наиболее образованное и молодое население, которое могло бы составлять основу демографического подъема.

Существует ряд причин, способствующих оттоку населения из Приморского края, сформированных отставанием в уровне социально-экономического развития региона по сравнению не только с центральными районами страны, но и со средними с Россией в целом (табл.1).

Таблица 1

Динамика ряда социально-экономических показателей
Российской Федерации и Приморского края [3]

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прирост населения, %								
Российская Федерация	-0,4	0,02	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Приморский край	-0,1	-0,6	-0,2	-0,2	-0,4	-0,3	-0,2	-0,3
Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел.								
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	17	18
Приморский край	-51	-35	6	-6	-37	-20	-14	-17
Смертность в трудоспособном возрасте – число умерших на 100000 чел. соответствующего возраста								
Российская Федерация	827,8	634,0	600,9	575,7	560,9	5,6	546,7	525,3
Приморский край	983,8	749,8	718,5	677,2	668,9	655,3	633,3	615,9
Ожидаемая продолжительность жизни, годы								
Российская Федерация	65,4	68,9	69,8	70,2	70,8	70,9	71,4	71,9
Приморский край	62,8	66,6	67,2	68,0	68,1	68,6	69,2	69,6
Средняя месячная номинальная зарплата, тыс.руб.								
Российская Федерация	8,6	20,9	23,4	26,6	29,8	32,5	34,0	36,7
Приморский край	8,9	21,9	24,4	27,4	30,0	32,4	33,8	35,7

Если стабилизация демографических процессов в РФ наблюдается с 2010 г, во многом за счет положительное значения миграционного сальдо, то в Приморье, хоть и наблюдается сокращение миграционного оттока с 2005г., но население продолжает сокращаться.

Смертность населения трудоспособного возраста в Приморье почти на 17% выше, чем по России и почти на два года меньше ожидаемая продолжительность жизни, что характеризует низкий уровень медицинского обслуживания.

Но самое главное – отдаленность и сложность проживания в Приморском крае совсем не компенсируется уровнем заработной платы, которая с 2014 года ниже, чем по России в целом.

Существует ряд причин, способствующих миграционному оттоку населения из Приморского края.

Во-первых, основной причиной для переезда мигранты называют неудовлетворенность уровнем заработной платы. В Дальневосточном Федеральном округе среднемесячная заработная плата выше, чем в Центральном Федеральном округе и по России в целом. Однако, уровень среднемесячной заработной платы в Приморском крае в 2017 г. (38,0 тыс. руб.), примерно равен среднему по России (39,1 тыс. руб.), но ниже, чем в среднем по ДФО (49,0 тыс. руб.).

Во-вторых, в Приморском крае отмечается высокая доля людей с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (11% населения), в Российской Федерации данный уровень составляет 13,4 %. Он неразрывно связан с миграционными процессами в регионе. Чем выше показатели бедности, тем ниже квалификация приезжающих на территорию мигрантов.

Возможные мотивы миграции из Приморского края, представлены в таблице 2. В данном распределении ответов преобладающим мотивом является отсутствие работы с достойным заработком (50 % у молодежи и у зрелого поколения, 36 % у людей среднего возраста), а также респонденты не видят будущего для детей в образовании и трудоустройстве. Наименее заботит население уровень социальной инфраструктуры.

Наибольший уровень мобильности жителей Приморья отмечается среди возрастной группы 26–37 лет, в которой 44,4 % хотят переехать, но не имеют возможности [5].

При выборе потенциальной смены места жительства преобладают центральные районы – Москва и Санкт- Петербург (28,6–41 %), а также рассматривается возможность международной миграции. В качестве приоритетных для проживания стран были названы Китай, Япония, Новая Зеландия, Австралия, Норвегия, США.

При выборе места проживания не было особо выделено особого мотива. Все перечисленные факторы почти в равной мере оказывают существенное влияние при выборе респондентами потенци-

ального места жительства. Наиболее существенными для всех категорий, опрашиваемых являются: наличие работы (комфортные условия); наличие работы (достойный заработок); жилищные условия, наличие доступного жилья.

Таблица 2

Мотивы миграции из Приморского края населения различных возрастных групп [5]

	18–25 лет	26–37 лет	38–55 лет	56 лет и более
Как Вы думаете, по каким мотивам уезжают из Приморского края?				
Нет работы с достойным заработком, %	51,1	35,7	28,6	50,0
Низкое качество жизни, %	17,8	19,0	19,0	0,0
Низкий уровень социальной инфраструктуры, %	6,7	23,8	14,3	0,0
Нет будущего у детей в образовании и трудоустройстве, %	24,4 21,4 38,1 50,0	21,4	38,1	50,0
Какие факторы для Вас являются определяющими при выборе потенциального места жительства?				
Природно-климатические, %	11,6	10,4	11,3	7,8
Наличие работы (комфортные условия), %	12,2	11,2	13,1	11,5
Наличие работы (достойный заработок), %	11,2	12,9	14,1	12,8
Жилищные условия, наличие доступного жилья, %	11,9	12,2	12,9	13,8
Состояние системы здравоохранения, %	10,4	11,3	8,4	9,2
Правовая защита населения, %	10,6	9,7	8,9	11,0
Развитая транспортная инфраструктура, %	10,9	10,3	9,9	11,0
Уровень цен на продукты питания, %	10,6	10,7	11,3	11,9
Уровень цен на ЖКХ и оказываемые коммунальные услуги, %	10,5	11,2	10,2	11,0

Основные проблемы, снижающие развитие трудового потенциала Приморского края, вытекают из особенностей социально-экономического развития региона. В первую очередь население заинтересовано в доступном жилье и стабильном рабочем месте с достойной оплатой труда. Решение данной проблемы не представляется возможным без поддержки правительства и государственных инициатив. Сохранение потенциала рынка труда является одним из приоритетных направлений социального развития ДФО, что было отмечено В. Путиным на Восточном экономическом форуме [4], на котором была поставлена задача восстановить численность населения региона с 6,3 млн чел. до «исторического максимума» – 8,57 млн чел.

Некоторые шаги в этой области уже предприняты, а именно- значительное развитие социальной инфраструктуры, связанное с проведением саммита АТЭС; открытие зоны с особыми режимами налогового, инвестиционного и смежного регулирования «Свободный порт Владивосток»; создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Все эти масштабные инвестиционные проекты должны были обеспечить более 300 тыс. рабочих мест и принести в бюджет края около 500 млрд. руб., но пока о достигнутых результатах говорить рано.

Тем не менее, существует ряд предложений, способных не только существенно сократить отток населения из Приморского края, но и привлечь дополнительные трудовые ресурсы в регион. К таким инициативам относится государственная программа «Содействие занятости населения», разработанная для поддержки мобильности трудовых ресурсов, в которую вошли 15 регионов России, в том числе и Приморский край. Программа предусматривает создание привлекательных условий для работника, желающего переехать в обозначенные регионы (компенсация расходов на переезд, обустройство, обучение и аренду жилья), а также предоставление субсидий работодателям в размере 225 тыс. руб. на одного привлекаемого работника.

Таким образом, следует отметить активную инициативу органов власти в области сокращения миграционного оттока населения и заинтересованность в сохранении и развитии трудового потенциала российского Приморья.

Список литературы и источников

1. Ганифаева С.А. Функции и стадии миграционного процесса // Обсерватория культуры. 2007. № 3. С.98-102.

2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». СПС КонсультантПлюс

3. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

4. Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике населения Дальнего Востока России // Социальная политика и социология. 2017. № 1 (120) С: 45-53.

5. Пестерева Н. М. Миграция населения и мобильность трудовых ресурсов: монография. М.: РУСАЙНС, 2017. 110 с.

ВАХТОВЫЙ МЕТОД НА ТЕРРИТОРИИ АМУРСКОЙ И САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И КАМЧАТСКОГО КРАЯ: СФЕРЫ ПРИЛОЖЕНИЯ ТРУДА

ДЕНИСЕНКО Виктория Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент ВИ-ШРМИ, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

THE SHIFT METHOD ON THE TERRITORY OF THE AMUR, SAKHALIN AND THE KAMCHATKA REGIONS: THE SPHERE OF EMPLOYMENT

Viktoriya A. DENISENKO, PhD in Economics, Associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Аннотация. В работе исследуются особенности вахтового метода как разновидности временной внутрироссийской трудовой миграции. Автором приводятся краткие данные, характеризующие временную внутреннюю трудовую миграцию в субъектах Дальневосточного федерального округа. Кроме того, проведен анализ распределения работников, привлекающихся к работе вахтовым методом организациями Сахалинской области, Амурской области, Камчатского края, по видам экономической деятельности. В работе применены общенаучные методы познания, а также статистические методы. Автором указывается на недопредставленность многих показателей временной внутрироссийской трудовой миграции, в том числе и по вахтовому методу. Подобная ситуация значительно ограничивает возможности анализа, не позволяя оценить масштабы и региональные особенности данного явления. Особо подчеркивается, что миграционный потенциал граждан России, периодически приезжающих в регионы ДВФО для осуществления трудовой деятельности, не может рассматриваться как достаточный для изменения численности населения периферийных территорий.

Ключевые слова: трудовая миграция, межрегиональные трудовые потоки, Дальневосточный федеральный округ, трудонедостаточные регионы, регулирование миграционных процессов, вахтовый метод.

Abstract. The features of the rotational method as a kind of temporary intra-Russian labor migration in the regions of the Far East are investigated. The author provides brief data characterizing temporary internal labor migration in the subjects of the far Eastern Federal district. In addition, the analysis of the distribution of employees involved in the work by shifts organizations of the Sakhalin region, the Amur region, the

Kamchatka territory, by types of economic activity. General scientific methods of cognition and statistical methods are applied in the work. The author points to the underrepresentation of many indicators of temporary domestic labor migration, including the rotational method. This situation significantly limits the possibilities for analysis, preventing an assessment of the scale and regional features of the phenomenon. It is emphasized that the migration potential of Russian citizens who periodically come to the regions of the far Eastern Federal district for work cannot be considered as sufficient to change the population of the peripheral territories.

Keywords: labor migration, interregional labor flows, Far Eastern Federal district, requiring regions, the regulation of migration, shift method.

Эффективное регулирование демографических и миграционных процессов является одной из сложнейших задач, стоящих перед российским государством. В настоящее время федеральный центр активизировал усилия по привлечению внутренних мигрантов в трудонедостаточные регионы, поскольку низкая плотность населения периферийных территорий вследствие естественной и миграционной убыли является угрозой для национальной безопасности России в целом. Для решения данной задачи используются различные методы и инструменты, рассматриваются разнообразные возможности повышения численности населения российского Дальнего Востока за счет внутренних резервов, в том числе за счет временной трудовой миграции.

Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. определяет трудовую миграцию как временную миграцию с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг). Временной миграцией является международная или внутренняя миграция, которая совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства [1].

Одной из разновидностей временной внутренней трудовой миграции является вахтовый метод. Согласно Трудовому кодексу РФ вахтовый метод является особой формой осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания. Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта или реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, а также в целях осуществления иной производственной деятельности [2].

Рассмотрим особенности вахтового метода как разновидности временной внутрироссийской трудовой миграции на территории регионов Дальнего Востока: Амурской области, Сахалинской области, Камчатского края. Следует отметить, что имеющиеся в открытом доступе статистические данные не позволяют подробно охарактеризовать временную внутрироссийскую трудовую миграцию: ее масштабы, направления и региональную специфику[3, 4]. Вследствие этого детальный анализ ситуации в данной сфере по всем регионам ДВФО крайне затруднен.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) численность занятых, работавших за пределами субъекта Российской Федерации, в котором они проживают, в 2017 году составила 2,7 млн. человек, в 2016 г. - 2,6 млн. человек соответственно [5]. Таким образом, наблюдается тенденция к увеличению работающих за пределами региона проживания. Но при этом численность граждан, въезжающих на работу в регионы Дальнего Востока, в 2017 г. не превышала 88,5 тыс. человек. Наиболее высока доля трудовых мигрантов в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Магаданской области; менее всего приезжают для осуществления трудовой деятельности на территорию Еврейской автономной области. Подчеркнём, что указанные данные приведены в целом, без выделения по разновидностям трудовой миграции.

Что касается рассматриваемых субъектов ДВФО, то далее представлены сведения исключительно по вахтовому методу. Данные материалы отсутствуют в открытом доступе, однако могут быть предоставлены по запросу, позволяя выделить основные сферы приложения труда подобных работников.

Таблица 1

Распределение работников, привлекающихся к работе вахтовым методом организациями Сахалинской области, Амурской области, Камчатского края, по видам экономической деятельности (на 4 квартал года)

Вид экономической деятельности	Год			
	2015		2016	
	%	чел.	%	чел.
Все виды экономической деятельности	100	25050	100	26511
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,64	161	0,83	221
Рыболовство, рыбоводство	0,01	3	0	0
Добыча полезных ископаемых	43,46	10887	43,44	11516
Обрабатывающие производства	2,28	570	0,08	22
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,69	172	0,89	237
Строительство	35,96	9007	38,98	10334
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,39	97	0,11	30
Гостиницы и рестораны	1,86	467	2,56	678
Транспорт и связь	5,67	1420	6,97	1847
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,39	1852	5,16	1367
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	0,36	91	0,29	76
Образование	0,08	20	0	0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,34	84	0	0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,87	219	0,69	183

Как показывает таблица 1, наибольшее количество работников, занятых на основе вахтового метода, трудятся в сфере добычи полезных ископаемых. В строительстве из числа “вахтовиков” в 2015 г. было занято 35,96% работников, увеличившись в 4 квартале 2016 г. до 38,98%. Достаточно значителен, несмотря на небольшое снижение, объем занятых в деятельности, связанных с операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг. Скорее всего, данные цифры отражают ситуацию, связанную с функционированием филиалов Газпрома. Кроме того, транспорт и связь как вид экономической деятельности (ВЭД) также привлек существенное число работников.

Подобное распределение ВЭД (относительно добычи полезных ископаемых и строительства) характерно для всех рассматриваемых субъектов ДВФО. Однако в отношении видов экономической деятельности, не являющихся приоритетными для трудовых мигрантов, существуют региональные различия. Так, в Амурской области в 2015 г. отмечался достаточно значимый процент работающих в обрабатывающих производствах, в Сахалинской области также наблюдались занятые вахтовым методом в данной сфере, в то время как для Камчатского края это не было характерно. Кроме того, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство привлекали “вахтовиков” в Камчатском крае и Амурской области. Численность последних крайне незначительна, однако в Сахалинской области они отсутствуют как таковые.

Обращает на себя внимание присутствие среди перечня ВЭД категории “Гостиницы и рестораны”. Организации, чья деятельность относится к этой сфере, привлекают работников для работы на территории Сахалинской области. Возможно, подобная ситуация связана с необходимостью обеспечения функционирования инфраструктуры нефтегазовых проектов. Однако уже в 2016 г. численность занятых вахтовым методом в данной сфере существенно уменьшилась.

Сахалинская область также выделяется привлечением в 2015 г. “вахтовиков” в сферы здравоохранения и образования. В целом, несмотря на некоторые отличия, как уже указывалось, наибольшее количество занятых вахтовым методом наблюдается в сферах добычи полезных ископаемых (Амурская область характеризуется наиболее значительной численностью работников), строительства (лидер по-прежнему Амурская область), транспорта и связи (Амурская область), а также связанных с операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (по данным 2016 г. лидирует Сахалинская область).

Таблица 2

Численность работников, привлекающихся организациями Сахалинской области, Амурской области, Камчатского края к работе вахтовым методом в 4 квартале 2016 г. в разрезе основных видов экономической деятельности (в процентах от общей численности работников соответствующего вида деятельности)

Вид экономической деятельности	Субъект ДВФО		
	Камчатский край	Амурская область	Сахалинская область
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0	100	0
Добыча полезных ископаемых	12,76	63,06	24,18
Обрабатывающие производства	0	50	50
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	72,15	27,85	0
Строительство	13,76	70,83	15,41
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0	0	100
Гостиницы и рестораны	0	0	100
Транспорт и связь	6,33	53,55	40,12
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	11,12	34,24	54,65
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	0	0	100
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0	0	100

Что касается 2017 г., то добыча полезных ископаемых и строительство по-прежнему лидируют среди видов экономической деятельности, привлекающих “вахтовиков” в субъекты ДВФО (до 51,92% и 32,21% соответственно).

Таким образом, направленность регионального хозяйства дальневосточных субъектов на добывающие производства определила приоритетность сферы добычи полезных ископаемых для работников, занятых на основе вахтового метода, на территории Амурской, Сахалинской областей и Камчатского края. Вместе с тем, недопредставленность многих показателей временной внутрироссийской трудовой миграции, в том числе и по вахтовому методу, не позволяет детально проанализировать структуру занятого населения, работающего за пределами своего субъекта, оценить масштабы и региональные особенности данного явления. Однако даже имеющиеся в открытом доступе показатели позволяют констатировать, что трудовые миграционные потоки в дальневосточные регионы не являются достаточно существенными для влияния на региональное хозяйство данных территорий. Вследствие этого миграционный потенциал граждан России, периодически приезжающих в регионы ДВФО для осуществления трудовой деятельности, не может рассматриваться как достаточный для изменения численности населения периферийных территорий.

Список литературы и источников

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
3. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // Регион: Экономика и социология. 2017. № 4. С. 101-125.
4. Мкртчян Н. В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149-164.
5. О межрегиональной трудовой миграции в 2017 году / Росстат. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2017.pdf

ФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ЗУБКОВ Владимир Владимирович, доцент кафедры публичного и частного права Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Хабаровск, Россия, e-mail: zubkovvv89@mail.ru

FORMATION OF THE MIGRATION POTENTIAL OF THE YOUTH OF KHABAROVSK TERRITORY: SOCIOLOGICAL APPROACH

Vladimir V. ZUBKOV, Associate Professor of the Public and Private Law Department of the Far Eastern Institute of Management, Branch of the Russian State Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia, e-mail: zubkovvv89@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ миграционных перемещений молодежи Хабаровского края, определен круг проблем, которые выступают детерминантами миграционных настроений и установок молодежи. Проведен анализ ситуации в регионе, а также обозначены меры органов государственной власти края по закреплению и привлечению молодежи в регион.

Ключевые слова: миграционный потенциал, миграция молодежи, миграционный прирост, причины миграции, миграционные настроения, миграционные установки, молодежная политика.

Abstract. The article presents an analysis of migratory movements of youth in the Khabarovsk Territory. The determinants of the migratory moods and attitudes of the youth are determined. The situation in the region is analyzed. The measures for attracting of the youth to the region are indicated.

Keywords: migration potential, migration of the youth, migration growth, reasons for migration, migration attitudes, youth policy.

Среди многочисленных факторов, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое развитие страны (отдельного макрорегиона), особую роль играют демографические процессы, которые формируют экономический (трудовой), интеллектуальный (образовательный) и социально-экономический потенциал территории. Необходимым условием для его роста является создание условий для формирования постоянного населения с устойчивой положительной динамикой, обеспечивающей позитивную возрастную структуру населения, необходимую для поддержания и роста социально-экономического развития. Следовательно, важнейшим ресурсом развития любого общества является молодежь, которая оказывает влияние не только на трудовой потенциал региона в настоящем, но и формирует его интеллектуальный потенциал в будущем, а также определяет его демографические параметры (половозрастные характеристики, воспроизводство населения). Анализ состояния молодежи, как большой социальной группы, во многом определяет образ будущего данного общества.

Молодежь Хабаровского края на сегодня представляет существенный потенциал его развития. Численность молодежи в Хабаровском крае (по состоянию на 01.01.2017) в возрасте от 14 до 30 лет составляет 319 тыс. человек, или 24 % всего населения края и 40% трудоспособного населения. Городская молодежь составляет 82%, сельская – 18%. Более 116 тыс. человек (36,5%) обучаются в образовательных организациях, 202 тыс. молодых людей (63,5%) заняты в социальной сфере и различных отраслях экономики края.

Вместе с тем, данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому ав-

тономному округу [1] свидетельствуют о том, что численность населения региона ежегодно сокращается: с 1624,4 тыс. человек в 1992 году до 1328,3 тыс. человек в 2018 году. За период 2012 – 2017 гг. миграционный прирост населения стабильно отрицательный и варьируется от 500 до 5000 жителей (табл. 1), что свидетельствует о превышении доли «покинувших» регион над количеством «прибывших» в Хабаровский край. Оперативные данные о численности региона за январь – март 2018 г. также свидетельствуют о наличии указанной тенденции – миграционный прирост отрицательный и составил -742 человека.

Таблица 1

Миграционный прирост населения Хабаровского края в 2012 – 2017 гг.

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Миграционный прирост, чел.	-531	-2975	-2535	-4927	-1586	-3690

Вместе с тем, в общий показатель учета миграционных перемещений, входят мигранты, которые совершают перемещения внутри региона, следовательно, остаются в крае. Для нас представляют больший научный интерес, с точки зрения объяснения причин миграции, именно мигранты, которые покинули территорию края и выбыли либо в другие регионы, либо за пределы России (табл. 2).

Таблица 2

Динамика количества выбывших в Хабаровском крае в 2012 – 2017 гг.

Годы	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Число выбывших, чел.	52849	60231	58382	59448	58633	59153
в том числе:						
внутри региона	24957	26621	25382	24266	23739	23111
в другие регионы	25017	27268	27445	27213	26303	25670
за пределы России	2875	6342	5555	7969	8591	10372

При этом самые высокие показатели характерны для возрастной группа 20 – 29 лет, на долю которой приходится около 30% в удельном весе в общей численности мигрантов. Следовательно, ежегодно высокой миграционной подвижностью обладает трудоспособная часть населения, столь необходимая для социально-экономического развития Хабаровского края.

При сохраняющихся социально-экономических условиях жизнедеятельности в Хабаровском крае можно ожидать, что миграционная активность молодежи будет только увеличиваться, сокращая воспроизводственные, интеллектуальные и трудовые ресурсы развития региона. Сегодня серьезной проблемой сохранения и развития дальневосточных территорий (а особенно сельских районов) является закрепление и привлечение на них населения, особенно молодежи [2].

Анализ результатов исследования [3] показал, что только 46,2% молодых респондентов собираются постоянно жить и работать в районах своего проживания на территории Хабаровского края. Наряду с этим молодежь в возрасте 17 лет в меньшей степени, нежели остальные возрастные группы планирует остаться в районе своего проживания, хотя отличие этих показателей и незначительное. Следует отметить, что суммарный показатель ответов респондентов, желающих остаться жить и работать в районе своего проживания, снизился по сравнению с результатами опросов прошлых лет. В 2005, 2007 гг. количество молодых граждан, связывающих свою дальнейшую жизнь с местом проживания, составляло около 60% от общего числа опрошенных, в 2017 году – около 45% молодежи (табл. 3).

Также необходимо отметить, что около 47% респондентов не связывают свои дальнейшие планы с территорией Хабаровского края (в 2005 – 27%, 2007 – 32% опрошенных). Очевидно, что данный показатель ежегодно растет, что свидетельствует о росте миграционного потенциала молодежи.

Анализ ответов молодежи показал, что причины, по которым молодые люди не планируют оставаться в районе своего проживания, кроются в объективных условиях социально-экономического развития территории, среди которых: низкий уровень заработной платы (45,0%), трудность найти

подходящую работу (43,8%), природно-климатические условия (34,3%), неудовлетворенность материальным положением (33,1%), отсутствием собственного жилья (25,3%) и др.

Таблица 3

Результаты ответа молодежи на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы постоянно жить и работать в районе Вашего проживания на территории Хабаровского края?»
(в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответа	2005	2007	2017
1. Да, обязательно	24,2	19,7	16,8
2. Скорее всего, да	38,9	40,6	29,4
3. Скорее всего, нет	19,8	23,0	21,0
4. Нет, однозначно	7,4	9,1	15,9
5. Затрудняюсь ответить	9,7	7,4	16,9

Результаты опросов прошлых лет [3] также подтверждают, что только при решении указанных выше проблем молодежь готова остаться в регионе своего проживания (табл. 4).

Таблица 4

Результаты ответа молодежи на вопрос анкеты: «При каких условиях Вы бы остались жить и работать в районе Вашего проживания?»
(в процентах от числа молодежи, не желающей оставаться в районе проживания)

Варианты ответа	2005	2007
1. При обеспечении собственным жильем	24,6	26,7
2. При решении вопроса занятости	9,3	7,9
3. При обеспечении достойной заработной платы	54,9	38,8
4. При развитии социальной инфраструктуры	19,5	26,9
5. При развитии системы досуга	10,8	5,1
6. Другое	6,3	8,8

Также стоит отметить, что молодежь Хабаровского края достаточно прагматична в своих оценках приоритетных направлений молодежной политики региона. Прежде всего, респондентами отмечены: решение жилищной проблемы (54,5%), решение вопросов занятости и безработицы (50,8%), поддержка молодой семьи (45,6%).

Около четверти респондентов также среди приоритетных направлений молодежной политики выделяют: развитие системы отдыха и досуга (29,7), поддержка талантливой и одаренной молодежи (27,2%), решение проблем с преступностью (25,7%), развитие системы массового спорта (25,7%).

В связи с чем, можно сделать вывод о том, что молодежь низко оценивает возможности региона по удовлетворению своих основных жизненных притязаний и, соответственно, не связывает свою дальнейшую жизненную стратегию закрепления, трудоустройства и создания семьи с Хабаровским краем, а отсюда и высокий потенциал миграционной активности у молодежи региона.

Если рассмотреть миграционные установки в пространственно-территориальном аспекте [3, 4], то необходимо отметить, что наибольшее количество потенциальных мигрантов (20,1%) собираются переехать в гг. Москва и Санкт-Петербург. Примерно такое же количество респондентов (около 25%) также планируют переехать в города и районы центральных регионов России. По сравнению с результатами опросов прошлых лет (2005, 2007 гг.) миграционные настроения значительно не изменились: около 20% опрошенных также рассматривают местом своего дальнейшего проживания гг. Москва и Санкт-Петербург, а также центральные регионы России.

Желание уехать из России изъявил каждый десятый опрошенный. Наибольшей популярностью у представителей данной группы пользуются Соединенные Штаты Америки. Подавляющее большинство молодежи выказало свое желание проживать на территории данного государства в случае эмиграции из России. На втором месте также англоговорящие государства, такие как Великобри-

тания, Австралия, Канада. На третьем месте по популярности стоят европейские государства, среди которых отмечены: Германия, Испания, Италия и Греция. Географическое положение Дальнего Востока России не могло не сказаться на миграционных предпочтениях молодежи в отношении близкого восточного направления: Китайская народная республика, Республика Корея, Япония.

Таким образом, оценка молодежью возможностей удовлетворения своих потребностей в комфортной жизни и работе выступает индикатором ее удовлетворенности жизнью в регионе, а, следовательно, и ее миграционным потенциалом. Исходя из полученных результатов, при сохраняющихся социально-экономических условиях, следует сделать прогноз, что потенциал миграционной активности молодежи будет только нарастать.

В сложившихся условиях особую актуальность приобретают не только разработка механизмов закрепления молодых специалистов в регионе, но и привлечение на территорию Хабаровского края молодых граждан.

Очевидно, что без создания главных основ жизнедеятельности человека (жилье, работа, достойное материальное вознаграждение), удержать или привлечь молодежь в регион представляется проблематичным. В основу создания благоприятных для молодежи социальных условий жизнедеятельности также должна быть положена политика региональных органов государственной власти, включающая в себя меры по: развитию учреждений досуга и культуры, росту числа дошкольных и общеобразовательных учреждений, а также развитию социальной инфраструктуры и т.д.

В Хабаровском крае система государственной молодежной политики сформирована одной из первых в Российской Федерации.

В 1999 году принят Закон Хабаровского края № 175 «Об основах молодежной политики в Хабаровском крае». Ключевыми документами, устанавливающими долгосрочные приоритеты государственной молодежной политики в Хабаровском крае, являются Закон Хабаровского края от 30 сентября 2015 года № 117 «О молодежи и молодежной политике в Хабаровском крае», а также «Концепция государственной молодежной политики Хабаровского края на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Хабаровского края от 31 августа 2015 года № 578-рп.

С целью дальнейшего совершенствования молодежной политики в крае принята государственная программа Хабаровского края «Развитие молодежной политики в Хабаровском крае», утвержденная Постановлением Правительства Хабаровского края от 05 декабря 2016 года № 445-пр.

Комитетом по молодежной политике Правительства Хабаровского края ведется работа по широкому спектру направлений: поддержка молодежи в сфере труда и занятости, здравоохранения, физической культуры и спорта, в сфере образования и науки, молодежного предпринимательства, молодежной добровольческой деятельности в крае, поддержка социальных инициатив и предложений молодежи.

Однако, считаем необходимым развивать в Хабаровском крае практику реализации государственной программы «Обеспечение жильем молодых семей Хабаровского края». Реализация указанной программы позволит не только закрепить «собственную» молодежь на местах, а также благодаря эффективной информационной политике привлечь в регион молодых специалистов.

Вместе с тем, целесообразно усилить взаимодействие с вузами региона через различные инструменты (дорожные карты, программы, проектный офис) по формированию интеллектуального (образовательного) потенциала молодежи под потребности экономики и социальной сферы края по конкретным специальностям (направлениям) подготовки.

Особенно важным становится преодоление разрыва между властью и населением, особенно молодежью, что может быть достигнуто через расширение каналов связи. На первый план сегодня выходит активная работа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», различных социальных сетях и «пабликах», которые выступают основным источником получения информации у молодежи. Задача органов власти, формирующих региональную информационную повестку, заключается в привлечении средств массовой информации, имеющих наибольшую популярность среди мо-

лодежи, к освещению деятельности Правительства края, а также вовлечение органов власти в активную работу с ними.

Таким образом, проведенный анализ «обнажил» ряд серьезных проблем в сфере миграционных настроений молодежи Хабаровского края. Решение этой проблемы – задача актуальная и крайне важная, решение которой носит долговременный характер.

Список литературы и источников

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://habstat.gks.ru

2. Зубков В.В. Детерминанты миграционных представлений студенческой молодежи региона // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 198 – 206

3. Мониторинговое исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы», проведенное в 2005, 2007, 2017 гг.

4. Социологическое исследование «Миграционный потенциал и механизмы закрепления молодых специалистов в регионе», проведенное в 11 ведущих вузах Хабаровского и Камчатского краев, Еврейской автономной области в октябре – ноябре 2012 г.

ДЕМОГРАФИЯ И ОНТОЛОГИЯ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович, магистрант Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ivanoffdv@mail.ru

DEMOGRAPHICS AND ONTOLOGY OF LIFE IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Dmitriy V. IVANOV, Master student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivanoffdv@mail.ru

Аннотация. Современное развитие Дальнего Востока России зависит от множества факторов и, как считается, ключевым является демографический потенциал этих территорий. В статье сделана попытка перевести акцент с количественной составляющей этой проблемы на улучшение качественных характеристик жизни населения региона, что по мнению автора, станет решающим фактором, в том числе и для привлечения человеческого ресурса.

Ключевые слова: численность населения, качество жизни, деловая активность.

Abstract. The modern development of the Far East depends on various factors, where the demographic potential of the territories is considered to be the key. The article attempts to shift the emphasis from the quantitative component of the problem to the improvement of the qualitative characteristics of the population of the region. This, according to the author, will be a decisive factor, including in attracting human resources.

Keywords: population size, quality of life, business activity.

Существует устойчивое мнение, что основным препятствием в развитии российского Дальнего Востока является низкая плотность его заселенности. Решение данной задачи становиться актуальным для государства с начала присоединения этих земель к России и в обозримом будущем не видно действенных способов её решения. Возможно, это связано со “стереотипами во взглядах” на такую проблематику. Так сложилось, что у власти не было “детальной стратегической программы” освоения этих территорий, а принимаемые решения преимущественно использовали «количествен-

ную» тактику, то есть чем больше людей отправлялись на Дальний Восток, тем большее количество должно было там остаться. По нашему мнению, эта логика не работала раньше и вряд ли будет эффективна сейчас. Успешной попыткой можно считать программу Петра Алексеевича Столыпина, благодаря которой “из четырех миллионов новых переселенцев … более трех миллионов обосновались в … центральной полосе Сибири, около полумиллиона - на Дальнем Востоке (Приморье и Приамурье), около 100 тысяч в Туркестане. Их размещением и обустройством занималось Переселенческое управление, бюджет которого достигал в 1914 году – 30 миллионов рублей (в 1894 – менее 1 миллиона)” [1]. Это сработало только потому, что в тот период существовало “демографическое давление со стороны Китая” [2]. По данным переписи 1897 года весь человеческий потенциал Дальнего востока составлял 367тысяч человек, а на 1926 год, численность населения увеличилась в 4 раза до 1,6 миллиона жителей [2]. В 1930-х поток вынужденных переселенцев принимал ГУЛАГ, а на 1939год, население составляло уже 3 миллиона человек [2]. То есть можно констатировать двукратный прирост населения в период с 1926-39гг., однако, Великая Отечественная война кардинально поменяла ход развития событий.

В послевоенное время, благодаря введению всевозможных льгот, численность населения Дальнего Востока к 1953 году превысила довоенные показатели. По всесоюзной переписи населения 1959г. число жителей Дальнего Востока составляло 4,8 миллиона. К1970 г. население достигло цифры в 5.8 миллиона, к 1979г. – 6,8 миллиона, а к 1985г. – 7,5 миллиона жителей, в то же время среднемесячная заработная плата с коэффициентами и надбавками была выше, чем в центральных районах страны в 1,5 раза [2]. Только благодаря такому соотношению в оплате труда, существовала возможность привлечь трудовые ресурсы для развития региона. Но все “плюсы” высоких доходов нивелировались отсутствием элементарных условий для жизни, то есть квартир, бытовых товаров и услуг. Ещё более проблемная ситуация сложилась в сельскохозяйственной отрасли, где заработки были невысоки, а нехватка товаров, жилья, детских садов, школ была просто катастрофической.

Можно резюмировать, что государство всячески давая заработать на Дальнем Востоке, не позаботилось о том, чтобы полученные средства можно было тратить тут же. К тому же суровые климатические условия, близость “враждебных государств” в виде милитаристской Японии и “Китая, времен культурной революции”, создавали крайне неблагоприятную атмосферу для проживания на Дальнем Востоке и народ, заработав “длинный рубль” уезжал.

В наше время, отсутствие высоких заработков на производстве связано с неспособностью региональных компаний, например, в судостроении, конкурировать с зарубежными производителями. Сложившаяся ситуация в рыбной отрасли, которая всегда считалась стабильным драйвером роста экономики региона, теперь перестала привлекать людей из-за тотального “старения флота” и, как следствие, повышенной его аварийности. Региональные сельхоз предприятия не могут конкурировать с гигантскими агрохолдингами центральных и южных регионов России по качеству продукции, а с китайскими овощами и фруктами, по цене.

В тоже время наблюдается рост предложений в секторе услуг и среди программ жилищного строительства. Широко рекламируется программа “дальневосточного гектара”, возможных преференций для бизнеса на Территориях опережающего развития (ТОР) и “Свободного порта Владивосток” (СПВ), а Министерство Развития Дальнего Востока рапортует о высоких показателях во всех сферах своей деятельности[3]. Напрашивается решение о необходимости вернуть льготы, коэффициенты и надбавки, однако, по нашему мнению, этого недостаточно, чтобы удержать местное население от “вынашивания планов” покинуть регион при первой возможности.

Как раньше, так и теперь, для дальневосточников есть несколько ключевых факторов, влияющих на отношение к жизни в регионе. Условно их можно разделить на три группы.

К первой, отнести “факторы (не)комфорта” то есть климатические условия и связанный с этим комплекс проблем проживания и ведения хозяйственной деятельности на этих территориях; высокие цены, в том числе на коммунальные услуги невысокого качества; сложность ведения фермерской деятельности.

Ко второй группе можно отнести “факторы деловой (не)активности”. Минимальное количество крупных производств, включенных в межрегиональные или международные цепочки кооперации. Отсюда, отсутствие возможности получения стабильных сторонних заказов для небольших компаний или частных предпринимателей и, как следствие, бесперспективность создания производственного либо обслуживающего ту или иную отрасль, малого бизнеса.

К третьей группе, “фактор (не)престижности”, то есть полное отсутствие перспектив на получение преференций перед жителями других субъектов РФ, как то: низкий уровень фактической заработной платы, отсутствие повышающих коэффициентов и льгот при выходе на пенсию, отсутствие социального жилья и другие бытовые вопросы, которые прямо или косвенно влияют на качество и продолжительность жизни.

Весь комплекс проблем делает пребывания на Дальнем Востоке некомфортным и поэтому часть населения ищет возможности переехать в другой регион, например, в Крым, к которому сейчас особое внимание.

Наши предложения являются попыткой изменить ситуацию не в пресловутой “демографии”, а в “онтологии” жизни тех, кто уже на Дальнем Востоке.

Вынесенные на обсуждение тезисы объединены в три группы, и их целью является улучшение восприятия жизни рядовыми дальневосточниками, начинающими индивидуальными предпринимателями и “самозанятыми гражданами”.

Во-первых, не имея возможности повлиять на климат, мы рекомендуем распространить 50% дотацию на централизованное отопление, горячее и холодное водоснабжение, что повлечет за собой экономию семейного бюджета на 10 – 50%, в зависимости от совокупного дохода её членов. Особенно полезной эта мера будет для тех, чей доход не превышает 100000 рублей в месяц, на семью из трех человек и более. Если же это “молодая семья” или случай ипотечного кредитования, то эффективность такой меры возрастет многократно и может запустить “фактор комфорта”.

Предлагаем не облагать налогом некоторые виды фермерской и сельхоз деятельности (например, круглогодичное тепличное овощеводство, пчеловодство, выращивание картофеля, ягод, разведение пресноводной и морской рыбы, креветок, моллюсков и др.), тем самым исключить возможность ввоза посредниками более дешевой продукции иностранных производителей. Особых условий достойны хозяйства, создаваемые на “дальневосточном гектаре”: это включит “фактор деловой активности”.

Во-вторых, проектам малого предпринимательства с инвестициями в собственное развитие не менее 500000 рублей в течении первых 2-х лет, дать преференции, аналогичные имеющимся у ТОР и СПВ. Это увеличит “видимый сектор самозанятых”, а так же будет способствовать развитию предпринимательства в широких сферах деятельности, напрямую повлияет на “деловую активность” населения.

Стоит отменить транспортный налог для дальневосточников, что отразится на благосостоянии, а значит и на росте позитивного восприятия действительности, то есть заработает “фактор престижа”. При больших расстояниях между крупными городами региона и дорогах низкого качества, сэкономленные средства могут быть использованы на ремонт того же автомобиля, как необходимого средства передвижения. Особенно положительно эта мера отразиться на жителях небольших городов и сел, где наличие собственного автотранспорта крайне необходимо.

В третьей группе, меры по введению повышающего коэффициента к заработной плате для лиц, проработавших в сфере производства и заплативших налоги в регионе от пяти лет и более. Предлагаем добавлять от 5 до 10%, за каждую последующую пятилетку, к проиндексированной заработной плате после вычета налогов, в Южных районах Дальнего Востока и от10 до 15%, в Северных. Дополнительно стоит подумать о собственной региональной программе регулирования пенсионного возраста и любой другой активности в этой сфере.

Предлагаем обязать отработать не менее трех лет на Дальнем Востоке всех выпускников Институтов и Университетов региона, обучавшихся за счет федерального бюджета. Возможно, стоит

заменить всем желающим, военную службу по призыву трёхлетней отработкой в нашем регионе, предоставив им бесплатный проезд к месту работы и обеспечив социальным жильём.

Бесспорно, наши предложения требуют детальных расчетов, они приведут к затратам бюджетов всех уровней, однако идея такого подхода со стороны государства может повлиять на желание его граждан даже временно переехать в дальневосточные регионы, что на наш взгляд, более предпочтительно, по сравнению с привлечением иностранных мигрантов. Мы так же предполагаем, что пока "отдаленными" регионами управляют люди, не связывающие своего будущего с этими территориями, никаких предпосылок для принятия ими мотивированных или "прорывных" решений, не существует.

Меры по закреплению населения региона должны лежать в плоскости улучшение качества жизни тех, кто живет и работает на Дальнем Востоке, а их применение необходимо расширять, так как адаптация приезжающих из других государств не детерминирована. Кстати, именно об улучшении качества жизни в своей "инаугурационной речи" сказал президент Российской Федерации Владимир Путин.

Список литературы и источников

1. Столыпин – политика по переселению крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Русская историческая библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rushist.com/index.php/russia/3291-stolypin-politika-po-pereseleniyu-krestyan-v-sibir-i-na-dalnij-vostok

2. Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 120 – 128

3. Развитие Дальнего Востока: итоги 2017 года. Сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/14650/

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 17-06-00565 и РФФИ ОГН 17-22-011001 а/м

ГРИШАНОВА Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: gralexandra1949@gmail.com

КОЖЕВНИКОВА Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: dema1@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE ENSURING OF LABOR RESOURCES FOR THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS

Alexandra G. GRISHANOVA, PhD in Economics, leading researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: gralexandra1949@gmail.com

Natalia I. KOZHEVNIKOVA, PhD in Economics, leading researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: dema1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграционных процессов на территории Дальневосточного федерального округа и специфика его возрастной структуры. Рассмотрены особенности миграционных балансов лиц трудоспособного возраста за период 2010-2016гг. на уровне входящих в него субъектов РФ. В настоящее время до сих пор еще не сложилось общей точки зрения на необходимость и целесообразность привлечения трудовых мигрантов из-за рубежа ни на национальном, ни на региональном, ни на локальном уровнях. Дальний Восток в этом отношении не является исключением, несмотря на его сопредельность к государственной границе к Китаю с его многомиллионным демографическим потенциалом.

Ключевые слова: Дальний Восток, миграционные процессы, возрастно-половая структура, трудоспособное население.

Abstract. The peculiarities of migration processes on the territory of the Far Eastern Federal District and the specifics of its age structure are considered. Features of migratory balances of persons of working age for the period 2010-2016 are shown at the level of its constituent entities. At present time, there is still no common point of view on the necessity and expediency of attracting labor migrants from abroad either at the national, regional or local levels. The Far East regions in this respect is no exception, even despite its contiguity to the state border to China with its multi-million dollar demographic potential.

Keywords: Far East, migration processes. age and sex structure, persons of working age.

Общеизвестно, что с переходом к рыночным отношениям снижение численности населения и старение трудоспособного населения на фоне фрагментарности введения инноваций и модернизации производственной сферы для преодоления кризисных явлений в экономике, обусловили нехватку рабочей силы.

По сравнению с численностью населения приграничных китайских провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия, в которых численность населения возрастает довольно быстрыми темпами, численность населения всех регионов ДФО в постсоветский период значимо уменьшилась.

Доля лиц трудоспособного возраста в ДФО на начало 2017г. была больше доли лиц трудоспособного возраста в среднем по Российской Федерации: она составляла 58,4%, тогда как в стране в целом 56,7%. С одной стороны, следует отметить, что такая ситуация не нова, поскольку в восточных регионах страны возрастная структура была более благоприятной в последние три четверти века. Для Дальневосточного федерального округа такая ситуация очень важна. Ведь в абсолютном исчислении численность населения трудоспособного возраста в Дальневосточном федеральном округе на начало 2017г. была 3612,2 тысяч человек, в то время как в стране в целом – 83685,1 тыс. человек. Поэтому если в численности населения нашей страны Дальневосточный федеральный округ составляет 4,2%, то в отношении доли сконцентрированного в нем населения трудоспособного возраста картина, хотя бы не намного, но более благоприятна – ведь эта доля составляет 4,3%.

Общеизвестно, что миграция населения влияет на возрастно-половую структуру населения как мест исхода мигрантов, так и мест их вселения и что среди мигрантов, доля лиц трудоспособного возраста всегда несколько выше, чем во всем населении. В связи с этим интересно рассмотреть долю лиц трудоспособного возраста в сальдо миграции как в целом по Дальневосточному федеральному округу, так и по отдельным субъектам РФ, в него входящим, особенно – по отдельным годам.

Поскольку показатель совокупного миграционного сальдо за предшествующие 2010-2016гг. для Дальневосточного округа в целом, так и для всех входящих в его состав субъектов РФ имеет от-

рицательное значение, постараемся конкретно разобраться в обмене с какими миграционными партнерами субъекты Дальневосточного федерального округа несут потери?

Начнем с миграционного сальдо во внутрироссийской миграции. К сожалению, для внутрироссийских миграций во всех субъектах Дальневосточного федерального округа характерен отрицательный баланс. Если в целом по Дальневосточному федеральному округу отрицательный баланс сначала с 2010г. по 2013г. нарастал, то затем –начал снижаться, достигнув в 2016г минимума за весь период. В то время как в разрезе отдельных субъектов РФ наибольший урон внутрироссийская миграция нанесла Республике Саха (Якутия), а также Приморскому и Хабаровскому краям. Эти три дальневосточных субъекта РФ представили в миграционной убыли с российскими регионами Дальневосточного федерального округа 54,2% всех потерь. Если же рассмотреть миграционный баланс Дальневосточного федерального округа с зарубежными странами в целом, то здесь картина относительно благоприятна. И в целом за период, и по отдельным годам по всем дальневосточным субъектам РФ (за исключением Хабаровского края в 2013г., когда он понес потери в 337 человек) миграционное сальдо положительно. И в отношении данного типа - межгосударственной миграции, вышеупомянутые Приморский и Хабаровский края, по сравнению с внутригосударственной миграцией, уже, наоборот, внесли положительный вклад, который составил более половины всего положительного сальдо по Дальневосточному федеральному округу в целом (52,0%).

Аналогичная позитивная картина наблюдается в отношении миграционного обмена во всех дальневосточных субъектах РФ со странами СНГ и Балтии (исключение - Амурская область, которая в этом обмене в 2010г. потеряла 12 человек). Что же касается картины миграционных взаимосвязей со странами старого зарубежья, то здесь в целом для ДФО и за период, и по отдельным годам (за исключением 2013г., когда была зафиксирована миграционная убыль в 1121 человек), наблюдался миграционный прирост. В то время как в разрезе отдельных субъектов миграционный баланс повсеместно варьировался.

Наибольший интерес представляют данные о миграционном приросте населения Дальнего Востока в трудоспособном возрасте. Здесь общая картина, к сожалению, негативная, поскольку и за весь период в целом, и по отдельным годам, в ДФО за счет миграционного обмена наблюдается стабильная убыль численности лиц в трудоспособном возрасте. Особенно велики потери для Республики Саха (Якутия): 38,2% от совокупных потерь всего ДФО. И именно здесь потери лиц трудоспособного населения для Дальневосточного федерального округа не просто наиболее пагубны, но непоправимы, поскольку в настоящее время, имеющийся естественный прирост формируется фактически исключительно только на территории данной республики, что еще больше сужает базу для естественного воспроизводства дальневосточного населения на ближайшую перспективу. А если рассмотреть миграционные потери лиц трудоспособного возраста в Республике Саха (Якутия) вместе с потерями в Амурской области и Приморском крае – то они составят три четверти общих потерь по Дальнему Востоку. Это происходит на фоне постоянных и повсеместных потерь в миграционном обмене лиц моложе трудоспособного возраста. Как по округу в целом, так и по его субъектам (за исключением Чукотского автономного округа, где в отдельные годы наблюдался и несущественный прирост: в 2011г – 30 человек, в 2013г – 34 человека, а в 2014г. – 127 человек), общая картина потери лиц моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов – неутешительна. В этой ситуации сложно надеяться на относительную благоприятность возрастной структуры на Дальнем Востоке в будущем.

В настоящее время проблема недостаточности трудовых ресурсов является не только региональной, но и общероссийской. Распределение производительных сил характеризуется концентрацией спроса и предложения рабочей силы в центральных регионах России, на фоне масштабной миграции трудоспособного населения из районов Сибири, и как было показано выше – Дальнего Востока – особенно. Учитывая значительное превышение предложения рабочей силы над спросом на нее в республиках Северного Кавказа, получается, что без рационализации внутрироссийских миграционных потоков решить проблему недостатка рабочей силы не представляется возможным. Однако мобильность российского населения не соответствует потребностям инновационного развития страны. А

возможности закрепления столь необходимого на Дальнем Востоке постоянного населения мерами только миграционной политики иллюзорны.

Необходимо помнить, что для развития Дальневосточного федерального округа, особенно – созданных там территорий опережающего развития, сохранения геополитического могущества России в целом, и ее национальной безопасности – в особенности, необходима целенаправленная бюджетная поддержка для создания в этом регионе производственной и социальной инфраструктуры. Причем на принципиально новой, истинно инновационной основе, понимаемой как массовое внедрение технологических и иных новшеств в жизнь всех без исключения дальневосточников.

Список литературы и источников

1. Население субъектов Российской Федерации на 1 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm

2. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Храмова М.Н. Векторы реализации демографической политики на Дальнем Востоке / В сб.: Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. Том 2, № 1. С. 11 – 18.

3. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 3. С. 23-32.

4. Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации» в 2012 – 2016 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140960349 06

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

МОСТАХОВА Татьяна Семеновна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, e-mail: mostakhovats@mail.ru

MAIN TRENDS OF MIGRATION PROCESSES AND DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE NORTHERN REGION

Tatiana S. MOSTAKHOVA, Doctor of Economics, leading researcher, Yakutsk scientific center, Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russia, e-mail: mostakhovats@mail.ru

Аннотация. Миграционные процессы имеют особую значимость в формировании населения северных регионов и сохранении демографической безопасности региона. Трансформация подходов к освоению привела к интенсивному миграционному оттоку за пределы региона, что повлияло на сокращение общей численности населения республики. Несмотря на некоторое улучшение миграционной обстановки, коэффициент миграционного оттока остается в 2 раза большим, чем по Дальневосточному федеральному округу. В структуре мигрантов, прибывших в республику, преобладают мигранты из стран СНГ. Показатели т.н. генетической структуры населения, под которой понимается структура населения по длительности проживания в данной местности, свидетельствуют о значительно большем вкладе миграционных процессов в формирование населения Якутии по сравнению с Российской Федерацией в целом. Миграционная компонента сохраняет свою значимость для демографической безопасности региона. Несмотря на значимость миграционных процессов для сохране-

ния демографической безопасности региона, миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) в достаточной степени как объект управления отражены не полностью.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционный отток, структура мигрантов, формирование населения, процессы воспроизводства, Арктика, северные регионы, Республика Саха (Якутия), демографическая безопасность, демографическая политика.

Abstract. Migration processes are of particular importance in shaping the population of the Northern regions and preserving the demographic security of the region. The transformation of development approaches has led to an intensive migration outflow from the region, which has influenced the reduction of the total population of the Republic. Despite some improvement in the migration situation, the rate of migration outflow remains 2 times higher than in the Far Eastern Federal district. Migrants from CIS countries predominate in the structure of migrants arriving in the Republic. Indicators of the so-called genetic structure of the population, which means the structure of the population according to the length of residence in the area, indicate a significantly greater contribution of migration processes in the formation of the population of Yakutia compared to the Russian Federation as a whole. The migration component remains important for the demographic security of the region. Despite the importance of migration processes for preserving the demographic security of the region, migration processes in the Republic of Sakha (Yakutia) are not fully reflected to a sufficient extent as an object of management.

Keywords: migration processes, migration outflow, structure of migrants, population formation, reproduction processes, Arctic, Northern regions, Republic of Sakha (Yakutia), demographic security, demographic policy.

Миграционные процессы имеют особую значимость в формировании населения северных регионов и сохранении демографической безопасности региона, в том числе и в аспекте формирования трудового потенциала региона. Благодаря трудовой миграции “облегчаются возможности региональных сдвигов в экономике за счет возможностей расселения мигрантов в нужных регионах, снижаются стоимость рабочей силы и общие издержки с этим связанные, тормозится рост цен, благодаря склонности иностранных работников к сбережениям, увеличиваются сбор налогов от заработной платы мигрантов и поступления в социальные фонды” [1, с.448].

Роль миграции в формировании численности населения. Миграционный приток долгое время являлся основным источником роста численности населения на Севере, в том числе и в Республике Саха (Якутия). Наряду с высокой рождаемостью он определял молодую возрастную структуру населения. Наибольший миграционный прирост наблюдался в республике в 70-х – 80-х гг. В отдельные периоды более 60% прироста численности населения определялось миграционным притоком [2, с.85]. Существенное влияние на динамику миграции оказал т.н. социально-политический фактор, в частности уничтожение Советского Союза [3, с.112]. За 1980–2017 гг. республика потеряла в результате миграционного оттока более 300 тыс. чел. Наибольшая миграционная убыль регистрировалась в 1994 г., когда отрицательное сальдо миграции составило 31,3 тыс. чел.

В настоящее время трансформация стратегии освоения привела к длительно сохраняющемуся миграционному оттоку. В республике отрицательное миграционное сальдо имеет величину, почти в 2 раза превышающую показатели по Дальнему Востоку.

В последние годы наблюдалось уменьшение миграционной убыли населения. Современная особенность миграционных потоков заключается в снижении миграционных объемов и изменении структуры миграционного оборота, где растет доля внутриреспубликанскийх перемещений [4, с.67]. Впервые за последние годы естественный прирост по абсолютному значению превысил миграционный отток. Однако итоги 2017 года вновь показали, что значимой стабилизации не происходит (табл. 1).

Таблица 1

Динамика миграционного прироста населения за 2000-2017 годы, на 10 000 чел.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	24,7	19,6	19,0	22,4	20,6	20,6	18,8	16,8	17,9	14,4
Дальневосточный федеральный округ	-83,4	-80,5	-49,4	-28,3	-31,8	-53,0	-39,8	-39,0	-28,1	-27,7
Республика Саха (Якутия)	-92,2	-28,0	-70,8	-102,	-87,5	-95,6	-70,2	-56,2	-43,2	-48,3

Изменения отмечаются и в структуре мигрантов. Растет доля внутриреспубликанской миграции населения, продолжается традиционный отток населения из сельской местности в города и рабочие поселки [5, с.31-40]. В структуре прибывших преобладают мигранты из стран СНГ; второе место среди них занимают выходцы из Средней Азии. Причем доля этих мигрантов постоянно увеличивается; доля мигрантов из Киргизии возросла в 4 раза, из Таджикистана – почти в 10 раз.

Изменения в степени сформированности населения за счет мигрантов и местных уроженцев. Миграционная подвижность населения определяет изменения в степени сформированности населения за счет неместных уроженцев. Население, длительное время проживающее на данной территории или являющееся ее уроженцами, создает более стабильную основу демографического потенциала, нежели население, часто мигрирующее. В связи с этим его вполне можно использовать при оценке демографической безопасности региона [6, с.89-92].

По материалам переписей населения можно судить о том, что значительная часть населения Якутии участвовала в миграционных процессах. Особенно это характерно для горожан старше 30 лет, около 90% которых хотя бы один раз меняли место жительства. Перепись 1989 года зафиксировала итоги значительных миграционных перемещений во время интенсивного промышленного освоения территории субъекта. В то время доля неместных уроженцев составляла 61,7% (табл. 2).

Таблица 2

Доля лиц, живущих в данном населенном пункте не с момента рождения, в общей численности населения, % (по переписям населения 1989-2010 гг.)

	Все население			Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Всего	61,7	47,0	58,9	70,8	58,2	62,1	43,3	27,4	46,5
в возрасте:									
моложе трудоспособного	30,2	15,4	16,7	37,1	20,4	17,4	18,3	9,1	15,8
в трудоспособном	78,0	57,6	69,9	85,5	67,7	71,4	60,5	36,4	66,9
старше трудоспособного	66,8	65,5	82,3	88,5	81,9	86,3	38,6	36,9	75,0

К 2002 году показатель сформированности населения за счет местных уроженцев уменьшился до 47% в целом по населению и до 16,7 (почти в 2 раза) – у населения младше трудоспособного возраста.

Период новых социально-экономических условий вновь увеличил миграционную подвижность населения. Доля людей, проживающих в местности не с рождения, увеличилась до 58,9%. В городской местности миграционная подвижность населения еще выше, что и отражается на генетической структуре городского населения. Даже у сельских жителей старше трудоспособного возраста наблюдался очень значительный рост данного показателя.

Показатели генетической структуры населения свидетельствуют о значительно большем вкладе миграционных процессов в формирование населения Якутии по сравнению с Российской Федерацией в целом. Миграционная компонента сохраняет свою значимость для демографической безопасности региона.

Выводы. Таким образом, миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) оказывают существенное влияние на воспроизводство населения Республики Саха (Якутия). Значимость миграции для формирования трудового потенциала, особенно в условиях Севера, должна быть подкреплена адекватными управленческими действиями в этой сфере. Однако в сфере региональной демографической политики проблемы миграции отражены не полностью. Возможным решением может стать разработка и приятие отдельной госпрограммы по демографической политике с разделом по регулированию миграции. Как и в случае с управлением миграцией в зарубежных странах, миграционная политика в современных условиях должна переориентироваться с мигрантов и их частных (индивидуальных) причин миграции на региональные и корпоративные интересы [7, с.327].

Список литературы и источников

1. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с.

2. Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск: Сахаада, 2017. 208 с.

3. Мостахова Т.С., Туманова Д.В. Демографическая безопасность региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 14 (107). С. 111-115.

4. Будущее Республики Саха (Якутия) в 5 книгах / Книга 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. Якутск, 2015. 220 с.

5. Сукнева С.А. Тенденции миграционной динамики в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 1(5). С. 31-40.

6. Мостахова Т.С. Миграционная подвижность населения Республики Саха (Якутия) // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования / сборник трудов международной научно-практической конференции. Владивосток, 2015. С.89-92.

7. Salt J., Clarke J. International migration in the UNECE region // International Social Sciences Journal. September, 2000. № 167. P. 327

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Исследование выполнено в рамках Проекта ДВО РАН № 18-5-045

МОТРИЧ Екатерина Леонидовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: motrich@ecrin.ru

MIGRATION IMPACT ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Ekaterina L. MOTRICH, Doctor of Economics, chief researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: motrich@ecrin.ru

Аннотация. В работе проанализирована роль миграции в формировании населенческого потенциала Дальнего Востока. Устойчивое развитие региона, утверждается в работе, определяется в значительной мере стабильностью и ростом численности населения. Обращается внимание на сохранение отрицательного миграционного сальдо в межрегиональных взаимосвязях, но одновременно показано его уменьшение в целом для региона. Вместе с тем акцентировано внимание на рост отри-

цательного миграционного сальдо с традиционными районами притяжения дальневосточников. Обращается внимание на сокращение роли миграции в динамике населения Дальнего Востока за счет стран СНГ и появление миграционного оттока в страны дальнего зарубежья. Высказано предположение о возможных рисках в достижении намеченных Концепцией демографического развития Дальнего Востока параметров перспективной численности населения на Дальнем Востоке до 2025 – 2030 гг.

Ключевые слова: Дальний Восток, регион, субъект, население, миграция, миграционное сальдо, среднедушевые доходы.

Abstract. The paper analyzes the role of migration in the formation of the human potential of the Far East. As it is stated in the work, the sustainable development of the region is largely determined by the stability and growth of the population. Attention is drawn to the saving of the negative migration balance in the interregional linkages, but at the same time it is shown that it decreases in general for the region. At the same time, attention was focused on the growth of the negative migration balance in traditional areas of attraction of the Far East. Attention is drawn to the reduction of the role of migration in the dynamics of the population of the Far East at the expense of the CIS countries and the emergence of migration outflow to foreign countries. It is suggested that there are possible risks in achieving the parameters of the prospective population in the Far East until 2025-2030 planned by the Concept of demographic development of the Far East.

Keywords: the Far East, region, subject, population, migration, migration balance, average personal income.

Дальний Восток является малоосвоенной территорией в России. Ближайший сосед его – Япония имеет территорию всего в 3777 тыс. кв. км (61 место в мире по территории), и при этом население Японии на начало 2018 г. составляло 126.2 млн чел (10 место в мире по населению, сразу после России). Плотность населения в Японии составляет 334,0 чел. на кв. км (18 место в мире по плотности населения) [11]. Более 121 млн. человек проживает на Северо-Востоке Китая [16]. Соседствуя с такими многонаселенными территориями, на российском Дальнем Востоке проживало на 01.01.2018 г. 6162427 чел. [9]. Это на 1,9 млн чел. меньше, чем на начало 1991 г., когда была зарегистрирована максимальная численность населения. Вполне очевидно, что одна из главных черт демографического состояния Дальнего Востока – незначительная численность населения на столь обширной территории – 6169,3 тыс. кв. км. Занимая в России по рангу территории 1-е место, его доля в населении составляет 4,2% (в 1991 г. 5,4%).

Значительную проблему для динамики населения Дальнего Востока представляет миграционная убыль, хотя в целом по России в настоящее время происходит миграционный рост населения [1]. В 2012 г. коэффициент миграционного прироста в ДФО составлял минус 32 чел. на 10000 чел. населения, в 2014 г. – минус 40 чел., в 2016 г. – минус 28 [2, с. 30]. Таким образом, масштабы миграционной убыли сокращаются. Но, по всей вероятности, стоит заметить, что это происходит потому, что «самые амбициозные» уже уехали. Проведенный соцопрос среди жителей ДВФО еще в 2011 г. показал, что 19,3% распондентов хотели бы сменить место жительства, 17,2% хотели бы жить в другой стране [3].

Говоря о довольно значительном снижении отрицательного значения миграционного движения в целом по Дальнему Востоку, нельзя не отметить, что ниже общерегионального показателя миграционный отток фиксируется только в трех субъектах: Приморском и Хабаровском краях и Сахалинской области, в других субъектах наблюдается превышение данного показателя от 1,5 до 3 и более раз (табл. 1).

Предполагалось, что 2017 г. будет годом с позитивными результатами по сохранению местного населения и положительному миграционному приросту за счет других районов Российской Федерации благодаря привлеченным миллиардным вложениям на развитие региона (3,7 трлн руб.), появлению 86 новых предприятий, выданным 34 тыс. “дальневосточных гектаров” [10]. К сожалению, этого не произошло. За 2017 г. Дальний Восток потерял 22,1 тыс. чел., хотя о первостепенной важности его развития и увеличения численности населения не перестают говорить.

Таблица 1.

Коэффициенты миграционного прироста (на 10000 человек населения)

Субъекты	2012 г.	2014 г.	2016 г.
ДФО в целом	-32	-40	-28
Республика Саха (Якутия)	-87	-70	-43
Камчатский край	-2	-98	-57
Приморский край	-6	-20	-17
Хабаровский край*	-4	-19	-12
Амурская область	-53	-16	-41
Магаданская облась**	-137	-153	-51
Сахалинская область	-31	-59	-10
Еврейская автономная область	-89	-108	-97
Чукотский автономный округ	-66	-30	-103

Источник: [2, с. 30]

Сокращение численности населения обусловлено по-прежнему миграционным оттоком населения, объемы которого не однозначно испытывают отдельные субъекты Дальнего Востока. В 2017 г. незначительный прирост населения зарегистрирован только в Сахалинской области, куда за десять месяцев приехало граждан больше (20,6 тыс. чел.), чем уехало (18,5 тыс. чел.), хотя еще в 2016 г. Сахалинская область была с отрицательным сальдо миграции (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения Дальнего Востока, тыс. чел. на 1 января соответствующего года

Территория	2017 г.	2018 г	2018 г. в % к 2017 г.
Российская Федерация в целом	146838,9	146877,1	100,0
ДФО в целом	6184,5	6162,4	99,6
В т.ч.:			
Республика Саха (Якутия)	962,8	964,2	100,1
Камчатский край.	314,7	314,4	99,9
Приморский край	1924,6	1912,1	99,4
Хабаровский край	1334,2	1327.7	99,5
Амурская область	801,8	798,0	99,5
Магаданская область	145,5	144.4	99,2
Сахалинская область	487,0	490,6	100,7
Еврейская автономная область	164,2	162,1	98,7
Чукотский автономный округ	49,7	48,9	98,4

Источники: [8, 9]

Задача по формированию постоянного населения, как одно из важнейших условий социально-экономического развития Дальнего Востока, остается актуальной. В связи с этим планируется довести инвестиционный портфель до 2025 г. в сумме до 10 трлн руб. за счет не только государственного бюджета, но и за счет привлечения средств частных инвесторов [3].

Сможет ли Дальний Восток достичь предполагаемой численности населения в соответствии с принятой концепцией демографического развития, в которой до 2030 г. заложена, как стратегическая цель социально-экономического развития региона, стабилизация численности населения: 6,2 – 6,3 млн чел. к 2020 г., 6,5 млн чел. к 2025 г. и рост до 8 млн чел. к 2030 г. (уровень 1991 г.). Представляется, что в этих расчетах содержатся определенные риски, поскольку миграционный отток продолжается, а с 2017 г. началось уменьшение естественного воспроизводства населения. Регион не смог подойти и к нулевому сальдо миграции к 2018 г., как это предусмотрено в концепции. В этой связи кажутся иллюзией, что 50%, то есть каждый второй из числа респондентов, участвующих в опросе ВЦИОМ, готовы переехать на Дальний Восток, если им будут предоставлены подъемные в сумме до 1 млн рублей. На проходившей 27-28 марта 2018 г. конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» на Сахалине было озвучено, что, по результатам того же опроса, если такая мера будет предложена, то о переезде на Дальний Восток задумается каждый пятый – 19% из числа опрошенных

[12]. Да, в целом, казалось бы, позитивные данные для региона. Но представляется, что ни тот ни другой показатель нереален для Дальнего Востока. Общее число жителей Дальневосточного федерального округа, думающих о смене места жительства, остается высоким - 38% [5].

Кроме того, если создавать преференции только приезжающим, оттока местного населения не избежать.

Понятно, что, анализируя роль миграции в изменении численности населения в целом по Дальневосточному региону, прежде всего, нужно представить значимость межрегиональной и внешней миграции, поскольку внутрирегиональное передвижение населения влияет только на численность населения отдельных субъектов внутри региона, не оказывая воздействия в целом на формирование населенческого потенциала всего региона. Но можно заметить, что передвижение населения внутри региона составляет почти половину в общем миграционном потоке. При этом наибольшей притягательной силой обладают, вполне естественно, южные районы Дальнего Востока и Республика Саха (Якутия).

В межрегиональной миграции у мигрантов большей популярностью пользуются, напротив, северные субъекты Дальнего Востока. Мигранты, прибывшие из-за пределов России, предпочитают также северные субъекты региона, а также Приморский и Хабаровский края (тал. 3).

Таблица 3

Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения
в 2016 году (в % от общего числа прибывших и выбывших)

Территория	Число прибывших			Число выбывших		
	в пределах региона	из других регионов России	из-за пределов России	в пределах региона	в другие регионы России	за пределы России
ДФО в целом	49,8	36,2	14,0	46,5	43,3	10,2
В т.ч.:						
Республика Саха (Якутия)	62,0	34,3	3,7	55,7	42,5	1,8
Камчатский край.	20,2	52,5	27,3	17,7	64,2	18,1
Приморский край	57,2	27,0	15,8	54,9	31,5	13,6
Хабаровский край	41,6	38,3	20,1	40,5	44,9	14,6
Амурская область	58,9	32,4	8,7	52,9	39,7	7,4
Магаданская обл.	31,6	49,3	18,9	29,1	65,5	5,4
Сахалинская обл.	44,1	44,5	11,4	43,1	50,3	6,6
Еврейская АО	38,5	56,1	5,4	28,8	68,3	2,9
Чукотский АО	17,6	50,5	1,9	15,7	84,2	0,1

Источник: [2, с. 30]

Данные 2017 г. красноречиво говорят, что Дальний Восток за этот год потерял 17 114 чел. (в 2016 г. 17367 чел.) [15], то есть заметного снижения отрицательного миграционного сальдо не произошло. Россияне не рвутся на Дальний Восток, хотя широко муссируется первостепенная важность его развития. Более того, почти 40% жителей Дальнего Востока подумывают о переезде в другие регионы, утверждают социологи [5]. Это утверждение не совпадает с результатами проведенного ВЦИОМ социологического исследования и озвученных на Сахалине в марте 2018 г. на демографической конференции (см. выше). По словам риелторов, в Хабаровске, например, около половины жилья продают те, кто собрался переезжать за пределы региона. Подавляющее большинство из них обратно не возвращается.

Для дальневосточников в межрегиональных потоках самыми популярными территориями притяжения являются Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Миграционные взаимоотношения с ними имеют даже некоторую тенденцию увеличения. В отрицательном миграционном потоке эти округа вобрали в себя в 2015 г. 62,0% мигрантов-дальневосточников, в 2016 г. – 63,0%. И это не случайно. Взять хотя бы один из значимых факторов для населения – реальную среднемесячную начисленную заработную плату, которая в 2016 г. составила в Центральном ФО -

101,7% к предыдущему году, Северо-Западном ФО – 101,2%, Южном ФО – 100,0% и 97,9% в Дальневосточном ФО [14].

Изменить и улучшить миграционное партнерство с российскими регионами в условиях социально-экономического неравенства не просто: условия проживания здесь значительно более сложные, а установленные льготы перестали быть стимулом для закрепления населения [4, с 10-12; 19]. Разница в среднедушевых доходах жителей Дальнего Востока с другими федеральными округами, повышенная стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг обусловливают попадание в первую двадцатку самых дорогих регионов страны. Поэтому ослабление внимания к опережающему повышению уровня жизни может явиться стимулятором миграционного оттока населения из столь важного по политическим и стратегическим соображениям региона.

В отличие от межрегиональной миграции, результативность миграционного взаимодействия Дальнего Востока со странами СНГ практически остается неизменной: в 2015 г. на 100 человек выбывших дальневосточников в страны СНГ приходилось 158 прибывших, в 2016 г. – 160 чел. Однако стоит заметить, что положительное сальдо в миграционных взаимосвязях со странами СНГ многократно уменьшилось по сравнению с периодом до начала перестройки: 33,5 тыс. чел в 1986 г. и 9029 чел. в 2016 г. [6, с. 87; 18]. Эта тенденция, вполне вероятно, может быть продолжена, поскольку соотношение числа выбывших к прибывшим увеличивается, что наглядно иллюстрируется даже за последние два года: в 2015 г. доля выбывших в страны СНГ составляла 62,9% от числа прибывших из этих стран, в 2016 г. этот показатель поднялся до 68,1% [17,18].

Произошли изменения в миграционном взаимодействии со странами дальнего зарубежья: положительное миграционное сальдо в 2015 г. составило всего 15,6% от уровня 2011 г. (2860 чел в 2001 г. и 445 чел в 2015 г.), а в 2016 г. эти страны вовсе сократили свое присутствие в дальневосточных субъектах [17, 18].

Резюмируя изложенную ситуацию о влиянии миграции на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке России, безусловно, необходимо центр тяжести государственных усилий перенести на закрепление постоянно или не менее десяти лет проживающего дальневосточного населения, что необходимо для вывода региона из числа аутсайдеров, теряющих свое население. Это важно для сохранения социально-демографической и в целом национальной безопасности всей страны. Поэтому следует неустанно помнить, что перспективной целью развития Дальнего Востока является реализация геополитической задачи закрепления населения [7, с. 160-166].

Основные мероприятия по закреплению населения на Дальнем Востоке должны быть нацелены на решение самых чувствительных вопросов, тех, которые связаны с созданием комфортных условий для повседневной жизни, для работы – именно такую формулировку применил В. Путин на первом заседании Совета при президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам [13].

Список литературы и источников

1. Газеты пишут о проблемах Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305\gazeta036.php

2. Дальневосточный федеральный округ. 2016: Статистический сборник / Хабаровскстат, 2017. – 221 с.

3. Дальний Восток России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru/wikipedia.org/wiki

4. Ивлев Я.Я., Галичанин Е.Н. Дальний Восток и Забайкалье (историко-экономический обзор). Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья. Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1998. 56 с.

5. И снова крайние. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:https://news.mail.ru/society/33114359/?frommail=1

6. Мотрич Е.Л. Миграционные компоненты демографического развития дальневосточного Федерального округа / В сб.: Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сб. статей. Серия Демография Социология. Экономика» Том 2. № 1 /Под ред чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.ф-м.н. Храмовой М.Н. – М., Изд-во «Эконом-Информ», 2016. – 210 с.

7. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных процессов на Дальнем Востоке России» / В сб.: Социологическое образование: достижения, проблемы и пути развития: сборник научных трудов / редкол.: В.И. Зырянов и др. – Хабаровск:ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2014. – 317 с.

8. Население субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki

9. Население субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

10.Неостановленное бегство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/

11.Население Японии. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//countrymeters.info/ru/Japan/.

12.Опросительный знак. Молодой дальневосточник, 2018. 4-11 апреля.

13.13 Путин попросил правительство “не морочить людям головы”. Тихоокеанская звезда. 2016. 15 июля.

14.Реальная среднемесячная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000-2016 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/

15.Российская газета, 2018. 14 марта.

16.Северо-Восточный Китай включает три провинции – Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/

17.Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2015 г. // URL:http://www/gks/ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm

18.Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://www/gks/ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm

19.Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol.48.; 1889. Vol.52. (Цит. по: Изард У. Методы регионального анализа: перевод. М.: Прогресс, 1966).

ЭМИГРАЦИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10435)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: riazan@mail.ru

ОЧИРОВА Галина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: galinaochirova93@gmail.com

EMIGRATION OF HIGH-QUALIFIED SPECIALISTS FROM RUSSIA: TRENDS AND CONSEQUENCES

Sergey V. RYAZANTSEV, Correspondent Member of the RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: riazan@mail.ru

Galina N. OCHIROVA, Junior researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galinaochirova93@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции эмиграции высококвалифицированных специалистов из России за границу. Высококвалифицированные специалисты, наряду с образовательными мигрантами, пенсионерами, инвесторами и представителями среднего класса составляют основу новой (третьей) волны эмиграции из России. Рассматривается образовательная, профессиональная и географическая структура высококвалифицированной эмиграции из России. Выявлены тенденции эмиграции российских граждан в ЕС по «голубой карте».

Ключевые слова: Россия, эмиграция, высококвалифицированные специалисты.

Abstract. The article examines the trends of emigration of high-qualified specialists from Russia abroad. High-qualified specialists, along with educational migrants, pensioners, investors and middle class representatives form the basis of a new (third) wave of emigration from Russia. The educational, professional and geographical structure of highly skilled emigration from Russia is considered. The trends of emigration of Russian citizens to the EU with the "blue card" are revealed.

Keywords: Russia, emigration, high-qualified specialists.

Критерии к ВКС, установленные Законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не могут быть применены для определения границ квалифицированных и высококвалифицированных специалистов в отношении эмигрантов из России. Эмигранты получают статус КС или ВКС в соответствии с требованиями страны приема. В Российском трудовом законодательстве определение понятие ВКС отсутствует: требования к уровню знаний и квалификации работников установлены Единым квалификационным справочником руководителей, специалистов и служащих по каждой из групп должностей. В целях разработки проектов профессиональных стандартов Приказом Минтруда России от 12.04.2013 № 148н утверждены 9 уровней квалификации: первый уровень предполагает обычный физический труд, а девятый – определение стратегии, управление большими техническими системами, социальными и экономическими процессами, ответственность за результаты деятельности на национальном и международном уровнях. Иные нормативно-правовые акты государственного уровня других отраслей права также не содержат определения понятия ВКС.

Таким образом, при наличии статистических данных министерств и ведомств об иммигрантах-ВКС, данные по эмигрантам-ВКС отсутствуют. Используя официальную российскую статистику выезда, существует возможность оценить поток постоянных и временных трудовых квалифицированных и высококвалифицированных эмигрантов и трудовых мигрантов только на основе критерия образования: к числу КС и ВКС следует отнести лиц, имеющих высшее образование и ученую степень. В соответствии с определениями ОЭСР, к числу лиц, имеющих высшее образование, относят тех, чей завершенный уровень образования или обучения соответствует пятому или выше уровню классификации ISCED-11 [19].

Трансформация форм миграции, затрудняющая их учет, незаконная миграция, проживание «на две страны» с сохранением регистрации в России, все это не позволяет получить достоверных оценок даже общей численности эмигрантов. Для получения реального представления о масштабах эмиграции из России ежегодные данные Росстата необходимо корректировать в 3-4 раза в сторону увеличения [2]. По данным Международной организации по миграции, Россия остается третьей страной по численности своих граждан, проживающих за границей (на 2015 г.) [21]. Таким образом, наряду с общими трудностями учета эмигрантов и временных трудовых мигрантов, выезжающих на работу в другие страны, существует более глубокая проблема определения качественного состава потока выезжающих из России.

Высококвалифицированные специалисты, наряду с образовательными мигрантами, пенсионерами, инвесторами и представителями среднего класса составляют основу новой (третьей) волны

эмиграции из России (2008-2016 гг.). С 2012 года эмиграционный поток из России стремительно растет: в соответствии с официальными статистическими данными, за последние 6 лет численность ежегодно выезжающих в другие страны на постоянное место жительства утроилась. Показатели временной трудовой миграции не отличаются стабильностью и демонстрируют различную динамику миграционного потока трудовых мигрантов на протяжении указанного периода: 2012-2015 гг. численность временных мигрантов, ежегодно выезжающих из России за рубеж с целью осуществления трудовой деятельности, незначительно, но стабильно сокращалась; в 2016г. был отмечен несущественный рост показателя; данных за 2017 год на сегодняшний момент в официальных источниках нет (табл. 1).

Таблица 1

Динамика эмиграции лиц с высшим и послевузовским образованием
из Российской Федерации в 2012-2017 гг., человек

Годы	Общая численность эмигрантов		В том числе численность эмигрантов с высшим образованием		В том числе Численность эмигрантов на постоянное место жительства с ученой степенью	
	Выезд на постоянное место жительство	Выезд на временное трудоустройство	Выезд на постоянное место жительства	Выезд на временное трудоустройство	Доктора наук	Кандидаты наук
2012	122 751	64 370	13 990	26 614	40	194
2013	186 382	61 119	19 845	26 908	52	225
2014	310 496	58 093	29 164	26 700	96	231
2015	353 233	57 138	36 889	27 775	227	444
2016	313 210	59 999	43 516	30 262	121	223
Итого	1661 204	300 719	211 400	138 259	536	1 317

Источники: Труд и занятость в России 2012, 2013, 2014, 2015, 2016. - М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат) 2013, 2014, 2015, 2016,2017 гг.; Численность и миграция населения Российской Федерации 2002-2016 гг. - М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2002-2017 гг.

При стремительном росте числа эмигрантов, их образовательная структура остается достаточно стабильной. Доля выехавших с высшим и послевузовским образованием не превышает 14% на протяжении пятилетнего периода (табл. 8), в том числе доля лиц, имеющих ученую степень – менее 1%. В период 2012-2016 гг. на каждые 10 тыс. эмигрантов приходилось по 3-6 эмигрантов-докторов наук и 7-16 – кандидатов наук.

Временные трудовые мигранты, выехавшие для работы за рубежом, отличаются более высоким уровнем образования, чем эмигранты на постоянное место жительства. Среди них доля лиц, имеющих высшее образование варьировала в пределах от 41% в 2012 г. до 50% в 2016г. (табл.2). Однако, это не всегда означает, что в страны трудоустройства российские специалисты с высшим образованием въезжают в качестве высококвалифицированной рабочей силы и выполняют работы в соответствии со своей квалификацией. Сведения о численности лиц, имеющих ученую степень, временно выехавших для работы за рубежом Росстатом не разрабатываются.

Среди стран эмиграции наиболее привлекательными для российских специалистов с высшим и послевузовским образованием в 2016 году оставались страны СНГ (рис. 1). С 2011 г. в статистику об эмиграции стали автоматически попадать сведения об истечении срока регистрации иностранных граждан, находившихся в России более девяти месяцев. Поэтому новый (после 2011года) список стран-лидеров по почисленности постоянных эмигрантов стал соответствовать в зеркальном отражении списку стран-основных поставщиков временных трудовых мигрантов в Россию.

Среди стран, не входящих в СНГ, по количеству привлеченных россиян с высшим и послевузовским образованием абсолютным лидером является Германия. Далее следуют: США, Китай, Грузия (рис. 2).

Каждая из указанных стран, привлекающих высокообразованных эмигрантов из России, формирует критерии отнесения мигрантов к категории ВКС самостоятельно, исходя из уровня образова-

ния, принадлежности к определенной профессии или роду занятий и уровня заработной платы. Однако, учет одного из критериев не гарантирует наличие высоких значений другого: уровень заработной платы/доходов в отдельных случаях может не коррелировать с уровнем образования работника, равно как и профессиональная сфера с уровнем образования. Так Бувье и Мартин (1994) обнаружили, что в начале 1990-х годов 31% инженеров, 38,7% математиков и ученых в области информационных технологий не оканчивали колледж, при этом, среди иностранцев эта доля существенно ниже.

Таблица 2

Доля эмигрантов с высшим образованием и ученой степенью в общей численности эмигрантов из Российской Федерации, 2012-2016 гг., %

Годы	Выезд на постоянное место жительства				Временная трудовая миграция	
	всего	из них с высшим образованием	в том числе		всего	в том числе с высшим образованием
			с ученой степенью кандидата наук	с ученой степенью доктора наук		
2012	100	11,4	0,03	0,16	100	41,35
2013	100	10,6	0,03	0,12	100	44,03
2014	100	9,4	0,03	0,07	100	45,96
2015	100	10,44	0,06	0,13	100	48,61
2016	100	13,89	0,04	0,07	100	50,44

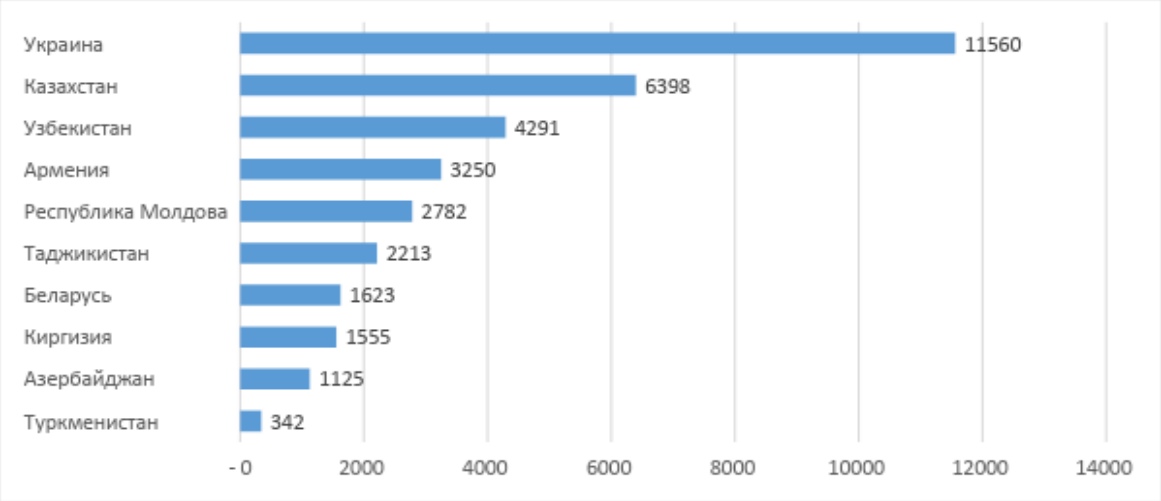

Рис. 1. Распределение выбывших из России в страны СНГ специалистов с высшим и послевузовским образованием по странам выбытия, 2016 г., чел.

Стратегии, реализуемые в каждой из привлекающих высококвалифицированных мигрантов стран, сводятся к следующим моделям:

– регулирование потока ВКС со стороны государства, например, формирование квот на ВКС в соответствии с потребностями экономики (потребности оцениваются аналитически, либо на основе информации от работодателей);

– поток ВКС формируется стихийно на основе заявок работодателей;

– отбор высококвалифицированных иммигрантов в соответствии с балльной системой.

Именно балльная система является инструментом, имеющим максимальный сепарирующий эффект с точки зрения качества привлекаемых иммигрантов, а порог минимально необходимого количества баллов может варьироваться. Такой инструмент используется, например, в Канаде и учитывает: владение языком, уровень полученного образования, возраст, опыт работы и способность к адаптации в зависимости от наличия родственников, предыдущего опыта проживания и работы, а также уровня языка партнера (супруга) и его предыдущего опыта проживания и работы в Канаде.

Привлечение ВКС в законодательстве США регулируется благодаря существованию нескольких категорий рабочих виз. Наиболее приоритетной для въезда является категория «приоритетные работники», к которым относятся три группы: лица, имеющие выдающиеся способности в науке, искусстве, образовании, бизнесе или спорте; выдающиеся профессора и исследователи с не менее чем трехлетним опытом преподавания или исследований, признанных на международном уровне; менеджеры или руководители, которые были заняты по крайней мере один год из трех последних лет у американского работодателя. Только лица, принадлежащие к первой группе из вышеперечисленных, вправе подавать ходатайство о въезде, без заявления потенциального работодателя. При этом, необходимо доказать наличие указанных достижений, признанных на национальном или международном уровне. Менее приоритетной является группа «специалисты с высшим образованием и лица с исключительными способностями». Сюда относятся и лица, имеющие ученую степень (в том числе магистра), либо степень бакалавра, но с опытом работы не менее пяти лет. Исключительная способность означает, что уровень знаний потенциального иммигранта значительно выше, чем в среднем в науке, искусстве или бизнесе. Третья по приоритетности группа, наряду с прочими, включает категорию квалифицированных иммигрантов (skilled workers). К ним относятся лица, чья профессия требует минимум двухлетнего обучения или опыта работы, при этом, занятость не должна быть временной или сезонной. Для второй и третьей приоритетных групп ходатайство о иммиграции подает потенциальный работодатель.

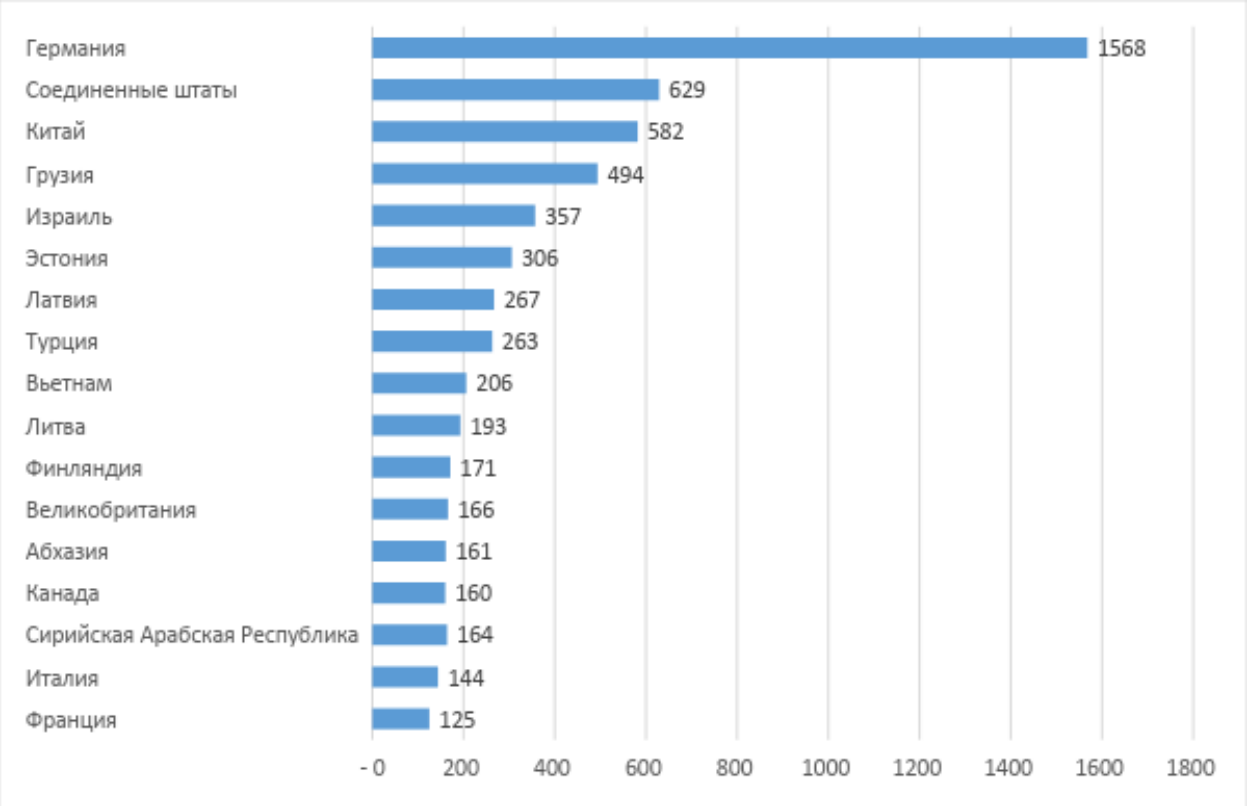

Рис. 2. Распределение специалистов с высшим и послевузовским образованием по странам выбытия из России (за исключением стран СНГ), 2016 г., чел.

Законодательство 25 стран-членов Евросоюза с 2009 года реализует программу голубой карты (Blue card). Право получения голубой карты имеют следующие категории лиц: высококвалифицированные работники, исследователи, студенты, обучающиеся профессиональных курсов, сезонные работники, работники, направляемые в структурные подразделения той же компании. В Германии получение подобного вида разрешений на работу началось в 2011 году. Основные критерии для получения голубой карты – это: квалификация, опыт работы, возраст, знание языка, предложение от по-

тенциального работодателя в квалификационной категории потенциального работника и соответствующая данной квалификации зарплата (должна быть установлена в размере 1,5 раза превышающем уровень средней заработной платы в Германии, для дефицитных профессий этот порог установлен в размере 1,2 раза). Высококвалифицированные специалисты, претендующие на получение голубой карты, ограничиваются списком сфер приложения труда: государственное управление, безопасность, общие интересы государства. Исследователи, представляющие собой отдельную категорию потенциальных иммигрантов-претендентов на получение голубой карты, обязаны подтвердить свою квалификацию и предоставить договор с работодателем. В первой половине 2016 года голубую карту в Германии получили 694 гражданина России, что составляет 8% среди всех получивших голубую карту [16]. Поток граждан из России в Германию существенно возрос в 2013 году, а в 2016 достиг по итогам года почти 1300 человек (табл. 3). Среди всех стран Евросоюза, реализующих данный механизм привлечения ВКС, для Российских граждан Германия остается наиболее привлекательной для въезда: на нее приходится 68%-77% всех выданных за два последних анализируемых года россиянам голубых карт.

Таблица 3

Численность граждан России, получивших голубую визу, 2012-2016 гг., чел.*

Годы	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС в настоящем составе	271	994	1 214	1 516	1 878
ЕС до включения Хорватии	271	994	1 210	1 512	1 875
Бельгия	0	2	0	1	5
Болгария	4	3	2	8	54
Чехия	23	21	40	63	82
Германия	173	854	960	1 167	1 274
Эстония	10	5	4	5	12
Испания	7	15	1	0	1
Франция	2	16	42	50	63
Хорватия	:	0	4	4	3
Италия	0	10	22	30	25
Латвия	8	1	7	16	49
Литва	:	1	26	30	35
Люксембург	10	22	41	46	84
Мальта	0	1	1	0	4
Нидерланды	0	0	0	2	3
Австрия	27	28	37	41	38
Польша	0	5	5	33	111
Португалия	0	0	0	0	0
Румыния	3	6	19	14	18
Словения	0	1	2	1	6
Словакия	4	2	1	4	2
Финляндия	0	1	0	1	9

*Страны, не вошедшие в таблицу либо не реализуют программы, либо численность россиян, получивших в данных странах карты, равна 0.

Источник: построено по данным Евростата http://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/data/database

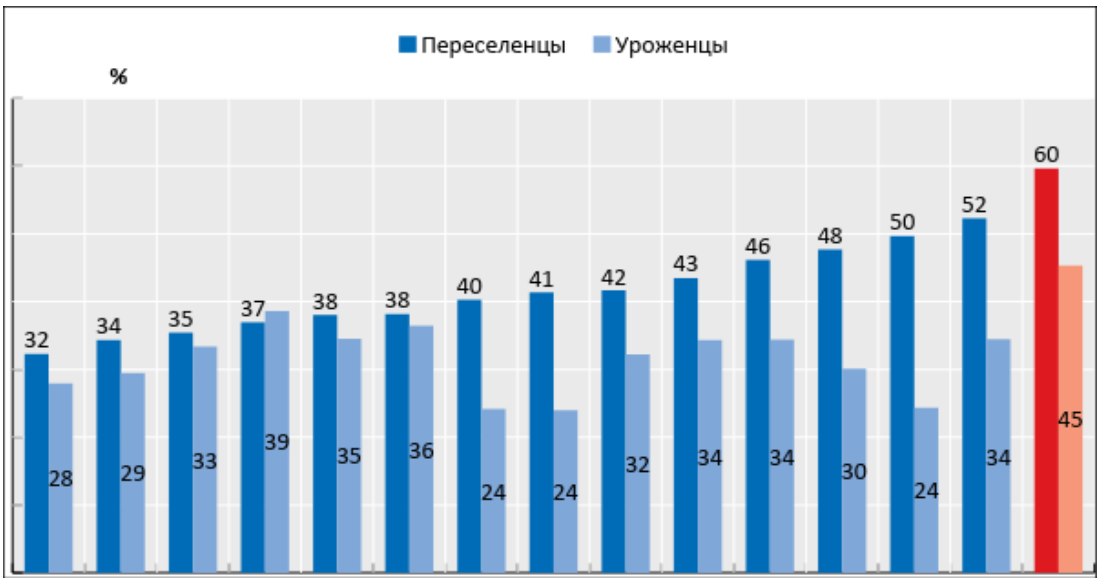

Рис. 3. Доля населения с высшим образованием по категориям страны происхождения, в некоторых странах ОЭСР, 2015, %

В странах ОЭСР, лидирующие позиции по показателю уровня образования среди иммигрантов (переселившихся в различные годы, накопленным итогом) занимает Канада (рис. 4), где доля лиц с высшим образованием среди переселенцев на треть выше, чем аналогичная доля среди населения, родившегося в стране: 60% и 45% соответственно. Немногим ниже доля иммигрантов с высшим образованием в Израиле, Польше и Австралии. Однако, это не означает, что вклад переселенцев в экономику выше, чем вклад местного населения.

Среди основных причин эмиграции высококвалифицированных специалистов из России: низкие бюджетные расходы на науку, снижение расходов на образование и медицину, что неизменно влечет за собой их реформирование, и снижение качества жизни, ограничение возможностей творческого и исследовательского развития [2]. По некоторым данным, основная причина эмиграции программистов, как представителей высокотехнологичной ИТ – отрасли – это разница в оплате и условиях труда в России и принимающей стране [14].

Исследования и научные разработки в Германии, как и в Корее, спонсируются главным образом, бизнес-структурами, что позволяет привлекать в научную сферу дополнительные инвестиции и делает научные разработки востребованными в первую очередь со стороны самих инвесторов. Индекс государственных расходов на НИОКР в Германии на протяжении периода 2010-2016 гг. плавными темпами приближается к 120%, в то время как в России он достиг в 2013 году 170%, и снизился до 150% в 2015 году. Принимая во внимание динамику валютного рынка, это свидетельствует о постоянной интенсификации вливания бюджетных средств в сферу научных разработок в России. Тем не менее, подобные меры не в состоянии предотвратить отток ученых и ВКС из России.

Согласно рейтингу глобальной расстановки стран-лидеров в основных технологических областях (2014 г.), Россия выходит на лидирующие позиции по показателю «оборона, безопасность», уступая только США [1] и вовсе не попадает в рейтинг в таких отраслях как: нанотехнологии, новые материалы, медицина, электроника, компьютерная память, управление информацией, программное обеспечение и др. Экспорт математических программ в 2016 году из Индии превысил показатель России в 17 раз. Хотя, традиционно, Россия отличалась и по сей день отличается более высоким уровнем математического образования, чем Индия, в нашей стране, наряду с высоким уровнем знаний, существует проблема их применения на практике. В то же время, потенциал подготовки научных кадров, как наследие системы советского образования, не используется в полной мере.

С 1990-х годов среди ученых более распространен выезд за рубеж на основе временных трудовых контрактов. Численность эмигрантов в Австралию не превышает 100 человек ежегодно, в то время как численность временно трудоустроенных в качестве ВКС граждан из России растет с каждым годом (табл. 4).

Таблица 4

Численность высококвалифицированных временных трудовых мигрантов из России данным статистики въезда Австралии, чел.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Высококвалифицированных специалистов из России	521	551	543	579	623	603

Источник: Australia government. https://data.gov.au

На сегодняшний день существует пилотажный проект, реализуемый ОЭСР, позволяющий получить сведения о миграции ученых и исследователей на основе анализу личных профилей в базе данных Scopus. По данным статистики ОЭСР, ученые, проводившие исследования за границей и вернувшиеся в последствие в страну, где они впервые опубликовали научные материалы, вносят вклад в рост и развитие всех отечественных исследований в среднем в размере 20% [18]. Подобная временная интеллектуальная миграция является более предпочтительной, чем альтернативная межгосударственной безвозвратной миграции, менее взаимовыгодна для обеих сторон. [4]. Такая форма миграционного обмена позволяет обмениваться навыками и знаниями на международном уровне, способствует их циркуляции. При этом страна выхода мигранта приумножает человеческий капитал и объемы накопленных знаний. Это особенно актуально для развивающихся стран, где доля высококвалифицированных специалистов невелика, и они являются ресурсом дальнейшего развития экономики. Очевидно, что потери от эмиграции ученых, высококвалифицированных специалистов, имеют не только количественную (прямая оценка потерь ВВП), но и качественную сторону, поскольку эмиграция сопровождается потерями научных школ, исследований, разработок, ноу-хау и других видов интеллектуальной продукции, которые потенциально могли бы быть разработаны и осуществлены в России. Однако, только коренное изменение научной сферы в виде взаимодействия с бизнес-структурами, позволит привлечь дополнительное финансирование и обеспечить спрос на научный продукт. Это, в свою очередь, выведет науку на качественно новый уровень и позволит предотвратить отток научных кадров, как имеющихся, так и потенциальных.

Список литературы и источников

1. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста// Экономические стратегии. –2017.– №3.– С. 66-79.

2. Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Эмиграция из России в конце XX- начале XXI века. Аналитический доклад. - М., 2016.

3. Высококвалифицированные специалисты. Поиск ходатайств. [Электронный ресурс]: http://сервисы.гувм.мвд.рф/highly-skilled-specialist-search.htm

4. Ионцев В.А., Зимова Н.С., Субботин А.А. Особенности «утечки умов» в России и сопредельных государствах Евразийского пространства. В сб. Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва 28-29 ноября 2017 года). В двух томах. – Т.1. – М.: Экономическое образование, 2017. – С. 37-43.

5. Калайда А.П. К вопросу о «высококвалифицированном иностранном специалисте» в российском миграционном законодательстве // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 4 (34). С. 112-115.

6. Международная стандартная классификация образования (МСКО). ООН по вопросам образования и культуры // Институт статистики ЮНЕСКО P.O. Box 6128, Succursale Centre-Ville Montreal, Quebec H3C 3J7 Canada. 2013. [Электронный ресурс]: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isced-2011-ru.pdf.

Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников и утверждении соответствующих квот на 2014 год [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 года № 977 // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. Версия Проф. М., 2018.

7. Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2015 год [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 18 декабря 2014 г. № 1400 // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. Версия Проф. М., 2018.

8. Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2018 год [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 6 декабря 2017 г. № 1479 // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. Версия Проф. М., 2018.

9. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.06.2002 N 1115-ФЗ (ред. от 31.12.2017)

10. Пронин А.А. Российская эмиграция в США и Канаде (по материалам газеты «Иммигранты») //Источники по истории эмиграции из России. / Монография. Уфа: 2016. С.215-236.

11. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. 2016. № 4. С. 18–27.

12. Рязанцев С.В., Белова Л.Г. Привлечение иностранных высококвалифицированных специалистов в Россию: тенденции и перспективы. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2017.

13. Смирнова Е.М. Подходы к изучению международной миграции высококвалифицированных специалистов: механизмы, перспективы, последствия// Социологические исследования. –2016.– №3.– С.66-75.

14. Eurostate data explorer [Электронный ресурс]: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do

15. Figures on the EU Blue Card. Federal office for migration and refugees [Электронный ресурс]: http://www.bamf.de/EN/Infothek/Statistiken/BlaueKarteEU/blaue-karte-eu-node.html

16. Managing Highly-Skilled Labour Migration, OECD/ Управление высококвалифицированной трудовой миграцией, OECP [Электронный ресурс]: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/225505346577.pdf?expires=1523115108&id=id&accname=guest&checksum=465827F8CC159B73EBB58E27E92B650D

17. OECD (2017), OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation, OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс]: http://dx.doi.org/10.1787/9789264268821-en

18. OECD calculations based on Eurostat Labour Force Survey and national sources, July 2017. [Электронный ресурс]: http://dx.doi.org/10.1787/888933618878

19. U.S. Departament of State – Bureau of Consular Affairs [Электронный ресурс]: https://travel.state.gov/content/travel/en/us-visas/immigrate/employment-based-immigrant-visas.html#fourth.html

20. World Migration Report 2018. International Organization for Migration [Электронный ресурс]: http://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА

САВИНКИНА Лариса Александровна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой управления персоналом и экономики труда Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: danaya1967@mail.ru

МУХСЯН Тамара Викторовна, Магистрант Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kaxcr@inbox.ru

THE ROLE OF GOVERNMENT AUTHORITIES OF PRIMORSKY KRAI IN REGULATING MIGRATION PROCESSES ON THE TERRITORY OF THE REGION

Larisa A. SAVINKINA, Head of the Department of Personnel Management and Labor Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: danaya1967@mail.ru

Tamara V. MUKHSIAN, Master student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kaxcr@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется миграционная ситуация в Приморском крае, исследуется деятельность органов государственной власти Приморского края в регулировании миграционных процессов на территории и предлагаются пути совершенствования реализации миграционной политики на территории Приморского края.

Ключевые слова: миграция, регулирование миграционных процессов, органы государственной власти, миграционная политика.

Abstract: The article analyses the migration processes in Primorsky Krai, investigates activities of government authorities of Primorsky Krai in regulating migration processes on the territory and suggests the ways to improve the implementation of migration policy on the Primorsky Territory.

Keywords: migration, regulation of migration processes, government authorities, migration policy.

Введение. Исторически сложилось, что вопросы миграции населения всегда связаны с развитием государства. Россия не является исключением. Регулирование миграционных процессов непростой, многоаспектный вопрос, т.к. они оказывают влияние на эволюцию человечества, на экономику отдельно взятой страны, развитию новых производств и на все сферы жизни населения. Невозможно однозначно предсказать последствия миграции, они могут проявляться в любых областях жизнедеятельности человека и нести как положительный так и отрицательный эффект, поэтому роль государства в регулировании миграционных процессов необходима. Государство нормативными актами, программными документами регулирует миграционные процессы, но они не всегда управляемы.

Методы исследования: методы описательной статистики, обработка статистической информации, кабинетные исследования.

Основу работы составили исследования отечественных и зарубежных ученых. Социологический аспект исследования территориального перемещения населения стал предметом исследования [1, 2]. Существенную роль в процессе изучения миграционных процессов играет демографическая наука, которая обращает внимание на воздействии миграционных процессов на состояние и численность населения государства [3, 4, 5, 6]. Проблемы государственного регулирования миграционных процессов рассмотрены в работах [7, 8, 9].

Миграция является довольно непростым социальным процессом, который непосредственно связан с различными изменениями как в экономической сфере, так и в других сферах.

Невзирая на то, что учёные большинства стран проявляют огромную заинтересованность к данному процессу, однозначной общепринятой классификации миграции не имеется. Географические перемещения имеют различную направленность и в зависимости от целевых показателей могут иметь различные виды классификаций. Следовательно, миграцию можно группировать по следующим признакам: опираясь на географический признак, временной признака, по степени добровольности, по мере управляемости миграционных процессов, в зависимости от причин и законности передвижения.

Анализ миграционной ситуации в Приморском крае

В Дальневосточном федеральном округе по численности населения Приморский край занимает первое место. На площади 164,7 тыс. км^2, проживает 1 913 тыс. человек, что говорит о заселенности Приморского края, где городское население составляет 1 473,2 тыс. человек (77,1%) и сельское - 439,9 тыс. человек (22,9 %). Население в крае от года к году уменьшается, это обусловлено различ-

ными причинами, одна из которых историческое заселение края. На территории Приморского края проживают 128 национальностей. Значительное влияние на этнический и демографический состав Приморского края оказывает внешняя миграция (рисунок 1) межрегиональная и международная. Межрегиональные перемещения в общей структуре миграционного оборота составляют 30%, за последние 5 лет межрегиональный отток составил 27.6 тыс. человек.

На постоянное место жительство из Приморского края уезжают в другие субъекты Дальневосточного округа (33.5% от общего числа выбывших в другие регионы в 2017), в Центральный (18.6%), Северо-Западный (14.4%), Сибирский (12%) и Южный (10.6%) федеральные округа, в Хабаровский край (54.5% от числа выбывших в ДВФО).

Приезжают в край в основном из Сибирского (16.3% от общего числа прибывших из других регионов) и других регионов Дальневосточного (42.5%) федеральных округов.

В международном миграционном обмене наблюдается миграционный прирост (превышение прибывших над выбывшими), который за 2013-2017 гг. составил 6.9 тыс. человек, что лишь на 25% компенсировало отток в межрегиональной миграции. Наибольшее число мигрантов прибывает в Приморский край из Узбекистана и их удельный вес в общем числе международных мигрантов продолжает расти: с 19.5% в 2013 году до 25.9% в 2017 году. Доля прибывающих из КНДР уменьшается: с 28.4% в 2013 году до 18.7% в 2017 году, а прибывающих из Китая с 16.9% до 3.5% соответственно. Выросло число приезжающих из Украины (в 2.9 раза к 2013) – 15.7% всех прибывших международных мигрантов в 2017 году.

Основная часть всех прибывших мигрантов (92.4%) оседает в городской местности Приморского края [10].

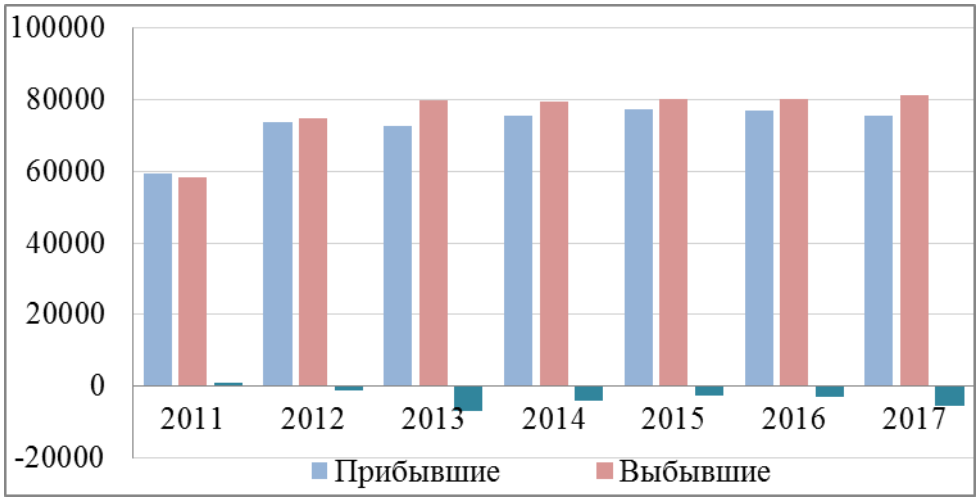

Рис. 1. Миграция населения в Приморском крае 2011-2017 гг.

Источник: составлено авторами по данным [10]

Безусловно, следует сказать, что уровень грамотности мигрантов в равной мере оказывает влияние на качественный состав постоянного населения Приморского края. Высококвалифицированные специалисты и специалисты с незаконченным высшим профессиональным образованием покидают Приморский край, и эта потеря не покрывается ни за счёт международной миграции, ни межрегиональной. Приморский край ежегодно теряет около 1000 высококвалифицированных специалистов. Компенсация выбывающего русскоговорящего населения не является равноценным по качеству по причине невысокого уровня образования прибывающих в регион.

Анализ рисунка 1, позволяет отметить, что число выбывших из Приморского края превышает число прибывших, в 2011 году наблюдается положительное сальдо миграции, т.е. мы можем говорить о приросте населения в 1 083 человека. В последующие годы прослеживается отток населения. Самый пик пришелся на 2013 год и достиг 7 139 человек, к концу 2017 года - 5 591 человек.

В зависимости от того, между какими или в пределах каких административно-территориальных единиц происходит передвижение населения, выделяют миграцию внутрикраевую

и межрегиональную. Примечательно, что в структуре миграционных потоков Приморского края преобладающее место занимают внутрикраевые перемещения, представленные на рисунке 2.

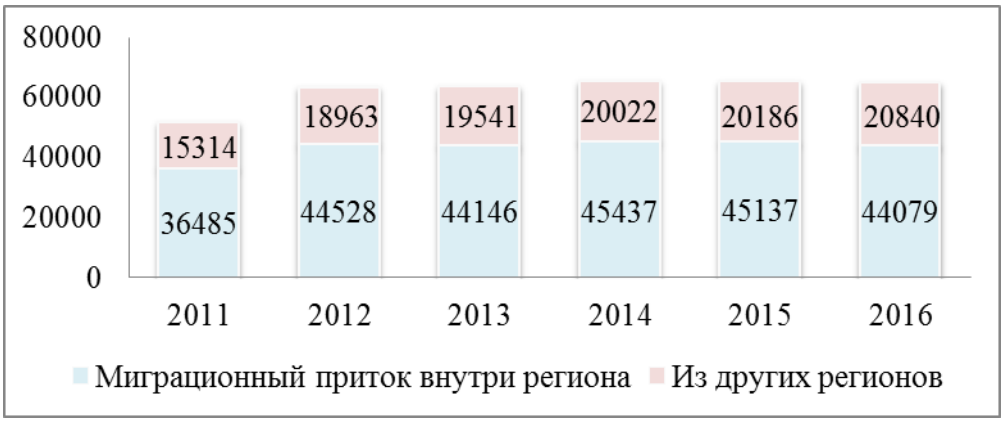

Рис. 2 – Динамика миграционных потоков Приморского края

Источник: составлено автором по данным [10]

Анализ рисунка 2 позволяет сделать вывод, что наблюдается систематический миграционный приток внутри региона и он вдвое больше, чем прирост из других субъектов. Большой миграционный приток внутри региона обусловлен в основном традиционным оттоком населения из сельской местности в города и поселки городского типа. Общей закономерностью является процесс увеличения доли городского населения с 76,1% в 2011 году до 77,1% на начало 2017 года. Проблемы сельско-городской миграции внутри региона тесно связаны с низким уровнем жизни сельского населения, не достаточной развитостью инфраструктуры, низкой привлекательностью для молодых людей сельского образа жизни.

Удельный вес внутрикраевой миграции населения, преобладает в миграционном обороте Приморского края. При этом если в 2011 году он достигал 61,9 %, то к концу 2017 года миграционный оборот сократился до 54,1% всех мигрантов, то есть наблюдается постепенное снижение миграции внутри края за счёт увеличения доли международной миграции. Однако, по-прежнему, внутрикраевая миграция остается доминирующей среди других разновидностей миграции.

Следует подчеркнуть, что среди главных причин, склоняющих жителей региона покидать Приморский край, являются такие факторы, как низкий уровень доходов, высокий уровень цен, неблагоприятные природные условия, удаленность от центра России.

Таким образом, если рассматривать внутреннюю миграцию Приморского края, то население становится более мобильным в пределах самого региона, то есть больше подверженным к смене места жительства. Это связано, в первую очередь, с невысокими зарплатами и отсутствием работы на селе. Жители стремятся повысить свой уровень жизни, переселившись ближе к административным центрам, в населенные пункты с лучшими условиями для жизни

На основании данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю за 2017 год, меняя место пребывания внутри региона, согласно таблице, население предпочитает переезжать в такие крупные города как Уссурийск, Артём, Партизанск и Надеждинский район. Именно здесь по последним данным сложилось положительное сальдо внутрирегиональной миграции [11].

Коэффициент интенсивности по выбытию в 2011 составлял 29,9 выбывших на каждую 1000 человек населения, на конец 2017 года данный показатель увеличился до 42,2 выбывших в течение года в другие регионы на постоянное жительство.

Рассчитаем коэффициент механического прироста на 1000 человек. положительная динамика прироста мигрантов наблюдалась только в 2011 году и была равна 0,6 человека на 1000 постоянно проживающих жителей. В 2013 году, в результате превышения числа выбывших над числом прибывших, образовался миграционный отток – 3,7 человек на 1000 жителей, в абсолютном выражении

– 7 139 человек (в 2012 – 0,6 или 1 104 человека). К концу 2017 года данный показатель сократился почти в 2 раза и убыль составила 2,8 человека.

Анализ коэффициента интенсивности миграционного оборота за период с 2011 по 2017 гг. увеличился в 1,4 раза в расчете на 1000 жителей. В 2017 году на каждую тысячу человек приходится 81,55 прибывших в течение года на постоянное жительство, а также выбывших в другие регионы на постоянное жительство.

Анализ миграционной ситуации в Приморском крае показал, что необходимо предпринимать кардинальные меры, чтобы привлечь в регион людей, а также найти способы удержать население на территории.

Деятельность органов государственной власти Приморского края по повышению миграционной привлекательности региона

Для того чтобы решить непростую демографическую ситуацию на Дальнем Востоке и в частности в Приморском крае, органы государственной власти принимают государственные и региональные программы. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента РФ от 14.09.2012 N 1289 (ред. от 14.06.2013)) [112]. Одно из приоритетных направлений совершенствования миграционной политики Российской Федерации - оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Анализ Мониторинга реализации этой программы в первом квартале 2018 года показал, что на территорию Дальневосточного федерального округа переселилось 400 чел.

Подпрограмма «Об оказании содействия добровольному переселению в Приморский край соотечественников, проживающих за рубежом» Государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013-2020 годы направлена на развитие социально-экономических возможностей региона и улучшение демографической ситуации в регионе.

Необходимо отметить, что в рамках реализации данной программы, предполагается предоставление государственных услуг в области содействия занятости населения, социальной защиты, образования и здравоохранения, содействие жилищному обустройству участников программы и их родственников, социально-культурная адаптация переселенцев, информационная поддержка процесса добровольного переселения.

Основными целевыми показателями реализации краевой программы являются общая численность участников программы с учётом членов их семей (не менее 13879 человек за период 2013-2020 года) и увеличение коэффициента миграционного прироста населения Приморского края к концу 2020 года до 0,75 на 10 тыс. населения [13].

Исследования возвратной миграции показывают, что соотечественники возвращаясь на родину после работы или учебы за рубежом не востребованы российскими работодателями, что затрудняет реализацию данной программы [14].

Федеральный закон от 01 мая 2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который также стимулирует приток жителей, в частности, в Приморский край [15].

Реализация закона о «дальневосточном гектаре» позволит привлечь в регион новых жителей и тем самым продолжить положительную тенденцию сокращения оттока населения с территории.

Активную позицию в решении этого вопроса занимает АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» (АРЧК). На сайте АРЧК опубликована исчерпывающая информация как получить желанный дальневосточный гектар в разделе «Меры поддержки для освоения «Дальневосточного гектара» в Приморском крае». Эти меры распространяются на сельское хозяйство, в виде грантов и возмещения части затрат; безработных граждан, решивших стать предпринимателями, в виде единовременной финансовой помощи и поддержки; малое и среднее предпринима-

тельство (МСП) в виде субсидий на возмещение затрат, консультирования, информирования, проведения семинаров и курсов.

Ежегодный, поквартальный мониторинг влияния миграции на демографическую и криминогенную ситуацию в регионе, консультации населения о внесении поправок в миграционное законодательство позволяют повысить правовой уровень граждан.

Органами государственной власти Приморского края принимается ряд мер:

– по адаптации и интеграции мигрантов с привлечением диаспор;

– по пресечению деятельности групп, занимающихся организацией нелегальной миграцией;

– по соблюдению миграционного законодательства юридическими и физическими лицами, эксплуатирующие труд иностранных рабочих;

– по толерантного отношению местного населения к мигрантам;

– по улучшению инвестиционного климата и повышения инвестиционной привлекательности региона;

– по развитию социальной и транспортной инфраструктуры для переселенцев из других регионов;

– по формированию образовательных программ с целью привлечения иностранных граждан для обучения в учреждениях образования;

– по привлечению иностранных учёных и преподавателей для работы в образовательных учреждениях и в целях усовершенствования качества оказываемых услуг и повышения квалификации кадров;

– по созданию благоприятных условий для социально-экономической и социально-культурной интеграции вынужденных мигрантов;

– по содействию добровольному возвращению (переселению в третьи страны) беженцев;

– по предоставлению объективной и актуальной информации о ситуации и о безопасности возвращения в места их прежнего проживания.

Основные пути совершенствования реализации миграционной политики на территории Приморского края

Для изменения миграционной ситуации необходимо предпринять следующие меры:

– осуществлять системную работу государственных и негосударственных структур с этническими и земляческими общинами;

– создавать условия для повышения мобильности населения Приморского края и страны, в целом;

– развивать социально-культурную инфраструктуру;

– усилить контроль за деятельностью трудящихся, осуществляющих государственные услуги, для предотвращения коррупции;

– расширить перечень портала госуслуг для мигрантов;

– усилить контроль за нелегальными миграционными потоками;

– повысить качество прибывающей рабочей силы за счёт повышения привлекательности страны и региона в частности для специалистов высокой квалификации.

Все эти мероприятия дали бы возможность улучшить эффективность от реализации государственной миграционной политики Российской Федерации и Приморского края. Вследствие подобных мер, сократилось бы количество нелегальных мигрантов, трудовая сила поступала бы в нуждающиеся регионы Российской Федерации, а уровень рабочей силы значительно бы вырос.

Заключение. Деятельность Администрации Приморского края в сфере миграции направлена на повышение миграционной привлекательности региона, что в целом способствует сохранению трудового и интеллектуального потенциала и является базой его устойчивого социально-экономического развития. Мероприятия, проводимые Администрацией Приморского края, предполагают эффективное управление миграционными процессами и снижение социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с притоком мигрантов, но они не всегда работают.

Список литературы и источников

1. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/perevedencev.html
2. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М. : Академический Проект, 2006. – 272 с.
3. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–66.
4. Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=502&p=attachment
5. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/biblio04.php
6. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: вопросы теории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rybakovsky.ru/migracia2.html
7. Волох В. А. Трудовая миграция: политико-правовые и социально-экономические аспекты привлечения и использования иностранной рабочей силы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kapital-rus.ru/img/2013/articles/222869/v_a_voloh_trudovaia_migracia.pdf
8. Ежова М. Ю. Управление миграционными процессами в РФ в условиях постсоветских трансформаций: этнополитический аспект : автореф. дис. … канд. пол. наук: 23.00.02. М., 2004. – 153 с.
9. Одарик О. А. Международная миграция и ее политические последствия для России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2006. – 183 с.
10. О демографической ситуации в Приморском крае: аналитическая записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – 2017. – 43 с.
11. Миграция населения Приморского края: статистический бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – 2017. – 96 с.
12. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637: [ред. от 07.12.2016г.]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/23937
13. Миграция населения Приморского края: статистический бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – 2016. – 81 с.
14. Иванова Р.В. Возвратная миграция: вопросы адаптации мигрантов на рынке труда РФ. Сборник материалов XI Дальневосточной научно-практической конференции с международным участием «Актуальные вопросы управления персоналом: опыт и перспективы, 16-17 июня 2016 г., с.46-55.
15. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 01.06.2016 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой 22.04.2016 г.: [ред. от 28.12.2016 г.]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

СЕРДЮКОВА Екатерина Андреевна, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: katyusha98@mail.ru

ШЕВЧУК Кристина Олеговна, студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: KristinaOlegovna98@mail.ru

DYNAMICS OF POPULATION GROWTH IN THE PRIMORSKY REGION

Ekaterina A. SERDIUKOVA, student, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: katyusha98@mail.ru

Kristina O. SHEVCHUK, student, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: KristinaOlegovna98@mail.ru

Аннотация. Уже более 20 лет показатели рождаемости в России не покрывают показатели смертности. Особенно актуальна данная проблема в Дальневосточном федеральном округе, где заселенность людьми до сих пор сравнительно не высока. В связи с этим в текущем году государство приняло несколько нововведений, направленных на оптимизацию демографической ситуации в нашей стране. Статья посвящена исследованию статистических показателей, характеризующих демографическую ситуацию в Приморском крае с 2010 по 2016 гг. На основе анализа коэффициентов рождаемости и младенческой смертности сделан вывод об отрицательных тенденциях в демографической ситуации региона. Проанализированы меры государственной поддержки, направленные на ее улучшение.

Ключевые слова: демографическая ситуация, показатели рождаемости, Приморский край.

Abstract. For more than 20 years, birth rates in Russia do not cover mortality rates. This problem is especially topical in the Far Eastern Federal District, where people's population is still relatively low. In this regard, this year the state has adopted several innovations aimed at optimizing the demographic situation in our country. The article is devoted to the study of statistical indicators characterizing the demographic situation in Primorsky Krai from 2010 to 2016. Based on the analysis of fertility and infant mortality rates, it is concluded that there are negative trends in the demographic situation of the region. The measures of state support for demographic situation have been analyzed.

Keywords: demographic trends, birth rates, Primorsky Krai.

Введение. Проблема низкой рождаемости является актуальной в нашей стране на протяжении многих лет. Несмотря на определенное улучшение, связанное с относительным повышением уровня жизни в 2000-е года и некоторыми мерами государства в направлении стимулирования демографического роста, смертность в России до сих пор превышает рождаемость. На государственном уровне эту проблему в ноябре 2017 года прокомментировал В.В. Путин словами о том, что необходимо принять комплекс мер, которые позволят не допустить снижения численности населения России. По словам главы государства, нужно провести работу и по снижению смертности, и по стимулированию рождаемости. «Фактически нам нужно перезагрузить нашу политику демографического развития**»,** - заявил президент [1].

Результаты исследования. Для понимания сути и масштабов проблемы проанализируем общий коэффициент рождаемости, отражающий число родившихся на 1000 человек населения (рис.1) [2]. В первую очередь, мы видим, что значение коэффициента в Приморском крае меньше, чем в целом по Дальневосточному федеральному округу в среднем на 1,2. Показатель рождаемости в целом по России так же опережает коэффициент в Приморском крае в среднем на 0,6. При этом мы видим, что с 2010 года общий коэффициент рождаемости в Приморском крае стремительно рос, и в 2014 году достиг значения 12,8. Однако с 2015 года число родившихся на 1000 человек стало уменьшаться и к 2016 году снизилось до 12,2.

Нельзя назвать одну причину, из-за которой снижается рождаемость в Приморском крае. Нестабильность уровня жизни, репродуктивные принципы населения, низкие социальные гарантии со стороны государства, колебания доли женщин репродуктивного возраста – все это в совокупности дает нам низкие темпы рождаемости.

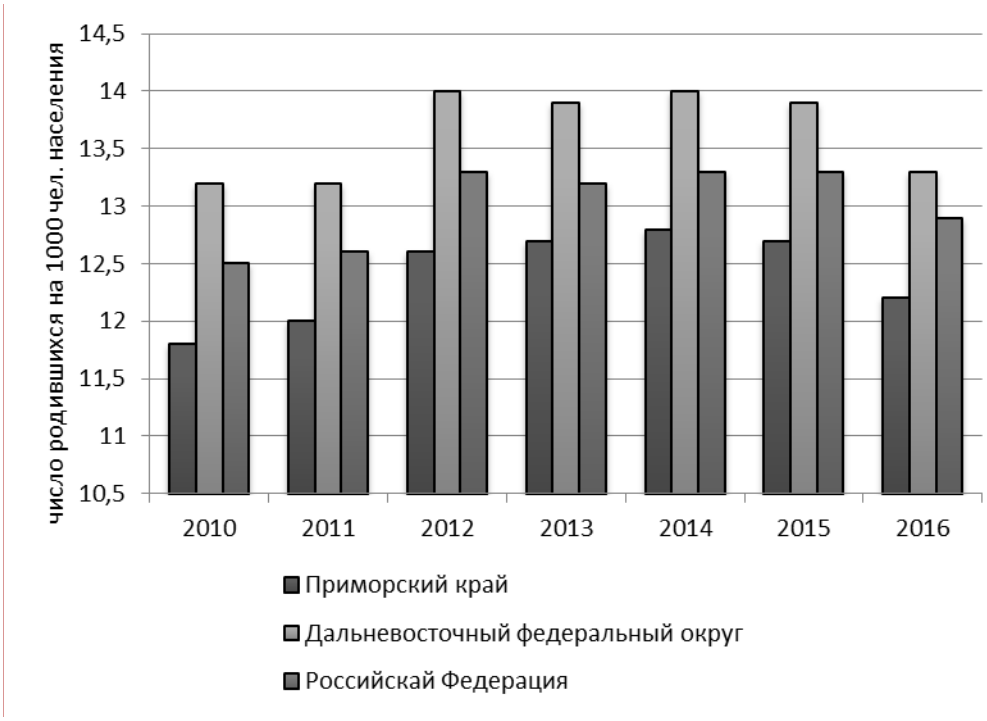

Рис.1. Динамика общего коэффициента рождаемости

Для понимания ситуации недостаточно посмотреть лишь на общий коэффициент рождаемости. Необходимо учесть показатель младенческой смертности, который, как в нашем регионе, так и в целом в России, довольно значителен. На графике (рис.2) [2] наглядно видно, что младенческая смертность в Приморском крае находится примерно на одном уровне со смертностью по ДФО в целом, местами немного ее опережая. В 2013 году показатель в Приморском крае достиг значения 11,8, а затем приобрел активную тенденцию к уменьшению.

В значительной мере это связано с Приказом от 3 октября 2014 года № 854-О «О мероприятиях по снижению младенческой смертности», принятым Департаментом здравоохранения Приморского края. В соответствии с этим документов был проведен анализ причин младенческой смертности, разработан план мероприятий по ее снижению, усовершенствована работа акушерской службы [3]. Вследствие этого коэффициент младенческой смертности в 2016 году снизился до 6,6.

Суммарный коэффициент рождаемости (рис.3) [2] в Приморском крае с 2014 года находится примерно на одном уровне. До 2013 года этот показатель повышался более высокими темпами, что связано с более активной политикой государства. С введением в 2007 году материнского капитала, как формы государственной поддержки семей с детьми, демографическая ситуация улучшилась. Вместе с ежегодным увеличением пособия увеличивались и показатели рождаемости. Однако с 2015 года сумма материнского капитала достигла 453026 рублей и больше не повышалась.

По данным на 2016 год в Приморском крае суммарный коэффициент рождаемости составил 1,73. При этом по Дальневосточному федеральному округу данный показатель в период с 2010 по 2016 годы в среднем на 0,13 выше.

Обсуждение результатов. Основываясь на результатах статистического анализа рождаемости, можно сделать вывод об отрицательной тенденции в демографической ситуации Приморского края. Число детей, родившихся на 1000 человек населения, с 2014 года уменьшается. Положительным аспектом в данной проблеме является значительное уменьшение показателей младенческой смертности. Несмотря на это, все еще нельзя сказать о том, что рождаемость в настоящее время покрывает потребности в восполнении населения Приморского края. В связи с этим 2018 году было внесено много изменений в законодательстве, направленных на стимулирование и поддержку рождаемости.

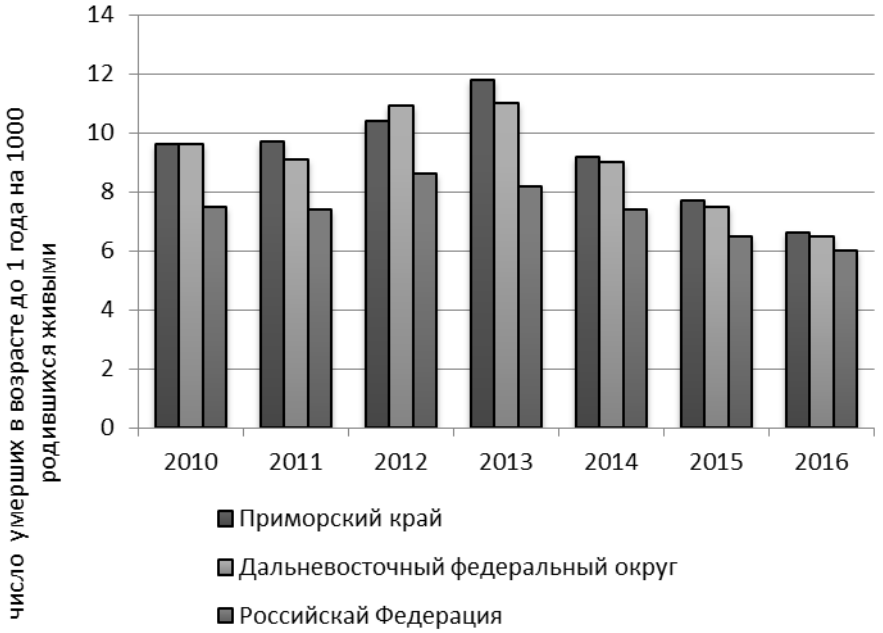

Рис.2. Динамика коэффициента младенческой смертности

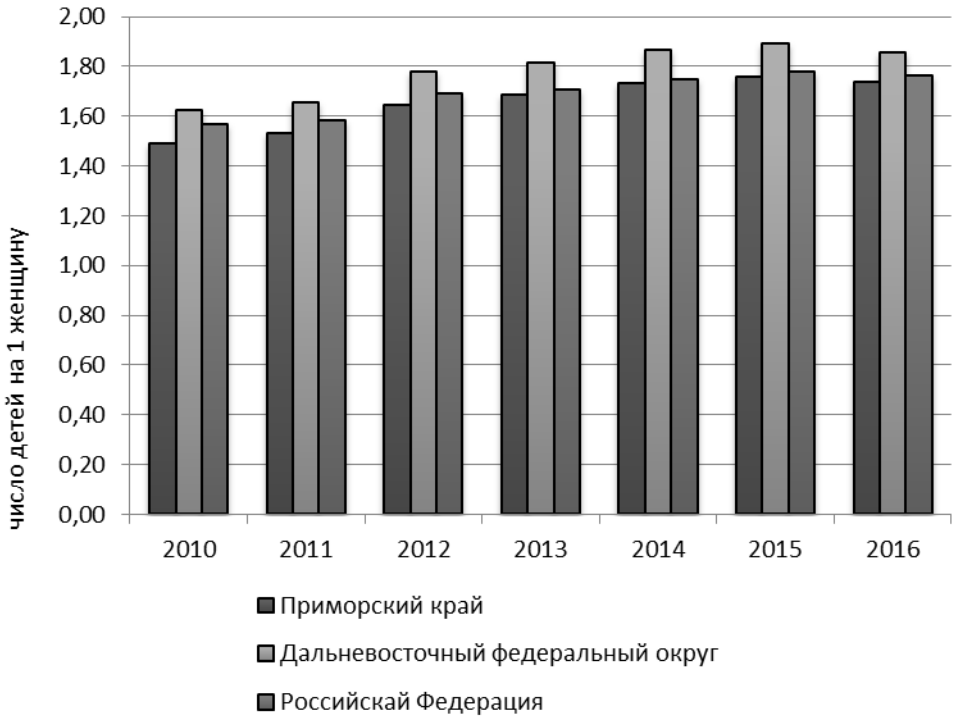

Рис.3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости

1 января 2018 года вступил в силу новый закон № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», согласно которому вводятся ежемесячные выплаты при рождении (усыновлении) первого и второго ребенка до полутора лет в размере детского прожиточного минимума в регионе проживания [4]. Данные выплаты смогут получить семьи, родившие или усыновившие ребенка с 1 января 2018 года. Недостатком данной программы является сравнительно небольшой период выплат, так как помощь оказывается до достижения ребенком полутора лет. Продление срока выплат, по крайней мере, до 3-х лет обеспечило бы большую поддержку семьям с детьми.

В соответствие с Постановлением Правительства от 30.12.2017 № 1711 с 1 января 2018 года вступила в действие программа льготной ипотеки. Согласно этой программе российские семьи, в которых с 1 января 2018 года по 31 декабря 2022 года появится второй или третий ребенок, смогут получить ипотеку под 6% годовых, т.е. на льготных условиях. Более того, родители, уже имеющие действующую ипотеку, смогут рефинансировать остаток по кредиту под 6% за рождение в указанный период второго или третьего ребенка. И в первом, и во втором случае процентные ставки свыше 6 процентов берет на себя государство. Помимо очевидных плюсов данная программа имеет и недостатки. Она направлена на поддержку семей, которые собираются приобрести недвижимость на первичном рынке жилья. Включение в программу поддержки семей, желающих улучшить свои жилищные условия, используя рынок вторичного жилья, сделало бы программу более эффективной в стимулировании рождаемости.

Заключение. Это далеко не исчерпывающий перечень мер государства, направленных на решение проблемы низкой рождаемости в нашей стране и выхода из демографического кризиса. Но даже из нескольких рассмотренных есть основание полагать, что демографическая ситуация в нашей стране улучшится, а рождаемость приобретет тенденцию к росту.

Список литературы и источников

1. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/56228
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
3. Приказ «О мероприятиях по снижению младенческой смертности»: утв. Департаментом здравоохранения Приморского края от 03 октября 2014 года № 854-О. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/organizatsiya-okazaniya-meditsinskoy-pomoshchi/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20854-%D0%BE%20%D0%BE%D1%82%2003.10.2014%20%D0%B3.pdf
4. Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28.12.2017 N 418-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286470&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5027197317445953#0424679658802658

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ДИНАМИКА МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ТУПИКИНА Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: etupikina@mail.ru

ГУЛЕВИЧ Александр Викторович, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: hernandez1912@mail.com

ГРИЩЕНКО Алексей Иванович, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ахахаха.ха@mail.ru

REGULARITIES AND DYNAMICS OF MIGRATION OUTFLOW IN PRIMORSKY REGION

Elena N. TUPIKINA, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: etupikina@mail.ru

Alexander V. GULEVICH, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: hernandez1912@mail.com

Alexey I. HRYSHCHENKO, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: axaxaxa.xa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные статистические сведения, связанные с оттоком населения из Приморского края за период с 2007 по 2016 год. Исследуются данные как в целом по краю, так и по отдельным его территориям. Особое внимание уделяется показателям внутренней миграции (внутрирегиональная, межригиональная) и международной миграции (со странами СНГ, с другими зарубежными странами).

Ключевые слова: миграция, отток населения, внутренняя миграция, международная миграция, Приморский край.

Abstract. The artical examines the main indicators connected with outflow of population in Primorsky region from 2007 to 2016. The data on the edge as a whole and on it is separate territories are investigated. Special attention is paid to indicators of internal migration (intraregional, interregional) and international migration (with CIS counties, with other foreign counties).

Keywords: migration, outflow of population, internal migration, international migration, Primorsky region.

Миграция населения – это передвижение людей (мигрантов) через границы территорий (страны, региона, области, района) связанное с переменой места жительства. Статистические данные о миграции формируются по результатам разработки поступающих от территориальных органов Федеральной миграционной службы России (ФМС РФ) документов статистического учёта прибытий и выбытий. Следует отметить, что 5 апреля 2016 года указом президента России В. Путина данная служба упразднена, а её функции и полномочия переданы Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. По методологии Федеральной службы государственной статистики [1] «...Листки статистического учёта мигрантов составляются при регистрации и снятии с регистрационного учёта населения по месту жительства и при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Снятие с регистрационного учёта осуществляется автоматически в процессе электронной обработки данных о миграции населения при перемещениях в пределах Российской Федерации, а также по истечению срока пребывания у мигрантов независимо от места прежнего жительства».

Миграция и ее подвижность имеет важное значение для формирования населения в каждом субъекте страны и непосредственным образом влияет как на экономику региона, так и на экономику всей страны.

Приморский край имеет важное экономическое и стратегическое положение. Население Приморского края, как и всего Дальневосточного региона, до 1990-х годов прирастало в основном за счёт миграционных потоков. Начиная с 1992 года, в крае наблюдается миграционный отток (превышение выбывших из территории, над прибывшими) именно поэтому актуальность данного исследования имеет важное значение в жизни края. Следует отметить, что по данным Росреестра общая площадь края составляет 164,7 тыс.кв.м, а это 22 место среди всех субъектов России и 7 место среди субъектов Дальневосточного федерального округа. Плотность населения 11,7 человек на 1 кв.км, что в ранговом соотношении по плотности населения края по отношению к плотности всех субъектов России соответствует 55 месту, а по округу – 1.

Рассмотрим общие статистические данные по оттоку населения с территории Приморского края в период с 2007 года по 2016 год (рис. 1).

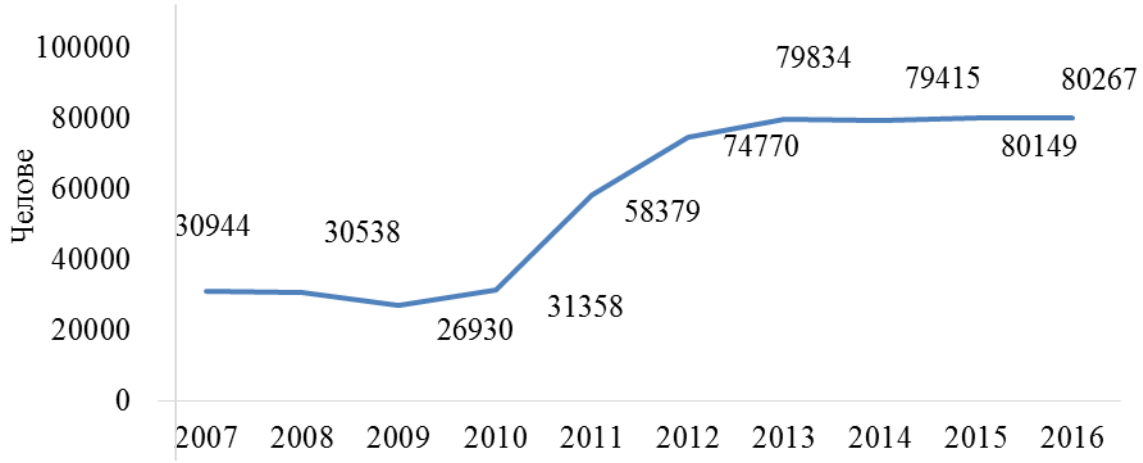

Рис. 1. Количество выбывших человек с территории Приморского края в 2007 - 2016 гг.
Источник: составлено авторами с использованием [1].

На рисунке 1 наглядно представлено число выбывших человек с территории Приморского края. Проанализируем данный показатель в динамике. В период с 2007 года по 2010 год ярко выраженных изменений в количестве выбывших не наблюдалось и варьировалось в промежутке от 26930 человек до 30944 человек. Однако с 2010 года по 2013 год наблюдалось значительное увеличение данного показателя. Наиболее резкий и большой скачок оттока населения с территорий Приморского края зафиксирован в период с 2010 года по 2011 год, что в абсолютном выражении составило 27021 человек и в относительном выражении 87%.

Динамика оттока населения Приморского края за период 2006-2017 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика количества человек, выбывших с территории Приморского края на 1000 человек населения в период за 2007–2016 гг.

Исходные данные		Расчетные данные							
Годы	выбыло чел. на 1000 чел. населения Приморского края	Абсолютный прирост, человек		Коэффициент роста		Темп роста, %		Темпы прироста, %	
		Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной
2007	15,56	-	-	-	-	-	-	-	-
2008	15,44	-0,12	-0,12	0,99	0,99	99%	99%	-1%	-1%
2009	13,67	-1,89	-1,77	0,88	0,89	88%	89%	-12%	-11%
2010	15,96	0,40	2,28	1,03	1,17	103%	117%	3%	17%
2011	29,88	14,32	13,93	1,92	1,87	192%	187%	92%	87%
2012	38,33	22,77	8,45	2,46	1,28	246%	128%	146%	28%
2013	41,00	25,44	2,66	2,63	1,07	263%	107%	163%	7%
2014	40,97	25,41	-0,03	2,63	1,00	263%	100%	163%	0%
2015	41,46	25,90	0,49	2,66	1,01	266%	101%	166%	1%
2016	41,61	26,05	0,15	2,67	1,00	267%	100%	167%	0%

Источник: составлено авторами с использованием [1].

Представленные данные свидетельствуют о резком скачке количества выбывших в период с 2010 по 2011 год. Если в 2010 году на 1000 человек отток составил Приморского края 15,96 человека, то в 2011 этот показатель составил уже 29,88, что в процентном выражении составляет около 87% прироста по данному показателю. Отметим так же, что в период с 2007 года по 2010 год, резких изменений в количестве покинувших территории Приморского края не наблюдалось, и показатель ва-

рьировался в пределах от 13,67 (2009 год), до 15,96 (2010 год). Так же можно сказать и о периоде с 2012 года по 2016 год, показатель некритически изменялся и варьировался от 38,33 (2012 год) до 41,61 (2016 год).

Теория миграции населения выделяет 2 вида, внутри страны и международная миграция. К миграции внутри страны относятся внутригиональные и межригиональные миграционные потоки. Международная миграция рассматривает два показателя, в страны СНГ и миграцию в другие зарубежные страны. На рисунке 2 наглядно отображен отток населения из Приморского края за 2016 год в разрезе всех подвидов миграции, о которых было сказано выше.

Рисунок 2 наглядно демонстрирует, что основная доля всех выбывающих из Приморского края приходится на внутригиональную миграцию, то есть люди совершают переезды внутри Приморского края. За 2016 год покинули своё место жительство в общей сложности по всем подвидам 80267 человек, из них перемещение внутри региона составило 44079 человек, что составляет около 55%, в то время как в другие регионы страны перебралось 25292 человека (31,5%). Международная миграция характеризуется более низкими значениями, и в сумме составляет 10896 человек, из которых 5546 (6,9%) перебрались в страны СНГ, и соответственно 5350 человек (6,7%) в другие страны не входящие в состав СНГ.

Далее рассмотрим характеристику выбывших мигрантов с конкретных территорий Приморского края. Общее количество выбывших (как говорилось ранее) со своих территорий Приморского края составило 80267 человек с 36 населённых пунктов, входящих в состав Приморского края, из которых 11 городов краевого подчинения, 4 внутригородских районов и 20 административных районов (рис. 3).

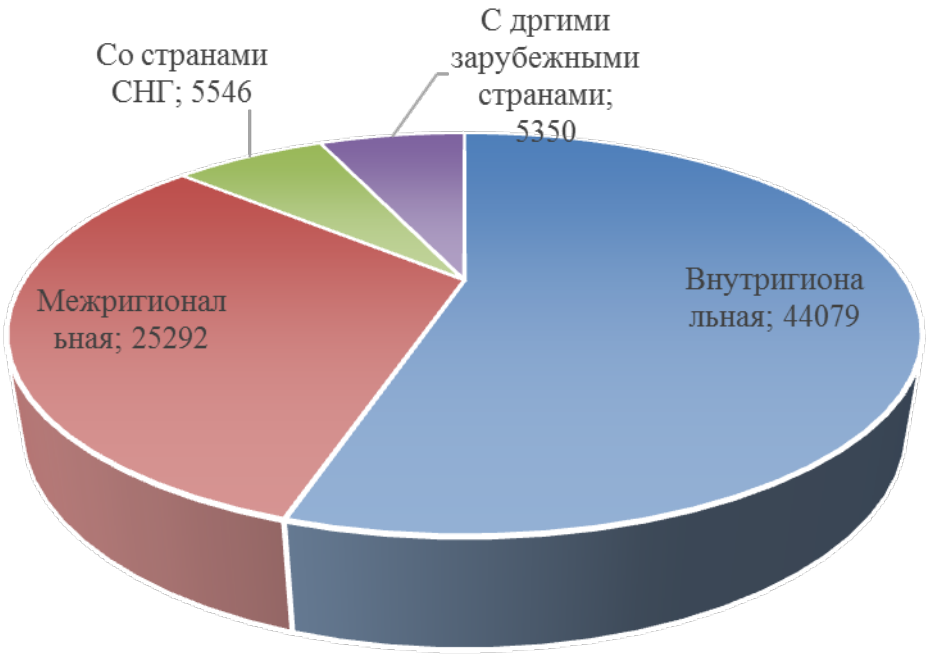

Рис. 2. Структура оттока населения из Приморского края за 2016 год

Источник: составлено авторами с использованием [1]

На рисунке 3 представлены статистические показатели по количеству выбывших мигрантов с территории Приморского края за 2016 год, по каждому населённому его пункту. Сильнее всего бросается в глаза город Владивосток, так как с его территории выбыло от общей массы выбывших мигрантов 30%, что в абсолютном выражении составляет 24148 человек, такая процентная составляющая объясняется тем, что в городе Владивосток проживает около 31% населения от всего населения Приморского края. Следует отметить так же населённые пункты, в которых по сравнению с другими выбыло на порядок большее количество мигрантов. Из города Артём и Находка отток составил при-

близительно одинаковое количество человек (мигрантов), соответственно 4576 и 4718, что в относительном выражении составляет соответственно 5,7% и 5,8%. Город Уссурийск покинуло примерно вдвое больше, чем город Артём и город Находка, а именно 8811 человек, что в процентном выражении составляет 10,9%. То есть с четырёх городов в общей сложности выбыло половина всех мигрантов, которые покинули свои территории Приморского края, а именно 42253(52,4%). Меньше всего отток зафиксирован с территорий Ольгинского и Лазовского районов, 423 человека и 524 человека соответственно.

Таким образом можно отметить, что количество выезжающего населения из региона только растёт. В период с 2007 по 2016 год количество выбывших увеличилось на 159%. Отток населения будет продолжаться увеличиваться, если не предпринять каких-либо мер по удержанию населения на территории Приморского края. Следует заметить, что миграция населения протекает в основном внутри страны, то есть люди меняют место жительства в большей степени, не выезжая за пределы страны, из них 55% не покидают территорию Приморского края (совершают смену места жительства внутри региона), и 31,5% перебираются в другие регионы страны, считая их наиболее привлекательными для труда и проживания.

Анучинский район	846
Шкотовский район	1264
г. Партизанск	1644
г. Артём	4576
г. Находка	4718
Надеждинский район	1686
г. Владивосток	24148
Хасанский район	1466
г. Дальнереченск	1157
Яковлевский район	916
Хорольский район	1258
Черниговский район	1830
г. Арсеньев	1879
Михайловский район	1352
Партизанский район	1019
Дальнереченский район	438
Кавалеровский район	1294
Кировский район	1071
Красноармейский район	986
Лазовский район	524
Октябрьский район	1323
Ольгинский район	423
Пограничный район	1185
Пожарский район	1498
Спасский район	1506
Тернейский район	620
Ханкайский район	1088
Чугуевский район	996
г. Дальнегорск	1650
г. Лесозаводск	2076
г. Спасск-Дальний	1790
г. Уссурийск	8811
г. Большой камень	1708
Лесозаводский район	567
Уссурийский район	954

Рис. 3. Характеристика выбывших мигрантов по каждой территории Приморского края за 2016 год

Источник: составлено авторами с использованием [1]

Список литературы и источников

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/
2. Елисеева, И.И. Статистика: учебник. – М.: Проспект, 2013. – 342 с.
3. Миграция населения: типология регионов по миграционным характеристикам // Демографические контуры регионов России / [Рыбаковский Л. Л., Архангельский В. Н., Иванова А. Е. и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. РАН, Ин-т социал.-экон. проблем народонаселения РАН. – М.: Экон-Информ, 2009. – С. 91 – 141.
4. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа / О. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2008. – 287 с.

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, зам. директора Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: kh-mari08@yandex.ru
ЛУКЬЯНЕЦ Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: artem_ispr@mail.ru

FACTORS OF SUSTAINABLE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Marina N. KHRAMOVA, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate professor of MGIMO University, Deputy director of the Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, e-mail: kh-mari08@yandex.ru

Artem S. LUKYANETS, PhD in Economics, Associate professor of MGIMO University, leading researcher of the Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, e-mail: artem_ispr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности современного демографического развития регионов России. Показывается, что в условиях суженного режима воспроизводства, характерного для большинства регионов РФ, миграционный отток становится дополнительным барьером для реализации региональных программ социально-экономического развития. Деформация половозрастной структуры населения, произошедшая за последнюю четверть века, привела к качественным и количественным изменениям трудового потенциала регионов РФ. Это, в свою очередь, нашло отражение в уже обозначившемся дефиците специалистов в ряде отраслей народного хозяйства страны. В этой ситуации международная миграция остается, по существу, единственным источником восполнения численности населения. В работе выделяются позитивные и негативные последствия международной миграции для российских регионов.

Ключевые слова: демографический потенциал, международная миграция, социально-экономическое развитие, регионы России, Дальний Восток, миграционная политика России.

Abstract. The article analyzes the features of modern demographic development of Russian regions. It is shown that in the conditions of the narrowed reproduction regime, which is typical for the majority of

the Russian regions, migration outflow becomes an additional barrier for the implementation of regional programs of social and economic development. The deformation of the age and sex structure of the population, which occurred over the last quarter of a century, has led to qualitative and quantitative changes in the labor potential of the Russian regions. This, in turn, is reflected in the already marked shortage of specialists in a number of sectors of the national economy. In this situation, international migration remains essentially the only source of population replacement. The paper highlights the positive and negative consequences of international migration for Russian regions.

Keywords: demographic potential, international migration, social and economic development, regions of Russia, Far East of Russia, migration policy of Russia.

Ключевое значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития России играет региональная демографическая ситуация. Реализация целого ряда федеральных и региональных программ помогла существенным образом улучшить показатели рождаемости и значимо снизить смертность, особенно в трудоспособных возрастах. Однако для России, как и для большинства развитых европейских стран, характерен суженный характер воспроизводства населения, выражающийся в недостаточных для обеспечения простого воспроизводства значениях суммарного коэффициента рождаемости. Относительно малочисленное поколение девочек, родившихся в начале – середине 1990-х гг., вступило в настоящее время в репродуктивный возраст. Однако нет никаких оснований надеяться на то, что в этом поколении среднее число детей в расчете на одну женщину будет значимо выше, нежели в более многочисленных когортах. Этот факт, а также увеличение продолжительности жизни россиян, указывают на то, что в ближайшей перспективе старение населения России продолжится и, как следствие, увеличится демографическая нагрузка на трудоспособную часть населения [1].

Характерной чертой России является существенная дифференциация регионального развития. Это выражается как в различии социально-экономической ситуации на уровне регионов в целом, так и в течении основных демографических процессов. За постсоветский период многие российские регионы теряли население как вследствие естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока населения в другие регионы страны и за рубеж. В этом смысле особую важность имеют регионы Сибири и Дальнего Востока, многие из которых являются приграничными, а потому имеют стратегическое значение в целях обеспечения национальной безопасности.

К сожалению, на федеральном уровне долгое время проблема миграционного оттока населения с дальневосточных территорий в центральные регионы страны не находила должного внимания. В результате макрорегион за четверть века лишился более 2 млн. человек своего населения [7].

С начала 2000-х гг. демографическая ситуация в большинстве регионов РФ, в том числе и на Дальнем Востоке, стала улучшаться. Наметились позитивные сдвиги в сторону увеличения рождаемости, снижения смертности от отдельных причин, увеличилась средняя продолжительность жизни как для мужчин, так и для женщин.

Однако наиболее важным компонентом увеличения численности населения по-прежнему остается миграция. За постсоветский период именно международная миграция давала возможность восполнять потери населения, обусловленные депопуляцией. На рис. 1 представлена динамика числа прибывших и выбывших из РФ с 1991 по 2016 гг.

За четверть века, прошедшую после распада Советского Союза, направления и масштабы как иммиграции, так и эмиграции претерпели существенные изменения. Так, миграции 1990-х гг. являлись стрессовыми и были обусловлены, в первую очередь, политической и экономической нестабильностью, военными конфликтами, а также ущемлением прав и свобод русскоговорящего населения на постсоветском пространстве. Для этого периода времени был характерен наибольший миграционный оборот со странами ближнего и дальнего зарубежья. Существенный демографический потенциал для России был и остается сосредоточенным в странах ближнего зарубежья: Украине, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане [3. 6]. С другой стороны, ключевыми странами эмиграции для россиян являются США, Канада, Германия, Израиль.

С начала 2000-х гг. мобильность россиян снизилась. Это в равной степени относится как межрегиональной, так и международной миграции. Изменился также и комплекс факторов, обуславливающих миграционную активность населения РФ. Так, мы можем выделить следующие факторы снижения миграционной активности в последние полтора десятилетия: исчерпание «миграционного потенциала» как внутри страны, так и в ряде посылающих стран; объективное улучшение социально-экономической ситуации в РФ и повышение уровня жизни населения; изменение миграционной политики РФ и основных принимающих и посылающих стран [2, 9].

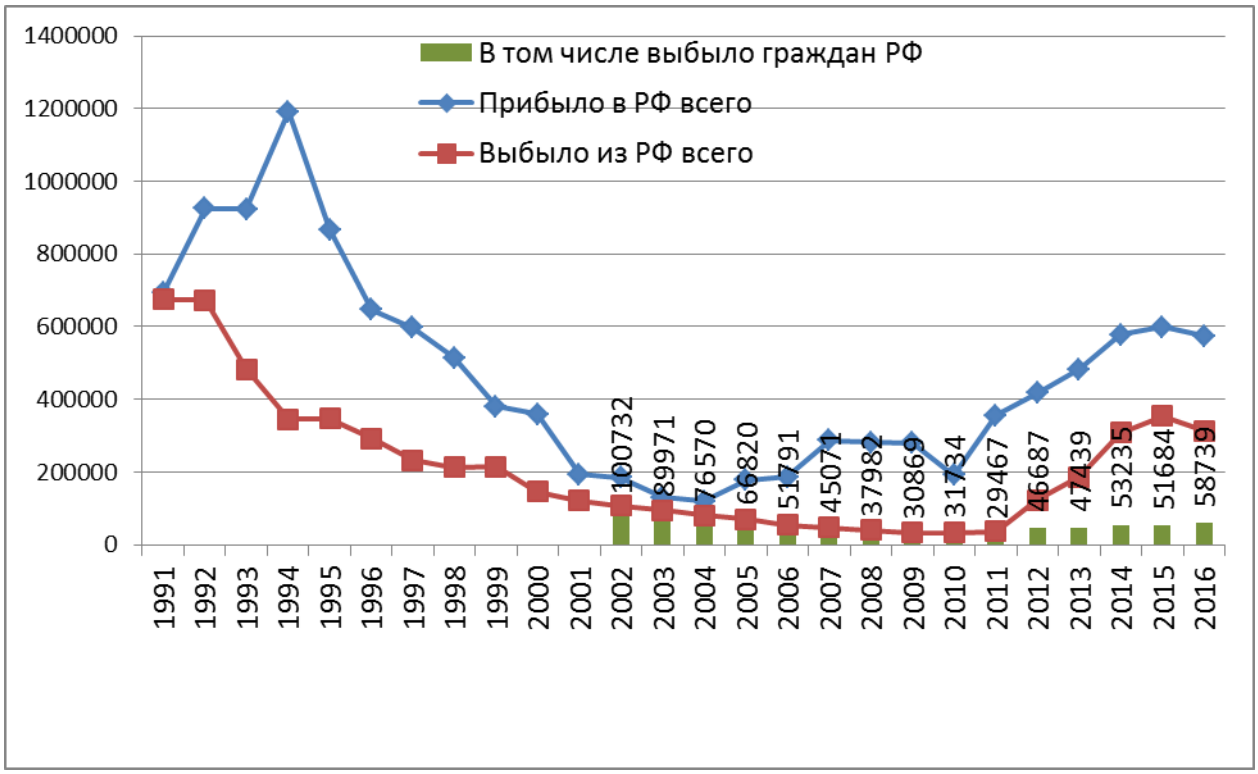

Рис. 1. Масштабы иммиграции в РФ и эмиграции из РФ в 1991 – 2016 гг., чел.
Источник: построено на основании данных Росстата [10]

Выше уже было отмечено, что для России характерна существенная региональная дифференциация, которая проявляется как на уровне федеральных округов, так и на уровне отдельных регионов и даже муниципальных образований [8, 9]. С точки зрения социально-экономического развития заметная межрегиональная дивергенция прослеживается, например, по таким параметрам как уровень оплаты труда, развитость транспортной инфраструктуры, доступность медицинской помощи и образовательных услуг, диверсификация и отраслевая структура региональной экономики, напряженность на региональных рынках труда (уровень занятости, уровень безработицы, среднее время поиска работы, наличие вакансий в определенных отраслях). Немаловажную роль в формировании миграционных установок россиян играет и климатический фактор [4]. Количественные и качественные различия социально-экономического развития приводят, в свою очередь, к дисбалансу демографического развития на уровне отдельных регионов. Это проявляется в неравномерном характере расселения населения и его концентрации вокруг отдельных «точек роста» [8], наличии асимметрии межрегиональных миграционных потоков, значимым различиям в половозрастной структуре населения, продолжительности жизни.

Наибольшее влияние различия в социально-экономическом развитии оказывают на межрегиональную миграцию. Так, можно выделить четыре однородные группы регионов с различным течением демографических процессов: регионы, которые получают как естественный, так и миграционный прирост; регионы, в которых фиксировалась естественная убыль, но был миграционный прирост;

регионы с миграционной убылью, но естественным приростом; и, наконец, регионы, которые теряли население как вследствие естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока. Классификация регионов РФ за 2016 г. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация регионов РФ по компонентам изменения численности населения в 2016 г.

Регионы РФ, в которых была зафиксирована:	Миграционная убыль	Миграционный прирост
Естественная убыль	Области: Владимирская, Ивановская, Костромская, Тамбовская, Республика Карелия, области: Архангельская, Вологодская, Мурманская, Волгоградская, Кировская, Оренбургская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Алтайский край, Кемеровская область, Приморский край, Амурская и Магаданская области, Еврейская АО	Области: Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, Республика Коми, области: Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Республика Адыгея, Республика Крым, Ростовская область, г. Севастополь, Республика Мордовия, области: Самарская, Свердловская, Челябинская
Естественный прирост	Республика Калмыкия, Астраханская область, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия Алания, Ставропольский край, Республики Башкортостан, Марий Эл, Удмуртская, Чувашская, Пермский край, Республики Бурятия, Тыва, Забайкальский край, области: Иркутская, Омская, Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область, Чукотский АО	Московская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республики Ингушетия и Татарстан, Тюменская область, Республики Алтай и Хакасия, Красноярский край, Новосибирская и Томская области

Источник: составлено на основании данных Росстата:
http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/IssWWW.exe/Stg/tab1-03-16.xls

Отметим, что принципиально состав групп является устойчивым и практически не меняется с течением времени. Остается довольно большая группа проблемных регионов с негативными тенденциями демографических процессов. Причем, среди проблемных многие годы отмечаются регионы Дальневосточного федерального округа. Обладая наибольшей среди других федеральных округов площадью, ДФО аккумулирует на своей территории наименьшее по численности население.

Так, по данным текущего учета, на 1 января 2017 г. численность населения ДФО снизилась до 6183 тыс. человек против 6195 тыс. человек годом ранее. В относительном выражении это составляет лишь 4,2% населения РФ. Для сравнения, в 2000 г. в регионах Дальнего Востока проживало 6913 тыс. человек (4,7% населения страны). Только за последние 17 лет убыль населения ДФО составила 730 тыс. человек. Наибольшими темпами снижение численности населения происходило в Магаданской области, Чукотском автономном округе и Камчатском крае. Для большинства регионов потери населения в большей степени были обусловлены оттоком населения в другие регионы России и за рубеж. Динамика численности населения регионов ДФО в 2000 – 2016 гг. представлена в табл. 2.

Значительную роль в снижении численности населения ДФО сыграла межрегиональная миграция. Анализ матриц внутрироссийской миграции по территориям выбытия и прибытия («шахматки») позволяет сделать вывод о том, что жители дальневосточных регионов в основном предпочитают переезжать в регионы Центрального и Сибирского федеральных округов. Также в последнее десятилетие вырос интерес к регионам Северо-Западного и Южного федеральных округов.

Таблица 2

Динамика численности населения регионов ДФО в 2000 – 2016 гг.,
на 1 января соответствующего года, тыс. человек

Регион ДФО	Годы									Отношение 2016 г. к 2000 г. в %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
ДФО в целом	**6913**	**6538**	**6320**	**6285**	**6266**	**6252**	**6227**	**6211**	**6195**	**89,6**
Республика Саха (Якутия)	963	953	959	958	956	956	955	957	960	99,7
Камчатский край	372	344	323	322	320	320	320	317	316	84,9
Приморский край	2141	2028	1965	1953	1951	1947	1938	1933	1929	90,1
Хабаровский край	1474	1397	1349	1343	1342	1342	1340	1338	1335	90,6
Амурская область	936	874	835	829	821	817	811	810	806	86,1
Магаданская область	202	174	159	156	155	152	150	148	146	72,3
Сахалинская область	569	530	501	497	495	494	491	488	487	85,6
Еврейская АО	195	186	178	176	175	173	171	169	166	85,1
Чукотский АО	61	52	51	51	51	51	51	51	50	82,0

Источник: Составлено по [5]

Значительный отток населения из регионов ДФО в другие регионы РФ и за рубеж оказал влияние на половозрастную, образовательную и профессиональную структуру населения. Если в советский период население Дальнего Востока России было значимо моложе, чем в среднем по стране, то за последние четверть века эти различия оказались стерты. Старение населения, отставание в росте ожидаемой продолжительности жизни, низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство, в дополнение к миграционному оттоку – воздействие этих факторов уже сейчас привело к тому, что регионы Дальнего Востока России начинают испытывать существенный дефицит квалифицированных кадров, необходимых для достижения задач экономического роста [7].

Согласно данным, представленным в табл. 3, только с 2012 по 2016 гг. миграционная убыль в ДФО составила более 119 тыс. человек. Причем регионы Дальнего Востока потеряли в обмене с другими регионами РФ более 169 тыс. человек. Миграционный прирост (около 50 тыс. человек) обеспечивался только за счет международной миграции, которая на 88,6% представлена иммигрантами из стран СНГ.

На сегодняшний день пора признать, что единственным источником увеличения численности населения ДФО является международная миграция. В последнее десятилетие произошла существенная трансформация потоков международной миграции. К 2015 г. объемы международной миграции как вследствие ужесточения миграционной политики РФ, так и вследствие роста уровня жизни населения посылающих стран (в частности, Китая и Вьетнама, которые долго для Дальнего Востока удерживали первенство с точки зрения масштабов трудовой миграции [4]), существенно снизились. В то же время в относительном выражении выросла доля обмена со странами СНГ, фактически полностью вытеснив иммиграцию из других зарубежных стран. Скорее уже можно говорить не об обмене, а об одностороннем потоке мигрантов из бывших республик СССР в регионы Дальнего Востока.

На Дальний Восток приезжают мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении, Украины и Азербайджана. За период 2005 – 2016 гг. сальдо миграции с перечисленными странами остается положительным. Следовательно, при сохранении сложившихся тенденций это уже в ближайшем будущем приведет к существенному дисбалансу этнодемографической структуры населения регионов ДФО [9]. Учитывая же общее отрицательное сальдо миграции, легко прийти к выводу, что Дальний Восток покидает преимущественно русское население. Опыт других стран показывает, что такая «замещающая миграция» может принести с собой массу культурных, социальных и политических проблем [6].

Таблица 3

Миграционная убыль в субъектах Дальневосточного федерального округа в 2012 – 2016 гг.

Регион	человек					в расчете на 1000 человек населения региона				
	2012	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Республика Саха (Якутия)	8359	9130	6708	5837	4153	8,75	9,56	7,02	6,09	4,32
Камчатский край	58	1203	3122	1663	1805	0,18	3,76	9,80	5,25	5,72
Приморский край	1104	7139	3948	2791	3209	0,57	3,67	2,04	1,45	1,67
Хабаровский край	531	2975	2535	4927	1586	0,40	2,22	1,89	3,69	1,19
Амурская область	4323	5769	1265	3768	3270	5,28	7,09	1,56	4,66	4,07
Магаданская область	2106	2143	2277	1731	739	13,73	14,15	15,26	11,76	5,06
Сахалинская область	1516	2189	2911	1294	487	3,07	4,45	5,94	2,65	1,00
Еврейская автономная область	1548	2140	1832	2014	1602	8,92	12,48	10,81	12,04	9,70
Чукотский автономный округ	336	354	154	589	516	6,60	6,98	3,05	11,71	10,32
В целом по ДФО	**19881**	**33042**	**24572**	**24164**	**17367**	**3,18**	**5,30**	**3,98**	**3,90**	**2,81**

Источник: рассчитано по [3,10]

Сказанное выше предопределяет геополитические и экономические риски в демографическом развитии дальневосточных регионов РФ. Понятно, что ниверлирование подобных рисков возможно только при активной позиции государства в области реализации мер демографической и миграционной политики.

Список литературы и источников

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. – М.: Изд-во Экон-Информ, 2016 г. – 307 с.
2. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – М.: Изд-во Экон-Информ, 2016. – 192 с.
3. Изменение численности населения по вариантам прогноза. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls
4. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Миграция из Вьетнама в контексте глобального изменения климата // Миграционное право. – 2014. № 1. - С. 37-40
5. Население субъектов Российской Федерации на 1 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm
6. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2017. № 1. С. 5 – 12.
7. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. - № 3. - 2016. – С. 23 – 32.
8. Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. Владивосток: Дальнаука, 2014. – 240 с.
9. Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. 2015. Том 18, № 3. С. 59 – 64.
10. Численность и миграция населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906

РАЗДЕЛ 2
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-06-00565

ГРИШАНОВА Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: gralexandra1949@gmail.com

THE ROLE OF MIGRATION IN PROVIDING THE LABOR RESOURCES OF THE TERRITORIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THEORETICAL ASPECTS

Alexandra G. GRISHANOVA, PhD in Economics, leading researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: gralexandra1949@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация роли миграции населения, его эволюционный характер в предшествующий советский период, показана зависимость миграционного движения от ситуационных факторов в изменившихся объективных и субъективных условиях. Проведенная в середине 1990-х годов типология субъектов РФ в новых условиях перехода к рыночным отношениям, которые происходили на фоне социально-экономического кризиса, засвидетельствовала возникновение нового среза миграционных проблем социально-демографического характера.

Ключевые слова: трудовая миграция населения, трансформация миграционных процессов, приживаемость новоселов.

Abstract. The article deals with the transformation of the role of population migration, its evolutionary character in the previous Soviet period, shows the dependence of the migration movement on situational factors in the changed objective and subjective conditions. The typology of subjects of the Russian Federation conducted in the mid-1990s in the new conditions of transition to market relations that occurred against the backdrop of the social and economic crisis, witnessed the emergence of a new section of socio-demographic migration problems.

Keywords: labor migration, the transformation of migration processes, the survival of new settlers.

Обеспечение трудовыми ресурсами на сегодняшний день – это не региональная, а общероссийская проблема фактически для всех федеральных округов. Но есть округ, по остроте данной проблемы, безусловно, не имеющий себе в этом отношении конкурентов. Это - Дальний Восток. Рассмотрим проблему трудовой миграции на Дальнем Востоке и обеспечения трудовыми ресурсами его территорий опережающего развития с теоретической точки зрения. Поскольку без правильно выработанной Концепции миграционной политики для Дальнего Востока, особенно – для его южных, приграничных территорий, на сегодняшний день не обойтись. Необходимость разработки и утверждения таковой, особенно, для его приграничных территорий, определяется очень малой вероятностью выполнения поставленных в области

как естественного, так и миграционного движения населения задач в уже утвержденной 20 июня 2017г. Концепции демографической политики на Дальнем Востоке на период до 2025 года [1]. И теоретические аспекты такой Концепции необходимо обосновать.

Первый вопрос, который возникает, почему именно для Дальнего Востока проблема трудовой миграции имеет первостепенное значение на современный момент? Ответ: во-первых, из-за его геополитического положения и стратегического значения для Российской Федерации в целом. А в координатах национальной безопасности именно геополитический критерий должен определять рейтинг значимости отдельных федеральных округов для Российской Федерации.

Во-вторых, из-за традиционности данной проблемы трудонедостаточности на Дальнем Востоке, даже в годы советского периода, когда население данного экономического района росло наиболее высокими темпами. Еще сорок с лишним лет назад, по словам наиболее компетентного специалиста в вопросах территориального перераспределение трудовых ресурсов в СССР, А.В.Топилина, говорилось следующее: «Расчеты, проведенные ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, свидетельствуют о том, что для выполнения намеченной программы развития Сибири и Дальнего Востока в 1976-1990гг. темпы роста производительности труда в основных отраслях материального производства в восточных районах должны быть в среднем выше соответствующих показателей по РСФСР. Подавляющая часть прироста продукции должна быть получена за счет роста производительности труда… Однако, даже при планируемых высоких темпах роста производительности труда [2], по ориентировочным расчетам А.Майкова, в народное хозяйство Сибири и Дальнего Востока потребуется дополнительно привлечь из других районов страны несколько миллионов человек трудоспособного возраста» [3]. Однако, в то же время и выполненная еще тридцать с лишним лет назад работа по типологии субъектов СССР, по показателям миграционной подвижности населения, под руководством Л.Л.Рыбаковского показала невыполнимость поставленных выше задач в области миграции трудовых ресурсов на Дальний Восток. В советский период в 1980-х годах были районированы три основные проблемы миграции на российской территории. При этом в рамках каждой проблемы были выделены, с одной стороны, субъекты РСФСР, имеющие их наибольшую остроту – так называемые, субъекты «ядра проблемы», и, с другой стороны, прочие субъекты. Приживаемости новоселов в северных и восточных районах страны. Стабилизации населения – в первую очередь, сельского – в Нечерноземном регионе; и чрезмерной концентрации населения в крупных городах и административных центрах страны, происходящих за счет близлежащих сельских поселений и малых городов [4]. Остановимся подробнее на первой проблеме - приживаемости новоселов в северных и восточных районах страны, и подчеркнем особо, что она в советский период была характерна для территории всех субъектов РСФСР Дальнего Востока, и при этом все его регионы вошли в число ее ядра. То есть именно здесь проблема недостаточности трудовых ресурсов была особенно актуальна.

После распада Союза ССР и начала депопуляции в 1992 г., произошли объективные и субъективные изменения (неотъемлемые от кардинально изменившихся социально-политических и социально-экономических условий), роли миграционного фактора в демографическом развитии - его усиления. В результате произошло превращение миграционных процессов из дополнительного, в единственный позитивный компонент демографического развития России. Такая трансформация роли миграции населения изменила, в целом, ее эволюционный характер в предшествующий советский период, увеличив зависимость этого развития от ситуационных факторов в принципиально изменившихся объективных и субъективных условиях.

В результате, данные изменения ускорились во времени. Вышеупомянутыми ситуационными факторами в этот период, особенно в самом его начале, так называемом, «шоковом периоде», стали издержки политического и социально-экономического реформирования на постсоветском пространстве, действие которых и обусловило «слом» исторически закономерных и долговременных миграционных тенденций в стране.

Это с 1992 г. стало одной из основных особенностей развития населения как Российской Федерации в целом, так и Дальнего Востока, в особенности. В 1990-е годы под их действием движение

населения с запада на восток, из густо населенных в слабозаселенные регионы, из сел – в города, поменялись прямо на противоположные. С востока – на запад, из сел в города из слабо освоенных районов, в старо обжитые регионы, на короткий период - даже отток из села в город, сменился миграционным притоком горожан в сельскую местность, для «выживания» в сложившихся условиях, особенно, в отношении последнего явления, в годы «шокового периода». В результате, проведенная в середине 1990-х годов типология субъектов РФ уже в новых условиях перехода к рыночным отношениям, которые происходили на фоне социально-экономического кризиса, засвидетельствовала возникновение нового среза миграционных проблем социально-демографического характера.

На смену характерной для советского периода проблеме приживаемости новоселов в северных и восточных районах страны пришла проблема стабилизации населения в северных и восточных районах. А все вышеназванные явления как нигде так остро, как на Дальнем Востоке, не проявились, и вновь, все его территории вошли в число территорий «ядра проблемы». Достаточно сказать, что за прошедшие годы постсоветского периода Дальний Восток потерял 2 млн. человек.

Здесь следует упомянуть и о других основных проблемах, которые пришли на смену проблемам до перестроечного развития. На смену региональной проблеме стабилизации населения – в первую очередь, сельского – в Нечерноземной зоне в европейской части страны, пришла повсеместно районированная проблема стабилизации сельского населения [5], особенно – в приграничных территориях, и, одновременно - проблема концентрации дальних мигрантов (межрайонных, в границах РФ, и межгосударственных) в обжитых районах страны. В том числе в крупнейших городах и административных центрах страны, происходящих за счет близлежащих сельских поселений и малых городов [6]. Поскольку не в явной форме – как доминирующая миграционная проблема, но как сопутствующая проблема, все эти проблемы в той или иной мере стали неотъемлемыми и для всех субъектов ДФО, особенно – его южных приграничных территорий.

В-третьих, решение проблемы недостаточности трудовых ресурсов на уровне как Дальнего Востока, в целом, так и отдельно входящих в его состав субъектов Российской Федерации, в современных тенденциях трудовой миграции населения как внутрироссийской, так и межгосударственной, не могут быть решены, на наш взгляд, вне плоскости инновационного развития. Причем, как это ни парадоксально звучит, в первую очередь, именно этого федерального округа. Это единственно возможный и реально выполнимый способ решения поставленных российским государством в ДФО задач. Особенно - обеспечения национальной безопасности страны в целом. А это, главная задача развития всего народнохозяйственного комплекса нашей страны.

Объективно, Российская Федерация, которая входит в число двадцати могущественных государств мира, не может не участвовать в процессах глобализации во всех сферах жизни общества. В том числе, в переходе к новой форме социально-экономического развития, присущей в последние десятилетия, ведущим экономикам мира: инновационному развитию. То есть «развитию, основанному на всемерной поддержке и стимулирования активного внедрения в народнохозяйственную практику разнообразных инноваций, которые являются формой совершенствования и повышения их экономических систем» [7]. И создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) именно здесь - это следствие создавшейся здесь, с одной стороны, негативной миграционной ситуации, с другой стороны, еще более негативной ситуации в области социально-экономического развития. И на них возлагаются большие надежды.

Вопрос второй, могут ли ТОР на Дальнем Востоке выполнить функции механизма, если не преодоления, то, по крайней мере, с одной стороны, по смягчению негативной миграционной ситуации, а, с другой стороны, по преодолению негативной социально-экономической ситуации хотя бы с теоретической точки зрения? На наш взгляд, нет.

Мы разделяем мнение директора Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов Авдеева Ю.А., что «для опережающего развития территории требуются люди» [8]. Фактически территорией опережающего развития должен стать весь Дальний Восток. Ситуация может быть из-

менена здесь лишь тогда, когда в целом в данном федеральном округе будет создана особая миграционная зона с благоприятными условиями для предпринимателей.

Список литературы и источников

1. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Концепция демографической политики на Дальнем Востоке и национальная безопасность: вопросы теории //Миграционной право. 2018. №1. С 33-37.
2. Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. Изд-во «Экономика». М.,1975. С.159.
3. Майков А. Основные направления миграции и совершенствование территориального перераспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР). Народонаселение. М., Статистика, 1973. С.111.
4. Рыбаковский Л.Л. Актуальные проблемы миграции и их классификация. В кн.: Современные проблемы миграции. М.,1985. С.112.
5. Тарасова Н.В., Гришанова А.Г. Социально-демографические проблемы миграции населения России в 90-е годы. М., ИСПИ РАН, 1997.С. 54.
6. Рыбаковский Л.Л. Актуальные проблемы миграции и их классификация. В кн.: Современные проблемы миграции. М.,1985. С.167.
7. Матюшок В.М. Приоритетные направления развития экономики России: формирование и оценка инновационного потенциала //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». 2013. Т. 9, вып. 7.
8. Авдеев Ю.А. Для опережающего развития территории требуются люди. В кн. Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала. Материалы Международной научно-практической конференции 13-14 октября 2015 года. М.: Изд-во «Экон-Информ». 2015. С. 318.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ДВОРЯДКИНА Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: Elena.dvoryadkina@yandex.ru

КАЙБИЧЕЕВА Екатерина Игоревна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: Catherine.kai@mail.ru

LABOR MIGRATION IN THE FAR EAST IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

Yelena B. DVORYADKINA, Doctor of Economics, Professor of Regional, Municipal Economics & Governance Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, e-mail: Elena.dvoryadkina@yandex.ru

Yekaterina I. KAIBICHEVA, PhD in Economics, junior lecturer of Regional, Municipal Economics & Governance Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, e-mail: Catherine.kai@mail.ru

Аннотация. Цифровая экономика отражается на поведении населения, в том числе и миграционном. Авторы, используя данные статистической отчетности, рассматривают миграционные процессы на территории Дальнего Востока. Композиционно статья состоит из двух блоков. В первом

рассмотрена эволюция учета миграционных потоков, выделены особенности его осуществления в настоящее время. Второй блок посвящен характеристике миграционных процессов в субъектах Дальневосточного федерального округа. На основании анализа данных по внутрироссийской и международной миграции рабочей силы авторы приходят к выводу, что Дальний Восток остается привлекательным для иностранных и российских работников. В условиях цифровой экономики трудовая миграция может выражаться в “электронном” перемещении трудовой деятельности, когда несовпадение фактической территории проживания и приложения труда не ведет к физическому перемещению граждан. Перспективными представляются разработки методических подходов к оценке объемов такой “трудовой миграции”.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, Дальний Восток, цифровая экономика.

Abstract. The digital economy affects the behavior of the population, including migration. The authors applied statistical methods to characterize migration flows. The body of the article consists of two parts. The first aims to generalize the evolution of accounting for migration flows. The second one describes migration processes in the Far East. Having analyzed the statistical data available, the authors come to the conclusion that the Far East remains attractive as for foreign as for Russian workers. In a digital economy, labor migration can be expressed in the "electronic" movement of work, when the mismatch of the actual territory of residence and the application of labor does not lead to physical displacement of citizens. Therefore, the development of methodological approaches to assessing the volume of such "labor migration" is seems to be crucial for the economy.

Keywords: migration, labor migration, the Far East, the digital economy.

Введение. Цифровая экономика – объективная реальность. Новые технологии, основанные на использовании Интернета, виртуальные деньги, удаленный характер управления многочисленными процессами как на предприятии, так и в жилом помещении стали рутинным элементом современной жизни. Однако мы можем предполагать, что все эти процессы вызывают трансформацию не только экономики, но и человеческого поведения и миграционного в том числе. В рамках настоящей статьи мы сконцентрируем свое внимание на исследовании процессов трудовой миграции в регионах Дальнего Востока в современных условиях цифровой экономики.

Трудовая миграция: сложности учета. Трудовая миграция представляет собой один из видов миграции, связанный с территориальными перемещениями людей ввиду поиска работы.

Учет миграционных потоков считается достаточно сложной задачей. В научной литературе можно найти множество публикаций, посвященных решению этой проблемы (см., например, [1, 2]).

Стоит отметить, что в статистике миграций за последние годы произошли некоторые изменения.

Во-первых, в 1995 году в соответствии с “Правилами регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и месту жительства”, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 N 713, все мигранты были разделены на две большие группы – регистрируемых по месту пребывания и регистрируемых по месту жительства.

Во-вторых, изменилась правовая основа учета миграционных потоков. В настоящее время учет миграции российских граждан основан на “Правилах регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и месту жительства”, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 N 713 (ред. от 25.05.2017). В отношении иностранных граждан используются положения Федерального закона “О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации” от 18.07.2006 N 109-ФЗ.

В-третьих, “с 2008 г. в листках статистического учета прибытий и выбытий отсутствует вопрос о национальной принадлежности мигрантов” [3].

В настоящее время ведомствами, ответственными за сбор и предоставление статистических данных о миграции, являются Федеральная служба государственной статистики и Министерство внутренних дел Российской Федерации [4].

Учитывая все вышеизложенное, можем сделать ряд заключений. Во-первых, имеющаяся миграционная статистика не позволяет охарактеризовать миграционные процессы за длительный период времени (20 лет и более). Во-вторых, наличествующие в открытом доступе данные не дают возможности исследовать реальные объемы внутрироссийской трудовой миграции. В-третьих, статистический учет иностранных трудовых мигрантов также вызывает ряд вопросов у специалистов в том числе и методологического характера (см., например, [5]).

Трудовая миграция на Дальнем Востоке: динамика процесса. Если оценивать объемы трудовой миграции, то территории Дальневосточного федерального округа можно рассматривать как обладающие существенной привлекательностью для россиян-жителей других регионов страны. Суммарно с 2012 по 2016 годы Дальний Восток покинули 142,2 тыс. занятого населения, уехавшего на работу в другие субъекты Российской Федерации. Приехали на работу за этот же период времени 366,5 тыс. человек. Однако, на наш взгляд, к цифрам статистики стоит отнестись с некоторой настороженностью. Дело в том, что многие компании, работающие на Дальнем Востоке, предпочитают нанимать на работу жителей других регионов. Это приводит к тому, что коренное население регистрируется за пределами своих субъектов Российской Федерации и возвращается обратно уже в виде трудовых мигрантов, хотя на самом деле таковыми не является.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации работа на Дальнем Востоке остается привлекательной и для иностранных граждан. За 12 месяцев 2017 года работу в качестве цели въезда на территорию страны назвали 166 758 человек, поставленных на миграционный учет, что превысило показатель аналогичного периода 2016 года на 7,8%. При этом наиболее привлекательными регионами для иностранных трудовых мигрантов остаются Приморский и Хабаровский края.

Если обратиться к характеристике профессионального состава иностранных граждан, имевших разрешение на работу, то можно увидеть, что среди них преобладают люди, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (см. табл. 1). Характер работы заставляет предполагать, что не все занятые обладают высокой квалификацией. Иными словами, около трети работников-иностранцев, имеющих разрешение на работу, не могут похвастаться высоким уровнем квалификации.

Таблица 1

Распределение иностранных граждан на территории Дальневосточного федерального округа, имевших действующее разрешение на работу по профессиональным группам [6].

	2012	2014	2016
Всего иностранных граждан, человек	81786	70939	30135
в том числе по профессиональным группам:			
руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	2108	2015	1904
специалисты в области естественных и инженерных наук	1441	1951	1970
специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	1055	1320	661
средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	2621	1349	903
работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	2621	1783	658
продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	569	382	286
квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	6296	4788	2213
рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	29971	29857	10514
рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	5410	4465	1239
другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий	5570	5165	2250
операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	2795	2789	850
операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования	3228	2681	1673
водители и машинисты подвижного оборудования	5009	5058	1698
неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	8702	3571	1006
иные профессионально-квалификационные группы	4390	3765	2310

Заключение. На Дальнем Востоке в современный период трудовая миграция имеет следующие характеристики:

– объемы межрегиональной трудовой миграции не всегда точно позволяют судить о реальном положении вещей. В ряде случаев цифры можно считать завышенными;

– среди иностранных мигрантов, имеющих разрешение на работу, преобладают люди с невысокой степенью квалификации.

В конце отметим, что в условиях цифровой экономики "трудовых" мигрантов намного больше, только их миграция связана не с физическим перемещением, а с трудовым. Речь идет о ситуации, когда человек работает удаленно, находясь при этом за несколько сотен километров от места своего трудоустройства. Однако подобные «мигранты» пока не подлежат учету. Хотя, на наш взгляд, разработка подобных методик в скором будущем может стать актуальной по причинам налогообложения, уточнения реального уровня занятости и безработицы на конкретной территории и пр. Учитывая географическое положение территорий Дальнего Востока, разницу во времени и другие факторы, подобная форма "трудовой миграции" является достаточно привлекательной уже сегодня для ряда категорий работников (сфера IT, журналистика, продажи, маркетинг и пр.).

Список литературы и источников

1. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЭИС, 2004.
2. Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly. 2005. N 185-186. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php
3. Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. / Федер. служба гос. статистики (Росстат). М., 2017. 263 с.
4. Об утверждении Федерального плана статистических работ: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 N 671-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/6388294/
5. Клупт М.А. Вопросы сопоставимости данных переписи населения и текущего миграционного учета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/conf/Klupt.ppt
6. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_36/Main.htm

ИМИДЖ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ДОРЖИЕВА Софья Чингисовна, студент, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: Dorjieva.sonya@mail.ru

THE IMAGE OF THE REGIONS OF THE FAR EAST AS A FACTOR OF STRATEGIC DEVELOPMENT

Sophia Ch. DORJIEVA, student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Dorjieva.sonya@mail.ru

Аннотация. В статье изложена актуальная информация о демографическом положении регионов Дальнего Востока и его соответствии задачам стратегического развития. На основе проведенных исследований и опыте предыдущих лет сформированы выводы о факторах формирования человеческого капитала. Учтен теоретический аспект стимулирования притока населения в дальневосточные

регионы. Представлены результаты применения некоторых методов на практике. Выводом послужила необходимость комплексного подхода в решении демографических проблем, основанном на междисциплинарной коллаборации.

Ключевые слова: стратегическое развитие региона, демографическая ситуация, человеческий капитал, трудоустройство, имидж региона, капитализация кадров, обучение персонала.

Abstract. The article contains current information about the demographic situation of the Far East regions and its compliance with the tasks of strategic development. On the basis of studies and experience of previous years, conclusions have been drawn about the factors shaping human capital. The theoretical aspect of stimulating the inflow of population to the Far Eastern regions is taken into account, and the results of applying some methods in practice are presented. The conclusion was the need for an integrated approach to solving demographic problems through the use of various scientific disciplines.

Keywords: strategic development of the region, demographic situation, human capital, employment, image of the region, capitalization of personnel, staff training.

Введение. Освоение Дальнего Востока как стратегически важного объекта для благосостояния всей страны на протяжении длительного времени является одним из приоритетных направлений России. Географическое местоположение региона, обуславливающее его богатый природный потенциал и способствующее налаживанию связей со странами АТР, определяет огромные резервы развития. Для формирования эффективной системы хозяйствования необходимо обеспечение региона соответствующими ресурсами. Важнейшим ресурсом для развития территорий является человеческий капитал, переоценить который практически невозможно, поскольку именно из квалифицированных кадров строятся прочные экономические отношения, обеспечивающие качественный рост отраслей. По этой и многим другим причинам для Дальнего Востока особенно значимым становится решение проблем, связанных с демографией регионов.

Сейчас регион переживает настоящий кризис человеческого капитала: потери населения в 2018 году, по оценкам специалистов, составят 30 тыс. человек, что почти в два раза больше аналогичного показателя за 2016 год [1]. По прогнозу Росстата такие субъекты ДФО, как Амурская область, Хабаровский и Приморский края, войдут в ТОП-20 лидеров Российской Федерации по оттоку населения [2].

Демографическая ситуация в регионе. Все факторы, воздействующие так или иначе на интенсивность миграции населения, можно разделить на несколько групп [3]:

- географические условия, которые включают природно-ресурсный потенциал, уровень экологической стабильности и безопасности;
- экономические факторы, то есть уровень экономического развития, инфраструктуру, условия для предпринимательской деятельности, налоговую нагрузку на население, стабильность и наполненность рынка труда, уровень доходов и прожиточный минимум;
- социокультурную составляющую, характеризующую состояние социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения.

Поскольку регулировать воздействие от географических факторов крайне сложно, большое внимание следует уделить развитию экономики и социальных сфер.

Принято считать, что самое большое воздействие на человека как субъекта миграции в современных условиях имеет рациональное сравнение имеющегося уровня жизни с возможными его изменениями, вызванными территориальными перемещениями. Иными словами, к переезду человека побуждает его нужда в материальных средствах и возможность найти где-либо работу с доходом, соответствующим его потребностям и возможностям. Современное экономическое положение дальневосточных регионов все еще характеризуется такой проблемой, как диспропорция рынка труда: 68% специалистов со среднеспециальным образованием и 71% с высшим образованием жалуются на сложности трудоустройства [1]. Работодатели, в свою очередь, выделяют трудности поиска квалифи-

цированного персонала. Для развития рынка труда на Дальнем Востоке было основано Агентство по развитию человеческого капитала, создание которого направлено на налаживание отношений между работниками и работодателями [4].

Тем не менее решение проблем демографии через трудоустройство кадров нельзя назвать исчерпывающим. Материальная составляющая, хотя и является важнейшим стимулом привлечения человеческого капитала, не отражает всех потребностей и мотивов человека. Определяющую роль в миграционных процессах играет и имидж региона.

Создание имиджа региона как инструмент его развития. Понятие имидж означает "целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, явления, предмета, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо, с целью популяризации, рекламы, обретения устойчивого признания, авторитета" [5].

Имидж региона – понятие, выражающее нематериальный объект, возникающий в сознании людей, выраженный в комплексе ассоциаций и предположений о территории, объединенной географическими, историко-культурными и другими особенностями. Формируется он под влиянием факторов [6]:

- уровень и качество структур власти;
- участие региона в значимых процессах и крупных проектах, в частности, стимулирующих инвестиционную деятельность в развитие региона;
- экономический, политический и культурный статусы;
- динамизм осуществляемых перемен;
- общая безопасность.

В информационном веке, эпоху "четвертой власти", СМИ оказывают неизмеримое влияние на процесс формирования имиджа региона. Существует прямая зависимость имиджа региона от той информации, которая попадает в СМИ, поэтому зачастую проблемы повышения имиджа региона возникают из-за неинформированности общества. Данные опроса показали, что о существовании государственных мер поддержки трудовой миграции на Дальний Восток знает лишь 20% опрошенных человек, из них 82% россиян действующую программу воспринимают положительно [1]. Информационный маркетинг предполагает регулярные публикации о регионе и пользование всеми возможными каналами связи для создания определенного количества качественных представлений. Кроме того, имиджевая политика заключается в поддержании отраслей, компаний, институтов, способствующих формированию регионального имиджа [5].

Ключевой целью человека в системе экономических отношений выступает удовлетворение нужд и потребностей. В соответствии с теорией потребностей Маслоу, стремление потенциальных потребителей региона удовлетворить, в первую очередь, физиологические и социальные потребности, выделяет среди значимых характеристик региона развитость его потребительского рынка. Построение потребительского рынка способствует развитию территорий как с точки зрения трудоустройства, так и с точки зрения проживания в нем, способствуя формированию положительного образа Дальнего Востока в глазах россиян, которые рассматривают перспективы переезда.

Образовательный процесс в формировании человеческого капитала. Важнейшим стимулом к привлечению и удержанию кадров является их качественное обучение. Капитализация персонала является незаменимым атрибутом информационного общества, поскольку рационально применяемые системы обучения содействуют повышению качества производимых товаров и услуг, экономическому росту региона, формированию в нем научно-исследовательской среды, решению социально-экономических задач. Значителен поэтапный характер образовательного процесса, обеспечивающий последовательное развитие предприятий, стимулирующий чувство вовлеченности работников в становлении региона.

Элементами эффективной системы потребительского рынка могут выступать как крупные, так и средние, малые предприятия, однако преимущество малых и средних предприятий в управлении человеческим ресурсом заключается в их способности перестраивать производственный процесс

в короткие сроки без особых потерь. В формировании человеческого капитала через повышение квалификации они демонстрируют быструю реакцию на изменения потребностей рынка, что особенно важно для современного общества, подвергнутого высоким темпам трансформации.

Заключение. Можно сделать вывод о том, что путь к демографическому равновесию внутри страны лежит через формирование благоприятной среды регионов с точки зрения проживания и развития человека в них. Необходимо рассматривать человека не только как человеческий капитал, но и как биосоциальное существо с меняющимися потребностями. Не менее важны, чем доходы, такие факторы как образование, медицина, инфраструктура, досуг, быт и т.д.

Фундаментом для развития человеческого капитала может послужить тезис о том, что за графиками, статистикой и динамикой показателей, прежде всего, стоят люди, которые при принятии решений руководствуются не только строго рациональными установками, но и личным опытом, сформированным ожиданиями и представлениями.

Список литературы и источников

1. Человеческий капитал – основа экономики будущего на Дальнем Востоке – ключевые выводы из деловой программы Российского инвестиционного форума 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://roscongress.vcongress.ru/events/chelovecheskiy-kapital-osnova-ekonomiki-budushchego-na-dalnem-vostoke/

2. Информационное агентство – Regnum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://regnum.ru/news/2377902.html

3. Электронный журнал – Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.forbes.ru/biznes/356643-pereselenie-narodov-pochemu-migranty-edut-v-sevastopol-i-begut-iz-dagestana

4. Калиева О. М., Вакунова И. В., Марченко В. Н., Большакова Ю. С. Факторы, влияющие на формирование имиджа города // Молодой ученый. 2014. №2. С. 439-441. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/61/9165/

5. Киреева С. А., Кузина К. А. Имидж региона: теоретический аспект // Гуманитарные науки. 2017. С. 233-235. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/imidzh-regiona-teoreticheskiy-aspekt

6. Имидж региона как его развития. Онлайн библиотека Studbooks.net. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studbooks.net/1877507/ekonomika/imidzh_regiona_faktor_razvitiya_regiona

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

ЕФРЕМЕНКО Владимир Филиппович, кандидат экономических наук, доцент Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, Хабаровск, Россия, e-mail: vladfilef@yandex.ru

DEVELOPMENT OF MANUFACTURING INDUSTRY AS A FACTOR OF POPULATION STABILIZATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Vladimir F. EFREMENKO, PhD in Economics, Associate professor, Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia, e-mail: vladfilef@yandex.ru

Аннотация. Наблюдаемый в Дальневосточном макрорегионе устойчивый миграционный отток населения связан с усилением сырьевой направленности экономики и сокращением рабочих мест

в обрабатывающих производствах, а также обеспечивающих отраслях и в отраслях социальной сферы. Сокращение численности проживающего постоянного населения имеет положительную корреляционную связь с продолжающимся сокращением рабочих мест в обрабатывающих отраслях промышленности, что, в свою очередь детерминирует сокращение численности занятых в обслуживающих отраслях. Положительные изменения в демографической ситуации возможны при переходе к качественно новой модели экономического развития, основанной на новых, технологически улучшенных обрабатывающих производствах.

Ключевые слова: факторы миграции, экономика, отрасли специализации, обрабатывающая промышленность, корреляция, Дальний Восток России, технологическое развитие.

Abstract. The steady migration outflow observed in the macro-region of the Far East of Russia is directly connected with the strengthening of the raw material trend of the economy and reducing jobs in manufacturing as well as in supplying industries and social sectors. Reduction of the standard resident population has a positive correlation with continuing decline of jobs in the manufacturing industries. In its turn, it determinates jobs reducing in servicing industries. The positive changes in the demographic situation are possible only due to transition to a qualitatively new model of economic development, based on new, technologically improved manufacturing activities.

Keywords: migration factors, economy, specialization fields, manufacturing industry, correlation, the Far East of Russia, technological development.

Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года в качестве стратегической цели определяет стабилизацию численности населения Дальнего Востока на уровне 6,2 млн. человек к 2020 году и ее увеличение до 6,5 млн. человек к 2025 году. Достижение этой цели предполагается в том числе за счет сокращения миграционного оттока постоянного населения, что потребует “обеспечить выявление и исследование факторов, стимулирующих миграционные настроения населения” [1]. По определению Л.Л. Рыбаковского, “причины миграции населения – это ничто иное как реакция индивида (его потребностей, установок, ценностных ориентаций) на те факторы, которые взаимодействуют с данным явлением” [2]. В свою очередь, к факторам – условиям, являющихся детерминантами процесса миграции, относятся географические, природные, социально-экономические (экономические, социальные) и другие факторы естественной и социальной среды, окружающей человека [2]. С точки зрения управления миграцией наибольший интерес представляют изменяемые экономические факторы.

Современное состояние миграционной ситуации в Дальневосточном федеральном округе РФ (далее ДФО) характеризует Е.Л. Мотрич: “…Регион потерял свою привлекательность и, начиная с 1989г., Дальний Восток имеет отрицательное миграционное сальдо… В сокращении численности населения на Дальнем Востоке естественная убыль составила 225,5 тыс. чел. (12,7%), миграционный отток – 1554,5 тыс. чел. (87,3%). Покидает ДФО, прежде всего, трудоспособное население. Только за 2010г. в общей потере населения за счет миграции на долю трудоспособного населения пришлось 73,1%” [3].

Таким образом, сокращение населения в ДФО происходит главным образом за счет миграционного оттока (почти 90% убыли), в структуре которого преобладает население в трудоспособном возрасте (почти 75% выбывающих мигрантов), что позволяет предположить существенное влияние экономических факторов на изменение демографической ситуации.

Целью настоящего исследования является выявление и измерение взаимосвязи между динамикой преобразований в экономической системе ДФО и реакцией населения на эти преобразования, конечной формой которой является миграция, как “один из лучших индикаторов социально-экономического благосостояния общества – это своего рода способ голосования населения ногами” [4]. Степень взаимосвязи изменения структуры экономики макрорегиона, как движущей силы демо-

графических процессов, и численности проживающего здесь населения измерим с помощью методов корреляционного анализа.

Экономический рост в макрорегионе, измеряемый показателями валового регионального продукта (ВРП), опережает среднероссийские темпы. За период 2005 – 2014гг. суммарный объем ВРП по субъектам Российской Федерации вырос в 3,27 раза, тогда как в ДФО этот показатель вырос в 3,9 раза [5]. Однако опережающий экономический рост не приводит к улучшению социальных и демографических показателей в ДФО, а, напротив, сопровождается их деградацией. По-видимому, значение имеет качество роста, изменения структуры производимого ВРП.

К основным отраслям специализации ДФО относятся добывающая и обрабатывающая промышленность, на долю которых в 2014 году пришлось соответственно 28,6 и 5,1 процентов производимой в макрорегионе добавленной стоимости, динамика развития которых, на основании материалов статистики [5], представлена на рис.1. Основные отрасли специализации макрорегиона, выпускающие продукцию, ориентированную на вывоз за пределы территории, представляют собой ядро производительных сил региона, вокруг которого формируются обслуживающие, вспомогательные и прочие отрасли хозяйства.

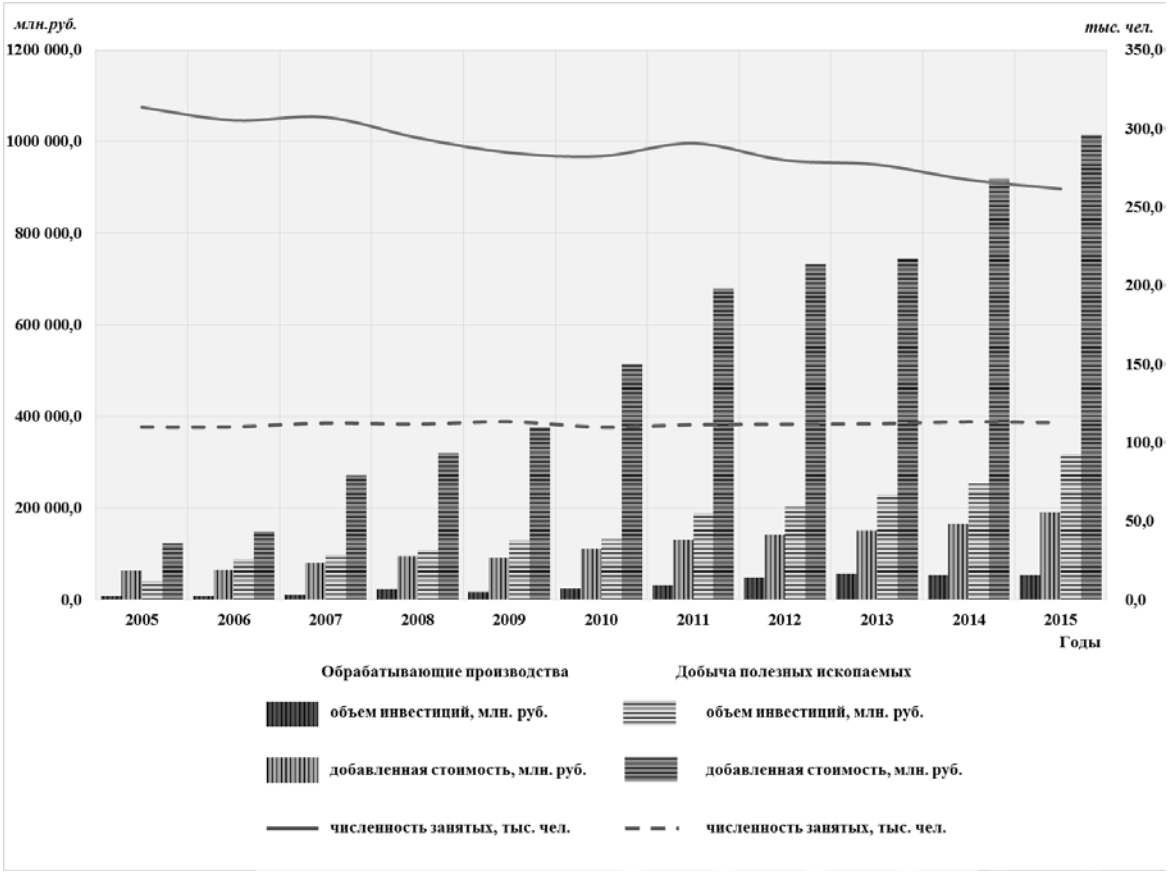

Рис. 1. Динамика развития добывающей и обрабатывающей промышленности в ДФО РФ

За 10 лет суммарный объем инвестиций в добывающие производства превысил соответствующий показатель обрабатывающих производств в 6,4 раза, а объемы производимой в год добавленной стоимости выросли в добывающей отрасли в 7,4 раза, в обрабатывающей – в 2,6 раза. В то же время инвестиции в добывающие отрасли не привели к созданию дополнительных рабочих мест, тогда как сокращение численности занятых в обрабатывающих отраслях имеет положительную корреляционную связь с уменьшением численности населения в макрорегионе (табл.1).

Полученный результат говорит о том, что связь между среднегодовой численностью занятых в обрабатывающих производствах и численностью населения статистически значима и положительна. Сила связи очень высокая (полученный нами коэффициент корреляции составил 0,968).

Таблица 1

Численность населения и занятых в отраслях обрабатывающей промышленности ДФО РФ, 2005 – 2015гг. [6]

Годы	Среднегодовая численность занятых в обрабатывающих производствах, тыс. чел.	Численность населения, тыс. чел.
	X	**Y**
2005	318,0	6460
2006	305,4	6398
2007	307,4	6369
2008	294,3	6339
2009	294,6	6320
2010	283,2	6285
2011	290,8	6266
2012	280,1	6252
2013	277,1	6227
2014	267,6	6211
2015	262,0	6195
Среднеарифметическое значение:	289,1	6302

Сокращение числа рабочих мест в отрасли специализации приводит к сопутствующему сокращению численности занятых в обеспечивающих и поддерживающих производство отраслях, таких как производство и распределение электроэнергии, газа и воды на 11,5 тыс. чел. (или 7,7%), транспорт и связь на 17 тыс. чел. (или5%) [6]. В свою очередь, сокращение численности занятых в экономике и численности проживающего населения детерминируют сокращение численности занятых в образовании на 48,8 тыс. чел. (или 15%), здравоохранении, предоставлении социальных услуг – на 11,4 тыс. чел. (или 5%), что, в свою очередь, приводит к дальнейшему снижению привлекательности территории для проживания населения.

Изменение миграционной ситуации предполагает переход “к качественно новой модели экономического развития, основанной не на наращивании добычи и экспорта сырья и энергетических ресурсов, а на росте производства изделий с высокой добавленной стоимостью, на развитии наукоемких отраслей, ускорении и повышении эффективности научно-инновационной деятельности” [7].

Переход к преимущественно инновационной модели развития макрорегиона, развитие высокотехнологичных обрабатывающих производств, позволит, в демографической ситуации, перейти вначале к стабилизации, а затем и к развитию постоянного населения.

Список литературы и источников

1. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р.

2. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. №2. С.51 – 61.

3. Мотрич Е.Л. Демографические перспективы Дальнего Востока России // Демографическое настоящее и будущее России и её регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2012 года. Выпуск 2. С.289 – 292.

4. Практическая демография: [учебник] / [Архангельский В. Н. и др.]; под ред. Л. Л. Рыбаковского; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. - М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. 277 с.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. Росстат. М., 2017. 900 с.

6. Ефременко В.Ф., Бахарев С.М. Высокотехнологичная обрабатывающая промышленность как фактор сохранения и развития населения на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2017, № 4. С. 23 – 29.

7. Инновационное наполнение инвестиционной политики: монография / Отв. ред. В.И. Кушлин. Москва: Проспект, 2017. 240с.

ВОЗМОЖНЫЕ ЭФФЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ ВЛАДИВОСТОК – МУДАНЬЦЗЯН НА ЭКОНОМИКУ ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-014-00001

КАРПЕЦ Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, Владивосток, Россия, e-mail: ov.karpets@yandex.ru
ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ, Владивосток, Россия, e-mail: ekaurch@mail.ru

POTENTIAL ECONOMIC EFFECTS OF HIGH-SPEED RAILWAY CONSTRUCTION ON NEIGHBORING AREAS: THE CASE OF VLADIVOSTOK-MUDANJIANG RAILWAY

Olga V. KARPETC, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ov.karpets@yandex.ru

Ekaterina S. YURCHENKO, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Oriental Institute - School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ekaurch@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены положительные последствия и препятствия, возникающие во время строительства и эксплуатации высокоскоростных железных дорог. Рассмотренная в качестве примера ветка Муданьзян-Владивосток должна способствовать развитию прилегающих территорий и ряда современных отраслей экономики, хотя предстоит преодолеть некоторые препятствия. Из-за разного формата представления данных и их ограниченности было проведено сравнительное исследование. Рассмотрены следующие данные: валовой региональный продукт, затраты на НИОКР, результаты инновационной деятельности, торговые и туристические потоки. Китайская сторона проекта представляется более продвинутой в плане инновационного сектора (оцененного по количеству патентов), предшествующего опыта и ожидаемого трафика. Для Приморского края данный проект стоит в ряду приоритетных в свете китайско-российского сотрудничества. Несмотря на высокую стоимость постройки и другие риски можно ожидать роста инновационного потенциала Приморского края и дальнейшего углубления кооперации между странами.

Ключевые слова: высокоскоростные железные дороги, экономика знаний, третичные отрасли, развитие территорий.

Abstract. The article considers positive effects and obstacles arising during the construction and operation of high-speed railways. Mudanjiang-Vladivostok line taken as an example is expected to promote development for relevant territories and some modern industries though some barriers must be overcome. A comparative study has been performed since the data is presented in different ways and is limited. Types of data analyzed include: regional GDP, R&D spending, innovation output, trade and tourist flows. Chinese side of the project is definitely more developed in terms of innovation's sector (evaluated by number of patents), prior experience and expected traffic. For Primorsky Krai this project stands among the most important within the framework of sino-russian collaboration. Despite high cost of construction and other risks it is very likely to increase innovation potential of Primorsky Krai and further deepen the two countries cooperation.

Keywords: high-speed railways, knowledge economy, tertiary industries, territories development.

Introduction and literature review. Though high-speed railways (HSR) are considered an attribute of developed countries, the construction of such lines in developing countries as a first-priority matter ensures higher technological level and provides for the development of neighboring areas by chain-effect.

Different researchers placed primary focus on knowledge economy, including tertiary industries, and tourism. Knox studied the effect of high-speed rail on "knowledge industries" and forecasted the expansion of labor markets and agglomeration effects [1]. Bellet suggests that the development of high-speed rail will help to develop the tertiary industry and "new economy (knowledge economy) [2]. Masson and Petiot considered the relationship between the high-speed rail and the development of tourism in the city [3].

The purpose of this research is to analyze possible gains from construction of new railway for the economy of neighboring areas by the case of Mudanjiang-Vladivostok line.

Methods and limitations. The analysis we undertake is based on the case of Vladivostok-Mudanjiang high-speed railway which construction was planned by the preliminary agreement on construction signed by representatives of Russia and China in 2018 [4]. In the case of successful construction of a new high-speed train line, the project provides vast opportunities for enhancing trans-border cooperation between Primorsky Kray and Heilongjiang Province, and is likely to produce a positive impact on the economic development of surrounding areas.

The limitations of this research include:

- Different approaches to statistics calculation in China and Russian Federation which leads to incomparable results;
- Lack of data on R&D investments, tourist flows and regional trade flows.

Therefore, the possibility of application of quantitative methods is corrupted. Due to these reasons we use comparative study approach to identify trends and relative changes in factors related to HSR.

Results. We analyzed available official statistical data on regional GDP, R&D spending, innovation output, trade and tourist flows (Table 1).

Table 1

Structure of trade between Primorsky Krai and China [5]

Products	**Export value, $mln; product share, %**		**Products**	**Import value, $mln; product share, %**	
	2016	**2017**		**2016**	**2017**
Total	1101,4	1146,5	Total	1822,7	2137
Fish and sea-products	50	46	Machines and equipment	17	20
Oil and petroleum products	20	20	Electrical machines	11	12
Timber	25	26	Vehicles	5	5
			Fruits and vegetables	11	7
			Furniture	-	4
			Shoes		4

Trade is growing in terms of both exports and imports. The nature of products moved between the countries necessitates the use of transport capable to carry big volumes quickly (perishable goods and bulky raw materials). HSR satisfies all the requirements.

As technological and innovation development is stated as one of the main goals for both Primorsky Krai and Heilongjiang Province we have also examined possible gains in this sphere. To take into account different sizes of regional economies analyzed R&D spending and innovation output are regarded in correspondence with regional GDPs (Table 2).

To clear the analysis of the influence of different sizes of compared objects, in addition to quantitative characteristics of innovation potential we examine the indexes of innovation activity adjusted to economic size and regional shares in corresponding national quantitative characteristics.

Neither region is regarded as an innovation center in its home country. Regional shares of R&D spending, domestic patent applications, granted domestic patents as the percentage of corresponding national characteristics in both regions are around 1%.

Table 2

Innovation potential of Primorsky Krai and Heilongjiang Province [6, 7, 8, 9]

	Primorsky Krai		**Heilongjiang Province**	
Indicator	**2016**	**2010**	**2016**	**2010**
GRP, mln ruble / mln yuan	736886	470679	1538609	1036860
Regional share in state GDP, %	1,06	1,25	2,08	2,52
GRP, $mln	11025,7	15498,6	231638	153166,4
Domestic patent applications	258	266	35293	10269
Domestic patent applications to GRP ratio	0,023	0,017	0,152	0,067
Domestic R&D spending to patent applications ratio	0,38	0,51	0,07	0,16
Inventive activity index	1,34	1,36	16,24	5,23
Granted domestic patents	206	245	18046	6780
Granted domestic patents to GRP ratio	0,019	0,016	0,078	0,044
Domestic R&D spending to granted domestic patents ratio	0,47	0,55	0,13	0,25
Domestic R&D spending, mln ruble / mln yuan	6476,2	4100,0	15770	11400
Domestic R&D spending, $mln	96,9	135	2374,2	1684
Domestic R&D spending, % of GRP	0,88	0,87	1,02	1,1
Organizations conducting R&D	48	47	821	719
R&D staff, people	5655	5493	-	1160000

Innovation activities in Primorsky Krai are rare, share of R&D personnel in total population here (0,3%) is twice smaller than in Heilongjiang Province (0,6%). Ruble depreciation complicates the situation even further. Though GRP of Primorsky Krai in current ruble prices has grown during 2010-2016 period, GRP in current dollar prices has shrunk significantly. Innovations sphere is capital intensive and highly risky one. Therefore, currency depreciation adversely affects R&D spending. Any significant impact of HSR construction on innovation activity is unlikely.

Considerable share of Russia – China visa-free tourist flows is related to Primorsky Krai (table 3).

Table 3

Russia – China visa-free tourist flows in 2017 [10]

	Visits of Chinese tourists to Russia, thous.	**Growth, %**	**Visits of Russian tourists to China, thous.**	**Growth, %**
Russian Federation	944	23	415	20
Border regions	370	14	402	-
Primorsky Krai	213	11	203	21
Amur Oblast	94	19	-	-
Zabaykalsky Krai	36	12	134	50

Regional tourism cooperation between Primorsky Krai and Heilongjiang Province is constantly developing and is likely to be positively influenced by HSR construction.

Conclusions. Main effects of high-speed rails for economic development include:

- reducing distances and travel time;
- decreasing future cost of new roads and airports;
- acquiring operational profit from the HSR use;
- new employment during construction and operation;
- redistribution effects due to proximity to markets and suppliers;
- other industries development as the result of chain reaction;
- regional development;
- reducing negative ecological effects;
- improved security for cargo delivery (the case of Russian Federation)

The creation of new HSR alone is unlikely to provide substantial positive effect on innovation activity development in Primorsky Kray. Inciting innovation activity in Primorsky Kray requires significant amount of investments.

More stable business and institutional environment and enhancement of cooperation between business and research organizations is required to provide impact for innovation activity.

Intra-regional R&D cooperation is possible if it is focused at some competitive priority industries.

Construction of Mudanjiang-Vladivostok HSR will provide significant positive effect to trade and touristic cooperation between regions. HSR performance may be raised by using the line for both passenger and cargo transportation.

There are possible risks to this project (including high cost of construction and maintenance of specific rolling stock), that can limit positive effects, and which should be addressed in order to maximize success possibility. However, the Chinese have reasonable experience in this field and the construction of Vladivostok-Mudanjiang high-speed railway may become an integral part of sino-russian collaboration within "One Belt – One Road" global project.

References and Sources

1. Knox, S. (2006). Can a High Speed Rail Line in the UK Help to Close the Productivity Gap Between London & the South East and the Regions, and Boost Economic Growth? Transport Planning Society, Oct 2013, access http://www.tps.org.uk/files/Main/Library/2006/sknoxpaper.pdf
2. Bellet, C., Alonso, P., & Casellas, A. (2010). Transport Infrastructure and territory. The structural effects of the high-speed train in Spain. Boletin de La Asociacion de Geografos Espanoles, 52, 377-383.
3. Masson, S., & Petiot, R. (2009). Can the high speed rail reinforce tourism attractiveness? The case of the high speed rail between Perpignan (France) and Barcelona (Spain). Technovation, 29(9), 611-617.
4. Veka, E. (2018). Preliminary agreement on construction of Vladivostok-Mudanjiang HSR is signed. Retrieved from http://www.primorsky.ru/news/142860/
5. Primorsky Krai Administration (2018). Foreign economic Cooperation Results of Primorsky Krai. Retrieved from http://www.primorsky.ru/authorities/ executive-agencies/ departments/inter/foreign-trade/report/index.php
6. Heilongjiang Bureau of statistics (2017). Statistical reports. Retrieved from http://www.hlj.stats.gov.cn/
7. National Bureau of Statistics of China (2018). Annual data. Retrieved from http://data.stats.gov.cn/
8. Primorskstat (2018). Official statistic. Retrieved from http://primstat.gks.ru/
9. Federal State Statistics Service (2018). Russia in figures. Retrieved from http://www.gks.ru/
10. Kuznetcov, P. (2018). Primorsky Krai is the leader of Russia-China tourism. Accessed at http://prim-travel.ru/2018/02/primore-na-perednem-plane-rossijsko-kitajskogo-turizma/

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-06-00565

КОЖЕВНИКОВА Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: dema1@mail.ru

LABOR MIGRATION AND PRACTICAL ASPECTS OF PROVIDING LABOR RESOURCES OF THE TERRITORIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE FAR EAST

Natalia I. KOZHEVNIKOVA, PhD in Economics, leading researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: dema1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы развития населения дальневосточного региона. Показаны мнения ведущих специалистов о возможностях территорий опережающего развития. Даны коэффициенты результативности миграционных связей в 2016 году.

Ключевые слова: Дальний Восток, инновации, концепция, миграционные процессы.

Abstract. The article deals with the key problems of the population development in the Far East region. The opinions of leading specialists on the potential of territories of advanced development are shown. The coefficients of the effectiveness of migration links in 2016 are given.

Keywords: The Far East, innovations, concept, migration processes.

В современных условиях, для Российской Федерации в целом, а ее Дальневосточного федерального округа (ДФО), в частности, проблема модернизации на основе инноваций представляется жизненно необходимой.

Дефицит трудовых ресурсов диктует свои условия для стимулирования повсеместного перехода к ресурсосберегающим технологиям. А для Дальнего Востока, в том числе – его приграничных регионах - в особенности [1]. Тем более, что именно здесь в последнее время созданы для этого и субъективные условия.

Впервые проблема создания территорий опережающего развития на Дальнем Востоке была поставлена президентом РФ В.В. Путиным в послании Федеральному собранию еще в конце 2013 года. Было сказано: «создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий и зон опережающего экономического развития с особыми условиями для создания не сырьевых производств, ориентированных, в том числе и на экспорт» [2]. Через год Президентом РФ 29 декабря 2014 года был подписан Федеральный закон «О создании территорий опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» N 473-ФЗ. Однако, необходимый инструментарий для запуска проекта создания ТОР, как всегда, к сожалению, был подготовлен только спустя полтора года – к весне 2015г. Это было связано с необходимостью внесения поправки в Налоговый, Гражданский и Земельный кодексы. На сегодняшний день, он идет в редакции федеральных законов от 13.07.2015 г. N 213-ФЗ; от 03.07.2016 г. N 250-ФЗ; от 03.07.2016 г. N 252-ФЗ; от 05.12.2017 г. N 371-ФЗ; от 29.12.2017 г. N 455-ФЗ; от 31.12.2017 г. N 486-ФЗ.

На территории Дальнего Востока на настоящий момент имеет место факт создания 18 ТОР в границах следующих субъектов Российской Федерации. В Республике Саха (Якутия): «Индустриальный парк "Кангалассы", "Южная Якутия. В границах Амурской области: "Беринговский" (ЧАО); "Белогорск", "Приамурская", "Свободный". В Хабаровском крае это: "Хабаровск", "Комсомольск", "Николаевск". В Приморском крае: "Надеждинская", "Большой Камень", "Михайловский", "Нефтехимический". В Камчатском крае - "Камчатка". В Сахалинской области: "Южная", "Горный воздух", "Курилы". В Еврейской автономной области:"Амуро-Хинганская", как сообщает пресс-служба Минвостокразвития [3].

Чем отличается проект создания территорий опережающего развития, от предыдущих, на первый взгляд, аналогичных проектов по созданию особых экономических зон(ОЭЗ), зон свободной торговли(ЗСТ)? Прежде всего, временем их функционирования, поскольку по закону территория опережающего развития создается на 70 лет, и, более того, в дальнейшем срок ее «жизни» может быть продлен в отличие, например, от особых экономических зон, которые и создаются не более чем

на 49 лет. Кроме того, на наш взгляд, важно, что заявку на создание ТОР может подать руководство любого субъекта РФ. Территории опережающего развития образуются, прежде всего, в целях развития различных отраслей экономики и привлечения инвестиций, но при этом, что и составляет их важнейшее отличие от вышеназванных особых территорий (ОЭЗ и ЗСТ), ТОР создается под конкретный крупный инвестиционный проект. Еще одно важное отличие заключается в процедуре создания территории. Так, в случае с ТОР инвесторы заключают с уполномоченным федеральным органом соглашения, которые определяют вид будущей экономической деятельности, объем инвестиций и количество создаваемых рабочих мест, последнее, на наш взгляд, особенно важно. Таким образом, территории опережающего развития направлены на развитие комфортной среды для проживания населения субъекта Федерации. Рассматриваются как среда не только обитания, но и формирования человека.

Поскольку ТОР на Дальнем Востоке - механизм достаточно новый, поэтому недостаточно отлаженный. По мнению статс-секретаря, заместителя министра Российской Федерации по развитию Дальнего Востока Павла Волкова, «первая волна, связанная с созданием ТОР на Дальнем Востоке, уже завершилась. Сейчас наша главная задача – уже те ТОРы, которые созданы. Создание максимального числа территорий опережающего развития не является самоцелью. До 2025 года будут создаваться ТОРы там, где это необходимо. Смысл создания ТОР - развитие конкретных территорий и поддержка бизнеса, где это требуется. Это дополнительная возможность финансирования из федерального бюджета определенные территории для строительства дорог, создании коммуникации, подведения энергетики и формирования другой инфраструктуры, необходимой для бизнеса» [4]. С таким мнением нельзя не согласиться, поскольку, как убедительно подтверждает практика создания всего нового, по аналогии с общепризнанным мнением: лучше меньше, да лучше.

Как рассказали «Известиям» в Минвостокразвития, «по итогам апреля 2017 года, количество инвесторов, получивших статус резидента территории опережающего развития, составило 124, объем их инвестиций возрос с 422 млрд. рублей годом ранее до 483 млрд. рублей. Сейчас на территориях опережающего развития введено в эксплуатацию 17 новых предприятий с объемом инвестиций 7,4 млрд. рублей. В будущем эта цифра может возрасти в десятки раз. Так, количество заявок на запуск инвестпроектов в территориях опережающего развития составило 262, увеличившись в три раза с начала прошлого года. Объем вложений оценивается ведомством уже в 1,43 трлн. рублей, тогда как в январе 2016 года цифра составляла 272 млрд. рублей» [5]. Планы планами, однако, экономические реалии Дальнего Востока могут диктовать свои условия. Как отметил заведующий кафедрой госрегулирования экономики Российской академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС) Владимир Климанов, на такой большой малоосвоенной территории, как Дальний Восток, традиционные рыночные факторы перестают действовать. «Поэтому государство должно выделять участки, на которых будут действовать особые налоговый, таможенный режимы или специальное администрирование. К тому же близость инвесторов из активно развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона должна способствовать быстрым темпам определения реальной направленности деятельности в таких зонах», - пояснил Владимир Климанов. Он убежден, что на Дальнем Востоке свет клином не сошелся только на ТОР. Для развития региона должны использоваться и традиционные способы поддержки. В частности, в форме межбюджетных трансфертов, прямых инвестиций из федерального бюджета и др. «Вряд ли единицы или даже десятки ТОР, к тому же специализирующиеся в первую очередь на добыче сырьевых ресурсов, что не входит в специализацию собственно ТОР, будут давать основную часть ВВП данного макрорегиона. В то же время, согласно известной теории «полюсов роста», ТОР должны послужить драйвером, локомотивом развития всего Дальнего Востока» [6], - считает он.

С ним согласен такой эксперт, как Максим Худалов из АКРА, отметивший, что сейчас ключевые регионы Дальнего Востока уже охвачены ТОР, поэтому создавать дополнительные ТОРы нет особого смысла. «Инвесторы будут путаться в большом количестве конкурирующих между собой площадок, гораздо эффективнее распространять юрисдикцию отдельных ТОР на регионы, физически к ним не относящиеся… «Важнее развивать контакты с азиатским бизнесом, при этом не концентри-

роваться только на китайском направлении, которое оказалось трудноreализуемым, но активно смотреть на предложения японских и корейских бизнесменов» [5].

Поэтому, представляется интереснsv рассмотреть общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2016 год в пределах страны. И рассмотреть не только и не столько абсолютные числа прибывших и выбывших, особенно – на тех территориях ДФО, где, как отмечено выше, уже созданы ТОР, сколько – рассмотреть результативность миграции на этих территориях с помощью коэффициента результативности миграционных связей. Если в целом этот коэффициент по стране равен 1000 (то есть на тысячу прибывших в границах России в целом, приходится 1000 выбывших), то в рамках отдельных субъектов и федеральных округов его величина колеблется очень значительно.

Например, в рамках федеральных округов, от минимума в 915 выбывших из Южного ФО. Далее, в порядке возрастания: 918 выбывших на 1000 прибывших в Центральном ФО, 928 - в Северо-Западном ФО, 1042 - в Уральском ФО, 1060 - в Поволжском ФО, 1084 - в Сибирском ФО, 1117 - в Дальневосточном ФО и максимум - 1143 выбывших из Северокавказского ФО. Таким образом, мы видим, что в настоящий момент в целом, Дальневосточный ФО не является наиболее неблагополучным с точки зрения результативности внутрироссийских миграций, таковым для типа внутригосударственной миграции является, как сказано выше, в целом является Северо-Кавказский ФО.

Однако при этом в разрезе федеральных округов, только исключительно для ДФО характерна такая ситуация, когда для всех входящих в него субъектов РФ на 1000 прибывших приходится более 1000 выбывших.

А конкретно: прежде всего, именно в ДФО находится субъект РФ, имеющий максимум - 1372 выбывших на 1000 прибывших. И этот субъект ДФО - Еврейская автономная область. Далее - в порядке снижения остроты проблемы, . Камчатский край - 1288 выбывших, затем - Магаданская область -1275, Чукотский АО - 1141, Республика Саха (Якутия) - 1136, Амурская область -1129, Хабаровский край - 1098, Сахалинская область - 1078, и завершает список Приморский край - 1069 выбывших на 1000 прибывших. Интересно для сравнения привести данные по субъекту РФ, с наиболее благоприятной ситуацией в отношении результативности внутрироссийской миграции в 2016г. Им был г. Севастополь, столица Республики Крым, из которого на 1000 прибывших мигрантов было только 553 выбывших. То есть для наглядности – на двух прибывших – один выбывший. В то время как во всех субъектах, входящих в ДФО, на одного прибывшего приходился, как минимум, один выбывший.

Если рассмотреть коэффициент результативности субъектов и федеральных округов Российской Федерации для типа межгосударственной миграции, то здесь картина в ДФО, в противоположность типу внутригосударственной миграции, относительно благополучная, поскольку здесь на 1000 прибывших приходилось менее 1000 выбывших. Причем как в целом, так и, забегая вперед – в разрезе отдельных субъектов РФ, в него входящих. Но если рассматривать ситуацию с данным типом миграции по другим федеральным округам Российской Федерации, то именно в ДФО она относительно наименее благоприятная. Поскольку с позиций результативности межгосударственного обмена, на уровне федеральных округов, именно ДФО имеет наибольшее число выбывших 776 на 1000 прибывших. Для сравнения, в целом по Российской Федерации – только 545. Наилучшая результативность в межгосударственном типе миграции населения в 2016г. имел Южный ФО - 395 , далее , Уральский ФО - 414,только на третьем месте Центральный ФО -522, на четвертом месте Сибирский ФО - 545, на пятом - Приволжский ФО-588, на шестом месте Северо-Кавказский - 606, на седьмом - Северо-Западный, и на последнем, восьмом месте, как говорилось выше, Дальневосточный ФО.

В рамках субъектов ДФО, дифференциация параметров коэффициента результативности межрайонных связей следующая: максимум - 956, в Амурской области, далее, в порядке убывания, Приморский край - 898, Камчатский край - 760, Хабаровский- 750, ЕАО - 714, Сахалинская область - 589, Республика Саха (Якутия) - 523, Магаданская область - 316, и Чукотский АО - 37.

Для абсолютного большинства миграций в типе постоянной миграции характерным является тип экономический миграции, причем в основном - в виде трудовой миграции, что особенно важную роль играет для типа межгосударственных миграций. В связи с этим, важно отметить следующее предложение, высказанное совсем недавно, в феврале 2018 года чл.-корр. РАН Рязанцевым С.В. Выступая в роли эксперта по проблемам миграции населения и миграционной политики Российской Федерации, он высказал идею о циркуляционной миграции, которая могла бы стабилизировать демографию в ДФО. Он считает, «что в ближайшей перспективе полностью остановить отток населения из регионов ДФО в другие регионы РФ и за рубеж и изменить сложившийся тренд не удастся. Это объективный факт, который нужно принять. В долгосрочной перспективе, при позитивном воздействии целой группы факторов, изменение тренда возможно. Произойдет ли это к 2025 году, как устанавливается в Концепции миграционной политики? Маловероятно. Люди уезжают в западные регионы России, чтобы сразу получить лучшие условия жизни" [6].

Список литературы и источников

1. Храмова М.Н., Безвербный В.А. Миграционные процессы в приграничных регионах Дальнего Востока в контексте обеспечения национальной безопасности. В сб.: Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28-29 ноября 2017 года). М.: Экономическое образование. В двух томах. – Т.1. 270 С.

2. Раздел: Территории опережающего развития. Дата последнего изменения страницы: 18.04.2018 12:05:18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minvr.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya

3. Послание Президенты Федеральному собранию 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/19825

4. Минвостокразвития упрощает условия для резидентов ТОР и СПВ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/10428/

5. Территории опережающего развития Дальнего Востока станут драйвером развития всего российского бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/news/721316

6. Эксперт: циркуляционная миграция могла бы стабилизировать демографию в ДФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/society/20180205/1513968427.html

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЛУКЬЯНЕЦ Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: artem_ispr@mail.ru

ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, зам. директора Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: kh-mari08@yandex.ru

МАНЬШИН Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: manshin@list.ru

MIGRATION ATTRACTION OF THE BORDER REGIONS OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Artem S. LUKYANETS, PhD in Economics, Associate professor of MGIMO University, leading researcher of the Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, e-mail: artem_ispr@mail.ru

Marina N. KHRAMOVA, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate professor of MGIMO University, Deputy director of the Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, e-mail: kh-mari08@yandex.ru

Roman V. MANSHIN, PhD in Economics, Associate professor of MGIMO University, leading researcher of the Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia, e-mail: manshin@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы миграции в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока. Было установлено, что основным фактором снижения численности населения в рассматриваемых регионах стал внутрироссийский миграционный отток населения, преимущественно в центральные и южные регионы России. Выявлено, что международная трудовая миграция в целом оказывает положительное влияние на экономику приграничных регионов. На основе системы статистических показателей был рассчитан индекс миграционной привлекательности приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока. По данным миграционной статистики были рассчитаны индексы глубины замещения миграции в рассматриваемых регионах.

Ключевые слова: миграция, приграничные регионы, Сибирь, Дальний Восток, миграционная привлекательность, замещение миграции.

Abstract. The article deals with migration issues in the border regions of Siberia and the Far East. It was found that the main factor in the decline in the population in these regions was the domestic migration outflow of the population, mainly to the central and southern regions of Russia. It was revealed that international labor migration as a whole has a positive impact on the economy of the border regions. Based on the system of statistical indicators, the index of migration attractiveness of the border regions of Siberia and the Far East was calculated. According to the migration statistics, indices of migration substitution depth were calculated in the regions under consideration.

Keywords: migration, border regions, Siberia, Far East, migration attractiveness, migration substitution.

Замещение трудовой иммиграции в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока. Миграция населения всегда была и остается основной составляющей социально-экономического и демографического развития регионов Сибири и Дальнего Востока [3]. Именно благодаря миграции в советские годы, за относительно короткое время, численность населения в восточных регионах России стабильно увеличивалась [4].

Распад СССР самым пагубным образом отразился на демографический и социально-экономической ситуации практических всех регионах Сибири и Дальнего Востока. Внутрироссийский внутренний отток стал основным фактором снижения численности населения в условиях низкой рождаемости [5]. В то же время с распадом СССР в сначала в приграничные, а затем и в другие регионы Сибири и Дальнего Востока хлынули потоки трудовых мигрантов из Китая, КНДР, Вьетнама [1,2]. Конец XX, начало XXI века в отношении приграничных регионов Сибири и в особенности Дальнего Востока стал прочно ассоциироваться с трудовой миграцией из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, тогда как в большинстве остальных регионов России из года в год возрастал поток трудовой миграции из стран Средней Азии, в первую очередь, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии [7].

Кризис 2014 года, резкое падение курса российской валюты сильно снизило привлекательность России, особенно для мигрантов из Восточной и Юго-Восточной Азии.

Зафиксированный в 2014-2015 гг. миграционный отток трудовых мигрантов снизил численность трудовых мигрантов из Китая, Вьетнама, КНДР в исследуемых регионах. Параллельно с общим миграционным оттоком трудовых мигрантов из России, в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока наблюдался приток трудовых мигрантов из стран Средней Азии. В связи с этим возник интерес изучить насколько сильно произошло замещение международных трудовых мигрантов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока.

В связи с этим было предложено определение индекса глубины замещения иммиграции. «Глубина» замещения иммиграции – это устойчивый процесс постепенной смены соотношения этических групп, ранее не свойственных данной территории, в структуре населения за счет воздействия миграционных поток и процессов воспроизводства населения с последующим изменением этнокультурной среды принимающей территории.

Во втором десятилетии XXI века миграционный поток в приграничные регионы Сибири и Дальнего Востока стал все более этнически разнообразным с постепенным доминированием выходцев из стран Средней Азии. В качестве подтверждения данного суждения были рассчитаны показатели замещения по всем приграничным субъектам Сибири и Дальнего Востока за период с 2013 по 2015 г. Использование более ранних периодов было невозможным в силу специфики методологии статистического учета трудовой миграции в России. Использование данных экспертного опроса не позволило построить динамические ряды, которые были бы сопоставимы с данными ФМС и Росстата [6]. Индексы замещения были рассчитаны как соотношение общей численности трудовых мигрантов из стран Средней Азии к численности трудовых мигрантов из стран Восточной Азии.

Таблица 1

Индексы «глубины» замещения трудовой иммиграции в приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока

Субъект	2013	2014	2015	Субъект	2013	2014	2015
Республика Алтай	6,33	5,28	12,63	Камчатский край	0,90	1,33	19,43
Республика Бурятия	5,75	4,15	1,03	Приморский край	0,65	0,85	0,61
Республика Тыва	0,35	0,91	0,79	Хабаровский край	0,99	1,07	1,29
Алтайский край	13,93	19,92	48,32	Амурская область	0,48	0,41	0,65
Забайкальский край	0,91	0,95	0,91	Сахалинская область	1,17	1,07	2,48
Новосибирская область	1,80	2,65	11,31	Еврейская АО	0,13	0,11	0,11
Омская область	3,72	5,81	10,58	Чукотский АО	0,03	0,13	16,83

Рассчитанные индексы замещения позволили определить положительную динамику в большинстве рассматриваемых приграничных субъектов за исключением Республики Бурятия, Еврейского Автономного округа и частично Приморского края. Однако, необходимо отметить, что в Приморском крае и Еврейском автономном округе основной этнической группой были мигранты из Китая, которые в конце 90-х, начале 2000-х годов составляли более 70%. По данным ФМС в 2015 г. наибольшая численность мигрантов из Китая была зафиксирована в Приморском и Хабаровском краях, 8362 и 5719 человек соответственно. Также в этих субъектах работало и максимальное число мигрантов из КНДР, которая является вторым по численности поставщиком трудовой миграции в приграничные субъекты Сибири и Дальнего Востока из стран с визовым режимом. Миграция из Вьетнама, не смотря на ряд выталкивающих факторов, таких как перенаселённость, негативные последствия глобального изменения климата, не носит массового характера [2]. Таким образом основными странами донорами трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья остаются Китай и КНДР.

В целом, доля мигрантов из стран Восточной Азии в данных субъектах составила в 2015 г. 64% и 41%. В 2012 г. данные показатели равнялись 71% и 56%, соответственно. Однако, в 2015 г. в Хабаровском крае численность трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана превысила чис-

ленность мигрантов из Китая и КНДР. Данное утверждение справедливо для большинства приграничных субъектов Дальнего Востока, за исключением Приморского Края и Еврейской автономной области. В 2015 г. наибольшее замещение в приграничных субъектах Дальнего Востока произошло Камчатском крае и Еврейской автономной области, а наименьшее в Еврейской автономной области, Приморском крае и Амурской области, что объясняется в первую очередь непосредственным приграничным статусом с Китаем и КНДР.

В Сибирском федеральном округе, наибольшее замещение миграцией из стран Средней Азии произошло в Алтайском крае, Республике Алтай и Новосибирской области. Наименьшее замещение в Забайкальском крае и Республике Тыва. Резкий спад численности мигрантов из средней Азии в Республике Бурятия объясняется общем экономическим спадом в указанном субъекте РФ, что в свою очередь существенно снизило привлекательность данного субъекта. Наибольший удельный вес трудовых мигрантов из Восточной Азии в приграничных субъектах Сибири был зафиксирован в Забайкальском крае и Республике Бурятия.

Оценка миграционной привлекательности приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока. Анализ тенденций естественного и миграционного движения населения, выявил существенную роль миграционного компонента в развитии приграничных субъектов Сибири и Дальнего Востока. Для большинства рассматриваемых субъектов международная миграция является основным, компенсирующим элементов в условиях естественной убыли и внутрироссийского миграционного оттока. Разработанная методика предлагает возможность оценки миграционного потенциала по основным социально и экономически значимым критериям, которыми руководствуются потенциальные мигранты при принятии решения о выборе места назначения. Представленные ниже критерии были выявлены при проведении экспертного опроса и затем ранжированы в соответствии с их значимостью.

Для оценки привлекательности того или иного региона была разработана многофакторная методика оценки миграционного потенциала. Ее суть сводится к расчету одного интегрального показателя, комплексно отражающего социально-экономическое благополучие приграничного субъекта. Основным подходом, применённым при разработке методики, стал анализ уровня фактически достигнутых социально-экономических индикаторов субъекта в контексте общероссийских показателей.

Составляющие интегрального показателя:

I_{MA} – миграционная привлекательность субъекта (migration attractiveness)

I_1 – индекс экономического развития субъекта = $\ln GRP_{Region} / \ln GRP_{Russia}$

Для расчета индекса было применено логарифмирование для снижения уровня вариации региональных значение ВРП.

I_2 – индекс доступность жилья (количество квадратных метров жилья, которое можно приобрести на среднемесячную заработную плату) = $\ln W / \ln C_m^2$; W – среднемесячная заработная плата в регионе, C_m^2 – средняя стоимость квадратного метра жилья на вторичном рынке.

I_3 – индекс дохода = $\ln E_{Region} / \ln E_{Russia}$; E_{Region} среднедушевые денежные доходы в субъекте, E_{Russia} среднедушевой доход по РФ.

I_4 – индекс инвестиционного риска в субъекте. Данный показатель ежегодно рассчитывается рейтинговым агентством ЭКСПЕРТ РА. Поскольку вектор данного показателя находится в обратной зависимости от предыдущих показателей, выразим данный индекс через показатель инвестиционной устойчивости.

I_5 – индекс занятости = $ER_{Region} / ER_{Russia}$; ER_{Region} - уровень занятости в регионе, ER_{Russia} – средний по РФ уровень занятости.

I_6 – индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении = $LE_{Region} / LE_{Russia}$; LE_{Region} - средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе, LE_{Russia} средняя ожидаемая продолжительность жизни в РФ

Одним из самых распространённых методов сведения нескольких показатели воедино является метод средних величин, который достаточно успешно был применен, в том числе при расчете Ин-

декса развития человеческого потенциала (Human Development Index), разработанного в начале 90-х годов XX века специалистами Программы развития ООН.

Поскольку все данные представлены относительными величинами (индексами), то для расчета будет применяться формула средней геометрической простой.

$$I_{MA} = \sqrt[6]{I_1 \times I_2 \times I_3 \times I_4 \times I_5 \times I_6}$$

Результаты расчета представлены в таблице 2.

Таблица 2

Индексы миграционной привлекательности приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока

Субъекты СФО	Индекс миграционной привлекательности	Субъекты ДФО	Индекс миграционной привлекательности
Республика Тыва	0,787	Еврейская автономная область	0,882
Республика Алтай	0,871	Амурская область	0,919
Забайкальский край	0,879	Камчатский край	0,927
Республика Бурятия	0,891	Чукотский автономный округ	0,930
Алтайский край	0,911	Приморский край	0,931
Омская область	0,939	Хабаровский край	0,939
Новосибирская область	0,939	Сахалинская область	0,971

Полученное ранжирование в целом совпадает с уровнем экономического развития рассмотренных субъектов. Самыми привлекательными с точки зрения миграционной привлекательности являются Новосибирская область в Сибирском федеральном округе и Сахалинская область в Дальневосточном Федеральном округе.

В заключении отметим, что объективных предпосылок увеличения численности населения в рассматриваемых регионов за счет увеличения уровня рождаемости нет и в ближайшей перспективе не будет. Самым действенным механизмом остается удержание «коренного» населения, путем комплексных программ социально-экономического развития территорий, а также привлечение мигрантов из трудоизбыточных регионов России и соотечественников, живущих за рубежом. Предельно важным должно быть соблюдение интересов в первую очередь местного населения, при выборе механизмов привлечения мигрантов на постоянное место жительство. В противном случае, решая одну стратегическую задачу, Россия может получить несколько социальных и этнических конфликтов на самых восточных ее рубежах, самых важных с геополитической и стратегической точек зрения.

Список литературы и источников

1. Кузнецов Н.Г., Рязанцев С.В. Как России использовать миграционный потенциал Вьетнама // Азия и Африка сегодня. 2011, № 6. С. 36-42.

2. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Миграция из Вьетнама в контексте глобального изменения климата // Миграционное право. – 2014. № 1. С. 37-40.

3. Проблемы населения Дальнего Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 212 с.

4. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. - № 3. - 2016. – С. 23 – 32.

5. Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – 240 с.

6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: Стат. бюллетень / Рос- стат. – М., 2016. – С. 8-10.

7. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., Формула права, 2007. 576 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СНИЖЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ОСТАНИНА Екатерина Владиславовна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: katost2016@mail.ru
НАЗАРОВА Дарья Сергеевна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: dasha.n2013@bk.ru

ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE REDUCTION OF THE NUMBER OF POPULATION OF PRIMORSKY REGION

Ekaterina V. OSTANINA, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: katost2016@mail.ru
Daria S. NAZAROVA, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dasha.n2013@bk.ru

Аннотация. В работе рассмотрена динамика численности населения Приморского края. Анализируются причины и последствия миграционного оттока населения края в другие регионы страны. Дискутируются вопросы эффективности региональных программ, направленных на увеличение численности населения Приморского края.
Ключевые слова: Приморский край, миграционный отток, последствия миграции населения, демографическое развитие.

Abstract. The paper considers the dynamics of the population of Primorsky Krai. The causes and consequences of migration outflow of the population of the region to other regions of the country are analyzed. Issues of effectiveness of regional programs that are aimed at increasing the population of Primorsky Krai are being discussed.
Keywords: Primorsky region, migration outflow, consequences of migration, demographic development.

Демографическая проблема на Дальнем Востоке одна из острых проблем в Приморском крае: дефицит трудовых ресурсов, недостаточная заселенность региона, низкий уровень рождаемости, высокая смертность населения в трудоспособном возрасте, особенно среди мужчин, миграционный отток населения из региона, в связи с отставанием в уровне жизни от европейских регионов. Эти факторы приводят к недостатку квалифицированных управленцев, инженерных кадров, высококвалифицированных рабочих, что в свою очередь отражается на экономике региона.

От решения данной проблемы зависят перспективы модернизации экономики, социальная конкурентоспособность.

По официальным данным, численность населения Приморского края на 1 января 2017 года составила 1923,1 человек, в том числе городского населения - 1483,2 тыс. человек (77,1%), сельского - 439,8 тыс. человек (22,9%). В течение последних 5 лет сохраняется тенденция к снижению численности населения. За январь-ноябрь 2017 года численность постоянного населения уменьшилась на 9,3 тыс. человек и на 1 декабря 2017 года составила 1913,8 тыс. человек. Сокращение населения происходило как за счет естественной убыли - 42,1 %, так и по причине миграционного оттока - 57,9%.

Главным фактором формирования миграционных установок населения является сложившаяся социально-экономическая ситуация и, конечно же, условия проживания в крае. Основную угрозу демографической стабильности составляет отток населения, которое находится в активном трудоспособном возрасте, имеет высокую квалификацию и потенциал в карьерном росте. Люди покидают пределы Приморского края, ввиду различий в уровнях и качестве жизни по сравнению с другими ре-

гионами страны. Выезжают так же выпускники ВУЗов, которые не смогли устроиться по специальности и не нашли достойного применения полученным знаниям, но в то же время стали довольно востребованными кадрами среди российских и иностранных компаний. Данные факторы негативно сказываются на местном бизнесе и экономической составляющей края.

Также, не менее важной причиной снижения численности населения является низкий уровень рождаемости, который образуется вследствие социальной нестабильности населения. Низкий уровень социальной защиты семей с детьми не способствует последующим рождениям.

Проблема депопуляции населения Приморского края на сегодняшний день не нашла однозначного решения. Многие квалифицированные ученые, специалисты, исследователи ищут возможные пути, методы решения проблемы, предлагают различные способы и варианты, которые могли бы улучшить демографическую обстановку края.

Одним из них является введение материнского капитала. На территории Приморского края осуществляется программа поддержки многодетных семей. Она стартовала 01.01.2012 и действует на сегодняшний день. Программа заключается в том, что многодетным семьям, подавшим соответствующее заявление, выплачивается определенная денежная сумма, в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь.

Для того, чтобы повысить численность населения в Приморском крае, важно снизить его смертность. Это можно сделать путем повышения качества оказания медицинской помощи, её доступности, увеличить эффективность профилактической работы, предпринимать меры по ранней диагностике заболеваний, в том числе онкологических. Но ситуация в Приморье оставляет желать лучшего. Огромные очереди на приём к специалистам, в малых населенных пунктах узкие специалисты сокращены в пользу фельдшеров и терапевтов. Система обязательного медицинского страхования, к сожалению, работает неэффективно. Этому способствует и то, что в структуре ВВП доля расходов, предназначенных для развития здравоохранения, остается очень низкой.

Еще одним методом повышения численности населения в крае является создание различных программ, которые направлены на поднятие и поддержание экономического уровня населения, а также привлечения высококвалифицированных специалистов с центральной части России и снижения миграционной ситуации на Дальнем Востоке. В настоящий момент, это такие программы, как «Дальневосточный гектар», «Земский доктор, программа, находящаяся в стадии разработки «Миллион за переезд на Дальний Восток».

На наш взгляд, наиболее эффективными мерами являются внедрение различных программ и материнского капитала, потому что большая часть населения Дальнего Востока имеет низкий социальный статус и проживает за чертой бедности. Материальная помощь, в свою очередь позволит мотивировать население на участие в данных программах.

Список литературы и источников

1. О социальной поддержке льготных категорий граждан, проживающих на территории Приморского края: закон от 29.12.2004г. № 206-КЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW020&n=10416#006773327680703467

2. Ушакова В. Л. Сокращение численности населения – основной современный тренд демографического развития в Приморском крае // Научный альманах. 2015. № 11-1(13). С. 546-547

3. Кузнецова К. О. Оценка и пути повышения уровня и качества жизни населения // Молодой ученый. 2016. №11. С. 801-804. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/115/31058/

4. Храмова М. Н. Тенденция и динамика демографических процессов Приморского края // Вопросы отраслевой и региональной экономики. – 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/–article/n/tendentsii-i-dinamika-demograficheskih-protsessov-v-primorskom-krae

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России по проекту № 26.8327.2017/8.9 и проекта РФФИ № 17-02-00446-ОГН

СУКНЕВА Светлана Александровна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, НИИ Региональной экономики Севера, Якутск, Россия, e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

Svetlana A. SUKNEVA, Doctor of economics, chief researcher, North-Eastern Federal University, Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, Yakutsk, Russia, e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы укрепления демографического потенциала социально-экономического развития Дальнего Востока. Проанализированы особенности динамики и компоненты численности и структуры населения за период с 1990 по 2017 гг. Определены изменения возрастного состава, рождаемости и смертности населения региона и его отдельных территорий, выявлена тенденция демографического старения населения. Показано, что отрицательное сальдо миграции и сокращение естественного прироста стали причиной депопуляции населения. Для сокращения миграционного оттока, укрепления демографического потенциала необходимо улучшение социально-экономических условий и повышение качества жизни населения Дальнего Востока.

Ключевые слова: демографический потенциал, возрастной состав, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, естественный прирост, сальдо миграции, Дальний Восток России

Abstract. The article considers the problems of consolidating demographic potential of the socio-economic development of the Far East. The dynamics and components of population change for the period from 1990 to 2017 are analyzed. Changing age structure, fertility and mortality rates of the population of the region and its individual territories, the demographic trend of an aging population are considered. It is shown that the negative net migration and reducing natural increase caused depopulation of the population. To reduce migration outflow and consolidating of demographic potential it is necessary to improve socio-economic conditions and improving the quality of the Far East population life.

Keywords: demographic potential, age structure, fertility, expectation of life at birth, natural increase, net migration, Russian Far East.

Демографический потенциал как совокупность ресурсных возможностей воспроизводства населения является важным фактором не только демографического, но и регионального социально-экономического развития. Основные группы факторов, формирующих демографический потенциал, обусловлены характером протекания демографических процессов. Прежде всего, это численность и структура населения по различным демографическим признакам. В процессе смены поколений происходит возобновление численности и структуры населения, а также изменение стандартов и норм демографического поведения [1]. Демографический потенциал населения представляет собой заложенные в структуре и определяемые демографическим поведением совокупные способности к воспроизводству [2]. Эти потенциальные возможности обусловлены региональными демографическими процессами, зависящими от особенностей возрастно-половой, брачной и миграционной структуры населения и демографического поведения. Условия проживания и быта, а также особенности занято-

сти населения формируют традиции демографического поведения. К основным группам факторов, определяющим демографический потенциал, относятся численность населения, структура по различным демографическим признакам, демографическое поведение и региональные особенности протекания демографических процессов. Демографические процессы, изменение количественных и качественных характеристик населения во многом определяют будущее социально-экономического развития Дальнего Востока, где в последнюю четверть века наиболее острой и актуальной проблемой является прекращение оттока населения в другие субъекты РФ.

Население сократилось во всех без исключения субъектах Дальневосточного федерального округа. При общем снижении численности населения на 23% в Чукотском АО сохранилась лишь треть населения, в Магаданской области – 37%, Камчатском крае – 66% (таблица 1). По состоянию на начало 2017 г. на территории Дальневосточного федерального округа проживало 6183 тыс. чел., или 4,2% населения России. К наиболее заселенным территориям относятся Приморский и Хабаровский края, третьей по числу жителей является Республика Саха (Якутия). Сформировавшаяся тенденция к сокращению населения сохранилась на всей территории ДФО, исключением стала лишь Якутия, где в последние годы отмечается небольшой рост.

Таблица 1

Динамика численности населения, 1990-2017 гг., на начало года, тыс. чел.

Территории	1990	2000	2005	2010	2015	2017	2017/1990
РФ, млн. чел.	147,7	146,9	143,8	142,8	146,3	146,8	0,99
ДФО	8045	6913	6538	6320	6211	6183	0,77
Республика Саха (Якутия)	1111	963	953	959	960	963	0,87
Камчатский край	477	372	344	323	316	315	0,66
Приморский край	2297	2141	2028	1965	1929	1923	0,84
Хабаровский край	1620	1474	1397	1349	1335	1333	0,82
Амурская область	1055	936	874	835	806	802	0,76
Магаданская область	390	202	174	159	146	146	0,37
Сахалинская область	714	569	530	501	487	487	0,68
Еврейская АО	218	195	186	178	166	164	0,75
Чукотский АО	162	61	52	51	50	50	0,31

Составлено по: [3, с. 241].

Население, проживающее на территориях, расположенных на Дальнем Востоке, имеет между собой много общего по целому ряду основных демографических параметров. В первую очередь это касается соотношения групп населения по возрасту и полу. Важнейшая особенность возрастной структуры населения рассматриваемого региона заключается в высокой доле лиц в трудоспособном возрасте, относительно низком удельном весе пенсионеров и более высокой доле детей в общей численности населения. Изменения структуры населения, связанные с демографическим старением в результате значительного миграционного оттока, а также сокращения рождаемости в 1990-х гг. выразились в существенном сокращении удельного веса детей и трудоспособных, а также росте доли пожилых в структуре населения (таблица 2). Эти процессы свидетельствуют о начавшемся демографическом старении населения, доля пожилых за последние 15 лет увеличилась на всей территории Дальнего Востока с 15,4% до 22%. В Приморском крае доля лиц старше трудоспособного возраста приближается к среднероссийскому уровню. Почти в два раза увеличилась доля пожилых в Магаданской (с 11,2% до 20,8%) и Чукотском автономном округе (с 6,7% до 13,9%).

Демографическая специфика Дальнего Востока определяется малочисленностью населения и чрезвычайно неравномерным размещением на огромной территории. Причинами чего являются особенности освоения и заселения северных и восточных регионов страны [5], а также значительная неоднородность социально-экономической среды. Немаловажны также структурные особенности и этническое своеобразие населения, которое сформировалось под влиянием миграции и высокой рождаемости за счет сохранения традиционной модели демографического поведения коренных народов,

населяющих эти территории [1]. Именно в РС(Я) и Чукотском АО самые высокие уровни рождаемости населения (таблица 3). Более двух детей в среднем на одну женщину репродуктивного возраста по данным за 2016 г. приходится в Чукотском АО, Сахалинской области и РС(Я). Увеличение числа рождений в последнее десятилетие определяется мерами федеральной и региональной демографической политики, улучшением социально-экономической ситуации в стране, а также благоприятным возрастным составом населения, т.к. в активный репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение родившихся в середине 1980-х гг., когда проводились меры активной пронаталистской политики. В 2016 г. по сравнению с 2006 г. рост суммарного коэффициента рождаемости по РФ составил 35%, на 31% возросла рождаемость по ДФО.

Таблица 2

Возрастная структура населения по территориям Дальнего Востока, %

Территории	население в возрасте					
	моложе трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	2002 г.	2017 г.	2002 г.	2017 г.	2002 г.	2017 г.
РФ	18,1	18,3	61,3	56,7	20,5	25,0
ДФО	19,8	19,6	64,8	58,4	15,4	22,0
Республика Саха (Якутия)	26,5	24,8	63,5	58,8	10,0	16,4
Камчатский край	19,2	18,7	68,7	61,0	12,1	20,3
Приморский край	17,9	17,6	64,2	58,1	17,9	24,3
Хабаровский край	18,1	18,3	65,1	58,9	16,8	22,7
Амурская область	20,2	20,3	63,6	57,1	16,2	22,6
Магаданская область	19,0	18,7	69,8	60,4	11,2	20,8
Сахалинская область	18,6	19,2	66,5	57,7	14,9	23,1
Еврейская АО	20,9	21,0	63,2	56,5	15,9	22,5
Чукотский АО	23,2	22,9	70,1	63,2	6,7	13,9

Источник: рассчитано автором по [3, с. 240; 4].

Таблица 3

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения,
число детей в расчете на одну женщину фертильного возраста

Территории	1990 г.	2000 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2016/2006
РФ	1,89	1,20	1,3	1,57	1,78	1,76	1,35
ДФО	2,07	1,26	1,42	1,63	1,89	1,86	1,31
Республика Саха (Якутия)	2,46	1,77	1,72	2,00	2,19	2,09	1,22
Камчатский край	1,69	1,20	1,42	1,51	1,89	1,89	1,33
Приморский край	1,97	1,14	1,31	1,49	1,76	1,74	1,33
Хабаровский край	1,99	1,08	1,36	1,56	1,85	1,78	1,31
Амурская область	2,18	1,29	1,44	1,69	1,84	1,82	1,26
Магаданская область	1,89	1,25	1,32	1,44	1,66	1,60	1,21
Сахалинская область	2,00	1,21	1,40	1,56	2,02	2,16	1,54
Еврейская АО	2,40	1,24	1,47	1,67	2,02	1,99	1,35
Чукотский АО	2,09	1,58	1,78	1,89	2,10	2,11	1,19

Источник: [6].

Наибольшее увеличение данного показателя отмечается в Сахалинской области (54%), Еврейской АО (35%), Камчатском и Приморском краях (33%). При этом в Чукотском АО и РС(Я) несмотря на незначительный прирост 19% и 22% соответственно, показатели рождаемости сохраняются на стабильно высоком уровне.

Снижение смертности в последние годы положительно сказалось на сокращении потерь населения и повышении средней ожидаемой продолжительности жизни. С 1990 г. данный показатель вырос в РФ на 2 года и составил в 2016 г. 71,9 лет. В РС(Я) продолжительность жизни выше средних показателей по ДФО, при этом в республике также отмечается наибольшой прирост продолжитель-

ности жизни (4,6 лет). Самая низкая средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Чукотском АО, составившая в 2016 г. лишь 64,4 года. По сравнению с 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни здесь сократилась на 3,6 лет (таблица 4).

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, оба пола, число лет

Территории	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.	Прирост (убыль)
РФ	69,2	64,5	65,3	65,4	68,9	71,9	2,7
ДФО	67,2	61,8	63,2	62,2	65,8	69,2	2,0
Республика Саха (Якутия)	66,2	62,2	63,7	64,7	66,8	70,8	4,6
Камчатский край	65,9	61,0	63,3	63,2	65,8	69,1	3,2
Приморский край	67,8	63,1	63,7	62,8	66,6	69,7	1,9
Хабаровский край	67,0	62,7	63,0	61,7	65,7	69,1	2,1
Амурская область	67,8	63,0	62,2	60,2	64,4	68,3	0,5
Магаданская область	66,2	60,1	62,0	62,5	65,1	69,0	2,8
Сахалинская область	66,8	54,6	63,3	60,6	64,9	68,7	1,9
Еврейская АО	66,2	61,0	61,8	59,2	63,7	65,9	-0,3
Чукотский АО	68,0	59,8	60,2	58,5	57,5	64,4	-3,6

Источник: [3, с. 244].

Основными причинами смертности населения в регионе являются болезни системы кровообращения, внешние причины и онкологические заболевания. Причем для мужчин молодого возраста на первом месте стоят насильственные смерти [7]. Снижение смертности от внешних причин, а также болезней системы кровообращения явились значимым фактором наблюдающегося роста продолжительности жизни.

Для Дальнего Востока на протяжении многих десятилетий характерной чертой формирования населения было доминирующее влияние миграционного прироста [8]. После 1990 г. миграция становится основной причиной сокращения населения, хотя в двухтысячные годы влияние данного фактора заметно ослабло. Миграционные потери в результате отрицательного сальдо миграции сочетаются с естественной убылью населения. Превышение смертности над рождаемостью характерно для Еврейского автономного округа, Приморского края, Амурской и Магаданской областей. В РС(Я) и Чукотском АО регистрируется стабильный естественный прирост за счет сохранения высокого уровня рождаемости и снижения смертности населения, в 2016 г. по ДФО в целом, на Камчатке, Сахалине и в Хабаровском крае также отмечается естественный прирост (таблица 5).

Количественные и качественные изменения народонаселения являются отправной точкой для всех других параметров социально-экономического развития Дальнего Востока, в первую очередь формирования регионального рынка труда. Анализ демографического развития выявил особенности демографической динамики, состоящей в резком сокращении численности населения. Установлено, что миграция явилась не единственной причиной сокращения населения, для региона характерна также естественная убыль, определяемая превышением смертности над рождаемостью. Ввиду высокой инерционности демографических процессов для укрепления демографического потенциала первоочередной задачей становится сглаживание сложившихся негативных тенденций. Наметившаяся положительная динамика в повышении рождаемости требует дополнительных мер поддержки, в том числе и существенных материальных вложений. В настоящее время возрастает значение мер по улучшению здоровья и снижению потерь от смертности, сокращению безвозвратной и регулированию внутрирегиональной миграции населения. Укреплению демографического потенциала будет способствовать улучшение социально-экономических условий и повышение качества жизни населения Дальнего Востока.

Таблица 5

Динамика компонентов изменения численности населения: естественный и миграционный прирост (убыль), на 1000 чел. населения

Территории	1990 г.		2000 г.		2010 г.		2016 г.	
	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)
РФ	2,2	1,9	-6,6	2,5	-1,7	1,9	0,0	1,8
ДФО	7,2	-4,9	-3,5	-8,3	-0,6	-4,9	0,8	-2,8
Республика Саха (Якутия)	12,7	-6,0	4,0	-9,2	7,0	-7,1	7,6	-4,3
Камчатский край	6,2	-2,7	-1,7	-14,3	-0,6	-4,1	1,4	-5,7
Приморский край	5,6	0,1	-5,3	-4,4	-2,5	-3,5	-1,4	-1,7
Хабаровский край	5,9	-2,7	-5,6	-3,8	-1,7	-3,1	0,3	-1,2
Амурская область	7,6	-8,6	-4,4	-9,2	-1,5	-6,0	-0,8	-4,1
Магаданская область	8,0	-22,9	-2,1	-38,4	-1,5	-14,1	-0,2	-5,1
Сахалинская область	6,1	-4,1	-4,2	-12,1	-2,8	-6,3	1,2	-1,0
Еврейская АО	8,2	-3,1	-4,8	-5,2	-1,9	-4,9	-1,8	-9,7
Чукотский АО	10,1	-35,5	1,9	-70,4	0,9	-17,4	3,6	-10,3

Составлено по: [3, с. 243].

Список литературы и источников

1. Будущее Республики Саха (Якутия): в 5 книгах. Кн. 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. – Якутск: ИД СВФУ, 2015. – 220 с.
2. Сукнёва С.А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.
3. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2017. – 262 с.
4. Население по полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12
5. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. DOI: 10.14530/se.2017.3.133-153.
6. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31517
7. Сукнёва С.А. Смертность населения в Республике Саха (Якутия) // Вопросы статистики. – 2009. – № 8. – С. 50-55.
8. Sukneva S.A., Barashkova A. S. Demographic development and marital status of the population of the Russian Northeast, 1990–2011 // Sibirica. Vol. 13, No 2, Summer. P. 62-92. DOI:10.3167/sib.2014.130204.

МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ШЕСТЕРА Максим Дмитриевич, магистрант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: max.shestyora@yandex.ru

MODELS OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

Maxim D. SHESTYORA, Master student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: max.shestyora@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу моделей демографического освоения Дальнего Востока. Дальний Восток и в дореволюционное время, и на всем протяжении советского периода, выступал как район нового освоения и, соответственно, притока населения. После распада СССР и начала рыночных преобразований макрорегион превратился в район миграционного оттока, каким и остается до настоящего времени. В последнее время к нему приковано пристальное внимание СМИ, государственных органов и общества, внедряются инструменты развития – ТОР, СПВ, дальневосточный гектар. В том числе данные инструменты направлены на привлечение трудовых ресурсов из других регионов и сохранению местных жителей. В ходе исследования применялись методы ретроспективный, картографический, сравнительный.

Ключевые слова: район нового освоения, аграрные реформы Столыпина, индустриализация, государственная миграционная политика

Abstract. The article is devoted to the analysis of models of demographic development of the Far East. For a long time, the Far East acted as a new development area. After the collapse of the USSR and the beginning of market transformations, the macroregion turned into a migration outflow area, which remains to this day. Now, close attention is paid to it by the media, government agencies and society, development tools are being developed - the Territory of advanced development, the Far Eastern hectare. These tools are aimed at attracting labor resources from other regions and preserving local residents. In the course of the study, retrospective, cartographic, and comparative methods were used.

Keywords: new development area, Stolypin agrarian reforms, industrialization, state migration policy

Дальний Восток занимает 36 % площади нашей страны, отличается большим разнообразием природных ландшафтов и содержит существенные запасы природных ресурсов. В составе такого большого макрорегиона выделяются север и юг, к первому относятся Камчатка, Чукотка, Колыма, ко второму – Приморье, Приамурье, Сахалин. Данное деление связано не только с природными факторами, но также и историческими. Северные районы Дальнего Востока были присоединены еще в XVII-XVIII вв., но фактически до 1930-х годов они оставались малозаселенными и фактически играли ту же роль, что и Аляска, которая из-за трудности содержания и отдаленности была продана США в 1867 г. Иначе обстояла ситуация с южными районами – благодаря усилиями дипломатии данные регионы были присоединены к России в середине XIX в., но фактически сразу же начали осваиваться и заселяться. Сопутствующими факторами послужили более благоприятные условия для жизни по сравнению с северными районами Дальнего Востока, а также с большей частью Сибири.

Таким образом, начиная с XIX в. и вплоть до конца 1980-х гг. Дальний Восток являлся в масштабах страны районом нового освоения и притока населения (рис. 1). Несмотря на одинаковую отдаленность дальневосточных регионов, их заселение и освоение происходили различными методами и в разное время (табл. 1). Первыми на Дальний Восток пришли землепроходцы, а за ними – промышленники (соболь) и военные (посты). Данные две когорты являлись ключевыми на всем Дальнем Востоке вплоть до конца 1880-х гг. Однако, для национальной безопасности малочисленность населения являлась угрозой, и подтверждением этого послужили продажа Аляска – малочисленность русского населения и растущие геополитические амбиции новой державы. Предпосылки для начала массового заселения далекого макрорегиона появились только в конце XIX в. – отмена крепостного права (свобода выбора для крестьян), резкий рост естественного прироста вследствие улучшения качества жизни в центральных губерниях (что повлияло на нехватку земельных наделов), начало строительства железнодорожного каркаса [1].

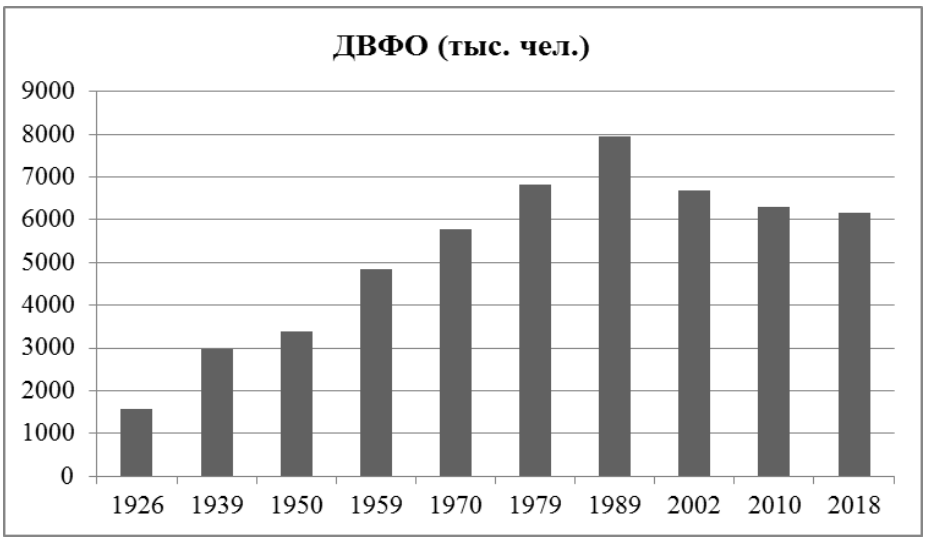

Рис. 1. Динамика населения ДВ (Дальнего Востока) в 1926-2018 гг.

Таблица 1

Динамика населения регионов ДВ в 1926-2018 гг.

	1926	**1939**	**1950**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2018**
ДФО	1572	2976	3378	4835	5780	6820	7941	6694	6295	6164
Приморский край	637	888	975	1381	1721	1978	2258	2071	1957	1913
Хабаровский край	147	549	608	980	1174	1376	1609	1437	1344	1328
Амурская область	414	634	585	718	793	937	1058	903	830	798
Еврейская АО	36	109	120	163	172	190	216	191	177	162
Сахалинская область	12	100	459	649	616	655	710	547	498	490
Камчатский край	19	109	108	221	288	379	466	359	322	316
Республика Саха	287	414	361	487	664	839	1081	949	959	964
Магаданская область	7	152	138	189	251	333	385	183	157	144
Чукотский АО	13	21	24	47	101	133	158	54	51	49

Источник: *составлено автором на основе данных Росстата*

Строительство Транссиба и аграрные реформы Столыпина послужили толчком к аграрному переселению за Урал. На Дальнем Востоке основными районами заселения послужили будущие Приморский край и Амурская область. За 1900-1913 гг. на Дальний Восток переселилось 300 тыс. чел, население выросло с 244 тыс. в 1897 г. до 662 тыс. в 1913 г. Это стало возможно благодаря тому, что в контексте того времени главным мерилом богатства служила земля. Если в центральных губерниях в среднем на семью приходилось 5-10 га земли, то на Дальнем Востоке могли рассчитывать до 100 га [2]. Помимо этого, переселенцев привлекали различные льготы: освобождение от государственных повинностей на 20 лет (включая военной службы), от уплаты местных налогов на 3 года, субсидии [1].

До конца 1920-х гг. дальневосточные регионы продолжали оставаться аграрными окраинами, небольшое количество промышленных предприятий имелось лишь в крупных центрах (Хабаровск, Владивосток, Благовещенск), велась разработка месторождений угля для местных нужд. Следующий пик притока населения уже в советское время объяснялся индустриализацией и ГУЛАГом. Основным районом заселения на Дальнем Востоке в 1930-е гг. являлся Хабаровский край, частично Приморский край. Это связано со строительством заводов, на которые привлекались со всей страны комсомольцы, которые покидали сельские местности из-за ухудшения уровня жизни вследствие коллективизации и сопутствующих процессов (голода, принудительная система). Развитие производительных сил происходило в рамках плановой экономики, таким образом, государство получило возможность контролировать процесс централизованного заселения Дальнего Востока (в отличие от стихийного заселения в дореволюционные годы). Еще одним основным районом заселения стала Магаданская область. Данный регион в 1930-е гг. стал наиболее значимым районом концентрации лагерей ГУЛАГ, заключенные при-

влекались на разработку месторождений в неблагоприятных условиях. Заключенные в конце 1930-х гг. составляли 20 % населения Дальнего Востока [1].

После присоединения в 1945 г. большей части Сахалинской области, входившей в состав Японии, было проведено замещение японского населения приезжим советскими, со всей страны привлекались специалисты различных отраслей хозяйства, в данном случае использовалась система льгот (в частности, более ранний выход на пенсию и северные коэффициенты, быстрое предоставление бесплатного жилья). В целом, в послевоенное время на новые дальневосточные предприятия, которые продолжали строиться в рамках пятилетних планов, привлекались специалисты из разных регионов СССР системой льгот, заселение стало носить почти свободный характер (в рамках распределения).

Миграция населения, преимущественно в молодом возрасте, способствовала также высокому уровню естественного прироста на Дальнем Востоке. В советские времена данный показатель превышал средний показатель по РСФСР. В результате двух связанных процессов население выросло с 1,5 млн чел. в 1920-е гг. до 8 млн чел. на момент распада СССР.

Последние 25 лет и на текущий момент Дальний Восток является районом миграционного оттока, население сократилось до 6,2 млн чел., что соответствует уровню 1970-х гг. В некоторых регионах (Сахалинская и Магаданская области) численность населения соответствует уровню 1950-х гг. Если бурный отток из северных регионов в 1990-е гг. объяснялся перекосами плановой экономики (нерентабельность предприятий, избыток населения в неблагоприятных для жизни районах, фактор первого поколения переселенцев, стремление заработать и уехать на пенсию в южные районы страны), то на сегодняшний момент сокращение население происходит за счет южных регионов Дальнего Востока, отличающихся более благоприятными природными условиями и закрепленностью населения (65 % жителей южных регионов родилось здесь, для сравнения, в северных регионах показатель по оставшимся жителям составляет 40-45 %) [3].

Отток населения, как и всякое социально-экономическое явление, имеет пространственную дифференциацию, будет рассмотрен на примере Приморского края (рис. 2). Все муниципальные образования края имеют отрицательное межрегиональное сальдо (т.е. больше уезжают, чем приезжают), но на внутрирегиональном уровне наблюдается стягивание населения в южную часть края. Продолжается характерный для всей страны миграционный процесс «село – город» (лидер по оттоку в относительных величинах – Михайловский район, соседствующий с лидером по притоку – Уссурийским городским округом). Развивается процесс субурбанизации, жители края стремятся переселиться не в сам центр региона, Владивосток, а в его пригородную зону (Артем, Надеждинский, Шкотовский районы) [4].

В 2010-е гг. тема развития Дальнего Востока в государственной политике вышла на ведущие позиции. Было создано специальное министерство (Минвостокразвития), проводятся разнообразные мероприятия (саммит АТЭС 2012 г., ВЭФ), к макрорегиону приковано пристальное внимание СМИ из-за внедрения здесь «инструментов развития» – ТОР, СПВ, дальневосточного гектара. Активная работа по внедрению данных инструментов началась в 2015-2016 гг., однако на сегодняшний момент (2018 г.) большая часть заявленных проектов и инвестиций остается на бумаге, а отток населения продолжается – за последние 5 лет население макрорегиона сократилось на 100 тыс. чел. Почему, несмотря на активное внимание государства и широкий перечень мер поддержки (правда, в основном, предпринимателям в рамках ТОР), дальневосточники продолжают уезжать? Какая должна быть новая модель для заселения Дальнего Востока в нынешних условиях, отличающихся как от дореволюционного периода, так и от советского? К сожалению, для государственных структур два данных вопроса остаются риторическими.

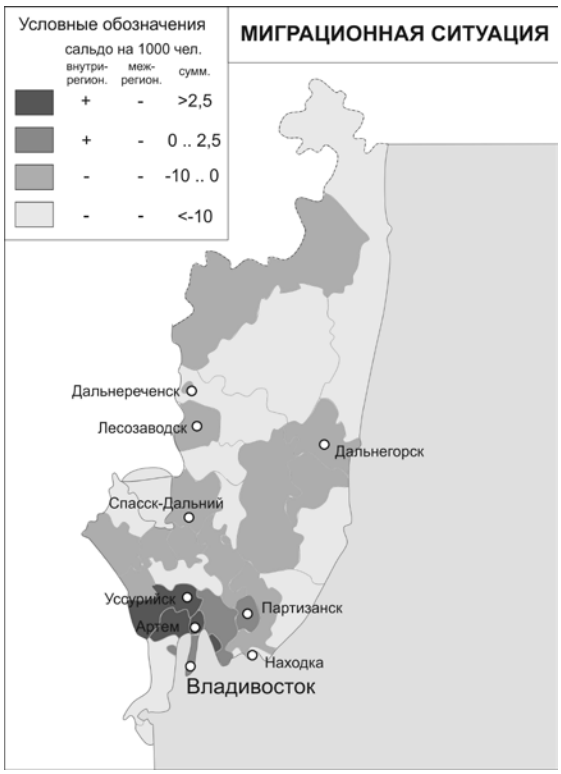

Рис. 2. Миграционная ситуация по муниципальным образованиям Приморского края в 2014-2016 гг.

Дальний Восток в течение всего исторического процесса являлся районом миграционного притока. Однако заселение его в целом и по отдельным регионам происходило различными методами и в разные периоды времени, но оставался один общий момент – государственные органы имели достаточное количество ресурсов и механизмов для успешной реализации этой политики. Цель данной политики – обеспечение национальной безопасности через перераспределение людских, экономических и иных ресурсов. Конечно, некоторая успешность этой политики в советский период объяснялась ролью государства в жизни общества, плановой экономикой и принудительными порядками. Дореволюционный опыт, с одной стороны, говорит об относительной свободе действий для крестьян-переселенцев, но с другой – в тот период общество являлось более традиционным, и мерилом богатства служила земля. К сожалению, на данный момент только лишь предоставления земельных участков, при этом, скромных размеров («дальневосточный гектар»), недостаточно. Также как и точечных проектов полюсов роста (ТОР, СПВ). Необходима новая государственная политика в отношении конкретных людей – как местных жителей (меры по сохранению населения на Дальнем Востоке), так и приезжих специалистов (меры по закреплению).

Список литературы и источников

1. Дальний Восток: этническая история (05.05.2015 г.) / Портал «Русская народная линия» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2015/05/05/tam_gde_bagryanoe_solnce_vstaet

2. Как раздавали дальневосточные земли в царской России (16.05.2016 г.) / Портал DV.Land ТАСС [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dv.land/history/kak-razdavali-dalnevostochnye-zemli-v-tcarskoi-rossii

3. Демоскоп [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru

4. Экономическая и социальная география России: География отраслей народного хозяйства России. Учебник / Под редакцией В.Л. Бабурина, М.П. Ратановой. – М.: «Книжный дом Либроком», 2013. – С. 143-160.

5. Московские чиновники не в силах понять – почему люди уезжают из ДФО (22.01.2018 г.) / ИА Regnum [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://regnum.ru/news/2370400.html

РАЗДЕЛ 3
СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

БАЗИС ХАРАКТЕРИСТИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЛЯ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ: МИГРАЦИОННЫЙ ПРИРОСТ В ИНДИКАТОРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

АФАНАСЬЕВ Михаил Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией, Центральный экономико-математический института РАН, Москва, Россия, e-mail: miafan@cemi.rssi.ru

НАНАВЯН Ашхен Мардиросовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический института РАН, Москва, Россия, e-mail: ashchenn@mail.ru

THE BASIS OF THE CHARACTERISTICS OF REGIONAL DIFFERENTIATION FOR INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE MIGRATION INCREASE IN THE INDICATOR OF MATERIAL WELL-BEING

Mikhail Yu. AFANASYEV, Doctor of Economics, Professor, head of laboratory, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: miafan@cemi.rssi.ru

Ashkhen M. NANAVYAN, PhD in Economics, senior researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ashchenn@mail.ru

Аннотация. Формируется и апробируется методология построения индикаторов основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ. Новизна результатов определяется тем, что эти индикаторы строятся на основе базиса, сформированного с использованием характеристик региональной дифференциации. В этом базисе построен индикатор материального благосостояния, который максимально коррелирован с индикатором, сформированным на основе соответствующей группы показателей Росстата. Одним из них является показатель миграционного прироста, характеризующий материальное благосостояние с позиций концепции "голосования ногами". Практическая значимость в том, что векторный базис может рассматриваться в качестве общей информационной основы для анализа взаимосвязи различных направлений регионального развития. Изменения положения субъектов РФ в пространстве характеристик дифференциации в результате реализации федерального или регионального инвестиционного проекта получают естественную экономическую интерпретацию и отображаются в изменениях индексов по каждому направлению. Поэтому векторный базис может стать одним из инструментов проектного управления.

Ключевые слова: векторный базис, регион, миграция, качество жизни

Abstract. The methodology of constructing indicators for the main directions of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation is being developed and approved. The novelty of the results is determined by the fact that these indicators are built on the basis of a basis formed using the charac-

teristics of regional differentiation. In this basis, an indicator of material well-being has been constructed, which is maximally correlated with the indicator formed on the basis of the corresponding group of Rosstat indicators. One of them is the indicator of migration growth, characterizing material well-being in terms of the concept of "voting with feet". The practical significance is that the vector basis can be considered as a general information basis for analyzing the interrelationship between different directions of regional development. Changes in the status of the subjects of the Russian Federation in the space of characteristics of differentiation as a result of the implementation of a federal or regional investment project receive a natural economic interpretation and are reflected in changes in indices in each direction. Therefore, the vector basis can become one of the tools of project management.

Keywords: vector basis, region, migration, quality of life

Миграция является одним из значимых факторов, определяющих устойчивое экономическое развитие. При анализе причин миграции обычно выделяют факторы, привлекающие или, наоборот, отталкивающие людей переезжать в те или иные регионы. Безусловно, эти факторы связаны с уровнем и условиями жизни населения, которые лучше (хуже), чем в регионе текущего проживания. Наиболее применяемым относительным показателем является коэффициент миграционного прироста, характеризующий как интенсивность миграционных процессов, так и материальное благосостояние с позиций концепции "голосования ногами", основанной на гипотезе Ч. Тибу [1].

Компонентный состав базиса индикаторов регионального развития. Формируется и апробируется методологическая основа построения индикаторов основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ. Теоретически обоснованным подходом к построению индикатора определенного направления является компонентный анализ показателей, характеризующих это направление. Наиболее полно методология его применения и результаты апробации при оценке качества жизни представлены в [2, 3]. Новизна представленных результатов в том, что индикаторы строятся на основе общего базиса, компоненты которого отражают основные характеристики дифференциации, формируемые с помощью теоретически обоснованных моделей регионального развития. Положение региона в базисе определяет его экономическое своеобразие. Формирование индикатора в базисе осуществляется таким образом, чтобы он был в максимальной степени коррелирован с совокупностью показателей, характеризующих рассматриваемое направление. Сравнительный анализ индикаторов разных направлений позволяет оценить их взаимосвязь. Преимущество этого подхода в том, что построенные на его основе индикаторы позволяют количественно оценить относительное изменение уровня социально-экономического развития региона при изменении характеристик его дифференциации.

При формировании векторного базиса индикаторов регионального развития в качестве определяющих характеристик региональной дифференциации рассматриваются первая и вторая главные компоненты структуры ВРП - важнейшей характеристики технологической взаимосвязи ресурсных возможностей и результатов производственной деятельности региона. Первая главная компонента разделяет добывающие и прочие регионы и далее характеризуется как индекс отраслевой специализации. Вторая главная компонента разделяет обрабатывающие, равномерно развитые, сельскохозяйственные, развивающиеся регионы и характеризуется как индекс индустриализации. Две первые главные компоненты объясняют более 80% общей дисперсии количественных характеристик структуры ВРП, причем взаимное расположение регионов в пространстве двух первых главных компонент устойчиво во времени [4]. С использованием двух первых главных компонент структуры ВРП и модифицированного метода максимального правдоподобия совокупность субъектов РФ разделена на пять групп, однородных по структуре ВРП [5].

Техническая эффективность производства, моделируемая и оцениваемая на основе концепции стохастической границы [6] для регионов, входящих в однородную группу, является характеристикой регионального управления, так как различие в уровне технической эффективности регионов однородной группы обусловлено тем, что они в разной степени используют доступные, сопоставимые в

силу однородности, возможности развития. Для сравнительного анализа эффективности управления регионами из разных однородных групп, авторами предложен и апробирован метод, позволяющий скорректировать оценки технической эффективности, полученные по общей для всех регионов модели так, чтобы их ранги соответствовали рангам оценок, полученных по модели, построенной для каждой однородной группы [7].

Теоретически обоснованный состав базиса индикаторов различных направлений социально-экономического развития субъектов РФ представлен в работах [6, 8]. Векторный базис $B_t = (\{l_{it}\}_i, \{te_{it}\}_i, \{s_{it}^1\}_i, \{s_{it}^2\}_i, \{dte_{it}\}_i)$ на временном отрезке $[t-1, t]$ включает пять компонент:

l_{it} - масштаб экономики региона i в момент t;

te_{it} - сопоставимая оценка технической эффективности;

s_{it}^1 - индекс отраслевой специализации;

s_{it}^2 - индекс индустриализации;

dte_{it} - тренд технической эффективности, $dte_{it} = te_{it} - te_{it-1}$.

В качестве характеристики масштаба экономики рассматривается численность рабочей силы (экономически активного населения). Сопоставимая оценка технической эффективности является характеристикой качества управления в долгосрочном периоде. Индекс отраслевой специализации и индекс индустриализации позиционируют регион в структуре ВРП. Тренд оценки технической эффективности является характеристикой качества управления в краткосрочном периоде.

Метод формирования индикатора. Пусть $I^s(\gamma_t) = \sum_k \gamma_{tk} y_t^k$ - линейная комбинация показателей, характеризующих направление S социально-экономического развития регионов РФ, где y_t^k - вектор значений $\{y_{it}^k\}_i$ показателя k группы S для всей совокупности регионов i в момент t, $\gamma_t = \{\gamma_{tk}\}_k$ - вектор параметров. Пусть $IB^s(\delta_t) = \delta_{1t} l_{it-1} + \delta_{2t} s_{it-1}^1 + \delta_{3t} s_{it-1}^2 + \delta_{4t} te_{it-1} + \delta_{5t} dte_{it-1}$ - линейная комбинация компонент векторного базиса. Ставится задача определения значений параметров γ_t^*, δ_t^*, при которых вектора I^s и IB^s максимально коррелированны. То есть

$$(\gamma_t^*, \delta_t^*) = \arg\max_{(\gamma_t, \delta_t)} corr(I^s, IB^s).$$

В результате решения этой задачи методом компонентного анализа (способ решения в работах [9, 10]) для направления S строятся индикаторы $I^s(\gamma_t^*)$ и $IB^s(\delta_t^*)$. На их основе можно построить две группы индексов регионального развития по направлению S. Первая группа индексов - проекции на индикатор $I^s(\gamma_t^*)$ совокупности векторов $\{y_{it}^k\}_k$ показателей направления S для каждого региона i. Вторая - проекции на индикатор $IB^s(\delta_t^*)$ значений компонент векторного базиса для каждого региона. При достаточно высоком коэффициенте корреляции $corr(I^s(\gamma_t^*), IB^s(\delta_t^*))$, индексы регионов по индикатору $IB^s(\delta_t^*)$ могут быть использованы в качестве интегральных характеристик уровня развития региона в моделях макро- и мезоуровней, а также для построения рейтинга регионов по направлению S. Таким образом, базис характеристик региональной дифференциации создает единую информационную основу для оценки взаимосвязи различных направлений социально-экономического развития регионов.

Индикатор регионального развития по направлению материальное благосостояние. На основе данных Росстата по 16 показателям, характеризующим материальное благосостояние в 2010-2015гг., построены регрессионные зависимости. Объясняемой переменной является нормированное по всей совокупности регионов значение показателя, а объясняющими - нормированные значения компонентов базиса. Для каждого показателя определены: значимость влияния каждого компонента базиса; направление изменения базового показателя с ростом компонента базиса; тенденция изменения влияния компонента векторного базиса на значение показателя.

Для формирования индикатора отобраны пять показателей (табл. 1).

Таблица 1

Влияние компонент векторного базиса на показатели

	l	te	s1	s2	dte
W1:Среднедушевые доходы	*** (-) ↔	** (+) ↔	*** (+) ↔	↔	** (+) ↑
W2:Индекс производительности труда	↔	* (+) ↑	↑	↔	*** (+) ↑
W3:Коэффициент миграционного прироста	*** (+) ↔	*** (+) ↓	*** (-) ↓	*** (+) ↔	↓
W4:Уровень безработицы	* (-) ↑	↔	↔	*** (-) ↔	(-) ↑
W5:Коэффициент младенческой смертности	*** (-) ↑	** (-)↔	↔	** (-) ↔	(-) ↔

Обозначения, использованные в табл. 1:

*** - значимость коэффициента на уровне не менее 10% в четырех и более моделях;

** - значимость коэффициента на уровне не менее 10% в трех моделях;

* - значимость коэффициента на уровне не менее 10% в двух моделях последних лет;

(+) - значения коэффициента для каждого года рассматриваемого периода имеют знак, при котором рост компонента базиса приводит к росту значения показателя;

(-) - значения коэффициента для каждого года рассматриваемого периода имеют знак, при котором рост компонента базиса приводит к снижению значения показателя.

↑ - влияние роста компонента базиса в направлении улучшения значения показателя повышается во времени;

↓ - влияние роста компонента базиса в направлении улучшения значения показателя понижается во времени;

↔ - отсутствует тенденция изменения влияния роста компонента базиса в направлении улучшения значения показателя.

На показатель w3 - "коэффициент миграционного прироста" - значимое влияние оказывают все компоненты векторного базиса, за исключением тренда технической эффективности. Рост масштаба экономики определяет стабильную во времени тенденцию роста значений показателя, то есть происходит рост миграции населения из регионов с относительно малым масштабом экономики в экономически развитие регионы. Относительно более высокие значения показателя в регионах с высокой технической эффективностью. Рост индекса отраслевой специализации определяет тенденцию снижения значений показателя. По-видимому, миграция в регионы с развитой добывающей промышленностью ослабевает на фоне относительного роста миграции в равномерно развитые регионы. Увеличивается миграция из сельскохозяйственных и развивающихся регионов в регионы с развитой обрабатывающей промышленностью.

В таблице 2 по данным за 2015 г. приведены оценки индикаторов направления "материальное благосостояние", построенные на основе показателей таблицы 1. Знаки всех коэффициентов при показателях в индикаторе I (столбец 2) соответствуют знакам коэффициентов корреляции показателей с индикатором I (столбец 3).

Наибольшее влияние в составе индикатора I имеют показатели w1 - среднедушевые доходы и w3 - коэффициент миграционного прироста. В составе индикатора IB наиболее значимы l - масштаб экономики. Наблюдается значимое положительное влияние технической эффективности и ее тренда.

Таблица 2

Индикаторы направления "материальное благосостояние"

I	Индикатор в пространстве показателей		IB	Индикатор в векторном базисе	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
W1	0.743	0.837	l	0.648	0.731
W2	0.108	0.293	te	0.304	0.572
W3	0.375	0.466	s1	0.288	0.269
W4	-0.162	-0.631	s2	0.215	0.485
W5	-0.161	-0.421	dte	0.366	0.463

Коэффициент корреляции Пирсона индикаторов I и IB - 0.830. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена - 0.705.

На рисунке 1 регионы представлены в пространстве рангов по индикаторам IB (ось абсцисс) и I (ось ординат).

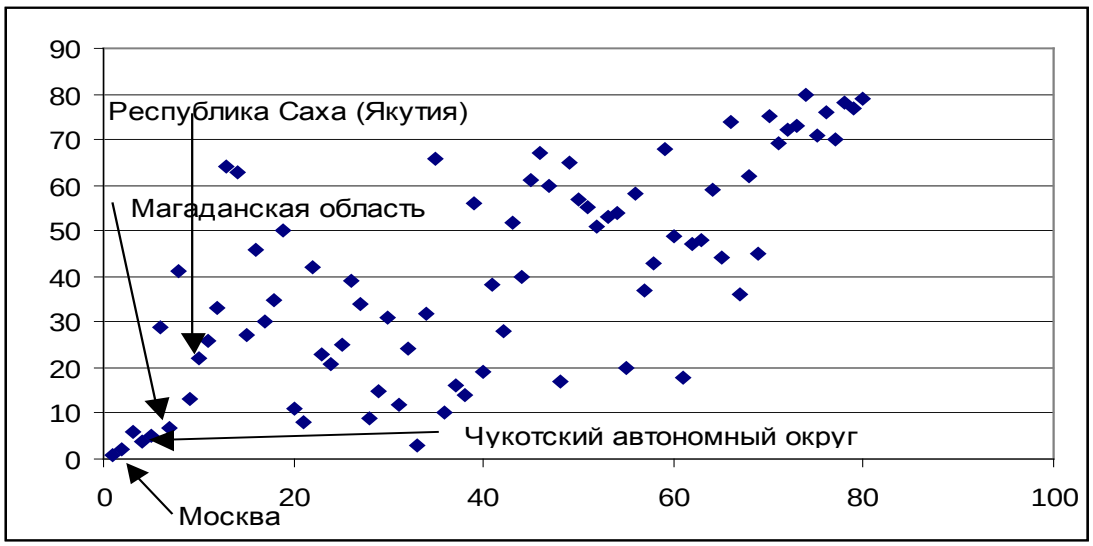

Рис. 1 . Регионы в пространстве рангов по индикаторам **I** и **IB**

Доминирующее положение занимают (левая нижняя часть рисунка): г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург. В топ 10 по уровню материального благосостояния, оцененному по индикатору **IB,** входят три региона Дальневосточного федерального округа: Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республика Саха (Якутия).

Список литературы и источников

1. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. - М., Бизнес Атлас, 2010.
2. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. М., Наука, 2012.
3. Макаров В.Л., Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Бахтизин А.Р., Нанавян А.М. Оценка эффективности регионов РФ с учетом интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения. - Экономика региона, 2014, № 4. С.9-30.
4. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП. Прикладная эконометрика. 2016. № 1 (41). С. 24-46.
5. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Модели производственного потенциала и оценки технологической эффективности регионов РФ с учетом структуры производства. - Экономика и математические методы, 2016, №1, с.28-44.
6. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Индикаторы социально-экономического развития субъектов РФ в векторном базисе. -Прикладная эконометрика, 2018, № 2 (в печати).
7. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Метод сравнения регионов РФ по оценкам технической эффективности с учетом структуры производства. - Экономика и математические методы, 2018, №1.
8. Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Векторный базис индикаторов социально-экономического развития РФ. МКО. 2018. (в печати).
9. Hotelling H. Relationships between Two Sets of Variables. Biometrika, 1936, 46, p. 321-377.
10. Waugh F.W. Regression between Sets of Variates. Econometrica, 1942, 46, p. 290-310.

ИНДЕКСНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

ВЕБЕР Шломо, PhD, ректор, Российская экономическая школа, Москва, Россия, e-mail: sweber@nes.ru

ДАВЫДОВ Денис Витальевич, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества, Российская экономическая школа, Москва, Россия, e-mail: ddavydov@nes.ru

INDEX MEASUREMENTS IN SOCIO-ECONOMIC RESEARCH: NEW OPPORTUNITIES AND IMPLEMENTATION

Shlomo WEBER, PhD, rector at the New Economic School, Moscow, Russia, e-mail: sweber@nes.ru

Denis V. DAVYDOV, Doctor of Economics, research fellow at the NES Center for the Study of Diversity and Social Interactions, Moscow, Russia, e-mail: ddavydov@nes.ru

Аннотация. Представлен комплексный взгляд на проблему теории и практики применения социально-экономических измерений. Проведен краткий сравнительный анализ современных подходов к индексным измерениям в пространственном и динамическом разрезах. Сформулированы базовые критерии формирования индексов, включая аксиоматическое обоснование, простоту интерпретации значений, статистическую значимость и устойчивость на реальных данных. Обоснован принцип эндогенного определения индексов в части согласованности со структурой статистических данных.

Ключевые слова: социально-экономические индексы, нелинейное агрегирование, эндогенные критерии, аксиоматическое обоснование

Abstract. The article presents a comprehensive view on the problem of socio-economic measurements. We present a brief comparative analysis of modern approaches to index measurements in spatial and dynamic dimensions. We state the basic criteria of index formation that includes axiomatic justification, simplicity of interpretation, statistical significance and stability on data. We also announce the principle of endogenous definition of indices in terms of consistency with the structure of statistical data.

Keywords: socio-economic indices, nonlinear aggregation, endogenous criteria, axiomatic justification.

Предпосылки индексных измерений. Принятие решений в области социально-экономической политики не может не опираться как на количественное измерение параметров, определяющих текущую ситуацию, так и на проявление тенденций, складывающихся в динамике. В части формирования корректных социально-экономических измерений обычно возникает две основные задачи. Во-первых, необходим грамотный выбор тех показателей, которые, с одной стороны, являются наиболее информативными в отношении рассматриваемого контекста, с другой стороны, исключают их избыточность и мультиколлинеарность (либо, в частном случае, высокую парную корреляцию). Во-вторых, выбор пула измеряемых показателей обычно подразумевает создание неявного механизма принятия решений, согласно которому набор измеренных значений показателей интерпретируется как ‘‘вход’’ системы, формирующий соответствующее управленческое решение ‘‘на выходе’’.

Во многих случаях такой механизм может представлять для управленца ‘‘черный ящик’’, в основу которого положены сложные формальные экономико-математические модели. Однако минусы такого подхода заключаются в технических сложностях и высокой стоимости реализации формальных моделей и интерпретации их результатов, в ограниченных возможностях получения оперативных результатов до момента разработки и отладки соответствующей модели, а также, в реалиях

сегодняшнего дня, в сравнительно низком ‘‘ожидаемом уровне доверия’’ со стороны управленцев-практиков. Поэтому, наряду с глубокими формализованными количественными оценками социально-экономических результатов, полученными на основе экономико-математических моделей, часто используют относительно простые критерии принятия решений, имеющие в своей основе отдельный статистический показатель или некоторую ‘‘грамотно подобранную смесь’’ таких показателей.

Ограничения единого ‘‘универсального показателя’’. Простейший и всеми признаваемый ныне показатель ‘‘валовой внутренний продукт’’ (ВВП) является, с одной стороны, результатом агрегирования данных о выпуске различных отраслей, а с другой стороны, часто выступает одним из основных критериев принятия социально-экономических решений. Данный показатель также до некоторой степени удобен для анализа динамических изменений в экономике страны, однако его прямое использование для сравнения стран по уровню развития не совсем логично, в частности, в силу различий в масштабах. Поэтому часто для сопоставимости показателей используется ‘‘ВВП на душу населения’’.

И ‘‘ВВП’’, и ‘‘ВВП на душу населения’’ – это ‘‘размерные’’ показатели. Стоимостной эквивалент, используемый в расчете ВВП, позволяет агрегировать разнородные показатели выпуска разных отраслей, сравнивая ‘‘спички’’ и ‘‘космические корабли’’. Однако более разнородные исходные данные агрегировать можно только в ‘‘безразмерном’’ виде (в относительном масштабе), например, сравнивая каждый конкретный показатель с имеющейся выборкой значений: максимальным и/или минимальным значением и/или разбросом выборки и/или средним значением и/или медианой выборки и т.п. В таком случае обычно используются различные индексы, которые позволяют дополнительно решить две основные задачи. Первая задача – выработать единый критерий принятия решений. В этом контексте индекс неявно приобретает вспомогательную роль ‘‘ключевого показателя эффективности’’. Вторая задача – получить практический инструмент, позволяющий ранжировать различные объекты (страны, регионы, предприятия и др.) между собой или в динамике в соответствии с выбранным критерием.

Практика линейного агрегирования. При построении индекса основными задачами являются: выбор наиболее значимых и релевантных количественных показателей, включаемых в процедуру расчета соответствующего индекса, а также выбор способов агрегирования соответствующей информации.

Среди индексов, используемых сегодня в мировой и российской практике, таких как, например, *Human Development Index, Global Innovation Index, Multidimensional Poverty Index , Ease of Doing Business Index, Social Progress Index, Индекс креативного капитала российских городов, Индекс развития человеческого капитала на Дальнем Востоке и др.*, в большинстве случаев используется принцип линейного агрегирования, когда отдельные нормированные показатели включаются в итоговый индекс посредством простого или ‘‘взвешенного’’ среднего арифметического. В некоторых случаях, на отдельных этапах агрегирования, вместо среднего арифметического используется также простое или ‘‘взвешенное’’ среднее геометрическое. При этом применение последнего редко имеет глубокое методологическое обоснование, а различия между средним геометрическим и средним арифметическим малы при небольшой амплитуде значений соответствующих нормированных показателей. Другими словами, если выборка значений ‘‘сконцентрирована’’ около своего среднего, использование среднего арифметического вместо среднего геометрического влечет вполне приемлемую погрешность измерений, обычно не превышающую, в зависимости от уровня разброса выборки, 5-10%. В отдельных случаях также применяются нелинейные формы агрегирования (энтропийный подход, степенная форма и т.п.)

Недостатки линейного агрегирования, с весами или без, начинают проявляться тогда, когда исходная выборка значений оказывается существенно неоднородной, как с точки зрения величины разброса значений для каждого из нормированных показателей, так и с точки зрения ‘‘рассогласованности’’ таких значений для разных показателей, включенных в итоговый индекс. Другими словами, в выборке встречается много объектов с ‘‘большими’’ и ‘‘малыми’’ значениями, при этом доста-

точно часто ‘‘большое’’ значение по одному показателю сопутствует ‘‘малому’’ значению по какому-то другому показателю для одного и того же объекта, а для разных объектов такие сочетания встречаются по отношению к различным парам показателей.

Нелинейное агрегирование. Однако, как только мы отказываемся от логики ‘‘грубого’’ линейного агрегирования, возникает вопрос о необходимости достаточно подробного и глубокого обоснования конкретной нелинейной модели агрегирования, в силу высокой вариативности ее выбора. Здесь возможны разные решения, которые диктуются как исходным запросом на создание индекса со стороны практики, так и структурой имеющихся данных (см., например, обзор [1] в части описания индексов языкового разнообразия).

Ярким примером является индекс Джини [2], широко используемый сегодня в разных областях общественных наук и многократно ‘‘вновь-пере-открытый’’ разными учеными при решении статистических и прикладных задач из различных сфер деятельности, и потому называемый также индексом Симпсона [3], А-индексом Гринберга [4], а также сходный по структуре с индексом отраслевой концентрации Херфиндаля-Хиршмана [5, 6]. Данный индекс имеет не только строгое математическое обоснование, изначально предложенное К. Джини еще в 1912 году с точки зрения нужд математической статистики, но и достаточно простую вероятностную трактовку, используемую, например, для подсчета индекса раздробленности (фракционализации) неоднородных обществ.

Глубокое аксиоматическое обоснование, но менее ‘‘наглядную’’ интерпретацию имеет также класс энтропийных индексов, к которым относятся как непосредственно энтропия Шеннона [7], так и энтропийные индексы Реньи [8].

Практика использования различных индексов неоднородности в эмпирических исследованиях позволяет также выявить два дополнительных важных аспекта. Во-первых, имеющиеся эконометрические оценки показывают, что в некоторых ситуациях большую статистическую значимость демонстрируют не сами значения индекса неоднородности, а его изменения во времени (см., например, [9]). Данный факт является вспомогательным аргументом для использования линейных в логарифмах (степенных) форм индексов неоднородности.

Во-вторых, выбор конкретного нелинейного индекса из рассматриваемого параметрического класса может быть обусловлен дополнительными характеристиками, не входящими явным образом в определение индекса, но позволяющими ввести вспомогательную классификацию неоднородности значений в анализируемой выборке и, таким образом, усилить итоговые свойства индекса, в частности, робастность его значений. Например, при оценке разнообразия обществ в различных странах с использованием однопараметрического класса индексов [10] мы можем ввести достаточно естественное предположение, что значения соответствующего параметра варьируются по странам. Далее следует формировать набор таких параметров, по одному для каждой страны, исходя из дополнительной информации, применяя, по мере необходимости, соответствующие процедуры калибровки значений параметра. Например, в частном случае межстранового сопоставления оценки влияния международной миграции как фактора изменения уровня разнообразия общества такой дополнительной информацией может служить оценка степени толерантности общества на уровне стран или их регионов.

Отдельно необходимо упомянуть задачу ‘‘иерархического агрегирования’’ при построении индексов. Например, согласно [11], оценка уровня разнообразия общества существенно зависит от степени подробности классификации групп населения. В частности, чем больше групп выделено, тем ‘‘тоньше’’ различия между ними, поэтому такие различия сложнее оценить количественно.

Результаты анализа. Таким образом, формальное исследование аксиоматики построения индексов, совмещенное с опытом их применения в различных сферах социально-экономической деятельности, позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, и состав показателей, входящих в индекс, и необходимый уровень агрегирования рекомендуется определять эндогенно, с учетом доступной для анализа структуры информации и имеющихся дополнительных факторов. Во-вторых, каждый используемый индекс (класс индексов) должен иметь четкое и достаточно простое

формальное обоснование. В-третьих, каждый используемый индекс (класс индексов) должен иметь простую и однозначную содержательную интерпретацию.

В конечном итоге, выбор индексов для оценки результатов социально-экономического развития содержит четыре основных критерия:

- наличие строгого формального (аксиоматического) обоснования;
- простота и наглядность трактовки и интерпретации значений индекса;
- согласованность структуры индекса со структурой доступных статистических данных;
- статистическая значимость и устойчивость количественных значений индекса на реальных данных.

По мнению авторов, искусство разработки и применения социально-экономических индексов состоит в корректном сочетании указанных четырех критериев при решении практических задач анализа достигнутых результатов и выработки перспективной социально-экономической политики.

Список литературы и источников

1. Вебер Ш., Давыдов Д.В. Социально-экономические эффекты языкового разнообразия // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 50-62. (Weber S., Davydov D.V. Socio-economic effects of linguistic diversity // Voprosy Ekonomiki. 2017. № 11, pp. 50-62.
2. Gini, C., 1912. Variabilita e mutabilita, contributo allo studio delle distribuzioni e delle relazioni statistiche, in Studi Economico-Giuridici della R. Universitadi Cagliari. Vol. 3, part 2, pp. 3–159. Reprinted in Enrico Pizetti and Tomasso Salvemini, eds., Memorie di metodologica statistica, Roma: Libraria Eredi Virilio Vechi, 1955.
3. Simpson E. Measurement of diversity // Nature. 1949. Vo. 163, p. 688.
4. Greenberg J. The measurement of linguistic diversity // Language. 1956. Vol. 32, No. 2, pp. 109—115.
5. Herfindahl O. Concentration in the US steel industry (doctoral dissertation). 1950. Columbia University (unpublished).
6. Hirschmann A. National power and the structure of foreign trade. 1945. Discussion Paper, University of California, Berkeley.
7. Shannon C. A mathematical theory of communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27, pp. 379–423 and 623–656.
8. Renyi A. On measures of entropy and information / in: Proc. 4th Berkeley Symp. Math. Stat. and Prob. 1961. Vol. 1, pp. 547–561.
9. Desmet K., Ortuno-Ortin I., Wacziarg R. Culture, Ethnicity, and Diversity // American Economic Review. 2017. Vol. 107, № 9, pp. 2479–2513.
10. Davydov D., Weber S. A simple characterization of the family of diversity indices // Economics Letters. 2016. Vol. 147, pp. 121–123.
11. Gershman B., Rivera D. Subnational Diversity in Sub-Saharan Africa: Insights from a New Dataset. Mimeo, 2017.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ИВАШИНА Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ivashina_n@mail.ru

FORECASTING THE INTERREGIONAL MIGRATION OUTFLOW FROM PRIMORSKY KRAI

Natalya V. IVASHINA, PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Business Informatics, economic and mathematical methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivashina_n@mail.ru

Аннотация. Миграционные процессы оказывают существенное влияние на процессы воспроизводства населения и его распределения по территориям и являются одной из основных причин резкого сокращения численности населения Дальнего Востока России с 1993 года. В новых экономических условиях Дальневосточный федеральный округ оказался донором населения и трудовых ресурсов для других федеральных округов России. Это негативно влияет на демографический потенциал и перспективы социально-экономического развития региона. В данной работе получен краткосрочный прогноз величины межрегионального миграционного оттока из Приморского края. Подтверждена гипотеза исследования, что использование моделей временных рядов позволяет получать адекватные прогнозы общей величины межрегионального миграционного оттока населения из региона.

Ключевые слова: миграция, временные ряды, прогноз, миграционный отток, Приморский край.

Abstract. Migration processes have a significant impact on the processes of reproduction of the population and its distribution across the territories. They are one of the main reasons for the sharp decline in the population of the Russian Far East since 1993. In the new economic conditions, the Russian Far Eastern turned out to be a donor of the population and labor resources for other federal districts of Russia. This has a negative impact on the demographic situation and prospects for socio-economic development of the region. In this paper, we obtained a short-term forecast of the interregional migration outflow from Primorsky Krai. The research hypothesis has been confirmed that the use of time series models allows to obtain adequate forecasts of the total amount of interregional migration outflow from the region.

Keywords: migration, time series, forecast, migration outflow, Primorsky Krai.

Введение. Миграция оказывает существенное влияние на демографическую структуру населения страны, состояние региональных и локальных рынков труда. Поэтому прогнозирование показателей развития миграционных процессов и их последствий является важной и актуальной задачей, так как эти процессы имеют динамический, не стационарный характер на различных временных интервалах.

Существует достаточно успешный опыт отечественных и зарубежных ученых применения различных моделей для моделирования и прогнозирования миграционных процессов [1-7]. Наряду с традиционным эконометрическим аппаратом для моделирования миграции населения применяются нелинейные динамические модели, теория случайных процессов, клеточные автоматы и т.д. Применение сложного экономико-математического инструментария оправдано при детальном анализе миграционных процессов и потоков, а при прогнозах общей величины миграционного оттока и притока на ту или иную территорию, с нашей точки зрения, могут успешно применяться временные ряды.

Гипотеза исследования заключается в том, что моделирование с использованием моделей временных рядов позволит получить адекватный прогноз величины межрегионального миграционного оттока из Приморского края.

Описание объекта моделирования. Население Приморского края начало уменьшаться с 1992 года, а с 1993 года зафиксирована естественная убыль населения. Наибольший отток населения из Приморского края наблюдался с 1995 года по 1999 год, то есть в годы послесоветского периода, когда в Приморском крае закрылись практически все промышленные предприятия, было расформировано несколько воинских частей. Безработица, высокий уровень преступности – все это подталкивало людей к переезду в более благоприятные места [8]. В таблице 1 представлена динамика сальдо миграции населения Приморского края.

Таблица 1

Динамика сальдо миграции населения Приморского края
(зарегистрированных по месту жительства), тыс.чел.

Миграция	2000	2003	2006	2009	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	-4,3	-5,7	-4,5	-2,0	-6,1	-6,6	-5,6	-4,4	-3,6
В том числе: межрегиональная	-6,1	-5,7	-5,0	-3,7	-6,4	-7,0	-6,0	-5,2	-4,4
международная	2,8	-0,01	0,5	1,7	0,3	0,4	0,5	0,7	0,8

По данным таблицы 1 можно сделать вывод, что отрицательное сальдо миграции в Приморском крае формируется в основном за счет межрегиональной миграции, то есть оттока населения в другие регионы России. Среди основных причин, побуждающих коренное население покидать регион, можно выделить следующие: низкий уровень доходов, высокий уровень цен, некомфортные условия жизни, неблагоприятные климатические условия, удаленность от центра России. Также следует отметить, что в Приморском крае достаточно много военнослужащих, которые после окончания срока службы продают жилье и уезжают в другие регионы с более благоприятными условиями. Большая часть жителей Приморского края уезжает на постоянное место жительства в Центральный ФО, Южный ФО, Сибирский ФО и Хабаровский край.

Миграция, наряду с другими факторами, формирует состав населения, тем самым, определяя движущие социальные силы в регионе. Сокращение численности населения приводит к деформации половозрастной структуры населения, так как в основном из региона уезжают жители трудоспособного возраста. В связи с оттоком дееспособного молодого и зрелого населения, в неблагоприятную сторону меняется возрастная структура жителей, усиливается оторванность региона от центра в силу того, что на месте остается большей частью население, не имеющее родственных или дружеских связей в европейской части России [8].

Описание модели. Для прогноза использовались ежемесячные данные с 1998 по 2017г. (всего 240 наблюдений) о числе выбывших с территории Приморского края в другие регионы России. Эти данные рассчитываются Росстатом на основе адресных листков убытия, заполняемых человеком при смене места жительства, и находятся в свободном доступе на сайте fedstat.ru.

Прогноз был выполнен с использованием модели временных рядов ARIMA. Для построения модели использовался временной ряд, составленный из 236 наблюдений, четыре последних наблюдения были оставлены в качестве тестовой выборки для оценки качества прогноза. График исходного временного ряда представлен на рисунке 1.

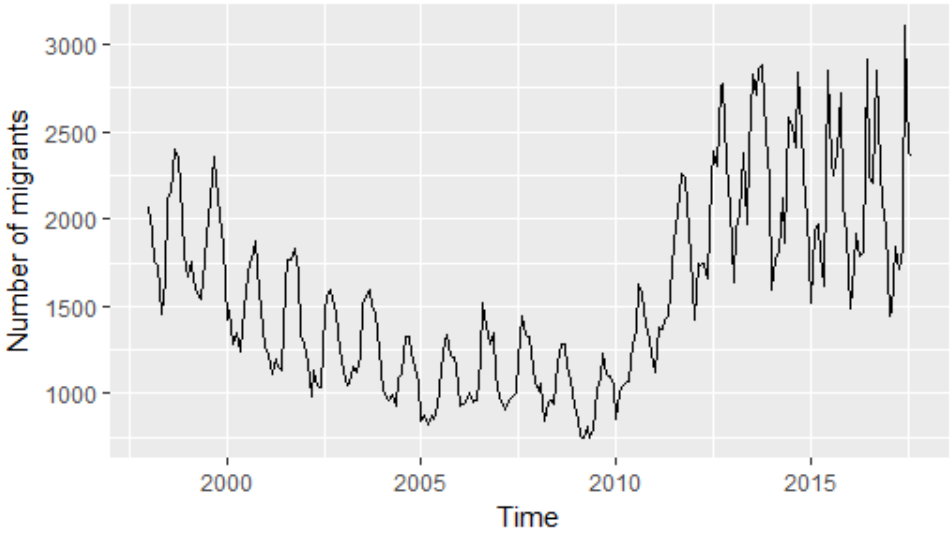

Рис. 1. Количество мигрантов, ежемесячно уезжавших из Приморского края на постоянное место жительства, 1998-2017гг., чел.

По визуальному анализу ряда можно сделать выводы о его нестационарности. Присутствует ярко выраженная сезонность (рост количества мигрантов наблюдается во втором полугодии, с июня по сентябрь), волатильность уровней ряда отличается на разных участках. Анализ графиков АС и РАС подтвердил эти выводы. Так как на разных участках временного ряда наблюдалась разная волатильность, то была произведена трансформации Бокса-Кокса с λ =0, взяты сезонные, а затем обычные разности . В итоге получился ряд в разностях, близкий к стацинарному.

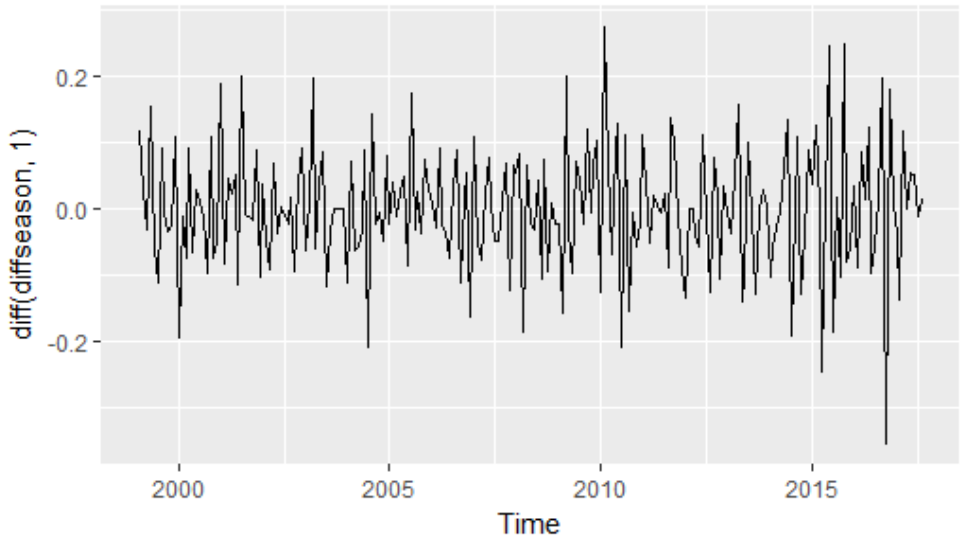

Рис. 2. Временной ряд после трансформации Бокса-кокса (λ =0),
взятия сезонных и обычных разностей

Полученный ряд в разностях (рис.2) визуально похож на стационарный. Были построены АС и РАС для этого ряда (рис.3). Для проверки полученного ряда на стационарность были проведены формальные тесты (тест Дики-Фулера и KPSS). Результаты тестов показали, что полученный ряд является стационарным.

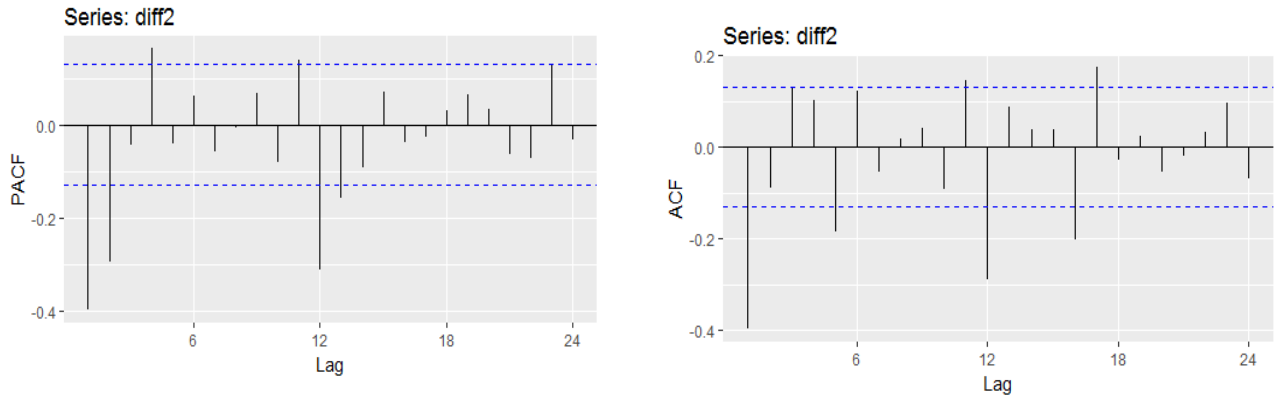

Рис. 3. Графики АС и РАС для временного ряда после взятия сезонных и обычных разностей

По графикам АС и РАС видно, что в данных осталась сезонность, поэтому в качестве модели была выбрана сезонная ARIMA(p, 1, q)(P, 1, Q)$_{12}$. Для определения параметров p, q, P, Q в модели ARIMA(p, 1, q)(P, 1, Q)$_{12}$ использовалась функция autoarima из пакета R-studio. Результаты показали, что для моделирования данного временного ряда лучше всего подходит модель ARIMA(2,0,0)(1,0,2)$_{12}$.

Для анализа остатков построенной модели были построены АС и РАС для ряда остатков, значения АС и РАС оказались внутри доверительного интервала. Также для проверки, можно ли

считать ряд остатков WN, был проведен тест Портманто. Результаты теста показали, что основная гипотеза отвергается на 5% уровне значимости, т.е. ряд остатков можно считать WN.

Результаты прогнозирования. С использованием модели временного ряда ARIMA(p, 1, q)(P, 1, Q)$_{12}$ был выполнен прогноз межрегионального миграционного оттока из Приморского края на 4 периода вперед (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 2017г.). Таким образом, численность постоянного населения, покинувшего Приморский край в сентябре, октябре, ноябре и декабре 2017г. по прогнозу составила 2921, 25472, 2225 и 2075 человек соответственно, при этом фактические данные составили 2681, 2679, 2238 и 1903 человека соответственно (таблица 2). Также были рассчитаны показатели качества прогноза, полученный прогноз сравнивался с прогнозом, сделанным по методам «сезонный наивный прогноз», «прогноз по модели со сдвигом». Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели оценки качества прогноза

Период	Фактические значения	Прогноз ARIMA $(2,0,0)(1,0,2)_{12}$	Сезонный наивный прогноз	Прогноз по модели со сдвигом
2017 Sept	2681	2921	2853	2368
2017 Oct	2679	2547	2285	2369
2017 Nov	2238	2225	2097	2371
2017 Dec	1903	2075	1947	2372
MAE		90,1	186,2	177,6
MAPE,%		5,58	12,17	10,6
RMSE		129,3	243,3	262,06

Качество прогноза, полученное по данной модели достаточно высокое, о чем свидетельствуют основные критерии качества прогноза. Процентные отклонения прогнозных значений от фактических (MAPE) для построенной модели временного ряда составили 5,58 %., что значительно меньше, чем по методам «сезонный наивный прогноз» (12,17%) и «прогноз по модели со сдвигом» (10,6%). Таким образом, полученную модель можно успешно использовать для прогнозирования межрегионального миграционного оттока населения.

Список литературы и источников

1. Rogers, A.: A Regression Analysis of Interregional Migration in California. The Review of Economics and Statistics. 1967. 49(2), 262-267
2. Haurin, D.R.: The regional distribution of population, migration, and climate. The Quarterly Journal of Economics. 1980. 95(2), 293-308
3. Andrienko, Y., Guriev, S. Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data. Economics of Transition. 2004. 12(1), 1–27
4. Gerber, T.: Regional economic performance and net migration rates in Russia, 1993–2002. International Migration Review. 2006. 40(3), 661–697
5. Sarra, A.L., Signore, M. A Dynamic Origin-constrained Spatial Interaction Model Applied to Poland's Inter-provincial Migration. Spatial Economic Analysis. 2010. 5(1), 29-41
6. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации. Прикладная эконометрика. – 2011. - № 1(21).- с.35-55.
7. Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Кухлевский А.Л., Лободин П.Н. Прогнозирование межрегиональных миграционных потоков//Экономика региона. - 2017. - Т. 13, вып. 1. - С. 126-136.
8. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья / Пространственная экономика. 2010, № 2, с. 74-95.

ВЫЯВЛЕНИЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ МИГРАНТОВ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ

МАКСИМОВА Лилия Владимировна, старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: lilimay@mail.ru

ТИМОШИНА Наталья Геннадьевна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: timoshinang@yandex.ru

DETECTION OF MIGRANTS' OVEREDUCATION USING THE METHODOLOGICAL TRIANGULATION

Liliia V. MAKSIMOVA, senior lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lilimay@mail.ru

Natalia G. TIMOSHINA, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: timoshinang@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и объяснение феномена избыточности образования у российских мигрантов, работающих в Республике Корея, Японии и Вьетнаме, при помощи методологической триангуляции (контент-анализ, анкетирование, интервью). Выявленная избыточность образования российских мигрантов в Республике Корея и Японии обусловлена высокими заработками, а во Вьетнаме – отказом от карьеры ради жизни в благоприятном климате.

Ключевые слова: трудовая миграция, избыточность образования, несовпадение навыков, методологическая триангуляция

Abstract. The aim of study is the detection and explanation of Russian migrants' overeducation using the methodological triangulation (content-analysis, survey, interview). The high wage is the reason for overeducation of Russian migrants working in Republic of Korea and Japan. Russian migrants' overeducation in Vietnam is caused by refusal of career for life in favorable climate.

Keywords: labor migration, overeducation, skill mismatch, methodological triangulation

Постановка проблемы и цель исследования. В современном мире, где экономика отдельного региона не может быть рассмотрена как замкнутая система, усиливаются миграционные потоки, обусловленные желанием людей найти работу лучше, чем была у них в домашнем регионе. Трудовой мигрант – лицо, которое занимается деятельностью, связанной с получением дохода, в регионе, отличном от региона постоянного проживания [1]. Согласно теории, представленной в труде G.J. Borjas [2], вероятность трудовой миграции повышается в том случае, если доходы в принимающей стране выше, чем в стране-доноре. Однако в реальности совершенно неочевидно, что мигранты занимают в стране-реципиенте должности, которые соответствуют их ожиданиям от работы по уровню дохода и/или предлагаемым условиям, и/или в части содержания труда.

S. Visintin, K. Tijdens и M. van Klaveren выявили, что уровень полученного мигрантом образования часто оказывается выше, чем уровень образования, требуемый для работы, которую он выполняет в стране-реципиенте. Избыточность образования (overeducation) предполагает не только разницу между имеющимся и требуемым для работы образованием, но и несоответствие навыков (skill mismatch), полученных в ходе профессиональной подготовки, и навыков, необходимых для выполнения должностных обязанностей на рабочем месте. Мигранты чаще, чем местные жители, выполняют работу, требующую наличия образования и навыков, которые по уровню значительно ниже, чем реально имеющиеся у сотрудника [3].

В 2016-2017 гг. авторами представленной статьи было проведено исследование, в котором приняли участие российские мигранты, работающие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Республика Корея, Япония, Социалистическая Республика Вьетнам). В рамках исследования были поставлены вопросы: 1) имеет ли место избыточность образования у россиян, работающих в странах АТР; 2) у каких групп мигрантов проявляется избыточность образования; 3) какова причина проявления феномена избыточности образования у мигрантов-россиян, работающих в Республике Корея, Японии и Вьетнаме (почему мигранты соглашаются на такую работу)?

Целью исследования являлось выявление и объяснение феномена избыточности образования у российских мигрантов, работающих в Республике Корея, Японии и Вьетнаме, при помощи методологической триангуляции. Авторами статьи была выдвинута гипотеза о том, что основной причиной проявления феномена избыточности образования у мигрантов-россиян является их денежная мотивация. То есть, мигранты соглашаются работать, не используя свое образование и профессиональные навыки, из-за высокой заработной платы, на которую они могут рассчитывать в стране-реципиенте.

Методы исследования. Триангуляция подразумевает комбинирование разносторонних методов при анализе одних и тех же эмпирических событий и данных. N.K. Denzin выделял четыре типа триангуляции: триангуляцию данных, триангуляцию исследователей, теоретическую триангуляцию и методологическую триангуляцию [4]. В исследовании авторов статьи для проверки устойчивости результатов, повышения достоверности и валидности была применена методологическая триангуляция (контент-анализ, анкетирование, интервью). Совместное использование качественных и количественных методов обусловливает более точное понимание и применение результатов: недостатки одного метода могут быть компенсированы достоинствами другого [5].

Первая часть проведенного авторами исследования – это контент-анализ информации социальных сетей, блогов и личных сайтов мигрантов-россиян, в результате которого был создан список электронных адресов неповторяющихся персоналий, работающих на момент исследования в выбранных странах АТР. Открытые для доступа тексты персональных страниц, блогов и сайтов были выбраны как источники данных по следующей причине: на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий сеть Интернет является самой популярной площадкой для общения, особенно среди мигрантов, которые находятся далеко от дома и связываются с родными и знакомыми не через дорогостоящую телефонную связь, а через Интернет.

Вторая часть предполагала письменный опрос при помощи рассылки по случайно выбранным из списка электронным адресам бланка анкеты [6], разработанного авторами на основе рекомендаций [1]. Среди вопросов анкеты были: вопрос о профессии / должности, на которой работает респондент в стране-реципиенте; вопрос об уровне образования и полученной специальности; вопрос о соответствии уровня полученного образования и навыков требуемым для работы, выполняемой в стране-реципиенте. Формулировка вопросов допускает не только субъективный подход (оценку соответствия самими мигрантами), но и объективный (оценку требуемого для работы уровня образования и навыков на основе анализа Классификатора профессий, Dictionary of Occupational Titles). Результаты анкетирования сравнивались с записями в блогах, на персональных страницах и сайтах, а также с информацией личных профилей в разделах “образование” и “карьера”.

Третья часть исследования авторов проводилась в виде интервью (с использованием программы “Skype” и возможностей сети Интернет) с “типичными” представителями условных групп мигрантов, выявленных в каждой из 3-х стран. Группы разделялись исследователями по сочетанию типов миграции, миграционных мотивов и проявлению избыточности образования. Интервью, как качественный метод исследования, было применено не только с целью подтверждения наличия избыточности образования (выявленного количественными методами), но и для объяснения особенностей и причин проявления этого феномена. Не претендуя на распространение на генеральную совокупность, результаты интервьюирования, изложенные в статье, иллюстрируют и поясняют результаты контент-анализа и анкетирования.

Анализ результатов исследования. В Республике Корея ярко выраженная (с точки зрения как субъективного, так и объективного подходов к оценке) избыточность образования проявляется у двух групп мигрантов. К первой относятся "брачные" мигранты (россиянки-жены корейских мужей), которые получили в России образование, но не могут использовать его в Республике Корея: "Я врач, но работать по специальности тут не могу, потому что в Корее надо не просто как-то подтвердить диплом – надо учиться заново! Муж против, поэтому я работаю дома, как репетитор: учу корейскому языку через Интернет". Вторая группа – мигранты, которые, используя безвизовый режим, нелегально приезжают "на заработки" через посреднические агентства. Большинство из них имеют высшее образование, но работают в сельском хозяйстве, на стройках, пищевых конвейерных производствах, где предполагается низкоквалифицированный труд. Мигранты отзываются о работе как о грязной, монотонной и тяжелой, но приезжают в Республику Корея (иногда – регулярно) ради высоких заработков: "А куда деваться? На мне три кредита висят…", "Условия жесткие, но корейцы платят хорошо", "Где я еще столько заработаю? Дома таких зарплат нет!", "Живем в Корее в общежитии, никуда особо не хожу, экономлю – хочу денег скопить".

В Японии визовый режим гораздо строже, поэтому трудовые мигранты въезжают в страну исключительно по приглашению работодателя, либо по учебной визе, а во время учебы находят работу и остаются. Интересно, что именно в Японии молодые мигранты отмечают недостаточность образования: "Здесь для молодых работа не по специальности – почти норма: всему учат уже на месте", "Работодатель знал, что у меня диплом по другому профилю, но у них в компании правило – все проходят через корпоративный университет". Избыточность образования выявлена на основе субъективного подхода у мигрантов, которые работают на совместных российско-японских предприятиях вахтенным методом или на постоянной основе. С точки зрения объективного подхода (по результатам анкетирования и контент-анализа) избыточности образования не выявлено: работники с образованием в сфере торговли и управления организуют продажу товаров с аукционов, автомеханики работают на авторазборках и в авторемонте. Однако мигранты этой группы, несмотря на отсутствие претензий к уровню заработка, считают, что их образование и навыки используются не в полной мере: "Не проявить креатив, все зарегулировано правилами", "Однообразная работа, я могу, умею гораздо больше, но зарплата высокая, жизнь стабильная – это решает все!".

Во Вьетнаме избыточность образования характерна как для краткосрочно пребывающих в стране мигрантов, так и для тех, кто работает на долгосрочной основе. И те, и другие трудятся на рядовых должностях в сфере услуг: туризм, торговля, общественное питание, реклама, персональные услуги. Россияне, которые приехали в страну с благоприятным климатом, чтобы "пережить русскую зиму", стремясь продлить "отпуск без содержания", подрабатывают, прекрасно осознавая несоответствие имеющихся у них образования и навыков требуемым для работы: "Мы с моей девушкой экономисты, но здесь я работаю промоутером, а она – парикмахером. Неофициально. Деньги небольшие, но, с учетом накоплений, еще на пару месяцев хватит. Вернемся домой – будем искать работу по специальности". В отличие от "краткосрочных", "долгосрочные" мигранты, у которых, с точки зрения объективного подхода, наблюдается избыточность образования, этот факт либо отрицают, либо не придают ему значения: "Да, я менеджер по образованию. Да, сейчас работаю гидом, а оформлен так вообще – переводчиком. Но не скажу, что мои компетенции не востребованы: я организую экскурсии, руковожу группой в процессе", "Училась на инженера, тут – продавец в магазине одежды, ну и что? Делать карьеру никогда желания не было. А во Вьетнаме мне хорошо: фрукты, солнце, спешить некуда… Зарплата, конечно, смешная, но здесь все дешево".

Выводы. Методологическая триангуляция как комбинирование количественных и качественных методов (контент-анализ, анкетирование, интервью) позволила выявить избыточность образования у российских мигрантов, работающих в трех странах АТР, а также объяснить причины проявления этого феномена. В Республике Корея "брачные" мигранты соглашаются работать, не используя свое образование и профессиональные навыки, по семейным обстоятельствам, а "нелегальные" – из-за высоких заработков (несмотря на сложные условия труда). То есть, для первой группы мигрантов

гипотеза о денежной мотивации как причине проявления феномена избыточности образования не подтвердилась, а для второй группы мигрантов – подтвердилась.

В Японии часть квалифицированных мигрантов считает содержание своего труда неинтересным, а использование своего образования и навыков – неполным, однако субъективно воспринимаемая избыточность образования не может заставить людей отказаться от достойной зарплаты и стабильности жизни в стране-реципиенте. В этом случае можно говорить о подтверждении гипотезы исследования только на основании оценок самих мигрантов, так как объективный подход избыточности образования у испытуемых не выявил.

Во Вьетнаме причиной проявления феномена избыточности образования, зафиксированного объективно, является не высокий доход, а сознательный отказ российских мигрантов от карьеры ради жизни в благоприятном климате. Гипотеза исследования в данном случае не подтвердилась: согласие мигрантов выполнять работу, не требующую применения имеющихся у них образования и навыков, обусловлено не денежной мотивацией, а снижением уровня профессиональных притязаний (феномен "дауншифтинга").

Таким образом, гипотеза о денежной мотивации как причине проявления феномена избыточности образования подтвердилась для части российских мигрантов, работающих в Республике Корея и Японии, и не подтвердилась для российских мигрантов, работающих во Вьетнаме. Другими причинами, которые обусловливают согласие российских мигрантов выполнять работу, не требующую использования имеющихся образования и навыков, являются семейные обстоятельства (у "брачных" мигрантов в Республике Корея) и "дауншифтинг" (у мигрантов, работающих во Вьетнаме).

Список литературы и источников

1. Воробьева, О.Д. Трудовая миграция: организация выборочных наблюдений (методологические подходы) / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, А.А. Гребенюк, Т.В. Лебедева. – М. : Издательство «Экон-Информ», 2015. – 83 с.

2. Borjas, G. J. Labor Economics. – NY : McGraw-Hill, 2013. – 576 p.

3. Visintin, S. Skill mismatch among migrant workers: evidence from a large multi-country dataset / Stefano Visintin, Kea Tijdens, Maarten van Klaveren // IZA Journal of Migration. – 2015. – Vol. 4. – P. 414-448.

4. Denzin, N.K. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods / Norman K. Denzin. – London : Aldine Transaction, 2009. – 368 c.

5. Shah, S.K. Building Better Theory by Bridging the Quantitative-qualitative Divide / S.K. Shah, K.G. Corley // Journal of Management Studies. – 2006. – No. 43 (8). – P. 1821-1835.

6. Максимова, Л.В. Разработка анкеты для исследования стратегий адаптации мигрантов на рынке труда / Л.В. Максимова, Е.М. Чамбайшин, И.С. Максимов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2016. – № 5 (15). – С. 87-92.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ПОЛИЧКА Нина Петровна, доктор педагогических наук, директор Дальневосточного научного центра местного самоуправления, Хабаровск, Россия, e-mail: npolichka@mail.ru

PROGRAM-TARGET PLANNING OF THE FAR EAST DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: STATUS, PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Nina P. Polichka, Doctor of Pedagogy, Director of the Far Eastern Scientific Center of Local Self-Government, Khabarovsk, Russia, e-mail: npolichka@mail.ru

Аннотация. В соответствии с Указом Президента РФ №204 от 7.05.2018 Правительству РФ предписано до 1 октября 2018 года разработать национальную программу в сфере демографического развития. В этой связи анализ первого опыта разработки и реализации аналогичных документов, который формируется в настоящее время на Дальнем Востоке, представляется важным, дабы использовать лучшее и не повторять ошибок.

Ключевые слова: федеральные и региональные документы планирования демографического развития, программно-целевой подход.

Abstract. In accordance with the Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018, the Government of the Russian Federation is ordered before October 1, 2018 to develop a national program in the field of demographic development. In this regard, the analysis of the first experience in the development and implementation of similar documents, which is currently being formed in the Far East, seems to be important in order to use the best and not to repeat mistakes.

Keywords: federal and regional planning documents for demographic development, program-targeted approach.

В соответствии с Указом Президента РФ №204 от 7.05.2018 Правительству РФ предписано до 1 октября 2018 года разработать национальную программу в сфере демографического развития, которая, очевидно, затронет все федеральные округа. В этой связи анализ первого опыта разработки и реализации документов стратегического планирования по данной теме, который формируется в настоящее время на Дальнем Востоке, представляется важным, дабы уже в масштабе всей страны использовать из него всё лучшее и не повторять ошибок.

Правовой и организационной основой деятельности федеральных и региональных органов государственной власти по демографического развития Дальнего Востока являются сегодня

-Государственная программа Российской Федерации «Социально - экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждённая Постановлением Правительство РФ от 15.04.2014 № 308 (далее – Госпрограмма),

- Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, утверждённая Распоряжением Правительство РФ и от 20.06.2017 г. № 1298-р (далее - Концепция).

Кроме того, Распоряжением Правительства РФ от 25 ноября 2017 г. N2620-р определён перечень из 29–ти государственных программ Российской Федерации, в которых должны формироваться разделы по опережающему развитию приоритетных территорий, к которым относится и Дальний Восток.

Анализ данных документов на предмет их соответствия требованиям программно-целеного подхода, установленным Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 N 588 (ред. от 15.11.2017) "Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации" и Приказом Минэкономразвития России от 16.09.2016 N 582 (ред. от 15.03.2017) "Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации" показал, что перечисленные выше документы содержат достаточно много проблемных положений в части демографического развития. Вместе с тем, на их основе (или с учётом данных документов) дальневосточные регионы должны разрабатывать свои программы по демографии, что не способствует эффективному решению демографических проблем Дальнего Востока. Покажем это на примере Госпрограммы и Концепции в части миграционных процессов.

О Государственной программе РФ «Социально – экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Миграционные процессы в Госпрограмме рассматриваются, в основном, в контексте обеспечения потребности экономики в трудовых ресурсах (см. табл. 1).

Таблица 1

Задачи Госпрограммы

<table>
<tr><th>Задачи госпрограммы</th><th>Название подпрограммы</th><th>Цель (и) подпрограмм ы</th></tr>
<tr><td>Задача 4 Привлечение инвестиционных и трудовых ресурсов на Дальний Восток</td><td>Подпрограмма 4 "Повышение инвестиционной привлекательности Дальнего Востока"</td><td>• привлечение инвестиций в создание новых предприятий на территории Дальнего Востока;
• развитие человеческого капитала и содействие обеспечению Дальнего Востока трудовыми ресурсами</td></tr>
<tr><td colspan="2">Задачи подпрограммы</td><td>Основные мероприятия подпрограммы</td></tr>
<tr><td colspan="2">1. Привлечение резидентов ТОСЭР прямых инвестиций.
2. Содействие продвижению российского экспорта в страны АТР.
3. Комплексное решение вопросов развития человеческого капитала и обеспечение инвестиционных проектов, ТОСЭР и хозяйствующих субъектов макрорегиона трудовыми ресурсами, обеспечения положительной миграционной динамики за счет дополнительного притока и закрепления населения на Дальнем Востоке.
4. Обеспечение роста делового интереса инвесторов, в том числе иностранных, к реализации проектов на Дальнем Востоке</td><td>8. Основное мероприятие 4.1 "Продвижение экспортных и инвестиционных возможностей регионов Дальнего Востока, в том числе новых инструментов экономической политики на Дальнем Востоке"

9. Основное мероприятие 4.2 "Содействие привлечению инвестиций и развитию человеческого капитала на территории Дальнего Востока"</td></tr>
</table>

Слова про закрепление населения присутствуют в одной из целей Госпрограммы *«обеспечение потребности в трудовых ресурсах и **закрепление населения на Дальнем Востоке**»,* но уже на уровне задач программы их нет, а основном мероприятии 4.2. речь идёт о развитии человеческого капитала. Это свидетельствует о нарушении базовых основ программно-целевого планирования. Кроме того, в условиях отсутствия нормативных определений понятий «человеческий капитал» и «развитие человеческого капитала», такая формулировка мероприятия 4.2 – это некорректно поставленная задача, а с точки зрения права – это коррупциогенный фактор (юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера).

О Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Основными направлениями демографической политики на Дальнем Востоке определены

1) повышение рождаемости, обеспечивающее воспроизводство населения;
2) снижение смертности и повышение ожидаемой продолжительности жизни;
3) сокращение миграционного оттока постоянного населения;
4) привлечение на территорию Дальнего Востока мигрантов на постоянное место жительства и их адаптация и интеграция в общество;
5) содействие переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в субъекты Российской Федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ;
6) создание условий и стимулов для закрепления молодежи на территории Дальнего Востока и привлечения молодых специалистов из других регионов.

Если первые два направления бесспорны, то целесообразность разделения миграционных процессов на четыре направления, а также их последовательность и формулировки представляются

достаточно спорным. Очевидно, что «сокращение миграционного оттока постоянного населения» и «закрепление молодежи на территории Дальнего Востока» это целое и часть, а потому они нерядоположны и не могут стоять «на равных» в одном перечне.

Данные противоречия Концепции, а также очевидная неготовность региональных чиновников к решению задач демографического развития весьма негативно отразились на содержании Планов по реализации Концепции, которые в настоящее время разрабатываются в субъектах ДФО. В частности, по состоянию на начало апреля 2018 года по планированию направления Концепции **«Сокращение миграционного оттока постоянного населения с территории Дальнего Востока»** и задачи первостепенной важности из него была выявлена следующая ситуация:

Регионы ДФО	**Задача:** обеспечить выявление и исследование факторов, стимулирующих миграционные настроения населения, а также разработать меры по снижению их влияния и закреплению населения на территории ДВ
Республика Саха	Направление есть, задачи нет
Амурская область	3.1.2.Разработка и реализация Комплексного плана социально-экономического развития Амурской области до 2025 года
Магаданская область	Направление есть, задачи нет
Сахалинская область	Направления нет
Камчатский край	3.1. Выявление и исследование факторов, стимулирующих миграционные настроения населения, разработка мер по снижению их влияния и закреплению населения на территории Дальнего Востока 3.1.1.Подготовка предложений в Правительство Российской Федерации о разработке и реализации на федеральном уровне мер по закреплению и привлечению трудоспособного населения на территорию Дальнего Востока
Приморский край	Направления нет
Хабаровский край	Направление есть, задачи нет
Чукотский АО	Направления нет

Аналогичная ситуация и по другим миграционным направлениям и задачам. Это доказывает, что направления Концепции, касающиеся миграционных процессов, как минимум, целесообразно структурировать, например, следующим образом:

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

ТУПИКИНА Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: etupikina@mail.ru
БУРМЕНКО Михаил Владимирович, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: mburmenko@yandex.ru

PECULIARITIES OF MIGRATION OF THE POPULATION IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Elena N. TUPIKINA, PhD in Economics, Associate Professor of business Informatics and economic and mathematical methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: etupikina@mail.ru
Mikhail V. BURMENKO, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: mburmenko@yandex.ru

Аннотация. Важное значение для формирования рынка труда в стране и ее регионах имеет миграция населения. В статье рассматриваются основные статистические сведения, связанные с внутрироссийской миграцией за период с 2006 по 2016 года. Исследуются ежегодные данные как в целом по России, так и в частности по Дальнему Востоку. Приведен анализ структуры внутрироссийской миграции по субъектам Российской Федерации.
Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, Россия, Дальний Восток, динамика, структура.

Abstract. One of the most important elements of a market economy is the labour market. Migration of the population is important for the formation of the labour market. The article deals with the main statistical data related to domestic migration for the period from 2006 to 2016. The data on Russia in General and on the Far East in particular are investigated. The analysis of the structure of intra-Russian migration on the subjects of the Russian Federation.
Keyword: migration, internal migration, Russia, Far East, dynamics, structure.

Одним из важнейших элементов рыночной экономики является рынок труда. Рынок труда можно охарактеризовать как систему, которая основана на частной собственности, свободе выбора и конкуренции. Главной особенностью данного рынка является человек и его способность к труду. Важное значение для формирования способной к труду рабочей силы имеет миграция населения. Миграцией населения называют смену места жительства. Миграцией может быть переезд в другой город, другой федеральный округ или другую страну. Правильная миграция, в которой миграционные потоки распределяются равномерно, способствует улучшению экономического потенциала и стабильности экономики в целом. Равномерное распределение миграционных потоков осуществляется в тех случаях, когда из регионов, в которых профицит квалифицированных работников, идет отток в регионы, в которых дефицит квалифицированных работников. Иными словами равномерное распределение миграционных потоков – это равновесие в количестве квалифицированного персонала между регионами страны. Миграция населения бывает нескольких типов. Внутрирегиональные и межрегиональные потоки относятся к внутренним миграциям. Миграции в страны СНГ и миграции в другие зарубежные страны относятся к международной миграции.

В России внутренняя миграция в большей степени проявляется в урбанизации страны. Урбанизация – это миграция населения из сел в города. Статистические данные свидетельствуют, что в

2016 году 27% жителей России проживало в селах, а 73% – в городах. Такое же положение было в 1989 году, когда проводилась последняя перепись населения Советского Союза. При этом, стоит отметить, что суммарное количество сел с того времени увеличилось более чем на 2 тысячи, а количество поселений с населением менее 6 тысяч человек уменьшилось в два раза. Такая статистика говорит о том, что в конце 90-х годов внутренняя миграция привела к риску исчезновения более 20% сельских поселений.

На сегодняшний день эти показатели выглядят более обнадеживающе. Рассмотрим ежегодные данные внутрироссийской миграции в период с 2006 по 2016 года, которые представлены на рисунке 1.

Статистический анализ показывает, что количество людей, мигрирующих по России, в период с 2006 по 2016 года увеличилось в 2,1 раза. В 2006 году количество мигрирующих составило 1935691 человек. В следующем году их количество увеличилось на 62 тыс. человек. До 2009 года наблюдался некоторый спад данного показателя (до 1707691 человек, что на 290 тыс. человек меньше, чем в 2007 году). Такое уменьшение количества мигрантов связано с экономическим кризисом 2009 года. Однако уже на протяжении следующих шести лет рост возобновился.

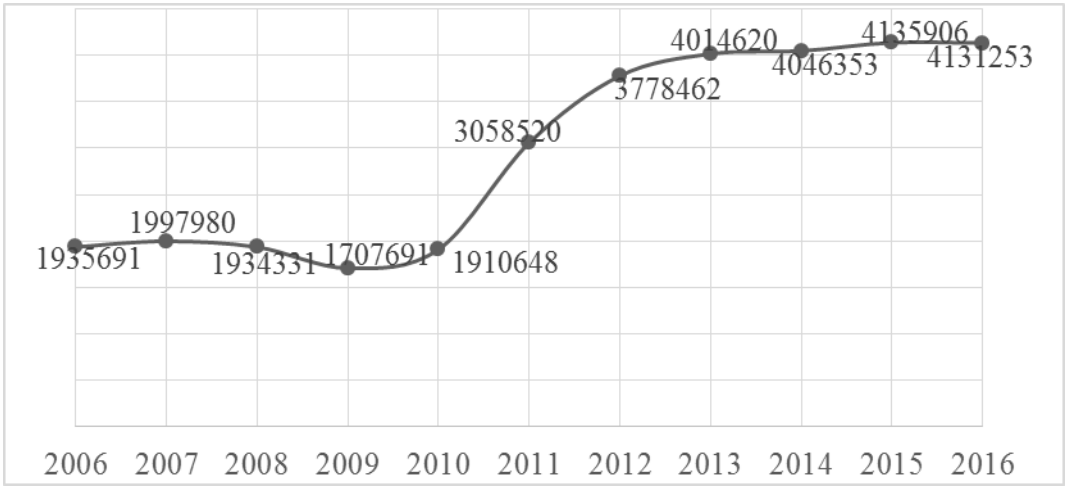

Рис. 1. Динамика внутрироссийской миграции в 2006 - 2016 гг. (человек)

Источник: составлено авторами с использованием [1].

В 2015 году показатель внутрироссийской миграции составил 4135906 человек, что в 2,4 раза больше, чем в 2009 году (год с наименьшим показателем). В 2016 году незначительный спад внутрироссийской миграции (на 4653 человек). Из представленных статистических данных можно сделать вывод, что в целом показатель количества внутрироссийских мигрантов имеет положительную тенденцию.

Рассмотрим структуру внутрироссийской миграции по субъектам Российской Федерации за 2016 год (рисунок 2).

В регионах миграционные потоки складываются не однозначно. Статистические данные за 2016 год свидетельствуют, что лидирующие позиции по количеству внутрироссийских мигрантов в 2016 году занимает Северо-Западный федеральный округ – 25% от общего количества внутрироссийских мигрантов. За Северо-Западным федеральным округом следует Уральский федеральный округ. В данном федеральном округе доля внутрироссийских мигрантов составляет 19% – на 6% меньше, чем в Северо-Западном федеральном округе. Дальневосточный федеральный округ в 2016 году занимал третье место – 14%, что на 5% меньше, чем в Уральском.

Следом за Дальневосточным следует Южный федеральный округ. В 2016 году Южный федеральный округ занимал 13% (всего на 1% меньше, чем в Дальневосточном) от общего количества внутрироссийских мигрантов. Северо-Кавказский федеральный округ – следующий, после Южного, занимал 11% (на 2% меньше). В Центральном федеральном округе доля внутрироссийских мигрантов в 2016 году составляла 5%, что на 6% меньше, чем в Северо-Кавказском. Минимальное значение

внутрироссийских мигрантов в 2016 году было в Приволжском федеральном округе – 4%, что на 1% меньше Центрального и на 21% меньше, чем в Северо-Западном федеральном округе.

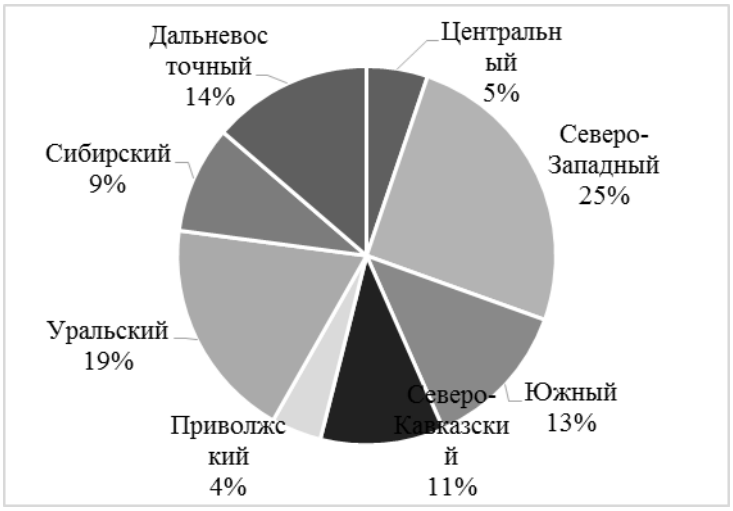

Рис. 2. Структура внутрироссийской миграции
по федеральным округам Российской Федерации в 2016 году

Источник: Составлено авторами с использованием [1].

Дальневосточный регион Российской Федерации является важным с точки зрения геополитического расположения, наличия сырьевых запасов для развития промышленности, возможности социально-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Дальний Восток по суше граничит с Китаем и КНДР, имеет морские границы с Японией и США. Дальневосточные территории имеют довольно низкую плотность населения и могут считаться наименее освоенными регионами. Миграция здесь традиционно выполняла важную роль пополнения численности населения.

Рассмотрим ежегодные показатели по внутренней миграции на Дальнем Востоке России (рисунок 3).

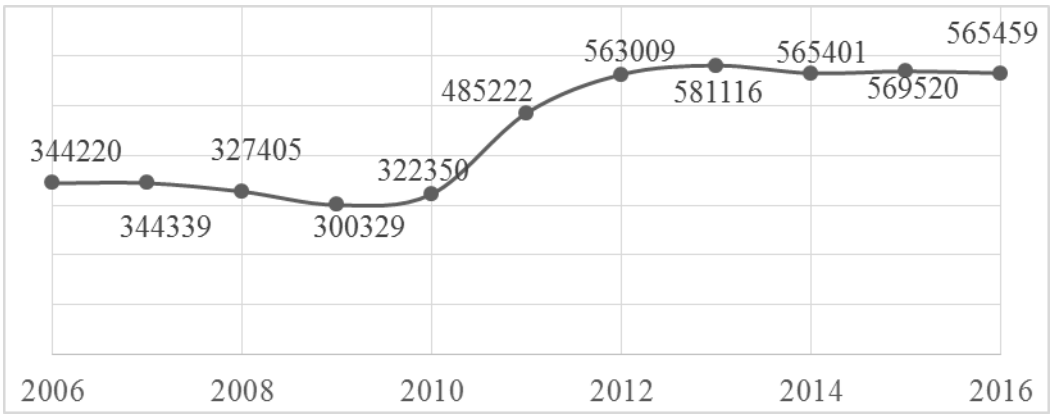

Рис. 3. Динамика внутренней миграции населения
Дальнего Востока России в 2006 - 2016 гг. (человек)

Источник: составлено авторами с использованием [1].

Из рисунка 3 видно, что внутренняя миграция Дальнего Востока в период с 2006 по 2016 года в целом имела положительный тренд и, в общем, совпадает с тенденцией всей России. За рассматриваемый период данный показатель увеличился в 1,6 раз. В 2006 году количество мигрирующих было 344220 человек. В 2007 году миграция незначительно выросла – всего на 119 человек. С 2007 года до 2009 год, уровень миграции Дальнего Востока снижался. В 2009 году было наименьшее значение

этого показателя в рассматриваемом периоде – 300329 человек, что на 44 тыс. человек меньше, чем в 2007 году. До 2013 года количество мигрантов Дальнего Востока в среднем росло на 38306 человек. Отметим, что в 2013 году количество мигрантов Дальнего Востока было максимальным – 581116 человек, это в 1,9 раз больше, чем в 2009 году и на 169% больше, чем в 2006 году. После 2013 года наблюдалось незначительное снижение и в следующем (2014 году) показатель сократился до 565401 человек (на 16 тыс. меньше, чем в 2013 году). В 2015 году количество мигрантов выросло всего на 4 тыс. человек и было равно 569520 человек. Наконец, в 2016 году число внутрироссийских мигрантов Дальнего Востока снова снизилось и составляло 565459 человек (на 4061 человек меньше, чем в 2015 году).

Внутренняя миграция на уровне региона является фактором поддерживающим сохранение тенденции увеличения численности городского населения по сравнению с сельским. В то же время на уровне округов России приток человеческих ресурсов направлен преимущественно в крупные города. Такая направленность движения населения ведет к сокращению трудового потенциала исходного региона и постепенному сокращению численности экономически активного населения этих территорий, а также к большой демографической диспропорции и замедлению развития отдельного региона, что создает угрозу национальным интересам России. По ситуации на Дальнем Востоке России можно отметить, что на данный момент положение с внутренней миграцией приобретает относительно стабильный характер.

Список литературы и источников

1. Миграция населения как ключевой фактор увеличения численности населения / Адамова А.А. – М.: Научные исследования: теория, методика и практика, 2017.
2. Российский рынок труда: проблемы и тенденции / Мустафина Л. Э.; Под ред. Ефимова О.Н. – М.: Sci-Article, 2015.
3. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Научно-образовательный портал IQ. Новости. К 2030 году население России может вырасти до 150 млн человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177666200.html
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/
5. Елисеева, И.И. Статистика: учебник / И.И. Елисеева. – М.: Проспект, 2013. – 342 с.
6. Роль внешней миграции на Дальнем Востоке / Е.С. Романовская – М.: Магаданский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2016.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕШЕНИИ НАУЧНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ТУРКОВ Сергей Леонидович, старший научный сотрудник, Вычислительный центр ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: slturkov@gmail.com

SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPTION'S IN DECISION OF SCIENCE AND APPLIED PROBLEMS FOR DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT ON THE FAR EAST OF RUSSIA

Sergei L. TURKOV, Senior researcher, Computing Center of Far-Eastern Branch Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: slturkov@gmail.com

Аннотация. Обсуждаются вопросы решения проблем демографии Дальнего Востока в их методологической связи с Национальной концепцией устойчивого развития (“Sustainable Development”; КУР в аббревиатуре ООН). Её научные проблемы сводятся к недостатку технологических (физических и математических) способов объяснения и формализации окружающего нас мира, а также технических средств и методов их практической реализации. Цель и основное направление использования результатов – разработка “человеко-машинных” систем планирования принятия решений (АСПР) для государственных структур управления (в виде ГИС-, ГРИД-систем, нейронных сетей, “Blockchain” технологий и систем искусственного интеллекта). Разработка Национальной КУР проводилась в ВЦ ДВО РАН с 2003 по 2017 гг. В ней проблемы демографии были выделены в качестве приоритетных, поскольку всегда нужно знать, как достичь её цели, или, хотя бы, объективно оценить степень приближения в ней? Отмечено, что их объектная, предметная и задачная подобласти совпадают; поэтому методы исследования последних должны быть методически адекватны общей целевой функции этой Концепции. Для практической реализации предложенных технологий в стране следует создать новую и достойную XXI века “Индустрию знаний”, которая на национальном уровне должна исходить из формулы: “Цифровая России” = (“цифровая Земля” + “цифровая экономика”).

Ключевые слова: концепция, устойчивое развитие, демография, “Индустрия знаний”, цифровая Россия

Abstract. Discussion the questions for decision of problems demography on Russian Far East in their methodological connection with National conception of Sustainable Development (SDC’ in abbreviation OUN). It science problems coming to deficiency of technological (the physical and mathematical) methods of being accounted and formalization for environment, and, also, the technical means and methods of their practical realizations. The purpose and main direction for using of results – working out “the human-machine” systems of making optimal control decisions for National structures (in view GIS-, GRID-systems, neutron networks, “Blockchain” technologies and others systems of Artificial Intellect). The working out of National SDC was carry out in CC FR RAS with 2003 for 2017 years. In it the problems of demography were singling out in the quality of priorities, since always we need to know, as to achieve of formulation in it the main purpose, or, if only, objective to form a correct estimate of the situation? It was mark, that their object, subject and problems under-fields concurrency; therefore the methods its researching mast to be methodically the same for common of purpose function that Conception. For practical realization of offered technologies proceed to doing “Knowledge Industry” by the next formula: “The digital Russia = (“digital Earth” + “digital economic”)”.

Keywords: conception, sustainable development, demography, “Knowledge Industry”, Digital Russia

В Национальной КУР проблемы демографии выделяются в качестве приоритетных, поскольку методологически они исходят из теории “ноосферы” Э. Ле Руа, П.Т. де Шардена и В.И. Вернадского (в ней единство законов природы, мышления и социально-экономического развития общества ими рассматриваются как новая и теоретически неделимая форма организованности будущего состояния нашей цивилизации (“… ноосфера стремиться стать единой замкнутой системой, где каждый элемент в отдельности видит, чувствует, желает, страдает так же, как и все другие, и одновременно с ним” [1]). Также было отмечено, что объектная, предметная и задачная подобласти КУР и демографии полностью совпадают; поэтому методы исследования последних должны быть методически адекватны общей целевой функции КУР: “min потерь исходной природной материи при max необходимых общественных и социальных благ”. Другие преимущества предлагаемого “ноосферного” и “геосистемного” подходов к исследованию проблем демографии заключаются в следующем.

- Выделение единой (по методологии и теории) области исследования (новая парадигма системного представления мира; “ноосферное” мышление и “экологическое” сознание; Рис. 1).
- Полная “конвергентность” (или единство системного и междисциплинарного подходов), как в части отдельных областей знаний, так и её “внешней” и “внутренней” сфер управления разных уров-

ней (единовременное и последовательное принятие оптимальных управляющих решений; одни функциональные процессы: “равновесие” <=> “устойчивое развитие”).

- Единство методов, моделей и технологий принятия управляющих решений: теоретико-игровое (ТИ) моделирование; (“Игры с Природой”, “Game against Nature”), антагонистические, коалиционные, кооперативные, стратегические и др., игры; стратегическое распознавание образов (РО) и методы “индикативного” планирования (Франция, 60-е гг. прошлого века).

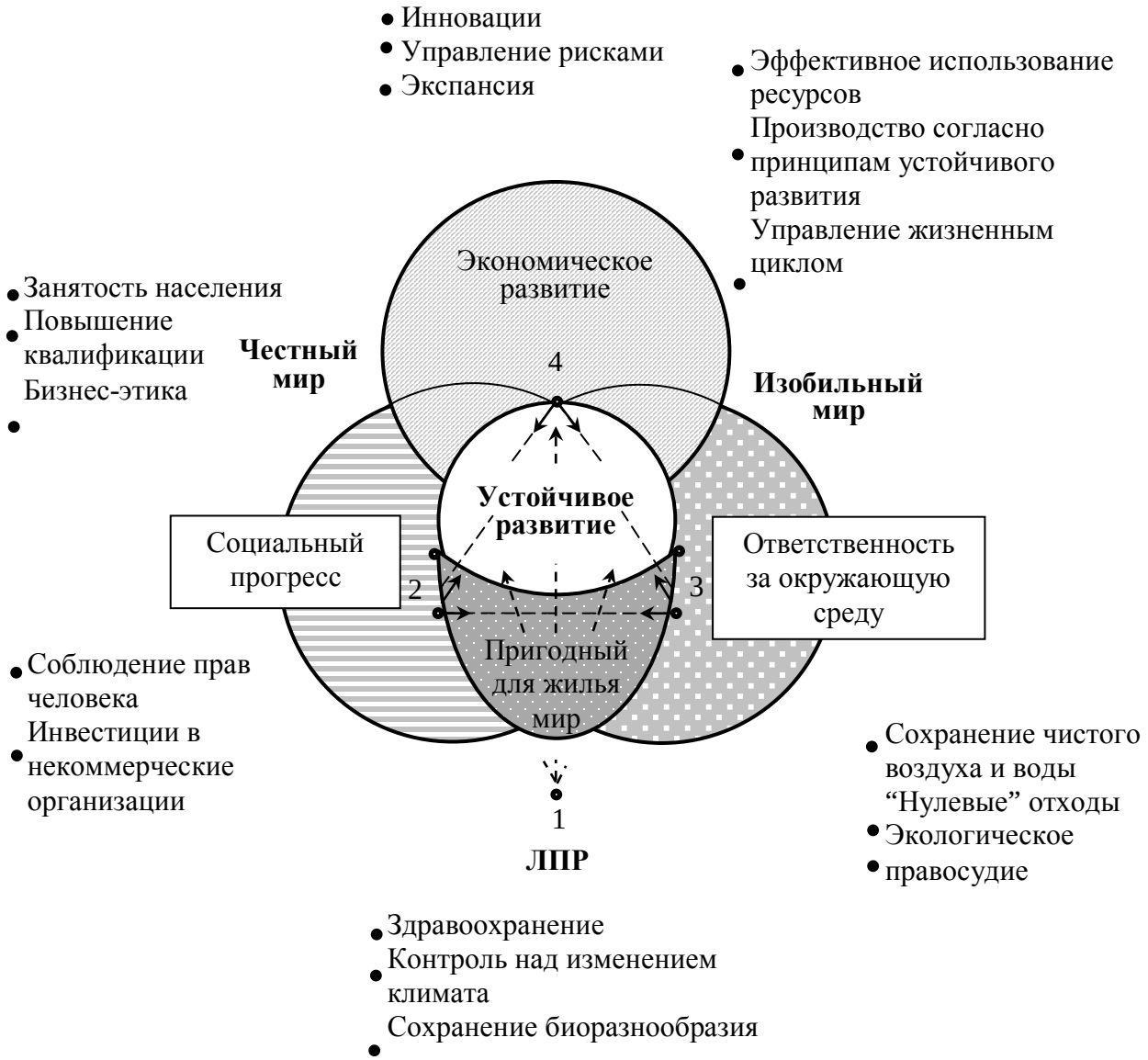

Рис. 1. Пример структуры основных элементов устойчивого развития (исходные материалы: [5])

Здесь исходный рисунок в центральной его части нами дополнен на предмет использования математического аппарата ТИ при принятии будущих оптимальных управляющих решений. К ним относятся, во-первых, процедура выделения трёх основных блоков (2, 3, 4), которые в своей совокупности представляют систему класса “экономика – население – природа” (ЭНП). Во-вторых, если эти точки условно принять за их центры, то в общем виде сам процесс устойчивого развития всей системы будет сводится к процедуре их движения в направлении возможно большего смещения к их общему центру (Рис. 1), или к области “устойчивого развития” (для лица, принимаемого решения (ЛПР) и понимаемого нами под точкой 1 – это есть “желательное движение” его теоретической мысли по способам реализации КУР). Отсюда новизна предлагаемого способа расчёта (а это, по определению,

есть “Игра с Природой”, или “Game against Nature”, 3-х лиц) будет заключаться в дополнении ТИ моделей новыми информационными расширениями в описании поведения полной системы за счёт использования принципиально более развитых методов индикативного анализа.

Технологически оптимальность управляющего решения может быть достигнута и следующими методическими процедурами. Полная матрица исходных (демография, в т.ч. природные и все иные ресурсы) данных по региону подлежит специальной информационной обработке на предмет их соответствия математическому аппарату ТИ. В случае, если некоторые данные (по условиям неопределённости) отсутствуют, их восстанавливают специальными методами. Далее их обработка статистическими методами позволяет выделить (по принципу близости “пятна” процесса регионального природопользования, РП), которые позднее и подлежат более подробному изучению ЛПР.

“Равновесие” любой сложной системы (если именно этот процесс им выбран конечным пунктом исследования), заключается в достижении ею так называемой “седловой” точки (или такого её положения, когда min значение в столбце совпадает с max в строке матрицы) [Оуэн, 2008]. При этом состояние “Устойчивое развитие” такой системы по своему исходному смыслу относится уже к области задач долгосрочного планирования и прогнозирования; с этой целью в естественных науках и синергетике используются понятия “моды” и “структуры-аттрактора” (все необходимые схемы и формулы решения таких задач приведены в [Турков, 2017]).

Для науки и управляющих структур особый интерес представляют следующие вычислительные технологии. Это – графические методы решения задач ТИ (Рис. 2), когда в реальном масштабе времени возможно прямое визуальное наблюдение изменения графиков решения последовательно исследуемых задач (интерпретации, диагностики и мониторинга, планирования и реконструкции, прогноза, ситуационного управления).

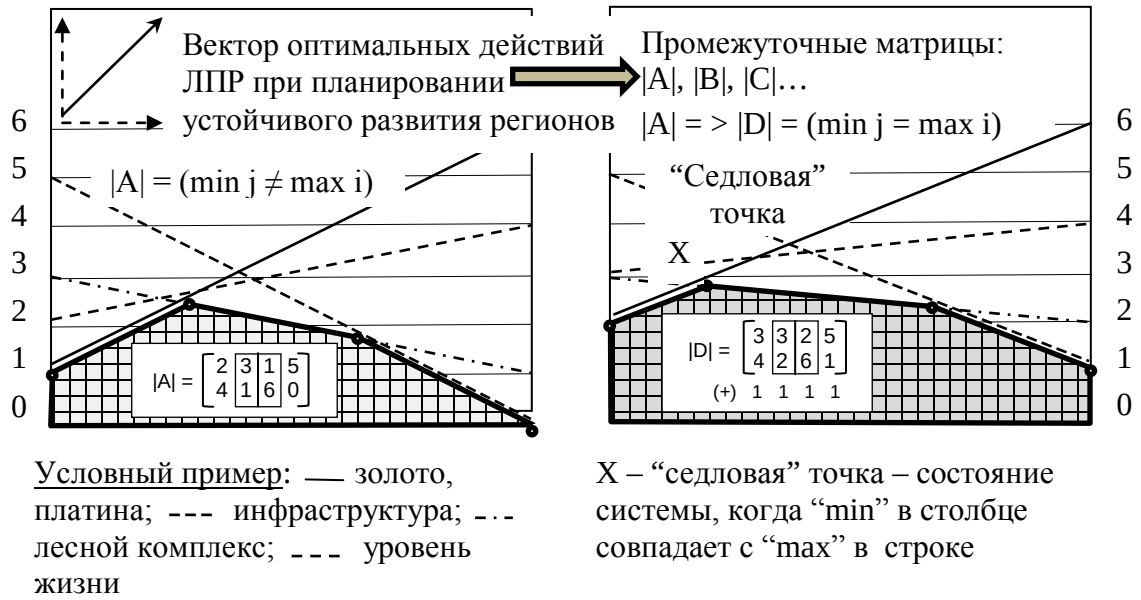

Рис. 2. Графические представления исходной |A| и выходной |D| матриц

Отсюда все ситуации можно представить в виде 2-х и 3D - мерных графиков, в также их плоских отражений (аналог известного из географии и экологии понятия “Экологический каркас территории”, ЭКТ). Их совмещение далее позволяет перейти к “смешанным” ГИС-технологиям, а также к Виртуальным Информационным Моделям (ВИМ) принятия решений: в итоге – это одновременное “векторное” + “растровое” представления данных и знаний по регионам. Кроме того, согласно известной из ТИ теоремы (см.: формулы 2.5.22 – 2.5.24 [Оуэн, 1971. С 50-51]) ЛПР всегда может рассчитать значения единственных оптимальных стратегий и выигрышей по разным играм и матрицам. Тогда полное – стратегически оптимальное – решение заключается в получении данных по “смешанным” стратегиям всех игроков (т.е. по

вероятностным распределениям, или долям, их “чистых” стратегий); именно им и должны придерживаться все без исключения региональные управляющие структуры.

Список литературы и источников

1. Шарден П.Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987. – 240 с.
2. Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-экономического и технологического развития. “Тихоокеанская Россия – 2050” (методические положения) / под ред. В.И. Сергиенко, П.А. Минакира. Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. Исследований. – Хабаровск: РИОТИП, 2009. – 96 с.
3. Турков С.Л. Моделирование процессов управления сложно организованными системами класса “природа-общество”» // Интеркарто/ИнтерГИС-23: Материалы Междунар. конф. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – Т. 1. – С. 117-130. – DOI: 10.24057/2414-9179-2017-1-23-117-130
4. Оуэн Г. Теория игр: Пер. с англ. / Под ред. А.А. Корбута. Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 216 с.
5. Virtual Laboratory Wiki [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wikia.om/finam.fm/archiveview/3026/

ПРОЕКТНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ОБЪЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ФОМИН Максим Витальевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: mvfomin@mail.ru

PROJECT FEDERAL TERRITORIES (PFT) AS AN OBJECT OF SPATIAL DEVELOPMENT

Maxim V. FOMIN, Senior Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mvfomin@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам пространственного развития России. На примере Сибири и Дальнего Востока России рассмотрена роль федеральных округов как сложившихся макрорегионов. Для оптимизации территориального планирования – внутри федеральных округов вычленяются проектные федеральные территории (ПФТ) – как объекты устойчиво-безопасного пространственного развития. Метод – дедуктивный подход, картографический и табличный анализ, синтез, визуализация. Основной акцент сделан на формирование перспективного пространственного (инфраструктурного) каркаса развития макрорегионов. Выявляются узлы опережающего роста (“вторые” и “третьи” города субъектов ПФТ макрорегионов), существенные в федеральном и глобальном экономическом контексте и связи между ними.

Ключевые слова: макрорегион, федеральный округ, проектная федеральная территория (ПФТ), узел опережающего роста.

Abstract. The study is devoted to the spatial development of Russia. The role of federal districts as established macroregions is considered on the example of Siberia and the Russian Far East. To optimize the territorial planning the project federal territories (PFT) are exarticulated within the federal districts – as objects of sustainable spatial development. Method: deductive approach, cartographic and tabular analysis, syn-

thesis, visualization. The main emphasis is made on the formation of a promising spatial (infrastructure) framework for the development of macroregions. The hubs of advanced growth ("second" and "third" cities of entities of PFT), essential in the federal and global economic context and connections between them are revealed.

Keywords: macroregion, federal district, project federal territory (PFT), hub of advanced growth.

Макрорегионы – федеральные округа. 13 мая 2000 года в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина № 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе" были созданы федеральные округа РФ. Именно тогда открылась впервые за много лет "принципиальная возможность – но только ещё возможность – придать пространственному планированию надлежащий масштаб и глубину" [1]. Собственно в это время и появилась идея формирования сетки макрорегионов России на основе федеральных округов, обосновывающая задачи возобновления экономического районирования и стратегического макрорегионального планирования (см. например [1] или [2]).

Руководствуясь принципом "плавающих признаков" [3] – при выделении пространства конкретной макро территории – ключевыми считаются разные критерии (признаки) или их сочетания. Отсюда макрорегион – это сумма общностей – например, природно-географических, транспортных *etc*, но основой выступает экологическая и социально-экономическая целостность. Соответственно, под термином "пространственное развитие" мы понимаем **системно-структурный подход** к масштабируемым территориальным задачам управления целостным развитием.

Возможность активировать механизм пространственного развития на базе федеральных округов – как **реально сложившихся макрорегионов** – существует и поныне. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации", ведётся подготовка принципиально нового типа документа, сочетающего в себе подходы стратегического и территориального планирования, – **Стратегии пространственного развития Российской Федерации** (далее – Стратегия).

Согласно постановлению Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 "Стратегия должна определить приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации, а также меры по их достижению и решению. В составе Стратегии должны быть разработаны предложения о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил" [4]. На первой презентации Стратегии в январе 2017 г. представители рабочей группы сообщили, что приоритетно "формирование крупных пространственных структур – глобально конкурентоспособных макрорегионов" [5].

В условиях федерального округа существует уникальная возможность масштабирования пространства. Тем самым возможно не только наложения сеток территориального планирования, экономического районирования и пространственного развития, но и выделения на основе такого наложения **проектных федеральных территорий (ПФТ)** – как объектов развития. Вот как это выглядит применительно к Сибири и Дальнему Востоку.

1. Формирование (вычленение) пяти ПФТ:

1.1 **ПФТ "ЗапСиб"** (Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Томская область).

1.2 **ПФТ "Енисей"** (Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край).

1.3 **ПФТ "Байкал"** (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область).

1.4 **ПФТ "Крайний Север"** (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Камчатский край и Чукотский автономный округ).

1.5 **ПФТ "Восток"** (Амурская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область).

2. Выявление реального пространственного каркаса развития макрорегионов, включая **узлы опережающего роста**, существенные в федеральном и глобальном экономическом контексте (“**вторые”** и “**третьи”** города субъектов ПФТ) и связи между ними (транспортные оси и коридоры);

3. Планирование направлений **перспективного развития этих узлов**.

Основные отличия ПФТ от ТОР (территорий опережающего развития) – **масштаб объекта** пространственного развития и **субъект действия** – не корпорация развития, курирующая локальные (субъектовые) ТОР, но Полпредство – управляющая структура федерального округа.

Ключевая цель такого пространственного развития макрорегиона – относительное выравнивание плотности и качества инфраструктурного каркаса и снижения уровня неравенства доступности публичных благ. Речь идёт не о перекраивании административных границ, но о формировании соразмерных объектов стратегического планирования, в котором силы общества, государства и бизнеса необходимо оптимально (селективно) объединить.

Пространственный каркас макрорегиона. В настоящее время в стадии исполнения находится правительственное поручение №4 (по итогам форума в Сочи РИФ-2018) – “Формирование в составе Стратегии перспективного ‘инфраструктурного каркаса’ Российской Федерации с целью снятия инфраструктурных ограничений для развития экономики субъектов” [4]. На инфраструктуру не хватает мин. 2 трлн руб. в год, причём, “насущная потребность только Дальнего Востока в минимальных инфраструктурных инвестициях к 2019 г. составит более 860 млрд руб., а к 2025 г. вырастет до 970 млрд руб., учитывая, что расходы бюджета на инфраструктуру уже сократились с 3,7% ВВП в 2012 г. до 2,5% в 2016 г.” [6].

Инфраструктурный каркас необходимо рассматривать в рамках сложившихся макрорегионов, с учётом состыковок транспортных систем и производственных объектов и, естественно, пространственных диспропорций. Средняя плотность населения России в Сибири и Дальнем Востоке составляет от 1,00 до 3,75 чел./км^2, что может показаться недостаточным (средняя по стране – 8,58 чел./км^2), пока мы не сравним её с австралийской (3,2 чел./км^2) или канадской (3,7 чел./км^2). Поэтому селективная уплотнительная реконструкция системы расселения назрела давно.

Нельзя также не учитывать специфику транспортной системы Сибири и Дальнего Востока России, где основной вид транспорта – железнодорожный. В этих макрорегионах только два субъекта из 21 находятся в группе средней плотности ж/д сети, ещё 6 – в группе пониженной плотности, и оставшиеся 13 – в группе низкой плотности ж/д сети. Следует отметить, что действующая транспортная система была выстроена под уходящие задачи: некоторые центры – по факту – уже не всегда такими являются.

На первый план выходит система **узлов опережающего роста** и связи между ними (т.н. “**вторые”** и “**третьи”** города субъектов макрорегионов и скоростные транспортные оси – артерии между ними) – как реальный пространственный или инфраструктурный каркас развития макрорегионов. В перспективе важно превентивное (проактивное) планирование направлений опережающего развития таких узлов и связей.

Соответственно, надо выделить из 200 городов макрорегионов Сибири и Дальнего Востока “вторые” и “третьи” города (см. Табл. 1 и 2).

Если подойти к вопросу переформатирования пространства макрорегионов через узлы и связи “вторых” и “третьих” городов, это позволит структурировать новую планировочную сетку экономической активности. Представляется важным провести специальное разделение территории макрорегиона по признаку федерального присутствия. “Вторые города”, как правило, не нуждаются в федеральной поддержке, т.к. базовые экономические объекты принадлежат достаточно крупному бизнесу, но “третьи” города испытывают очевидную потребность в развитии инфраструктуры.

Некоторые выводы. Выдвинутая в исследовании идея проектных федеральных территорий (ПФТ) преследует несколько целей. **Во-первых**, это новый управленческий масштаб – видение ситуации в комплексе на однородной территории – реальном объекте пространственного развития макрорегиона.

Таблица 1

Система узлов опережающего роста Сибирского федерального округа

Субъект	**“Первый” город**	**“Второй” город**	**“Третий” город**
Республика Алтай	Горно-Алтайск	Майма	Кош-Агач
Республика Бурятия	Улан-Удэ	Северобайкальск Гусиноозерск, Кяхта	Закаменск
Республика Тыва	Кызыл	Ак-Довурак	Шагонар, Чадан
Республика Хакасия	Абакан	Черногорск	Саяногорск
Алтайский край	Барнаул	Бийск, Рубцовск	Новоалтайск
Забайкальский край	Чита	Краснокаменск	Борзя, Петровск-Забайкальский, Нерчинск
Красноярский край	Красноярск	Норильск, Ачинск	Канск, Железногорск, Минусинск
Иркутская область	Иркутск	Братск, Ангарск	Усть-Илимск, Усолье-Сибирское
Кемеровская область	Кемерово, Новокузнецк	Прокопьевск	Междуреченск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск
Новосибирская область	Новосибирск	Бердск	Искитим, Куйбышев
Омская область	Омск	Тара, Исилькуль, Калачинск	Называевск, Тюкалинск
Томская область	Томск	Северск	Стрежевой

Источник здесь и табл. 2: составлено автором.

Таблица 2

Система узлов опережающего роста Дальневосточного федерального округа

Субъект	**“Первый” город**	**“Второй” город**	**“Третий” город**
Республика Саха (Якутия)	Якутск	Нерюнгри	Алдан, Мирный, Ленск
Камчатский край	Петропавловск - Камчатский	Елизово	Вилючинск
Приморский край	Владивосток	Уссурийск, Находка	Артём, Арсеньев
Хабаровский край	Хабаровск	Комсомольск на Амуре	Амурск, Советская гавань
Амурская область	Благовещенск	Свободный, Белогорск	Тында, Зея
Магаданская область	Магадан	Ола	Сусуман, Сокол
Сахалинская область	Южно-Сахалинск	Корсаков	Холмск, Оха
Еврейская АО	Биробиджан	Облучье	Николаевка, Ленинское
Чукотский АО	Анадырь	Билибино	Певек

Во-вторых, это возможность реализации действительно макрорегиональных или мезорегиональных прорывных проектов – инфраструктурных, производственных, логистических, аграрных и т.п.

В-третьих, это потенциал синергии устойчивого роста через улучшение инвест-климата, социально-экономических условий, каскадный эффект занятости и мультипликаторы смежных секторов экономики.

В-четвёртых, это реальный путь, когда многие местные, локальные и межсубъектные проблемы могут и должны решаться на уровне макрорегиона. Тем более, когда эти вопросы не являются общенациональными, а требующих заключение соглашений между несколькими субъектами Федерации.

Вместе с тем, важный аспект современности – это создание системы максимального благоприятствования бизнесу, производству, торговле и туризму, конкурентных по отношению к другим государствам, но с учетом локальных особенностей. Однако именно развитие инфраструктурного каркаса должно стать отправной точкой сокращения пространственных диспропорций и формирования новой среды жизнедеятельности.

Список литературы и источников

1. Россия: принципы пространственного развития / Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа / под ред. В. Глазычева. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_oglav.htm

2. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Коллективная монография / под ред. акад. А. Гранберга. М.: Наука, 2004.
3. Смирнягин Л.В. Районы США. М.: Мысль, 1989.
4. Стратегия пространственного развития / Минэкономразвития. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd
5. Лория Е. Российские регионы хотят укрупнить // Известия. 2017. 20 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/news/658777
6. Фомин М.В. Текущие трубы не предлагать // Профиль. 2018. №3. С. 50-53.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КЛЕТОЧНЫМИ АВТОМАТАМИ

ШМИДТ Юрий Давыдович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: syd@dvfu.ru
ИВАШИНА Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ivashina_n@mail.ru
ОЗЕРОВА Галина Павловна, кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ozerova.gp@dvfu.ru
ЛОБОДИН Павел Николаевич, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: lobodin_pn@dvfu.ru

MODELING OF INTER-REGIONAL MIGRATION FLOWS BY CELLULAR AUTOMATA

Yuriy D. SHMIDT, Doctor of Economics, Professor, head of department of Business Informatics, economic and mathematical methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: syd@dvfu.ru

Natalya V. IVASHINA, PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Business Informatics, economic and mathematical methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivashina_n@mail.ru

Galina P. OZEROVA, PhD in Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Business Informatics, economic and mathematical methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ozerova.gp@dvfu.ru

Pavel N. LOBODIN, PhD Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lobodin_pn@dvfu.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема моделирования межрегиональных миграционных потоков. Цель исследования - разработать методику моделирования межрегиональных миграционных потоков региона клеточными автоматами, учитывающую поведение домашних хозяйств на локальном уровне в вопросах принятия решения о переезде на новое место жительства в другие регионы в условиях ограниченной рациональности, с учетом существующих взаимодействий с родственниками и другими сообществами. Разработанный методический подход и предложенная в работе мо-

дификация модели клеточного автомата позволяют получить адекватные прогнозы межрегиональных миграционных потоков.

Ключевые слова: Миграция, межрегиональный поток, клеточный автомат, методический подход, модель ограниченной рациональности, программный комплекс, Приморский край.

Abstract. This article is researching a problem of modelling interregional migrational flows. The goal of the research is to develop a methodology that models interregional migrational flows by using cellular automata. Methodology must take into account households that interact with friends and family and make decisions to migrate to other regions with limited rationality. Developed methodology and suggested modified cellular automata provide reasonable forecasts of interregional migrational flows.

Keywords: migration, interregional flow, cellular automata, methodology, limited rationality model, software, Primorsky Kray

Введение. Миграция оказывает существенное влияние на формирование демографической структуры населения территорий, состояние региональных и локальных рынков труда. Для анализа миграционных процессов и оценки их последствий необходим экономико-математический инструментарий, позволяющий адекватно моделировать миграционные потоки для различных территорий.

Существует значительный опыт отечественных и зарубежных ученых применения эконометрических моделей для моделирования миграционных процессов[1, 2, 3, 4]. Наряду с традиционным эконометрическим аппаратом для моделирования миграции населения применяются нелинейные динамические модели [5, 6]. Для моделирования движения населения достаточно успешно используется теория случайных процессов. В работе [7] и большинстве последующих работ в этой области в качестве модели движения населения используются марковские цепи – дискретные марковские процессы с дискретным временем.

Эти и подобные работы выполнены на агрегированных данных, которые формируются на основе макроэкономического агрегирования, на уровне регионов и страны в целом. При этом возникает определенный разрыв между поведением экономических субъектов на микроуровне, соответствующими эмпирическими данными и общими результатами моделей миграционных процессов на уровне регионов. Решение о переезде на новое место жительства формируется и принимается на микроуровне, на уровне домашних хозяйств. Мигранты принимают решение о переезде на локальном уровне, проживая на конкретной территории, в конкретных социально-экономических условиях и сообществе. Поэтому при моделировании межрегиональных миграционных потоков необходимо учитывать модели поведения мигрантов на микроуровне и моделировать миграционные потоки на уровне территорий как результат движения и выбора домашних хозяйств на локальном уровне.

Для учета этих аспектов в данной статье предлагается использовать клеточные автоматы для моделирования и прогнозирования межрегиональных миграционных потоков. Теория клеточных автоматов имеет сравнительно небольшую, но достаточно продуктивную историю. В последние годы клеточные автоматы находят свое применение при моделировании миграционных процессов как чисто теоретические модели для качественного анализа, так и для численного прогнозирования [8, 9, 10].

Описание методического подхода и модели клеточного автомата. Для описания поведения домашних хозяйств в процессе принятия решения о переезде на новое место жительства целесообразно использовать модель ограниченной рациональности. В выборе в процессе принятия решений в условиях ограниченной рациональности учитывается не только максимизация целевой функции и получение наибольшей полезности, но и многие другие факторы. Субъект, принимающий решение, учитывает риск, целенаправленность, разумную достаточность, ограниченность доступа к информации и другие факторы. Экономическая целенаправленность в данном контексте – это способность гибко и быстро реагировать на изменения рынка, умело приспосабливаться к нему через соответствующие изменения. Необходимо также учитывать, что человек при принятии решения часто пользуется “молчаливыми знаниями”, т. е. теми, о которых сам не подозревает.

Для реализации модели ограниченной рациональности используется интегральный индекс привлекательности регионов, который вычисляется по следующей формуле:

$$R_i^t = a \cdot E_i^t + b \cdot C_i^t + c \cdot K_i^t, \quad (1)$$

где a, b, c – весовые коэффициенты, вычисляемые методом анализа иерархий, R_i^t – интегральный индекс привлекательности региона i в году t, E_i^t - индекс привлекательности сферы экономики региона i в году t, C_i^t – индекс привлекательности социальной сферы региона i в году t, K_i^t - индекс привлекательности климата и экологии региона i в году t.

В формировании индекса привлекательности сферы экономики региона используем следующие показатели:

- ВРП на душу населения, тыс. руб.;
- среднедушевые месячные доходы, руб.;
- доля занятых в общей численности населения региона, %.

Эти показатели характеризуют уровень развития экономики региона, уровень денежных доходов населения и состояние регионального рынка труда.

Для формирования индекса привлекательности социальной сферы используем показатели:

- общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя региона, кв. м:
- численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения региона, чел.
- численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10000 человек населения региона, чел.;

Эти показатели характеризуют уровень доступности жилья, состояние здравоохранения и образования в регионе.

При формировании индекса привлекательности климата и экологии учитывались следующие показатели:

- средняя годовая температура в регионе, C;
- среднемесячное количество осадков в регионе, мм;
- выбросы в атмосферу вредных веществ от стационарных источников, тыс. т.

С нашей точки зрения, эти показатели характеризуют климат и экологию в регионе.

Значения выбранных показателей необходимо нормировать, для приведения их в безразмерную шкалу [0, 1]. Если показатель X возрастающий, т.е. чем значения показателя больше, тем соответствующие характеристики лучше, то нормировка проводится по следующей формуле:

$$\frac{X - X_{min}}{X_{max} - X_{min}},$$

где X_{max} – наибольшее значение показателя X по регионам, а X_{min} - наименьшее значение показателя.

Если показатель X убывающий, т.е. чем значения показателя меньше, тем соответствующие характеристики лучше, то нормировка проводится по следующей формуле:

$$1 - \frac{X}{X_{max}}.$$

При этом все нормированные значения показателей будут иметь одно возрастающее направление: чем нормированные значения показателя больше, тем соответствующие характеристики лучше.

Индекс привлекательности сферы экономики региона i в году t вычисляется по следующей формуле:

$$E_i^t = \frac{1}{3} \cdot (V_i^t + P_i^t + L_i^t),$$

где V_i^t – нормированные значения ВРП на душу населения в регионе i в году t, P_i^t - нормированные значения среднедушевых месячных доходов в регионе i в году t, L_i^t - нормированные значения доли занятых в общей численности населения региона i в году t.

Индекс привлекательности социальной сферы региона i в году t вычисляется по следующей формуле:

$$C_i^t = \frac{1}{3} \cdot (M_i^t + W_i^t + S_i^t),$$

где M_i^t - нормированные значения общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя региона i в году t, W_i^t - нормированные значения численности врачей всех специальностей на 10000 человек населения региона i в году t, S_i^t - нормированные значения численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10000 человек населения региона i в году t.

Индекс привлекательности климата и экологии региона i в году t вычисляется по следующей формуле:

$$K_i^t = \frac{1}{3} \cdot (T_i^t + N_i^t + Q_i^t),$$

где T_i^t - нормированные значения средней годовой температуры в регионе i в году t, N_i^t - нормированные значения среднемесячного количества осадков в регионе i в году t, Q_i^t - нормированные значения выбросов в атмосферу вредных веществ от стационарных источников в регионе i в году t.

Для вычисления весовых коэффициентов в формуле (1) использовался метод анализа иерархий и привлекались эксперты. Общее количество экспертов составило 16 человек. Эксперты проводили попарные сравнения значимости элементов в иерархии, соответствующей задаче оценки весовых коэффициентов.

Проведенные вычисления позволили вычислить весовые коэффициенты и формула (1) принимает следующий вид:

$$R_i^t = 0{,}652 \cdot E_i^t + 0{,}239 \cdot C_i^t + 0{,}109 \cdot K_i^t,$$

где R_i^t – интегральный индекс привлекательности региона i в году t, E_i^t - индекс привлекательности сферы экономики региона i в году t, C_i^t – индекс привлекательности социальной сферы региона i в году t, K_i^t - индекс привлекательности климата и экологии региона i в году t.

При реализации модели клеточного автомата будем использовать прямоугольные сетки клеток для исследуемого региона и каждого Федерального округа России, а также для стран ближнего зарубежья. Каждая прямоугольная сетка содержит количество клеток, соответствующее количеству домашних хозяйств в данном регионе, с учетом предположения, что домашнее хозяйство состоит из трех человек. Также при построении клеточного автомата необходимо задать правила его поведения на границах сетки, в данном исследовании предлагается режим работы автомата с отсутствием границ, то есть первая строка считается продолжением последней, а последняя – предшествующей первой (то же самое относится и к столбцам).

Имеются вероятности выезда из исследуемого региона по 9 направлениям (Федеральные округа РФ, страны дальнего и ближнего зарубежья). Пусть $p_0, p_1 \dots p_9$, где p_0 – вероятность остаться проживать в исследуемом регионе, p_i – вероятность переехать на постоянное место жительства в *i* - й регион, i =1…9. Эти вероятности вычисляем как средние за ряд лет.

Формируем клетки, соответствующие домашним хозяйствам исследуемого региона. Количество клеток соответствует числу жителей, деленному на 3, т.е. считаем, что семья состоит в среднем из трех человек.

Перед первой итерацией клеточного автомата определяем состояние клеток в прямоугольных сетках, соответствующих исследуемому региону, всем федеральным округам России и ближнему зарубежью. По исследуемому региону поступаем следующим образом.

Для года t пусть R_0^t – интегральный индекс привлекательности исследуемого региона в году t, а $R^t = \sum_{i=1}^{9} R_i^t$, где R_i^t – интегральный индекс привлекательности региона i в году t.

Скорректированную вероятность p_0^t остаться жить в исследуемом регионе в году t с учетом интегрального индекса привлекательности региона вычисляем из следующих соотношений:

$$\frac{\frac{R_0^{t-1}}{R^{t-1}}}{\frac{R_0^t}{R^t}} = \frac{p_0^{t-1}}{p_0^t}.$$

Следовательно, $p_0^t = p_0^{t-1} \cdot \frac{R_0^t}{R_0^{t-1}} \cdot \frac{R^{t-1}}{R^t}$,

где начальное значение p_0^1 – соответствует средней вероятности для домашнего хозяйства остаться проживать в исследуемом регионе, вычисленной по статистическим данным за последние 5 лет.

Используя датчик случайных чисел равномерно распределенных на отрезке [0, 1], отмечаем состояние клеток числами 0 и 1. Если случайное число x попадает в интервал [0, p_0^t], то состояние клетки 0 и соответствующее домашнее хозяйство планирует остаться жить в исследуемом регионе. В противном случае, состояние клетки помечается числом 1.

По сеткам соответствующим федеральным округам и ближнему зарубежью, аналогично отмечаются состояния клеток, используя датчик случайных чисел и для домашних хозяйств q_1 - вероятность выехать на постоянное место жительства в исследуемый регион. При этом состояние клетки отмечается числом 1, если соответствующее домашнее хозяйство планирует выехать в исследуемый регион и 0, в противном случае.

$$q_1^t = q_1^{t-1} \cdot \frac{R_0^t}{R_0^{t-1}} \cdot \frac{R^{t-1}}{R^t},$$

где начальное значение q_1^1 – соответствует средней вероятности для домашнего хозяйства выехать на постоянное место жительства в исследуемый регион, вычисленной по статистическим данным за последние 5 лет.

Алгоритм расчетов в модели на каждой итерации состоит из следующих этапов:

1. Определение домашних хозяйств, принявших решение выехать из исследуемого региона.
2. Определение количества домашних хозяйств, принявших решение приехать в исследуемый регион.
3. Уточнение количества клеток сетки по исследуемому региону и определение их состояний.

На первом этапе выполняем один шаг по сетке, соответствующей исследуемому региону. Перебираем для каждой клетки 4 соседние клетки (окрестность Неймана) и четыре выбранные случайным образом в регионе. Учитывая состояние всех клеток соседей - окружения (8 клеток) и используя функцию Лапласа, строим функцию перехода $P(n)$.

$$P(n) = \frac{W(n)}{k},$$

где n – число клеток из окрестности текущей клетки в состоянии 1; $k = \frac{0{,}9973}{q}$, q – вероятность домашних хозяйств уехать из исследуемого региона на постоянное место жительства,

$$W(n) = P\left(-3\sigma \le x \le -3\sigma + \frac{3}{4}\sigma n\right) = \Phi\left(-3 + \frac{3}{4}n\right) + \Phi(3),$$

где σ – среднее квадратичное отклонение; *Ф(x)* – функция Лапласа.

Вычисляем случайное число x, если $x < P(n)$, то домашнее хозяйство принимает решение уехать из исследуемого региона. Запоминаем координаты этой клетки. В противном случае, состояние клетки 0 и семья остается проживать в регион.

Для определения региона, в который выезжает домашнее хозяйство, используем интегральные индексы предпочтений регионов R_i. Пусть

$$R^t = \sum_{i=1}^{9} p_i \cdot R_i^t,$$

где p_i – вероятность переезда семьи в i регион, R_i^t – интегральный индекс предпочтений i региона. Определим скорректированную вероятность переезда семьи в i регион с учетом индекса предпочтений в виде:

$$p_i^* = \frac{p_i \cdot R_i^t}{R^t}.$$

Разобьем отрезок [0, 1] на 9 интервалов длины, соответственно p_i^*. Генерируем случайное число из отрезка [0, 1] и выбираем регион выбытия домашнего хозяйства в соответствии с тем, в какой интервал попадает число.

На этапе 2 аналогичным образом по сеткам, соответствующим Федеральным округам и странам ближнего зарубежья, определяем домашние хозяйства, принявшие решение выехать в исследуемый регион. По каждому Федеральному округу и ближнему зарубежью известна вероятность выехать в исследуемый регион - q_1. Все клетки сетки имеют состояние 1, если соответствующее домашнее хозяйство принимает решение выехать в исследуемый регион и 0, в противном случае. Перебираем для каждой клетки 4 соседние клетки и четыре выбранные случайным образом в регионе. В этом случае функция перехода $P(n)$ имеет следующий вид:

$$P(n) = \frac{W(n)}{k},\ k = \frac{0{,}9973}{q_1}, \qquad (5)$$

где *n* – число клеток из окрестности текущей клетки в состоянии 1.

Вычисляем случайное число x, если $x < P(n)$, то домашнее хозяйство принимает решение уехать в исследуемый регион. В противном случае, состояние клетки 0 и семья не выезжает в исследуемый регион. По каждой сетке рассчитываем количество приезжающих в исследуемый регион, находим их сумму.

На этапе 3 распределяем случайным образом прибывшие в исследуемый регион домашние хозяйства по клеткам сетки, соответствующим выехавшим из исследуемого региона домашним хозяйствам. Значение состояния, которое получает такая клетка, определяется в соответствии с вектором вероятности отъезда на текущий год из исследуемого региона. Выполняется переход на этап 1 или завершается процедура расчетов. Если выполняется настройка автомата, то количество итераций определяется по величине разности между рассчитанным количеством и реальным значениям выехавших за этот год людей. Если выполняется прогноз, то количество итераций определяется, как средняя величина итераций автомата для моделирования периода в один год в среднем за пять лет при настройке автомата.

Результаты численных экспериментов и их анализ. Разработанный клеточный автомат был апробирован на статистических данных по Приморскому краю.

Для моделирования миграционных потоков клеточным автоматом разработана кроссплатформенная программа на языке Go. Вычисления производились на компьютере с 4-х ядерным процессором Intel Core i7 с тактовой частотой 2.5 ГГц и 16 ГБ оперативной памяти. Количество вычислений, проведенных в ходе экспериментов и прогнозных расчетов, достаточно велико. В среднем расчеты по разработанной модели для одного года занимали около 7 минут. В данном исследовании

проводился среднесрочный прогноз межрегиональных миграционных потоков из Приморского края на три года.

Проведенное исследование показывает возможность и целесообразность моделирования межрегиональных миграционных потоков клеточными автоматами на основе модели поведения домашних хозяйств на локальном уровне в условиях ограниченной рациональности. Для расширения возможностей разработанного клеточного автомата при среднесрочном и долгосрочном прогнозировании межрегиональных миграционных потоков целесообразно, с нашей точки зрения, прогнозирование процессов рождаемости и смертности населения проводить клеточными автоматами. Это позволит создать достаточно универсальную модель для прогнозирования миграционных потоков, легко настраиваемую под условия разных территорий. Предложенный методический подход можно использовать и для других моделей поведения домашних хозяйств при принятии решений о миграции. Это позволит определить наиболее адекватные модели поведения домашних хозяйств в существующих условиях, сравнивая результаты прогнозирования межрегиональных миграционных потоков при разных моделях поведения.

Список литературы и источников

1. Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data// Economics of Transition. - 2004. - Vol. 12(1). – Pp. 1–27.
2. Gerber T. Regional economic performance and net migration rates in Russia, 1993–2002// International Migration Review. -2006. - Vol. 40(3). – Pp. 661–697.
3. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации// Прикладная эконометрика. – 2010. - № 1(21). – С. 35-55 .
4. Прогнозирование спроса и предложения на региональном рынке труда, под ред. Ю.Д. Шмидта. - Владивосток: ДВФУ,2012. – 320 с.
5. Васильев А.М. Модель самоорганизации рынка труда// Экономика и математические методы. – 2001. – Т. 37. -№ 2. – С. 123-127.
6. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. - М.: МАКС Пресс, 2001. – 317 с.
7. Blumen I., Kogan M., McCarthy P. The Industrical Mobility of Labor as a Probability Process, - N.-Y, 1955.
8. Benito-Ostolaza J.M., Hernandez P., Palacios-Marques D., Vila J. Modeling local social migrations: A cellular automata approach// Cybernetics and Systems. – 2015. Vol. 46 (3-4). – Pp. 287-302.
9. Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Кухлевский А.Л., Лободин П.Н. Прогнозирование межрегиональных миграционных потоков//Экономика региона. - 2017. - Т. 13, вып. 1. - С. 126-136.
10. Dabbaghian V., Jackson P., Spicer V., Wuschke K. A cellular automata model on residential migration in response to neighborhood social dynamics// Mathematical and Computer Modelling. – 2010. – Vol. 52 (9-10). – Pp. 1752-1762.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

ЭРКАН Гу, кандидат наук, доцент, Северо-Восточный сельскохозяйственный университет, Харбин, КНР, e-mail: gurk1977@mail.ru

TOOLS FOR ASSESSING THE QUALITY OF STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMIC SYSTEM

Gu ERKANG, PhD, Associate Professor, Northeast agricultural University, China, Harbin, e-mail: gurk1977@mail.ru

Аннотация. Существующий методический аппарат и экономико-математический инструментарий не позволяют в полной мере оценить качество и эффективность структурных сдвигов в экономической системе. В статье предложена авторская методика количественной оценки величины и направления структурных сдвигов в экономической системе, в которой предложены показатели качества структурных сдвигов и интегральный показатель в виде взвешенной суммы структурных сдвигов по составляющим отраслевой структуры системы с учетом их значимости. Качество структурных сдвигов оценивается по степени их соответствия рациональности структурных изменений в экономической системе. Апробация методики на примере пищевой промышленности Приморского края позволила сделать содержательные выводы о величине и качестве структурных сдвигов в пищевой промышленности региона.

Ключевые слова: экономическая система, структура, сдвиг, величина, направление, оценка, методика, инструментарий.

Abstract. The existing methodological apparatus and economic - mathematical tools do not allow to fully assess the quality and efficiency of structural changes in the economic system. The article offers the author's method of quantitative assessment of the magnitude and direction of structural changes in the economic system, in which the quality indicators of structural changes and an integral indicator in the form of a weighted sum of structural changes in the components of the sectoral structure of the system, taking into account their importance. The quality of structural changes is estimated by the degree of their compliance with the rationality of structural changes in the economic system. Testing methods on the example of the food industry of Primorsky Krai has allowed to make meaningful conclusions about the value and quality of structural shifts in the food industry in the region.

Key words: economic system, structure, shift, magnitude, value, direction, evaluation, methodology, tools.

Введение. Структура любой экономической системы во многом определяет успешность ее функционирования и развития. Вопросы, связанные с проблемой структурных изменений в экономике, всегда представляли интерес как для отечественных, так и для зарубежных экономистов. Структура экономики исследовалась в связи с такими категориями как труд, капитал, стоимость, прибыль и т.п. Проблемы межотраслевых структурных сдвигов исследовались с использованием математических методов Л.В. Канторовичем, В.С. Немчиновым и В. Леонтьевым. Разработкой теоретических моделей структуры хозяйственных систем занимались такие авторы как Д. Белл, В. Иноземцев, К. Кларк, С. Любимцева, Д. Норт, Р. Рейч, Й. Шумпетер. Взаимосвязь структурных сдвигов и циклического развития экономики исследовались в работах Н.Д. Кондратьева, С.М. Меньшикова, Ю.В. Яковца, влияние технологических изменений на структурные сдвиги исследовалось в работах Ф. Перру, Й. Шумпетера, С.Ю. Глазьева. В частности, обосновано, что одним из основных движущих факторов развития хозяйственных систем является техническая эффективность, накопленная в ходе инновационной деятельности.

Современный этап исследований характеризуется достаточно глубоким изучением теоретических и методологических проблем анализа и оценки структурных сдвигов в экономике, социально-экономических последствий структурных сдвигов в условиях становления постиндустриального общества. Большой вклад в разработку теории и методологии структурной динамики внесли российские ученые А.И. Анчишкин, Д.А. Багиров, Л.А. Беркович, С.Ю, Глазьев, Л. Гордон, В.С. Дунаева, В.Л. Иноземцев, Л.С. Казинец, В.Л. Макаров, Ю.В. Яременко и другие.

Существует ряд методов и методик оценки структурных сдвигов: многомерный анализ данных, эконометрическое моделирование, матричные методы, интегральные показатели и индексы

[1,2,3]. Для анализа динамики структурных сдвигов используются различные индексы. Наиболее распространенными являются индексы структурных сдвигов Л.С. Казинца, Г. Гатева, А. Салаи и В.М. Рябцева [4,5].

Эти показатели используются для оценки величины и качества структурных сдвигов. Если с величиной структурных сдвигов особых методических проблем не возникает, то с оценкой качества структурных сдвигов есть достаточно большие сложности. Количественная оценка величины структурных сдвигов не позволяет сделать содержательный вывод о прогрессивности и эффективности структурных изменений в экономической системе.

Описание методики. В ряде работ рассматривается понятие эффективности структурного сдвига [6,3,8]. Традиционно, оценка эффективности структурных сдвигов базируется на классическом определении эффективности и связана с массой структурного сдвига и величиной затрат на их осуществление [8]. Понятие «эффективность структурного сдвига» достаточно часто используется в теоретических исследованиях, научных статьях, но имеются объективные сложности практического вычисления эффективности структурного сдвига, т.к. сложно выделить факторы и движущие силы структурного сдвига, оценить их вклад и затраты на осуществление самого структурного сдвига.

С нашей точки зрения, целесообразно говорить не об эффективности структурного сдвига, а об его рациональности. Под рациональным структурным сдвигом следует понимать, с нашей точки зрения, сдвиг, направленный в сторону формирования рациональной структуры в экономической системе. Степень рациональности структуры экономической системы определяется уровнем соответствия ее продукции существующему, сформированному спросу потребителей, возможностью достигать запланированные или поставленные цели с наименьшими затратами времени и ресурсов. Эти критерии являются достаточно общими и имеют обобщенный характер. Используя только эти критерии, сложно на практике определить: является та или иная структура экономической системы рациональной и какова степень этой рациональности, требуется ли совершенствование структуры и в каком направлении.

В данном исследовании разработана методика оценки величины и направления структурного сдвига в экономической системе. Направление структурных сдвигов оценивается по траектории к рациональной структуре или в противоположную сторону (в этом случае знак интегрального показателя величины структурного сдвига – отрицательный). Для определения направления структурного сдвига целесообразно выделить ряд рабочих критериев рациональности отраслевой структуры экономической системы:

1. Устойчивая тенденция повышения прибыли предприятий.
2. Повышение доли добавленной стоимости, произведенной предприятиями.
3. Повышение степени соответствия произведенной продукции сформированному спросу потребителей.
4. Устойчивое обеспечение сырьевыми и другими ресурсами экономической системы.

В отраслевой структуре экономической системы выделяем следующие составляющие:

- структура произведенной продукции по отраслям;
- структура основных производственных фондов по отраслям;
- структура работников по отраслям;
- структура инвестиций в основные фонды по отраслям.

По каждой из этих составляющих будем оценивать величину и направление структурных сдвигов. Пусть S_i^t – общая оценка величины и направления структурного сдвига в году t по -ой составляющей отраслевой структуры пищевой промышленности региона, $i = 1,2,3,4$. Пусть K_{ij}^t – интегральная оценка качества сдвига по составляющей отраслевой структуры j для отрасли i в момент времени t. Для каждой составляющей отраслевой структуры этот показатель будем вычислять по своей формуле, в формировании которой используется метод анализа иерархий для определения весовых

коэффициентов. Метод анализа иерархий достаточно подробно описан в литературе [9], поэтому в данной работе будем использовать только то, что необходимо для понимания текста.

При оценке качества сдвига по произведенной продукции в экономической системе, используем в качестве критериев следующие:

- относительное приращение выручки от реализаций произведенной продукции;
- относительное приращение добавленной стоимости, произведенной предприятиями;
- относительное приращение степени соответствия произведенной продукции сформировавшемуся спросу потребителей.

Следовательно, для K_{i1}^t справедлива следующая формула:

$$K_{i1}^t = a \cdot \frac{b_i^t - b_i^{t-1}}{b_i^{t-1}} + b \cdot \frac{c_i^t - c_i^{t-1}}{c_i^{t-1}} + c \cdot \frac{d_i^t - d_i^{t-1}}{d_i^{t-1}}, \quad (1)$$

где b_i^t – выручка отрасли i от реализации произведенной продукции в году t, c_i^t – добавленная стоимость, произведенная предприятиями отрасли i в году t, d_i^t – степень соответствия продукции отрасли i спросу потребителей в году t, a, b, c – весовые коэффициенты, вычисляемые методом анализа иерархий.

После обработки мнений экспертов и проведения необходимых вычислений, получены следующие результаты: $a = 0{,}64; b = 0{,}13; c = 0{,}23.$

Общую оценку величины и направления структурного сдвига по i-ой составляющей отраслевой структуры экономической системы в году t, вычисляем по формуле:

$$S_i^t = \sum_{j=1}^{n} \left(\sqrt{\left| d_{ji}^t - d_{ji}^{t-1} \right| \cdot \left| K_{ji}^t \right|} \cdot sgn\left(K_{ji}^t\right) \right), \quad (2)$$

где d_{ji}^t – доля отрасли j в i-ой составляющей отраслевой структуры в году t, K_{ji}^t – интегральная оценка качества сдвига по составляющей отраслевой структуры i для отрасли j в момент времени t, $sgn(x)$ – функция, определяемая следующим образом:

$$sgn(x) = \begin{cases} 1, \text{если } x \geq 0; \\ -1, \text{если } x < 0. \end{cases}$$

При оценке качества сдвига по основным производственным фондам по отраслям в экономической системе, используем в качестве критериев следующие:

- относительное приращение значения коэффициента использования производственных мощностей предприятия;
- относительное приращение добавленной стоимости, произведенной предприятиями;
- относительное уменьшение численности работников отрасли, вызванное в частности автоматизацией и внедрением более производительного оборудования.

Интегральную оценку качества сдвига по основным производственным фондам для отрасли i в момент времени t вычисляем по формуле:

$$K_{i2}^t = \alpha_1 \cdot \frac{k_i^t - k_i^{t-1}}{k_i^{t-1}} + \alpha_2 \cdot \frac{c_i^t - c_i^{t-1}}{c_i^{t-1}} + \alpha_3 \cdot \frac{r_i^{t-1} - r_i^t}{r_i^{t-1}}, \quad (3)$$

где k_i^t – коэффициент использования производственных мощностей предприятиями отрасли i в году t, c_i^t – добавленная стоимость, произведенная предприятиями отрасли i в году t, r_i^t – средняя численность работников предприятий отрасли i в году t, $\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ – весовые коэффициенты, вычисляемые методом анализа иерархий.

Для вычисления весовых коэффициентов α_i привлекаем экспертов, которые проводят попарные сравнения, используя элементы метода анализа иерархий. В результате вычилений получим: $\alpha_1 = 0{,}68;\ \alpha_2 = 0{,}12;\ \alpha_3 = 0{,}20.$

Интегральную оценку качества сдвига по структуре работников для отрасли i в момент времени t вычисляем по формуле:

$$K_{i3}^t = \beta_1 \cdot \frac{b_i^t - b_i^{t-1}}{b_i^{t-1}} + \beta_2 \cdot \frac{s_i^t - s_i^{t-1}}{s_i^{t-1}} + \beta_3 \cdot \frac{p_i^t - p_i^{t-1}}{p_i^{t-1}}, \quad (4)$$

где b_i^t – выручка отрасли *i* от реализации произведенной продукции в году *t*, s_i^t – затраты на рабочую силу отрасли *i* в году *t*, p_i^t – производительность труда в отрасли *i* в году *t*, $\beta_1, \beta_2, \beta_3$ – весовые коэффициенты.

В результате обработки мнений экспертов, получим: $\beta_1 = 0{,}11;\ \beta_2 = 0{,}31;\ \beta_3 = 0{,}58.$

Интегральную оценку качества сдвига по инвестициям в основные фонды по отрасли *i* в момент времени *t* вычисляем по формуле:

$$K_{i4}^t = \gamma_1 \cdot \frac{l_i^t - l_i^{t-1}}{l_i^{t-1}} + \gamma_2 \cdot \frac{m_i^t - m_i^{t-1}}{m_i^{t-1}} + \gamma_3 \cdot \frac{f_i^t - f_i^{t-1}}{f_i^{t-1}}, \quad (5)$$

где l_i^t – стоимость ОПФ отрасли *i* в году *t*, m_i^t – коэффициент обновления основных фондов отрасли *i* в году *t*, f_i^t – количество новых рабочих мест в отрасли *i* в году *t*, $\gamma_1, \gamma_2, \gamma_3$ – весовые коэффициенты.

Для вычисления весовых коэффициентов используются экспертные оценки. В результате обработки мнений экспертов, получим: $\gamma_1 = 0{,}16; \gamma_2 = 0{,}29; \gamma_3 = 0{,}55.$

Интегральную оценку величины и направления структурного сдвига в отраслевой структуре экономической системы в году t вычисляем по формуле:

$$S^t = a_1 S_1^t + a_2 S_2^t + a_3 S_3^t + a_4 S_4^t, \quad (6)$$

где S_i^t – общая оценка величины и направления структурного сдвига в году *t* по *i*-ой составляющей отраслевой структуры экономической системы, a_i – весовые коэффициенты *i*=1,2,3,4.

Для вычисления весовых коэффициентов a_i привлекаем экспертов, которые проводят попарные сравнения, используя элементы метода анализа иерархий. В результате вычилений получим:

$$S^t = 0{,}524 \times S_1^t + 0{,}256 \times S_2^t + 0{,}064 \times S_3^t + 0{,}156 \times S_4^t, \quad (7)$$

где S_i^t – общая оценка величины и направления структурного сдвига в году *t* по *i*-ой составляющей отраслевой структуры экономической системы.

Из формул (1) – (7) следует, что S^t теоретически может принимать значения из отрезка [-n; n], где n – количество видов экономической деятельности (подотраслей) в экономической системе. В практических расчетах из-за реализации закона больших чисел S^t принимает значения в интервале [-1; 1]. Интерпретация значений интегральной оценки величины и направления структурных сдвигов S^t представлена в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация значений интегральной оценки величины и направления структурных сдвигов

№	Интервал значений S^t	Интерпретация
1.	$S^t \leq -0{,}8$	Огромный структурный сдвиг негативного направления
2.	$-0{,}8 < S^t \leq -0{,}5$	Большой структурный сдвиг негативного направления
3.	$-0{,}5 < S^t \leq -0{,}2$	Существенный структурный сдвиг негативного направления
4.	$-0{,}2 < S^t \leq 0$	Незначительный структурный сдвиг негативного направления
5.	$0 < S^t \leq 0{,}2$	Незначительный структурный сдвиг положительного направления
6.	$0{,}2 < S^t \leq 0{,}5$	Существенный структурный сдвиг положительного направления
7.	$0{,}5 < S^t \leq 0{,}8$	Большой структурный сдвиг положительного направления
8.	$0{,}8 < S^t$	Огромный структурный сдвиг положительного направления

Составлено автором.

Направление структурного сдвига является положительным если сдвиг происходит в направлении рациональной структуры экономической системы и отрицательным в противном случае.

Разработанная методика была апробирована на примере пищевой промышленности Приморского края.

В таблице 2 представлены результаты вычислений величины и направлений структурных сдвигов в пищевой промышленности Приморского края по разработанной методике.

Структурный сдвиг по произведенной продукции в пищевой промышленности региона имел существенную величину и положительное направление в 2006 году и в период 2008 – 2011 гг., а с 2012 г. по 2015 г. сдвиг был незначительным, но также с положительным направлением. Это происходило из-за влияния соответствующих общих экономических кризисов и адаптации предприятий пищевой промышленности региона к новым условиям функционирования.

Структурный сдвиг по основным производственным фондам в пищевой промышленности Приморского края был незначительным и имел негативное направление в период 2006 – 2010 гг. и в 2015 году, существенным и положительным в 2005 году и в период 2011 – 2012 гг., незначительным и положительным в период 2013 - 2014 гг.

Таблица 2

Структурные сдвиги в пищевой промышленности Приморского края.

Год	S_1^t - сдвиг по произведенной продукции	S_2^t - сдвиг по ОПФ	S_3^t - сдвиг по работникам	S_4^t - сдвиг по инвестициям	S^t – интегральная оценка сдвига
2005	0,05	0,27	0,08	0,42	0,17
2006	0,43	-0,11	0,18	0,15	0,23
2007	0,1	-0,08	0,36	1,25	0,25
2008	0,35	-0,14	0,67	0,12	0,21
2009	0,33	-0,03	0,36	0,2	0,22
2010	0,21	-0,16	0,12	0,91	0,22
2011	0,33	0,26	0,4	0,69	0,37
2012	0,13	0,39	0,12	1,98	0,48
2013	0,14	0,05	0,11	0,65	0,2
2014	0,14	0,15	0,18	0,07	0,13
2015	0,17	-0,05	0,39	0,34	0,16

Составлено автором.

Структурный сдвиг по численности работников в пищевой промышленности Приморского края был существенным и имел положительное направление в 2007 г., 2009 г., 2011 г., 2015 г. Структурный сдвиг был большим и положительным в 2010 году, незначительным и положительным в периоды 2005 – 2006 гг. и 2012 – 2014 гг.

Структурный сдвиг по инвестициям в основные производственные фонды в пищевой промышленности Приморского края был большим и имел положительное направление в 2011 г. и 2013 г., имел огромное значение и положительное направление в 2007 г., 2010 г. и 2012 г., был значительным и положительным в 2005 г. и 2015 г. В остальные годы исследуемого периода сдвиг по инвестициям в пищевой промышленности региона был незначительным, но имел положительное направление.

Значения интегральной оценки величины и направления структурных сдвигов показывают, что в 2006 – 2012 гг. в пищевой промышленности Приморского края происходили существенные структурные сдвиги в положительном направлении, а в 2013 – 2015 гг. – уже незначительные, но также в направлении формирования рациональной структуры пищевой промышленности региона.

Заключение. Апробация разработанной методики оценки величины и направления структурного сдвига в пищевой промышленности региона показывает целесообразность и возможность ее применения для анализа и оценки структурных сдвигов в межотраслевых комплексах. Детальный анализ величины и направлений структурных изменений в пищевой промышленности Приморского края показывает существование серьезных проблем в ее материально-технической базе и реализации инвестиционных и инновационных процессов в этой сфере. Для решения этих проблем необходима

консолидация ресурсов и усилий государства и бизнеса (прежде всего крупнокорпоративного) на ряде конкретных направлений по активизации инвестиционных и инновационных процессов, необходима разработка и реализация активной структурной политики в пищевой промышленности региона.

Список литературы и источников

1. Сухарев О.С. К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов в национальной экономике// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 13. С. 36-64.
2. Дружинин П.В., Прокопьев Е. А. Моделирование отраслевых структурных сдвигов в экономике России// Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 16(415). С. 26-35.
3. Жуплей И.В., Шмидт Ю.Д. Оценка эффективности структурных сдвигов в сельском хозяйстве Дальневосточного региона Российской Федерации// Вестник Тихоокеанского экономического университета. 2011. № 3. С. 60-71.
4. Казинец, Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике / Л. С. Казинец. - М.: Экономика, 1981. - 184с.
5. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. Региональная статистика. - М.: МИД. 2001. – 380 с.
6. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике: теория и методология. – Саратов: Изд-во “Научная книга”, 1999. – 74 с.
7. Zabelina I.,Klevakina E. Structural changes in the economy of cross-border regions of Russia and China//International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. No. 4. P. 1460-1467.
8. Юдина М.А. Комплексные показатели эффективности и качества структурных сдвигов в экономике России// Новый взгляд. Международный научный вестник. - 2015. - № 7. - С. 259-265.
9. Саати Т.Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993.- 314 с.

РАЗДЕЛ 4
МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: МОДЕЛИ И ПРОГНОЗЫ

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АСПЕКТ

БАЙКОВ Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Дальневосточного института управления-филиала РАНХиГС, Хабаровск, Россия, e-mail: nmbaikov@rambler.ru

LABOR MOBILITY IN REPRESENTATIONS OF RUSSIANS: THE FAR EASTERN ASPECT

Nikolai M. BAIKOV, Doctor of Sociology, Professor, chief researcher, Far Eastern Institute of Management-branch Russian Academy of National Economy and Public Service, Khabarovsk, Russia, nmbaikov@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены теоретические аспекты и результаты эмпирических социологических исследований, отражающие состояние трудовой мобильности в контексте государственной миграционной политики на дальневосточном направлении. Проанализированы ключевые государственные решения по преодолению миграционного оттока населения с Дальнего Востока России, показаны их издержки и ограничения для развития внутренних перемещений российских граждан. Показано, что сдерживающими факторами для трудовой мобильности россиян являются несбалансированность рынка труда, неразвитость рынка жилья и низкая готовность граждан к перемещениям.

Ключевые слова: трудовая мобильность, миграция, Дальний Восток, Хабаровский край, государственная миграционная политика, результаты социологических исследований.

Abstract. The article presents theoretical aspects and results of empirical sociological studies reflecting the state of labor mobility in the context of the state migration policy in the Far East. The key state decisions on overcoming the migration outflow from the Russian Far East have been analyzed, their costs and limitations for the development of internal displacements of Russian citizens are shown. It is shown that labor market unbalance of the labor market, underdeveloped housing market and low readiness of citizens to move are the constraining factors for labor mobility of Russians.

Keywords: labor mobility, migration, the Far East, Khabarovsk territory, the state migration policy, the results of sociological research.

Государственная политика регулирования трудовой мобильности. Анализ феномена ″трудовой мобильности″ в контексте миграционных потоков в различных аспектах представлен в работах многих отечественных и зарубежных ученых. В постсоветский период появились работы с глубоким анализом различных методологических и теоретических подходов к изучению социальной мобильности в нашей стране и за рубежом (Т. Заславская, З. Голенкова, О. Шкаратан, В. Радаев и др). Наряду с этим, распространенным методологическим обоснованием миграции служить теория Э.С.Ли [1,], которая объясняет перемещение людей из экономически слаборазвитых регионов в высокоразвитые под действием факторов “выталкивания-притяжения”.

Существенно изменились и усложнились объяснения миграционных перемещений на основе теорий социального обмена. Они указывают на сложную мотивированность обменов, их стремление к институционализации и закреплению в культурных образцах и моделях и других процессах социальной дифференциации и иерархизации [2].

Повышение трудовой мобильности граждан в стратегически важные для России регионы Дальнего Востока требует создание комфортных условий для их жизнедеятельности. Речь идет, во-первых, об обеспечении востребованности на региональных рынках труда, во-вторых, о доступности жилья во всех его формах (арендного, коммерческого, служебного и т.д.).

Государственные планы увеличения населения Дальнего Востока предполагают увеличение численности населения дальневосточного региона к 2030 году до 7 млн. человек (2017 г.- 6,2 млн.) [3]. Однако эти планы совершенно не соответствуют наблюдаемым тенденциям. Население Дальнего Востока продолжает сокращаться, хотя и медленными темпами. Отсутствие заметных тенденций свидетельствуют о завышенных ожиданиях скорого прекращения миграционного оттока. Между тем, по оценкам экспертов, в России нет внутренних демографических ресурсов, которые можно было бы перенаправить в восточные регионы страны. Соответственно, без трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья и их натурализации решить задачу пополнения населения невозможно. [4]. Однако, по оценкам экспертов, "основной проблемой современной российской миграционной политики является отсутствие ее концептуальной ясности, отсутствие четких ориентиров на перспективу" [5].

В последние годы разработка и реализация государственной политики трудовой мобильности в дальневосточные регионы, хотя и активизировалась, но находится на начальной стадии. Первым субъектом, получившим государственную субсидию по программе трудовой мобильности стал Хабаровский край [6]. В течение трех лет было запланировано привлечь в регион приблизительно тысячу высококвалифицированных кадров. Однако за этот период на предприятиях края были трудоустроены всего 229 человек (в 2015 году – 54, в 2016 году – 79, в 2017 году – 96) [7].

Правительство РФ признало, что "существующая программа "Трудовая мобильность", к сожалению, в полную меру не работает, и то количество людей, которое переезжает на Дальний Восток в рамках этой программы, нас не удовлетворяет"[8]. За 2017 год программой трудовой мобильности воспользовались всего 500 человек [9]. В этой связи подготовлены изменения в закон о содействии занятости населения, которые должны сделать программу по привлечению специалистов более гибкой и привлекательной [10].

Миграция и трудовая мобильность в представлениях россиян. Многолетний и масштабный отток населения из регионов Дальнего Востока России позволяет говорить об испытании страны на разрыв. Что же заставляет людей к переезду или оставаться на прежнем месте? Результаты общероссийских и региональных исследований дают противоречивую картину намерений и готовности людей к перемещениям. Так, по опросам жителей европейских регионов России (2008-2009 гг.), испытывающих затруднения с трудоустройством, каждый пятый (!) готов рассмотреть возможность переезда в Сибирь или на Дальний Восток - в зависимости от того, какая поддержка будет оказана государством [11].

Социологический опрос студентов выпускных курсов дальневосточных вузов (2012 г.) показал, что более половины из них отметили, что "многие мои друзья и знакомые уехали (собираются уехать) с территории Дальнего Востока" (58,3%) и еще третья часть (31,6%) отметила, что "большинство моих родственников живут (уехали) за пределами Дальнего Востока России". Около половины опрошенных выпускников вузов (45,1%) согласны с тем, что "в целях профессиональной самореализации нужно уезжать с территории Дальнего Востока" [12].

Финансовый университет при Правительстве РФ оценил готовность населения крупных и средних городов к миграции – отъезду на новое постоянное место жительства (2018 г.). Выяснилось, что готовность к миграции в поисках лучшей жизни остается незначительной. К отъезду из своего

города более всего склонны жители Махачкалы (20%), Тольятти (19%), Омска (17%). Одни из десяти опрошенных готов уехать из г. Хабаровска (9%) и г. Владивостока (9%) [13].

Острой проблемой, как для жителей дальневосточных регионов, так и прибывающих в регион трудовых мигрантов, является жилье. Несмотря на развитие жилищного строительства уровень удовлетворенности населения жилищными условиями по-прежнему недостаточен. Так, по данным социологических опросов порядка 50% населения Хабаровского края относят себя к нуждающимся в улучшении жилищных условий. В этих условиях, очевидно, что в первоначальное время приезда основная масса трудовых мигрантов встречается с жилищной проблемой. Она представляется для них как наиболее сложная и связанная, о чем свидетельствуют их ответы: “поиск съемного жилья”; “предоставление жилья”; “обеспечение жильем”; “прописка, приобретение жилья”; “нет жилья, все дорого”; “жилье, финансы”; “искал жилье’ и др. [14].

Следовательно, формы государственной поддержки населению в решении жилищных вопросов должны вписываться в реалии рыночной экономики, но быть осознанным шагом государства навстречу людям, готовым участвовать в решении стратегической государственной задачи ускоренного развития своих дальневосточных территорий.

Одним из самых серьезных препятствий реализации прорывного сценария развития страны и ускоренного развития ее дальневосточных регионов является низкая территориальная мобильность работни ков на рынке труда. Масштабы государственной программы содействия переезду в другую местность для замещения рабочих мест, как мы уже отмечали, незначительные по своим результатам. В тоже время на рынке труда возникла и углубляется диспропорция: квалифицированные рабочие стали дефицитом, но при этом растет число работников с дипломом высшего образования с низким профессиональным уровнем и трудовой мотивацией.

К этому следует добавить, что в настоящее время дефицит квалифицированных работников в дальневосточных регионах не может быть смягчен за счет миграционного притока, так как за последние годы заметно ухудшилась социально-профессиональная структура мигрантов. Так, опрошенные нами мигранты признаются, что ряд видов деятельности (работы) им трудно выполнить (“торговля”; “монтажно-строительные работы”; “строительство”; ‘водитель такси”; “работа на производстве”).

По экспертным оценкам, потребность Дальнего Востока в специалистах различного уровня достигает 70 000 чел., для которых основными критериями при выборе трудоустройства являются достойная заработная плата, безопасность и комфорт жизнедеятельности, наличие перспектив карьерного роста.

Список литературы и источников

1. Lee, E.S. A Theory of Migration / E.S. Lee // Demography, 1966. –Vol. 3 (1). – P. 47-57.
2. Социального обмена концепция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/
3. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Распоряжение правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 года №1298-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.ru/docs/28228/
4. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. М., Центр стратегических разработок, 2017, 71 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf
5. Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Migration-Strategy-RU-web-1.pdf
6. Постановление Правительства Хабаровского края от 14 июля 2015 г. N 191-пр "О реализации мер по повышению мобильности трудовых ресурсов".[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/465324267.
7. 96 человек приехали в край в 2017 году по программе трудовой мобильности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.khabkrai.ru/events/news/167133

8. Фаляхов Р. Миллион на переезд: россиян отправляют в Магадан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/2018/01/19/11618816.shtml

9. Правительство признало непопулярность программы увеличения трудовой мобильности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nsn.fm/society/pravitelstvo-priznalo-nepopulyarnost-programmy-uvelicheniya-trudovoy-mobilnosti.html

10. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Содействие занятости населения" Правительство Российской Федерации. Постановление от 30 марта 2018 года N 363.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/557014312

11. Денисенко М.Б., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Готовы ли российские безработные ехать за работой? // Демоскоп Weekly, № 445-446, 29 ноября - 12 декабря 2010 года: http://demoscope.ru/weekly/2010/0445/tema07.php

12. Социологический опрос студентов выпускных курсов 13 ведущих вузов Хабаровского края, ЕАО и Камчатского края (n=1093; доверительная вероятность 97%). Тип выборочной совокупности – квотный в разрезе вузов и вероятностный при отборе факультетов и специальностей, случайный на этапе отбора студентов. Научные руководители – д.с.н., профессор Н.М. Байков и к.с.н., доцент Ю.В. Березутский, ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2012 г.

13. Исследование проводилось методом телефонного опроса населения крупных и средних российских городов в конце 2017 – начале 2018 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fa.ru/Documents/news/2018/59_Migration_2018.pdf

14. Экспертный опрос 45 трудовых мигрантов, в муниципальных районах Хабаровского края с 1 по 20 июля 2014 г. Исполнители д.с.н., профессор Н.М. Байков, к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.

ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ВАЗИРОВ Зафар Кабутович, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, аспирант РУДН, Москва, Россия, e-mail: zafar.vazirov@mail.ru

TRENDS AND CONSEQUENCES OF CHINESE MIGRATION FOR THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Zafar K. VAZIROV, Junior researcher of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, PhD student of RUDN University, Moscow, Russia, e-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие и формы китайской глобализации на примере Республики Таджикистан. Выделены формы экономического влияния Китая на регион: инвестиции, кредитование реального сектора экономики, развитие торговой инфраструктуры, сети торговых китайских сообществ как точек опоры и базы для экономического проникновения мигрантов в Таджикистане. Особенная роль в китайской глобализации принадлежит трудовой миграции и формированию сетей китайских мигрантов в регионе, которые становятся точками опоры для экономического освоения КНР новых рынок сбыта, потребления и сырья. Выявлена тесная взаимосвязь между китайскими инвестициями и миграцией, они идут практически параллельно друг с другом и взаимно обусловлены в современных экономических условиях. Фиксируется тенденция все более сильного закрепления экономических позиций Китая в регионе.

Ключевые слова: Китая, Таджикистан, миграция, инвестиции.

Abstract. The article deals with the concept and forms of Chinese globalization on the example of the Republic of Tajikistan. The forms of China's economic influence on the region are highlighted: investment, lending to the real sector of the economy, the development of trade infrastructure, a network of Chinese trade communities as points of support and a base for economic penetration of migrants in Tajikistan. Labor migration and the formation of networks of Chinese migrants in the region play a special role in the Chinese globalization, which become the points of support for the economic development of China's new market, consumption and raw materials. The close relationship between Chinese investments and migration is revealed, they go almost in parallel with each other and are mutually conditioned in modern economic conditions. The tendency of stronger consolidation of China's economic positions in the region is fixed.

Keywords: China, Tajikistan, migration, investment.

Республика Таджикистан географически граничит с Китаем и испытывает на себе влияние великого соседа, причем в последнее время это влияние все более заметно.

Торгово-экономические связи в 1992—1997 годах были минимальными из-за гражданской войны в Таджикистане. В 1996 году товарооборот между двумя странами составлял только 11,7 млн долл., в том числе 7,6 млн долл. приходилось на экспорт из Китая в Таджикистан[1]. А в 2016 году товарооборот приблизился уже к 885 млн долл.[2] Однако по сути взаимная торговля представляла собой «игру в одни ворота» в пользу КНР. Так, в Таджикистане в последние годы было построено множество китайских торговых центров, рынок оказался насыщенным товарами китайского производства.

Кроме того, Китай инвестирует в такие сферы хозяйства Таджикистана, как промышленность, энергетика, аграрный сектор, строительство, коммуникация, транспорт, усиливая свое влияние на таджикскую экономику. Вслед за инвестициями в Таджикистан приходят трудовые мигранты, поскольку практически все контракты включают в качестве главного условия использование китайской рабочей силы — строительство объектов и дорог ведут китайские кампании с привлечением на работу китайских граждан. Это продуманная и четко выверенная государственная политика КНР.

По данным Миграционной службы Министерства труда Республики Таджикистан, численность китайских трудовых мигрантов растет. В 2016 году их число увеличилось на 30% и достигло 6,5 тыс. человек. В основном китайцы в Таджикистане работают в строительстве, на заводах, месторождениях и сельском хозяйстве. В Таджикистане существует квотирование на привлечение иностранной рабочей силы. В 2016 году общий размер квоты, выделенной правительством Республики Таджикистан для привлечения иностранных трудовых мигрантов, составлял 8 тыс. мест, из них на КНР приходилось 4460 мест[3]. Скорее всего, именно китайская миграция подтолкнула власти Таджикистана создать миграционную службу для учета мигрантов и регулирования миграционных потоков, хотя в настоящее время служба скорее лишь осуществляет фиксацию миграционных потоков из КНР и распределяет квоты, чем активно формирует или контролирует китайские миграционные потоки. Реальным регулятором китайской миграции является поток инвестиций и кредитов в Таджикистан из КНР.

В таджикистанской экономике фиксируется еще один важный процесс — усиливается доля китайской собственности. В настоящее время китайские бизнесмены владеют многими индустриальными объектами и торговыми компаниями, являются совладельцами совместных предприятий, арендуют сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. На территории Таджикистана функционирует более 100 китайских кампаний в различных отраслях экономики. Внешний долг Таджикистана составляет 2,2 млрд долл. из них приходится Китаю 1,2 млрд долл. В счет погашения внешнего долга Таджикистан передал КНР часть Памирского высокогорья, богатого месторождениями минерального сырья. Вместе с тем таджикскими учеными еще в советское время было выявлено, что именно на переданной КНР территории Восточного Памира залегают большие запасы 17 видов полезных ископа-

[1] См.: *Алимов Р.К.* Таджикистан и Китай: курсом стратегического партнерства. М.: Весь мир, 2014. С. 127.

[2] См.: Макроэкономические показатели Республики Таджикистан за 2016 г. [http://minfin.tj/index. php?do=static&page=macro], 1 декабря 2017.

[3] См.: Миграционная служба Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан.
Информация получена по запросу автора 4 сентября 2017 года.

емых (драгоценных камней, редких минералов, урана и пр.). Кроме того, КНР купила у Таджикистана свинцово-цинковое месторождение Зарнисори шимоли в Матчинском районе Согдийской области. В соответствии с соглашением КНР обязалась инвестировать в проект 200 млн долл. до 2018 года. Китайская компания в течение четырех лет разработает и начнет строительство двух объектов — предприятия по переработке полиметаллов на месторождении Зарнисори шимоли с мощностью переработки 2 млн т руды в год и металлургического завода мощностью 20 тыс. т свинца в год. Для строительства таджикского участка газопровода из Туркменистана в Китай через территорию Узбекистана и Таджикистана привлечено более 10 тыс. китайских и таджикских рабочих.

Количество таких специалистов определяется двусторонними межправительственными соглашениями. Благодаря инвестициям из Китая была запущена горно-обогатительная фабрика «Покруд» в Рамитском ущелье. Важно отметить, что из 715 рабочих этого предприятия 205 человек являются китайскими гражданами.

Китайским фермерам выделено порядка 2 тыс. гектаров земли в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области, а также в Кумсангирском (ныне Джайхунском) и Бохтарском районах Хатлонской области. Недавно Таджикистан передал фермерской организации ОАО «Цинян Инхай» на 49 лет еще около 500 гектаров земель в районах Яван, Абдурахмон Джоми и Джалолиддин Руми.

По официальной версии Министерства сельского хозяйства Таджикистана, земли передаются для развития аграрного сектора[4], но зачастую эти действия наталкиваются на непонимание и противодействие местного населения.

31 августа 2016 года, накануне национального праздника — 25-летия государственной независимости Республики Таджикистан, президент страны Э. Рахмон в Дангаринском районе Хатлонской области торжественно открыл первую очередь текстильного комплекса «Джунтай — Дангара Син — Силу Текстил». Этот объект стал крупнейшим в Таджикистане по количеству новых рабочих мест и одним из самых значимых для развития производства за годы независимости страны. Предприятие состоит из четырех производственных очередей, в том числе прядильной, текстильной, покрасочной, пошивной. Общая производственная мощность предприятия составляет 52 тыс. т хлопка-волокна и 150 млн кв. м хлопчатобумажной ткани в год. В случае запуска на полную мощность рабочими местами будут обеспечены более 6 тыс. человек (из них 80% — местные жители, а 20% — граждане КНР). Предприятие построено в сотрудничестве с инвесторами и специалистами КНР. С целью обеспечения производства местным сырьем, в том числе высококачественным хлопком, при поддержке правительства Таджикистана на основе плана строительства данного комплекса выделено более 14,5 тыс. га земли, на которой будет налажен сев хлопка для обеспечения потребностей предприятия в сырье[5].

Между тем известно, что технологии обработки земель, которые используют китайские фермеры, нарушают биологическое равновесие и экологическую ситуацию на локальном уровне. Массовое использование химических удобрений загрязняет почву и подавляет жизнедеятельность почвенной флоры и фауны. В результате земля приходит в негодность. Поэтому процесс развития сельского хозяйства Китая имеет и негативные последствия для Таджикистана.

Заключение. Развитие китайско-таджикских экономических отношений, рост торгового оборота между двумя странами, увеличение китайских инвестиций влекут за собой увеличение миграционного притока китайских граждан в Таджикистан. КНР проводит четкую экономическую политику, увязывая предоставление кредитов и инвестиций с увеличением занятости китайских трудовых мигрантов. В свою очередь, китайские мигранты становятся потребителями и дистрибьюторами китайских продуктов в странах Центральной Азии, что позволяет КНР осуществлять постепенную экспансию рынков потребительских товаров в регионе.

По сути, в Таджикистане и других государствах Центральной Азии наблюдается санкционированную китайскими властями политику, направленную на расширение экономического влияния

[4] Министерство сельского хозяйства Республики Таджикистан. Информация получена по запросу автора 5 сентября 2017 года.

[5] Официальный сайт Президента Республики Таджикистан [http://www.president.tj/ru/node/12901], 25 ноября 2017.

КНР в регионе через потребительские рынки и трудовую миграцию. Это также подтверждается существованием большого количества миграционных сервисов (фирм), оказывающих помощь китайцам в переезде в страны Центральной Азии. Опросы среди китайских трудовых мигрантов, работающих в Таджикистане, показывают, что многие из них неоднократно посещали Таджикистан и раньше не один год проживали на его территории. Это свидетельствует о том, что китайская миграция формируется на основе «модели торгового меньшинства»: увеличение численности мигрантов из Китая идет параллельно с расширением китайских рынков сбыта. Наглядными примерами реализации данной модели являются два крупнейших торговых рынка в Душанбе — «Корвон» и «Хитой бозор». Китайские рынки выполняют функции точек опоры экономического освоения новых пространств, структурирования китайских сообществ и в конечном счете усиления влияния КНР на экономику Таджикистан.

Подчеркну, что значительное присутствие китайских общин в странах-соседях не только позволяет КНР избавиться от переизбытка населения и трудовых ресурсов, обеспечить своих граждан работой, но и расширить экономическое присутствие, рынки сбыта, создать благоприятные условия для экспорта китайских товаров, а также получить доступ к сырьевым ресурсам в близкорасположенных регионах.

Список литературы и источников

1. 杜尚别塔吉克国立大学孔子中心 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tjkzxy.tj.chinesecio.com/ru, 20 ноября 2017 г.
2. Рязанцев С.В. “Глобализация по-китайски”: инвестиции, миграция, диаспора// Международные процессы. М., 2012. Т. 10. № 30. С. 20-41.
3. By Luo Wangshu, China to benefit from international migration: experts. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-04/24/content_20531237.htm, 20 ноября 2017.
4. Ryazantsev, S., Ter-Akopov, A., Pismennaia, E., Lukyanova, A. Diasporas as informal tools for regulating migration in the Eurasian economic union, Central Asia and the Caucasus, Vol. 18 Issue 3, 2017 Pp. 35-42
5. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России// Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2017. № 1. С. 5-12.
6. Karabulatova, I., Ryazantsev, S., Manshin, R., Vazirov, Z. Chines migration to the Customs Union countries and regional security, Central Asia and the Caucasus, Vol. 18, Issue 2, 2017, Pp. 57-65.
7. Ryazantsev, S., Kazakhstan today: Migration-trends and regulation approaches, Central Asia and the Caucasus, Vol. 17 Issue 2, 2016, Pp. 70-79
8. Алмимов Р.К. Таджикистан и Китай: курсом стратегического партнерства. М.: Изд-во “Весь мир”, 2014, С.127
9. Макроэкономические показатели Республики Таджикистан за 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.tj/index.php?do=static&page=macro

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

ВОЛЧЕВ Даниил Иванович, научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: wolchev.daniel@gmail.com

SOME ASPECTS OF FORECASTING DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Daniil I. VALCHEV, Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: wolchev.daniel@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено понятие демографического прогнозирования, определены его цели и задачи. Определен результат демографического прогнозирования. Отмечена важность разработки демографических прогнозов для Дальневосточного федерального округа Российской Федерации. Проанализированы современные демографические прогнозы, подготовленные российскими учёными.

Ключевые слова: прогноз, прогнозирование, демографическое прогнозирование, миграция населения, Дальний Восток России.

Annotation. The article considers the concept of demographic forecasting, defines its goals and objectives. The result of demographic forecasting is determined. The importance of development of demographic forecasts for the far Eastern Federal district of the Russian Federation is noted. Modern demographic forecasts prepared by Russian scientists are analyzed.

Keywords: planning, forecasting, demographic forecasting, population migration, Far East of Russia.

В свете принятия "Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 года" 20 июня 2017 года, на повестке дня встает задача демографического прогнозирования развития этого федерального округа. Прогнозирования для успешного решения поставленных в Концепции целей, с одной стороны, и нахождения выхода из создавшейся крайне неблагоприятной демографической ситуации в округе, с другой стороны.

Очень важно, прежде всего, остановиться на определении понятия "демографическое прогнозирование". Поскольку, как считает проф. Л.Л.Рыбаковский, именно разночтения и разногласия в понятийном аппарате чаще всего и порождают в демографической науке разногласия во взглядах на тот или иной процесс. Поэтому начнем с имеющихся в научной литературе определений данного термина. Предварительно отметив, что, с одной стороны, осознание человечеством необходимости демографического прогнозирования уходит своими корнями в буквальном смысле слова "в глубину веков". Ведь опыт в этой сфере возник буквально с момента зарождения человеческого общества, но мало изучен. В том числе – для России в целом.

В научной литературе существует множество вариаций понятия "прогнозирование". В частности, наиболее распространенными являются следующие его определения. Прогнозирование означает предвидение, опережающее отображение действительности [1]. Прогнозирование – это взгляд в будущее, оценка возможных путей развития, последствий тех или иных решений [2]. Прогнозирование – специальные научные исследования конкретных перспектив развития какого-либо явления [3]. Прогнозирование – это процесс разработки прогноза, построенный на вероятностном, научно-обоснованном суждении о перспективах развития объекта в будущем, его возможном состоянии, а также об альтернативных путях его достижения [4].

Результатом является собственно прогноз, который может быть выражен в различной форме: или в математической, или в графической или, чаще всего, в словесной форме суждения о возможном состоянии субъекта и его среды на будущий период времени. Наиболее распространенным является определение прогноза, как вероятностного, научно-обоснованного суждения о состоянии объекта в будущем, об альтернативных путях и сроках его достижения. Наиболее целесообразным считаем определение В.А.Медкова. Приведем его полностью, поскольку будем его использовать как основополагающее в дальнейшей работе. Оно гласит: “Демографический прогноз - это научно обоснованное предвидение основных параметров движения населения и будущей демографической ситуации: численности, возрастно-половой и семейной структуры, рождаемости, смертности, миграции”. Необходимость демографического прогнозирования связана с задачами прогнозирования и планирования социально-экономических процессов в целом. Без предварительного демографического прогноза невозможно представить себе перспективы производства и потребления товаров и услуг, жилищного

строительства, развития социальной инфраструктуры, здравоохранения и образования, пенсионной системы, решение геополитических проблем и т.д. Именно поэтому деятельность по прогнозированию динамики численности и структуры населения, численности и структуры семей, отдельных демографических процессов составляет важнейшую часть общей деятельности международных, государственных и неправительственных организаций, учреждений и научных институтов.

Цели демографического прогнозирования связаны с потребностями экономического планирования (необходимостью предвидения динамики численности и структуры трудовых ресурсов); необходимостью оценки будущей динамики потребительского спроса на те или иные виды товаров и услуг, в т.ч. для решения задач маркетинга; потребностями планирования жилищного строительства; потребностями планирования социальной сферы (образование, здравоохранение, пенсионная система и др.); геополитическими задачами и многими другими. Цели демографического прогнозирования являются одним из важнейших оснований, по которым строится классификация прогнозов населения. Важной характеристикой демографических прогнозов является их достоверность, т. е. соответствие прогнозных характеристик населения и демографических прогнозов тому, какими они будут в действительности. Достоверность демографического прогноза определяется точностью исходной демографической информации, обоснованностью принимаемых гипотез, длительностью прогнозного периода" [5].

В настоящий момент в Российской Федерации вопросам демографического прогнозирования и демографическим прогнозам уделяется все большее внимание. К примеру, достаточно назвать такую серьезную работу, как "Демографические прогнозы в современной России: Анализ результатов и выбор гипотез" В.Н.Архангельского и В.В.Елизарова [6].

Вместе с тем, все вышеназванные вопросы стали общепризнанными относительно недавно, поскольку буквально до недавнего времени задачи демографического прогнозирования являлись предметом изысканий лишь научного сообщества. Более того, сама возможность предвидения демографических процессов воспринималась многими, а некоторыми - и до сегодняшнего дня, весьма скептически. Однако для такого "скептического" отношения к демографическим процессам есть и объективные, и субъективные основания. Объективные – невозможность учесть всего того многообразия факторов, которые на них в тот или иной конкретный момент времени влияют, особенно – на процессы миграции населения. Субъективные – различные научные взгляды, подчас – прямо противоположные, особенно – для такого стратегически важного федерального округа, как Дальневосточный. О важности разработки прогнозов социально-демографического развития дальневосточных территорий России, а также факторов формирования демографического потенциала в целях обеспечения национальной безопасности указывается, например, в работах [11, 12].

Подходы к построению прогнозов определяются различным методологическим базисом с точки зрения социально-политических и геополитических интересов России в вопросах использования миграционного потенциала России стран как нового, так и особенно – старого зарубежья, в последнем случае, особенно – сопредельного к Дальневосточному федеральному округу многомиллионного Китая. Как, например, у Ж.А.Зайончковской, с одной стороны, и Л.Л.Рыбаковского, с другой. Интересно при этом отметить, что у последнего, как у одного из наиболее известных исследователей процессов демографического развития в России, сложилось мнение, что "прогнозы никогда не сбываются". Однако, такая, на первый взгляд, пессимистическая точка зрения на прогнозы вовсе, не мешает ему при этом считать важным и необходимым разработку демографических прогнозов. Более того - самому участвовать в их разработке и давать удивительно верные оценки. Яркий пример тому: активное использование термина "прогноз" в первом (но при этом – оказавшемся основополагающим) научном докладе, вышедшем на третий месяц после распада Союза ССР: "Миграция русского населения в России". Где Л.Л.Рыбаковский писал: "существуют различные прогнозные оценки миграции русских в Россию. К потенциальным мигрантам относят все 25 млн. русских, проживающих на территории бывших союзных республик, прогнозируется и 12-ти миллионный приток русских в Российскую Федерацию. По нашему мнению, реалии сегодняшнего дня, а именно, политическая и

экономическая ситуация начала 1990-х годов не позволяет утвердительно говорить о таких крупномасштабных объемах переселений. Даже 4-5 млн. человек (по нашим оценкам) – это максимальные размеры миграционных потоков, которые могут быть вызваны только обострением межнациональных отношений и развертываний военных действий на территории бывших союзных республик…По нашим оценкам, численность русских за пределами России будет сокращаться и к концу 1990-х годов предположительно составит 20-21 млн. человек" [7]. Через полтора десятка лет, он же констатировал: "К началу нового столетия за пределами России в новом зарубежье находилось примерно 19-19,5 млн. русских и других титульных для России народов [8]. Писал: "Согласно прогнозам (предположениям) ООН, численность населения стран нового зарубежья к 2020 г. должна достигнуть 146,5 млн. человек, но уже к 2050 г. может сократиться до 138,5 млн. Конечно, прогнозы ООН достаточно условны и меняются вместе с изменениями, постоянно происходящими в демографических показателях государств нового зарубежья. Но для оценки миграционного потенциала важна скорее не точность прогнозов, а происходящие тенденции динамики численности населения, как отдельных стран, так и всех вместе" [8]. Почему такое противоречивое отношение к демографическим прогнозам возможно, в том числе – особенно – прогнозам миграции населения даже у таких высококвалифицированных экспертов, как Л.Л. Рыбаковский?

На наш взгляд, на этот вопрос достаточно кратко отвечают слова, высказанные еще сорок лет назад И.Матлиным и Т.Шуленковой. "Определение конкретных параметров связи между факторами и результатами миграционного процесса позволяет прогнозировать закономерности миграции населения в зависимости от изменения условий жизни и социально-психологических характеристик населения разных районов, города и деревни. А также рассчитать те необходимые изменения в условиях жизни населения, с помощью которых можно добиться нужной интенсивности миграции в тех или иных направлениях" [9]. В этих словах о необходимых изменениях в условиях жизни населения – скрытый ответ на вышеприведенный вопрос. Например, несмотря на многочисленные прогнозы той крайне неблагоприятной миграционной ситуации, которая характерна сейчас на Дальнем Востоке, которая делалась еще более сорока лет назад, еще в советский период, реальных существенных изменений в условиях жизни дальневосточного населения для изменения прогнозируемых неблагоприятных демографических процессах, особенно – в области миграции, не произошло. К примеру, в научном отчете "Влияние миграции на формирование и структуру стабильного состава населения Дальнего Востока", который еще в 1976 г. был выполнен под руководством Л.Л.Рыбаковского в отделе прогнозирования социальных процессов - в секторе социальных проблем миграции, говорилось следующее. "Ускоренное развитие производительных сил дальнего Востока, процесс его дальнейшего заселения и формирования стабильной структуры населения в условиях ухудшающейся демографической ситуации в стране выдвигает на первый план необходимость решения уже в ближайшие годы следующей социально-экономической задачи: создания в рассматриваемом регионе лучшего, чем в других частях государства, комплекса жизненных условий. Изучение социальных факторов миграции и приживаемости населения Дальнего Востока, проведенное в 1974 г., опиралось на эту концепцию» [10]. Сорок пять лет после обследования прошло, а "воз" демографических проблем в области миграции дальневосточников - все там же.

Список литературы и источников

1. Морозова Т.Г., Пикулькин А.В. Прогнозирование и планирование в условиях рынка: Учеб. пособие для вузов М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003 – 279 с.
2. Орлов А.И. Менеджмент: Учебник. – М.: Изумруд, 2003. – 298 с.
3. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://glos.virmk.ru/
4. Антонова Н.Б., Вечер А.В. Прогнозирование и планирование экономики: Курс лекций. М.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003 – 172 с.
5. Медков В.М. Демография: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2014 – 332 с.

6. Архангельский В.Н., Елизаров В.В. Демографические прогнозы в современной России: Анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 524-545

7. Научный доклад "Миграция русского населения в России". М.: Институт социологии РАН, 1992. С.6, 23.

8. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М.: Экон-Информ, 2016 – 183 с.

9. Матлин И.С., Щулепникова Т.В. Модель анализа и прогноза межрегиональной миграции населения // Куда и зачем едут люди – М.: Статистика, 1979 – С.36.

10.Рыбаковский Л.Л. Влияние миграции на формирование и структуру стабильного состава населения Дальнего Востока: научный отчет. – М.: ИСИ АН СССР, 1976 – С.90.

11.Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Храмова М.Н. Векторы реализации демографической политики на Дальнем Востоке / В сб.: Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. Том 2, № 1. С. 11 – 18.

12.Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Туан Куонг, Ху Ву Куок, Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. № 3, 2016. – С. 23 – 32.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ЗАБРОВСКАЯ Лариса Вячеславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru

MIGRATION PROCESSES IN THE KOREAN PENINSULA AND THE F AR EAST OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Larisa V. ZABROVSKAYA, Doctor of History, leading researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению новых тенденций в миграционной политике России и стран Корейского полуострова. Показана разнонаправленность миграционных потоков в Северо-Восточной Азии. Это объясняется различным уровнем экономического развития стран региона. Трудовая миграция северокорейцев в Россию юридически оформлена и отвечает экономическим интересам двух стран. Российская трудовая миграция в Республику Корея носит стихийный характер. Основные тенденции трудовой миграции в Северо-Восточной Азии повторяют мировую практику и отвечают прежде всего интересам стран-реципиентов. Они призваны восполнять нехватку трудовых ресурсов в экономически более развитых государствах.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, КНДР, Северо-Восточная Азия, трудовая миграция.

Abstract. The article is devoted to studying of new tendencies in migration policy of Russia and the countries of the Korean peninsula. There is shown the different orientation of migratory streams in North-East Asia. It is explained by various level of economic development of the regional countries. North Korean

labor migration to Russia is legally issued and is equitable to economic interests of two countries. The Russian migration to the Republic of Korea has spontaneous character. The main tendencies of labor migration in North-East Asia repeat world practice and are equitable first of all to interests of the countries recipients. It fills a shortage of manpower in economically more developed states.

Keywords: Russia, the DPRK, the ROK, North-East Asia, workers' migration.

Целью настоящего исследования является выявить направления, причины и основные итоги северокорейской трудовой миграции на российский Дальний Восток, объяснить, почему этот регион стал выполнять двойную роль реципиента и поставщика трудовых ресурсов в соседние страны, предложить ряд практических рекомендаций по оптимизации приема северокорейских трудовых мигрантов и выезда в Республику Корея (РК) российских граждан для временного трудоустройства.

Методы исследования: анализ документов, регулирующих трудовую миграцию между Россией и КНДР, оценка миграционного законодательства РК, обобщающие выводы из бесед с северокорейскими рабочими в России и российскими трудовыми мигрантами в РК.

Северокорейская трудовая миграция на Дальний Восток России. После 1991 г. продолжилась трудовая миграция северокорейских рабочих в регионы российского Дальнего Востока, но изменился ее характер: со строго регулируемой и контролируемой государственными органами двух стран она превратилась в коммерческое предприятие. Дальневосточный бизнес проявлял заинтересованность в дисциплинированной и дешевой северокорейской рабочей силе. В свою очередь, КНДР была заинтересована в отправке своих рабочих за границу на заработки, что снижало уровень безработицы и помогало семьям рабочих выживать на родине. Численность северокорейских рабочих на российском Дальнем Востоке значительно выросла: если в 1990-е годы она не превышала 13-15 тыс. чел., то в 2010-х годах она превышала 50 тыс. чел. в год.

Привлечение б*о*льшего числа северокорейских рабочих было связано с улучшением экономической ситуации, строительством объектов для саммита АТЭС во Владивостоке, необходимости восстановления угольных шахт в Якутии и Сахалине, востребованностью трудовых ресурсов в строительном бизнесе. К тому же северокорейские рабочие заметно повысили свою квалификацию, имели собственные строительные инструменты, самостоятельно находили подработку в частном секторе. При этом власти КНДР уже не опасались, что их граждане не вернутся домой. Мотивация корейцев поменялась: они едут за границу, чтобы заработать. Это возвратная трудовая миграция.

В 1997 г. Федеральная миграционная служба РФ приняла ряд мер по уточнению правил миграционного и паспортно-визового въезда северокорейцев в Россию, а также их перемещения по территории страны. Местные органы власти обязали все фирмы, приглашающие на работу северокорейцев, дать дополнительные гарантии о их полной занятости и своевременном выезде после завершения работы. Консульская служба российского МИДа со своей стороны разработала и приняла ряд мер по введению строгого порядка въезда и выезда северокорейцев из России. Кроме того, во время визита в Пхеньян в январе 1997 г. заместителя министра иностранных дел России Г. Карасина было подписано Соглашение между правительством РФ и правительством КНДР о взаимных поездках граждан двух стран, по которому все поездки граждан России и КНДР были переведены на визовую основу [1]. Это соглашение предусматривало для въезжающих на российскую территорию граждан КНДР прохождение обязательной регистрации местными органами власти и представление текста контракта с российской фирмой, по приглашению которой они приехали в Россию. Эти меры были призваны упорядочить деятельность северокорейских рабочих в России, более эффективно отслеживать и регулировать миграционные процессы между двумя странами.

В 1990-е – 2000-е годы северокорейские рабочие трудились в основном на стройках, а также в сельском хозяйстве Хасанского района, где занимались выращиванием овощей, которые реализовывались в Приморье ради получения российской валюты. Среди приморских работодателей немало российских корейцев, предпочитающих приглашать на работу северокорейцев, так как те, в отличие от китайцев, не сбегают торговать на рынке, а исправно выполняют свою работу.

Постоянное привлечение северокорейцев на работу на Дальнем Востоке потребовало заключения специального соглашения с КНДР, определяющего порядок и условия их работы. 31 августа 2007 г. в Москве было подписано «Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан обеих стран на территории другого государства» [2, с. 72-81]. Это соглашение заложило правовые основы для привлечения граждан КНДР на работу на территории России. Соглашение охватывает различные стороны деятельности рабочих и позволяет обеим сторонам упорядочить процесс привлечения и использования труда своих граждан на территории другого государства.

Основная часть заработанных в России денег инвестировалась на территории России – шла в разработку южноякутских коксующихся углей, в угледобычу на Южном Сахалине, в рыбообрабатывающие предприятия на Сахалине и др. (см. табл. 1). Более новые данные закрыты.

Таблица

Северокорейские инвестиции в предприятия регионов российского Дальнего Востока (2000–2007 гг.), тыс. дол. США

Годы	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
Рес. Саха (Якутия)	—	—	2 800	—	195	—	—	4 867,7
Приморский край	60,3	2	—	30	—	50	—	109,3
Хабаровский край	—	—	—	—	—	—	—	0,6
Амурская обл.	—	—	—	—	—	—	—	138,4
Сахалинская обл.	—	—	—	—	—	—	—	1,1
ВСЕГО	60,3	2	2 800	30	195	50	—	5 117,1

Источники: Приморский край в 2001 году. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики, 2002. С. 142; Иностранные инвестиции в экономику Сахалинской области за январь-декабрь 2007 г. стат. бюлл. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2008. С. 5, 12, 14, 15.

Северокорейские капиталовложения невелики, но объекты их инвестиций имели важное социальное значение для российского населения Дальнего Востока. Так, например, восстановление угольных шахт на Сахалине и организация угледобычи для нужд теплоэлектростанций позволили снизить стоимость отопления в жилищном комплексе островной области. Запреты международных организаций на приглашение северокорейских рабочих в Россию вредят российско-северокорейским экономическим связям.

Для северокорейских рабочих выезд на работу за границу имеет и идейно-политическое значение, так как помогает более объективно осознать роль и место своей страны в мире и лишает многих иллюзий северокорейской пропаганды, что в перспективе способно ускорить внутренние политические преобразования в этой стране. Хотя российское правительство присоединилось к экономическим санкциям против ядерных испытаний в КНДР и обязалось выслать всех северокорейских рабочих из России, но по просьбе российских предпринимателей решило оставить 10 тыс. северокорейских рабочих в Приморье до конца 2018 г.

При избытке трудовых ресурсов внутри страны КНДР не может вывозить своих рабочих на Дальний Восток России в неограниченном количестве, так как у нее нет свободных ресурсов для создания им рабочих мест. У российской стороны пока нет возможности в привлечении именно северокорейцев на работу на дальневосточные предприятия. Инвестирование части заработанных северокорейцами средств в дальневосточные предприятия делает северокорейскую трудовую миграцию особенно привлекательной.

Россияне на южнокорейском рынке труда. В конце 1990-х годов было расширено поле деятельности для российской нелегальной трудовой миграции, чему способствовало существенное послабление южнокорейского законодательства, касающегося зарубежных соотечественников. Согласно вступившему в действие в конце 1999 г. Закону о зарубежных корейцах последним предоставлялся ряд преференций, среди которых наиболее значимым было предоставление трехмесячных въездных виз для российских корейцев, что фактически легализовало их поездки в РК (Республика Корея) на заработки.

Зачастую срок их пребывания самовольно продлевался, пока южнокорейские власти не обнаруживали нарушителя или же объявляли в конце каждого года “зеленый коридор”, по которому все нарушители могли беспрепятственно и без последствий покинуть гостеприимную родину предков.

В марте 2004 г. состоялось заседание южнокорейского правительственного комитета по выработке политики в отношении иностранных рабочих, в которых были учтены новые параметры по выдаче разрешений на трудоустройство в РК. Были также определены страны, граждане которых смогут получить рабочие визы на трудоустройство в РК: Китай, Индонезия, Казахстан, Монголия, Шри-Ланка, Таиланд, Филиппины и Вьетнам. Южнокорейские власти мотивировали свой выбор тем, что с правительствами этих стран были подписаны соответствующие меморандумы о разрешении их гражданам выезжать на временную работу в РК. Сравнительно либеральное отношение южнокорейских властей к зарубежным рабочим объясняется довольно низкими показателями безработицы в РК: в 2005 г. - 3,5% , в 2016 г. – 6% от всего трудоспособного населения страны являлись безработными. Поэтому на фоне подъема южнокорейской экономики работодатели проявили заинтересованность в привлечении иностранных рабочих на трудоемкие и низкооплачиваемые работы. В связи с ограничениями числа стран-поставщиков трудовых мигрантов рабочие из России оказались юридически незащищенными и были вынуждены выкупать трудовые квоты у граждан Казахстана. Среди российских трудовых мигрантов в РК преобладают российские корейцы. Заработанные средства россияне вывозят домой, создают новые рабочие места в сфере обслуживания.

В начале нового тысячелетия миграционные процессы в Северо-Восточной Азии получили новый импульс благодаря послаблению миграционной политики российских и южнокорейских властей, заинтересованности северокорейских властей в отправке своих рабочих в Россию на заработки, а южнокорейских - получении дешевой рабочей силы. В настоящее время миграция россиян носит стихийный характер и преследует сугубо экономические цели. Назрела необходимость юридически узаконить поездки россиян на заработки в РК.

Разнонаправленность миграционных потоков в Северо-Восточной Азии объясняется различными уровнями экономического развития стран региона, куда и откуда они направляются. Политическая составляющая этого вопроса менее значима, поэтому этот процесс пока не урегулирован на государственном уровне.

Список литературы и источников

1. Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион (ИТАР-ТАСС). 27.01.1997

2. Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан обеих стран на территории другого государства от 31 августа 2007 г. // Бюллетень международных договоров 2010. Март. № 2. С.72-81.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ: ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ЗИКУНОВА Ирина Валериевна, доктор экономических наук, доцент, проректор по научной работе, Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, e-mail: zikunova@mail.ru

INTERNATIONAL LABOR MIGRATION IN THE KHABAROVSK REGION: DYNAMICS AND SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Irina V. ZIKUNOVA, Doctor of Economics, Vice-Rector for Research, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, e-mail: zikunova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены динамические результаты и данные качественного анализа зарубежной трудовой миграции в Хабаровском крае. Охарактеризованы возможные социально-экономические следствия миграционного процесса.

Ключевые слова: международная миграция, динамика миграционных процессов, Хабаровский край, социальное прогнозирование.

Abstract. In the article, dynamic results and qualitative analysis of international labor migration in the Khabarovsk region are considered. The possible social and economic consequences of the migration process are described.

Keywords: international migration, dynamics of migration processes, Khabarovsk region, social forecasting.

Политическая канва интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество предопределена в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года[1]. Цели стратегии, выстроенные как сочетание обеспечения единства российской государственности и учета этнонациональной самобытности, обусловливают компромиссный характер государственной политики и тиражирование аналогичных подходов на местах - на уровне субъектов Федерации. Необходимость урегулирования миграционных процессов, вопросов социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в контексте связи с потребностями экономического, социального и демографического развития нашей страны послужила одним из оснований к разработке стратегии. Таким образом, на стратегическом уровне признана связь потребностей развития России с миграционными процессами. Причем эти потребности в стратегии указаны не только как текущие, но и будущие. А значит трудовая миграция на общегосударственном уровне принята как явление с долгосрочными социально-экономическими последствиями.

В этой связи выглядит логичным и последовательным курс на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, успешную социальную и культурную адаптацию мигрантов. Создание условий для культурной и социальной адаптации мигрантов признано в качества одного из приоритетов названной Стратегии.

Соответственно, стратегическими документами Хабаровского края предусмотрено, что обеспечение потребностей в трудовых ресурсах будет происходить за счет повышения территориальной трудовой мобильности, минимизации оттока местных трудовых ресурсов, привлечения необходимых трудовых ресурсов из других регионов страны, содействия переселению в край на постоянное место жительства иностранных работников – квалифицированных специалистов, востребованных на региональном рынке труда [2].

Трудовая миграция стала привычным явлением в субрегионах Дальнего Востока, причем процесс этот, начавшись как временное и сезонное явление на фоне экономических эффектов валютного курса рубля по отношению к валютам ближнего зарубежья, в последние годы приобрел черты стабильного тренда с тенденцией к ассимиляции и интеграции мигрантов в местное сообщество.

Следствием миграционной "стабильности на входе" становится не только обеспечение потребностей экономического роста в регионе трудовыми ресурсами, но также сложные социокультурные эффекты, эффекты мультикультурного характера, признаваемые политологами как источники повышенной межнациональной и межконфессиональной напряженности [3].

Динамика международной миграции в Хабаровском крае. Прежде всего, статистика миграционного притока из ближнего зарубежья показала, что прирост населения края за счет международной миграции имеет выраженную тенденцию усиления, притом динамический характер миграционного притока - циклический.

Миграционный процесс показывает явную связь с экономическим циклом. Это и понятно - основной стимул трудовой миграции - активизация экономики и рост потребности в трудовых ресурсах в пиковые периоды.

Они же, как правило, предкризисные и связаны с высоким курсом рубля. Доля зарубежной миграции в общем миграционном потоке по краю растет. Если в начале 2000-х годов сальдо рассматриваемого миграционного процесса отрицательное, то его максимум в предыдущем деловом цикле приходится на 2007-2008 гг. и достигает 3,5 тысяч человек. Далее следует спад и вновь подъем в 2012 году. Активизация проектов развития в 2012-2016 гг. обеспечивает также высокое положительное миграционное сальдо. Умеренная миграция в 2017 году (сальдо сократилось более чем в 6 раз) с нашей точки зрения может объясняться накопленным за весь период миграционным сальдо - эта цифра составляет более 18 тысяч человек.

Таблица 1

Динамика показателей миграции из зарубежных стран на территории Хабаровского края, человек

Годы	**Прибывшие, всего**	**Из них из зарубежных стран**	**Доля прибывших из зарубежных стран, %**	**Выбывшие в зарубежные страны**	**Сальдо миграции с зарубежными странами**
2000	29464	1559	5,3	1909	-350
2001	26593	752	2,8	1331	-579
2002	25034	717	2,9	1079	-362
2003	27457	673	2,5	858	-185
2004	23876	561	2,3	787	-226
2005	23020	741	3,2	741	-
2006	22135	743	3,4	731	12
2007	26380	4327	16,4	814	3513
2008	24760	2763	11,2	724	2039
2009	20389	1776	8,7	552	1224
2010	21993	1425	6,5	1098	327
2011*	39708	2612	6,6	708	1904
2012*	52318	7105	13,6	2875	4230
2013	57256	6005	10,5	6342	-337
2014	55847	8879	15,9	5555	3324
2015	54521	9883	18,1	7969	1914
2016	57047	11458	20,1	8591	2867
2017	55463	10835	19,5	10372	463
Накопленное сальдо					19778

Источник: рассчитано автором по данным [4]

Качественные последствия миграции. Миграционный отток населения края, общее миграционное сальдо продолжает оставаться отрицательным. В 2017 году данные неутешительны – минус 3690 человек. Край покидает молодежь, уезжающая к месту учёбы, домохозяйства, создавшие уровень своего благосостояния, достаточный для переезда в места более комфортного проживания.

Количественные и качественные изменения в процессах миграции населения в регионах Дальнего Востока приводят к качественно новому балансу межнациональных отношений, последствия которого будут оказывать качественно значимое влияние на экономику и общество. Пока межнациональный и межконфессиональный фон остается удовлетворительным. Согласно проведенному в мае 2017 года конфликтологическому мониторингу:

- доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Хабаровском крае около 71 %,
- уровень толерантного отношения к представителям другой национальности 92 %,
- уровень общероссийской гражданской идентичности 52 %,
- доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии 89,4 %,

- доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам – 78 %,
- уровень толерантного отношения к представителям основных религиозных конфессий (православие, протестантизм, ислам): к православным 98 %, к протестантам - 86,4 %, к мусульманам – 87 %.

По данным конфликтологического мониторинга на территории края отсутствуют базовые факторы, составляющие основу конфликтных проявлений в сфере этноконфессиональных отношений.

Вместе с тем, наши исследования по формированию первичной информации качественного характера о названных процессах, проведенные в форме экспертных интервью и фокус-групп, показали следующее.

Социально-экономическая система Хабаровского края находится в стабильном, но некотором пограничном состоянии: респонденты отмечают наличие предпосылок к росту рисков нарушения равновесия в межнациональных отношениях в силу количественных изменений в структуре населения региона по национальному и конфессиональному признаку.

В крае увеличилась численность и доля трудоспособного занятого населения за счет трудовой миграции из стран Центральной и Средней Азии. Этот миграционный приток решает задачи обеспечения потребностей регионального экономического развития в рабочей силе низкой квалификации прежде всего в строительной отрасли, жилищно-коммунальном хозяйстве и розничной торговле.

Подавляющая часть миграционного притока (около 80 процентов) представлена мужской частью населения, семьи которых остаются в направляющих странах, они не настроены на закрепление на Дальнем Востоке.

Наметилась тенденция к переезду трудовых мигрантов семьями, прирост региональной рождаемости за счет роста рождаемости именно в таких семьях. Эта часть миграционного притока нацелена на закрепление в регионе, на рост благосостояния на основе предпринимательства в сфере торговли и общественного питания.

Временная часть миграционного потока показывает малую вовлеченность в социально-экономические отношения в регионе. Эти отношения регулируются формальными и неформальными обстоятельствами временных трудовых контрактов, мигранты относительно автономны в кругу своего общения, в том числе за пределами своего рабочего дня.

Постоянная часть миграционного притока, напротив, по роду деятельности и потребностям в социальных коммуникациях вынуждена и стремится к активной вовлеченности в социально-экономические отношения в регионе, этой части мигрантов свойственен более высокий уровень образованности, общей культуры, амбиций к социальном статусу и влиянию в социально-политической системе.

Принимающее население региона в целом толерантно относится ко всем мигрантам, но проявляет недоверие и некоторую неприязнь к переменной части мигрантов и, напротив, относится с терпимостью и открытостью к постоянной части мигрантов.

В составе принимающего населения наибольшую толерантность к мигрантам проявляют учащаяся молодежь, наиболее образованные слои населения. С точки зрения половой структуры – мужское население более толерантно, женская часть населения относится к мигрантам с большей осторожностью, недоверием, а иногда и с боязнью.

Прогнозирование социально-экономических последствий международной миграции. На уровне логико-абстрактных приемов социального инжиниринга мы можем предположить, что в ближайшее время в социальной системе Хабаровского края сохранится тенденция увеличения в составе населения представителей национальностей из числа трудовых мигрантов представляющих Центральную и Среднюю Азию, будет нарастать тенденция к росту постоянной части трудовой миграции, будет увеличиваться семейная, домохозяйственная, а не временно-проживающая мобильная часть этого населения. Следствием данных тенденций станет общий прирост постоянного населения региона, с одновременным приростом населения в возрастных группах младшего, среднего и старшего возраста. Следовательно, миграционные процессы приведут к проникновению проблем межнациональных отношений в детские дошкольные учреждения, школы и университеты. С горизонтом в 5-7 лет увеличится присутствие представителей соответствующих национальностей в корпоративном

секторе экономики региона. Учитывая, что взросление детей из национальных семей будет происходить в регионе, в его образовательных учреждениях, а основными сферами контактов взрослых представителей домохозяйств станут социальные учреждения (прежде всего учреждения здравоохранения), представляется важной роль образовательных учреждений и учреждений здравоохранения в том, чтобы сформировать среду для адаптации представителей миграционных национальностей в социально-экономической системе региона.

Адаптация, с нашей точки зрения, должна проходить на принципе компромисса и мягкого авторитета принимающего населения. В данном случае, указывая на принцип компромисса, мы имеем в виду со стороны мигрантов принятие и ответственное соблюдение институциональных основ стабильности в регионе, прежде всего институтов права, обычаев взаимного уважения и терпимости национальностей и различных социальных слоев. Далее, компромисс – это одновременное признание со стороны принимающего населения культурной и религиозной самобытности мигрантов, их потребности в сохранении основ религии и культуры, признание со стороны принимающего населения исторической ценности религии и культуры, уклада народов национальностей, представленных в миграционном потоке.

Принцип мягкого авторитета принимающего населения, с нашей точки зрения, – это долгосрочная и твердая основа сохранения институционального порядка региона, базу которого составляют ценности, обычаи и культура россиян. Речь не идет об исключительно русском народе, а именно о закрепляющемся понятии «россиянин», в качестве которого рассматривается представитель стабильного дружественного самобытного и сплоченного народа одной страны с ее большой историей. Речь об авторитете народа с высоким уровнем образования, культуры, компетентности в профессиональных сферах, потенциалом развивать экономику в условиях нового глобального информационного общества. Мягкий авторитет россиянина – это основа притяжения других народов в их стремлении к адаптации и процветанию в условиях сегодняшнего мирового порядка, непростого, изменяющегося и противоречивого.

Список литературы и источников

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512

2. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate/201719122

3. Ким А.С. Диаспора как объект социальной политики. // Политическая экспертиза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/116/30/

4. Международная миграция; Общие итоги миграции населения на территории Хабаровского края. Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population/

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

КИРЮХИНА Вероника Алексеевна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: nika22_16@mail.ru

МИРГЕЕВА Валентина Петровна, старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: valentinamirgeeva@mail.ru

INFLUENCE OF FOREIGN LABOR MIGRANTS ON REGIONAL LABOR MARKETS OF THE FAR EAST OF RUSSIA

Veronika A. KIRYUKHINA, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nika22_16@mail.ru

Valentina P. MIRGEEVA, Senior Lecturer, Department of Personnel Management and Labor Economics, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: valentinamirgeeva@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ миграционной ситуации в контексте воздействия миграции на рынок труда Дальнего Востока. Уделено внимание вопросам привлечения трудовых мигрантов в условиях стабильного дефицита местной рабочей силы. Выявлены причины деформации рынка труда и снижения трудового потенциала Дальневосточного региона. Исследованы основные государственные мероприятия по привлечению иностранных высококвалифицированных специалистов. Рассмотрено влияние образовательной миграции на региональный рынок труда Дальнего Востока.

Ключевые слова: рынок труда, трудовая миграция, Дальневосточный федеральный округ, мигранты, иностранная рабочая сила, миграционные процессы.

Abstract. The article analyzes the migration situation in the context of the impact of migration on the labor market in the Far East. Attention is paid to the issues of attracting labor migrants in the conditions of a stable deficit of local labor resources. The reasons for the deformation of the labor market and the reduction of the labor potential of the Far Eastern region are revealed. The main state measures for attracting foreign highly qualified specialists were studied. The influence of educational migration on the regional labor market of the Far East is considered.

Keywords: labor market, labor migration, Far Eastern Federal District, migrants, foreign labor force, migration processes.

Международные миграционные процессы – важный фактор экономики страны, оказывающий непосредственное влияние на ее социально-экономическое развитие и рынок трудовых ресурсов. За последнее время в мире наблюдается существенное увеличение общего количества мигрантов. По данным международной организации труда, с 2000-го года количественный показатель потока мигрантов ежегодно увеличивается на 4-5%.

Вопросу внешней и внутренней трудовой миграции уделяют внимание многие исследователи, отмечая различия в структуре и количестве прибывших мигрантов, исходя из региона страны.

Дальневосточный Федеральный Округ (далее – ДФО) – динамично развивающаяся территория, имеющая высокий потенциал для дальнейшего экономического роста. Близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона и наличие морских портов, полученный статус зоны «свободного порта» дает возможность региону выйти на новый уровень развития экономики, тем самым увеличив приток инвестиций и количество рабочих мест. Перспективы развития Дальнего Востока напрямую связаны с территориями опережающего социально-экономического развития со специальным правовым режимом предпринимательской деятельности. Выбор ДФО в качестве региона, в котором, согласно Государственной программе, принятой в 2014 г,. реализуется создание ТОР, неслучаен. Основные направления экономики округа – горнодобывающая, золотодобывающая, рыбная, лесная промышленность, цветная металлургия, судостроение, постоянно нуждаются в квалифицированных кадрах.

Одной из проблем экономики Дальневосточного региона является дефицит рабочей силы. Перспектива организации целого ряда предприятий и появления новых отраслей, в рамках программы территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток, еще более обострила кадровую проблему, для решения которой в 2014 г. было создано Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. Дефицит рабочей силы связан со снижением численности постоянного

населения, общим демографическим спадом, старением и ухудшением здоровья населения, оттоком жителей Дальнего Востока в западные регионы страны, а также отсутствием наплыва соотечественников в регион, несмотря на проводимые правительством мероприятия [2].

Дальний Восток покидает, как правило, экономически активное трудоспособное население. Чаще всего это специалисты, имеющие средне-специальное или высшее образование, надеющиеся реализовать себя в более развитых регионах страны. Наблюдается существенный отток населения с высокими качественными характеристиками, который не перекрывается его притоком, поэтому последние двадцать лет в ДФО формируется отрицательное сальдо миграции [4].

Уровень экономической активности населения в регионе существенно отстаёт от среднего значения по стране. Снижение численности трудоспособных жителей ведет за собой рост социальной напряженности, ухудшение материального положения, снижение рождаемости.

Местное население не в силах восстановить равновесие внутреннего рынка труда, поэтому нехватка рабочей силы является не только региональной, но и государственной проблемой.

Привлечение мигрантов на постоянное место жительства в ДФО – одна из первостепенных задач государства для компенсации потерь от убыли собственного населения. Большинство прибывающих в округ граждан относится к жизни и работе на Дальнем Востоке как к временному явлению и не планируют здесь оставаться надолго [3].

Дальний Восток – территория, которая привлекает трудовых мигрантов открытым и удобным положением, развитой инфраструктурой, воздушными и морскими портами и железнодорожными дорогами, создающими благоприятные условия для передвижения миграционных потоков. Тем не менее, за последние годы, в округе отмечается снижение количества трудовых мигрантов (с 74 тыс. человек в 2013 до 27 тыс. человек в 2017), что связано с государственной миграционной политикой, направленной на постепенное сокращение квот для иностранных работников и привлечение на территорию РФ высококвалифицированных специалистов [1]. Барьером для иностранных мигрантов стала обязательная процедура сдачи экзамена по русскому языку и истории и культуры России с 2015 года [5]. В соответствии с данными Института социально-политических исследований РАН, можно говорить об определяющей роли мигрантов из стран СНГ на дальневосточный рынок труда. Приморье является третьим после Москвы и Санкт-Петербурга субъектом в России по числу мигрантов из ближнего зарубежья на тысячу коренных жителей. Сюда приезжают мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Армении, Украины и Азербайджана [8].

Безусловно, такие мероприятия, как подготовка к проведению саммита АТЭС, строительство трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан», спецморнефтепорт «Козьмино», транспортного узла «Находка – Восточный» и реализация проекта «Свободный порт Владивосток» создают стимулы для привлечения иностранной рабочей силы. Но после завершения этих проектов в стране остается лишь часть мигрантов. Информации о количестве мигрантов из стран ближнего зарубежья из ЕврАзЭС, которые оформили свои трудовые отношения в Приморье, к сожалению нет. Не ведется анализ трудоустройства граждан, получивших разрешение на временное проживание. Предположительно, таких граждан около 2200 человек, согласно квоте на получение РВП в Приморье в 2017г. Большинство из них получает РВП только в целях трудоустройства, не связывая его с дальнейшим получением гражданства. В основном это граждане Узбекистана, Казахстана и Белоруссии, вставшие на миграционный учет, судя по данным статистики их не много. Еще в 2015г. разрешение на работу получали около 20 тыс. человек, из них примерно 85% - граждане Китая.

Количество иностранцев, прибывших в Приморье и предварительно оформивших визу и на месте разрешение на работу в 2016г. составляло 15976 человек, в 2017 – 14199 человек. В целом, согласно данным УМВД по Приморскому краю, в 2016г. и в 2017г. большая часть иностранных рабочих (не граждан СНГ) была задействована в строительстве, в обрабатывающем производстве, сельском и лесном хозяйстве. Меньшее число иностранных рабочих занято в сфере оптовой и розничной торговли. Мигранты из КНР часто работают в Приморье вахтовым методом или в качестве курьеров

по доставке товара. Вступать в легальные трудовые отношения и брать на себя ответственность проявляют желание немногие.

К сожалению, реальная структура количества и занятости мигрантов, так или иначе, размыта из-за недоучета иностранных граждан, работающих нелегально, в сфере услуг или работы по дому. Многих мигрантов, в основном выходцев из Узбекистана, используют в теневом и в полутеневом бизнесе. Они работают без договора найма, и такая деятельность связана с большим количеством посредников, мнимых работодателей. Мигранты не успевают в течение 30 дней, а с учетом отдаленности ДФО и меньшего срока, найти принимающую сторону, встать на миграционный учет и оформить документы на получение патента, и в течение месяца (чтобы не потерять патент) найти работодателя.

Анализ потребности в рабочей силе по отраслям экономики, а также необходимому уровню образования по-прежнему определяется стихийно. Отрицательным фактом является и то, что внешняя миграция не способна заменить отток внутренних трудовых ресурсов из региона, поскольку уровень квалификации трудовых мигрантов не соответствует потребностям рынка.

Распространено мнение, что мигранты занимают рабочие места россиян, сбивают уровень оплаты труда, создают жесточайшую конкуренцию на рынке труда для местных жителей. Однако это не соответствует действительности: иностранные рабочие, как правило, занимают ту трудовую нишу, на которую мало претендуют местные трудящихся, следовательно, их интересы практически не пересекаются [6].

Отрицательное сальдо коренного населения из-за оттока в западные регионы страны, неуклонно формирует обновленный национальный и конфессиональный состав. Многие высказывают опасения по поводу замещения мигрантами нашей культуры их собственной, однако это лишено оснований: приезжие не желают ассимилироваться с местным обществом, они образуют общины, в которых их культура остается неизменной и не затрагивает местной [2].

Отличительной особенностью иностранных мигрантов на Дальнем Востоке является более низкий уровень грамотности, чем в центральных районах России. Политика, направленная на увеличение количества высококвалифицированных иностранных специалистов, в должной мере не реализуется в ДФО, так как в силу особенностей территориально-географического положения округ имеет иную структуру состава привлекаемых мигрантов, среди которых процент высококвалифицированных специалистов остается не высоким.

Значительное увеличение иностранных студентов в вузах Дальнего Востока не свидетельствует об увеличении количества квалифицированных иностранных специалистов в округе. Иностранцы видят преимущества образования в относительно низкой стоимости и отсутствии вступительных экзаменов по русскому языку. Поэтому слабое знание языка и невысокий уровень подготовки не позволяют иностранным студентам в полной мере освоить профильные дисциплины и стать специалистами высокого уровня [7].

Анализ тенденций демографических процессов в ДФО показал, что снижение численности местного населения в ближайшее время будет продолжаться. Старение население и уменьшение числа лиц трудоспособного возраста – процесс пока сложно разрешимый. Поэтому решение проблемы нехватки трудовых ресурсов для развития экономики региона видится в активном привлечении иностранной рабочей силы.

Очевидно, что более эффективным для Дальнего Востока являлось бы привлечение на рабочие места соотечественников из других регионов страны на постоянное жительство, но это требует существенных вложений в создание и реконструкцию социальной инфраструктуры. Этот факт подтверждает необходимость разработки региональной программы по регулированию миграционных процессов, а также обращает внимание на более основательное исследование вопросов миграционного поведения и социализации иностранных граждан. Однако есть и положительные сдвиги: уровень рождаемости на Дальнем Востоке выше средних общероссийских показателей. По словам генерального директора Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке В. Тимакова: «Перемены происходят постепенно. Люди видят перспективы в регионе – появляются новые рабочие места в ТОРах, Сво-

бодном потру Владивосток. Началась реализация программы «дальневосточный гектар». Все это в комплексе направлено на создание дополнительных стимулов для жизни в регионе».

Список литературы и источников

1. Воробьева О. Д., Топилин А.В. Современная миграционная политика России: иллюзии и реальность // Социологические исследования, 2016. - № 7. - С. 134-140.

2. Вострецова Л.Г., Гнездилов Е.А. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие дальневосточных регионов // Экономические науки. – 2014. - № 11-2. – С. 383 – 387.

3. Грицко М.А., Поливаева О.Г. Потенциальные возможности и объективные ограничения развития человеческого потенциала (на примере субъектов Дальнего Востока) // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – №4. – С. 32 – 37.

4. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Безвербный В.А. Международная миграция как фактор восполнения дефицита трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — № 4-5. — С. 13-24. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-4-5-02.

5. ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru

6. Agadjanian, V., Menjivar, C., Zotova N. Legality, Racialization, and Immigrants' Experience of Ethnoracial Harassment in Russia. Social Problems, 2017. 64(4): 558-576.

7. Aijaz A. Socio-economic and political motivations of Russian out-migration from Central Asia. Journal of Eurasian Studies, 2018. 4(2): 146-153.

8. Menjivar C., Agadjanian V., Kornienko O. Financial and emotional support in close personal ties among Central Asian migrant women in Russia. Social Networks, 2018. 53: 125-135.

МЕННОНИТЫ-СТАРОВЕРЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕПАТРИАЦИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

ЛЕВЕН Ройден, доктор наук, профессор, Университет Виннипега, Канада, e-mail: r.loewen@uwinnipeg.ca

OLD COLONY MENNONITES FROM LATIN AMERICA AND REPATRIATION TO THE RUSSIAN FAR EAST

Royden LOEWEN, PhD, Professor, University of Winnipeg, Canada, e-mail: r.loewen@uwinnipeg.ca

Аннотация. В работе рассмотрены исторические аспекты формирования колоний меннонитов – староверов в Латинской Америке. Даны оценки численности и особенности расселения меннонитов – староверов. Анализируются возможности репатриации в регионы Сибири и Дальнего Востока России.

Ключевые слова: меннониты-староверы, Латинская Америка, репатриация, Дальний Восток России.

Abstract. The paper considers the historical aspects of the formation of the Old Colony Mennonites colonies in Latin America. Estimations of the number and peculiarities of the settlement of Mennonites - Old Believers - are given. The possibilities of repatriation to the regions of Siberia and the Far East of Russia are analyzed.

Keywords: Mennonite-Old Believers, Latin America, repatriation, the Far East of Russia.

The Old Colony Mennonites, about 250,000 in total, are among the most traditionalist of the 2,000,000 Mennonites around the world. As Mennonites they are descendants of the 16th century Swiss and Dutch Protestants who left the state church because of corruption in it at the time. They take their name from Menno Simons, a Dutch priest and who left the Catholic Church in 1536, but also rejected Lutheranism as not going farm enough. The Mennonites were known as strict literalists, taking biblical teachings on pacifism, simplicity, honesty and Christian community most seriously.

They proved their skill as agriculturalists, draining the flooded Vistula Delta with ingenuity and over 100 years made it one of the most productive, dairy farming communities in Europe. Over the years they found that farming meshed well with their religious ideas on non-violence, simplicity and Christian community. In late 1700's Catherine the Great issued an invitation to western European farmers to settle the Ukrainian steppe and build a rural economy and in this way the Mennonites first came to Russia.

Mennonites sent in a delegation to Russia and in 1789 the first group of Mennonite settlers established themselves as a large 'colony' on the Dneper River, where the city of Zaporozhe can today be found. Before long some 2000 settlers were firmly established here. Here they turned their farming skills to work and became model farmers, learning how to grow wheat and raise sheep in an open, dry environment. Over the nest century they prospered and rapidly grew as a people, doubling in size every 20 years or so. In 1804 and again in1836 they established new colonies between Zaporozhe and the Black Sea, and then continued to establish new colonies across Russia, from the Caucasus to Siberia, right until the beginning of World War I. Wherever they went they were hailed as excellent agriculturalists. As early as 1818 they were visited by Czar himself and they were lauded by Russian officials who declared that nowhere could such exceptional farmers be found as among the Mennonites.

In the 1860s and 1870s Russia embarked on a modernization program which led also to the idea of universal military service. This change led to the sad emigration of about 17,000 Mennonites, one third of the most traditionalist of the 50,000 Mennonites, to North America, with 10,000 of the more liberal-minded moving to the American Midwest (mostly Kansas) and 7000 of those desiring a federal guarantee of military exemption and their own schools moving to western Canada, to the newly grounded province of Manitoba. The Mennonites who remained in Russia continued to prosper, but then with the Russian Revolution in 1917 began to endure extreme difficulty. With the onslaught of World War II, almost all of the Mennonites in Ukraine were dislocated, some moved westward, eventually finding their way to Canada, but most were sent eastward to Siberia and Kazakhstan With the collapse of the Soviet Union in 1989/90 most Mennonites left for Germany, with a minority moving a second time, this time to Manitoba in western Canada.

Faced with these Canadian requirements of public education and conflicting societal values they embarked on what would become the single largest group emigration from Canada. Beginning in 1922 6000 Mennonites migrated to northern Mexico, moving on the basis of promises non other than President Obregon himself made (one evening in the presidential palace in Mexico City), that is, the chance to purchase a large land block, obtain military exemption and be allowed their own schools. At the same time about 1500 other traditionalist Mennonites moved from western Canada to Paraguay. In 1948 another 2000 Mennonites (including my grandparents) also moved to communities in Latin America.

In Mexico the Old Colony Mennonites faced severe hardship, poverty and violence, but most remained intact. Over the decades they spread every southward, so that today some 200,000 can be found in Mexico, Belize, Paraguay, Argentina and Bolivia. Wherever they moved, governments welcomed these hardy agriculturalists with open arms, always arguing that countries need hard-working food producers who are law-abiding and family-centered. The country of Bolivia became a favorite place for the most traditionalist of the Old Colony Mennonites who like the Old Believers of South America live very simple lives, are very professional farmers and have large families of 7-10 children. Other places with many of the traditionalist Old Colony Mennonites lie in Campeche and Quintana Roo states in the far south of Mexico. These families are very committed to rural life, believing that the farm is the best place for one to live out the old religious teachings of

non-violence and simple life. Ironically, to maintain their communities the Old Colonists have developed excellent marketing skills, speaking Spanish in the market place and regularly experimenting with new crops, adapting to the environments, and importing used farm machinery from the United States, most recently Chinese equipment. They are credited with bringing dairy (especially cheese production) and soybean production to Bolivia, and with being the backbone of agriculture in both northern and southern Mexico.

Their number one problem always is the lack of farmland. Eastern Bolivia and southern Mexico have allowed them to continue settling on farms, but they are always on the outlook for new places in which they can settle.

Their ties to Russia have overtime have become tenuous. Yet to this day they, along all Mennonites from Russia, are often referred to as Russian Mennonites by their counterparts in other parts of the world. They also tell stories, including the story of Catherine the Great meeting the emissaries who scouted New Russia in 1788 and welcoming the Mennonites to Russia. They also tell of leaving Russia, a sad time of departing from good farms on rich soil, and there are letters by their leaders of farewell to the Czar. Today the Low German they speak is still sprinkled with Russian words, some linguists calculating that about 10% of their dialect consists of Russian words: in fact their Low German word for 'field', Schtap, derives from the Russian word 'steppe.' When their leaders are asked, 'so where will the Old Colonists move next,' they sometimes say, 'we don't know, perhaps back to Russia.'

Potentially, with the land available for lease and further purchase from the Government, many Mennonites could be interested in moving to Russia. Judging from past migrations that number could be significant, keeping in mind that 7000 moved to Canada in the 1870s, 20,000 to Canada from the Soviet Union in the 1920s, some 25,000 to Bolivia in the 1960s, some 50,000 back to Canada between the 1950s and 1980s. If the number would be 20,000 (that is 1500 families) and if each family would require 100 hectare to maintain their simple lives, then 150,000 hectare would be required. Although I do not know eastern Russia, I have been told that such land might be available in Primorye, and the Jewish Autonomous and Amursky Oblasts. Certainly the Mennonites would engage effectively in soybean and corn farming, commodities they know well from Latin America. The Mennonite relocation would also bode well for the Old Believers Relocation Program or be apart thereof, as they share some similar religious values (despite belonging to different denominations) speak a common language, Spanish..

Potential relocation of Mennonites to the Russian Far East would have a significant impact on local economies bringing in excellent farmers, producing high crop yields as they use animal manure, commercial fertilers as they are available and legumes, and contribute significantly to the agricultural sector as they have in every country they have ever settled in. Based on their histories, they would improve the lives of their neigbhours, creating economic synergism in collaboration with other industries such as agricultural machinery manufacturing and sales, dairy and meat processing, animal husbandries, feed production and crop processing, and exports.

As a scholar of these people – three of my books, *Diaspora in the Countryside* (2006, University of Illinois Press), *Village Among Nations* (2013 , University of Toronto Press), and *Horse and Buggy Genius* (2016, University of Manitoba Press)—pertain to the migrations to Central and South America – having visited their colonies in Mexico, Belize, Paraguay and Bolivia, having given oversight on an extensive research project in each of these countries, speaking their dialect (Low German), and having visited with their bishops, I can say with certainty that should there be land opportunities in Russia, with guarantees of religious freedom, with assurances of law and order, and inexpensive land, there would be serious interest.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ В ГОРОДАХ

ЛИНЬ Ву, кандидат наук, профессор, Северо-Восточный аграрный университет, Харбин, Китай, e-mail: 88wuling@163.com
ХУКСИН Ву, кандидат наук, Харбинский финансовый университет, Харбин, Китай
ЭРКАН Гу, кандидат наук, доцент, Харбинский финансовый университет, Харбин, Китай, e-mail: gurk1977@mail.ru
ХАЙ ДЖИН Чао, кандидат наук, преподаватель, Хэйлунцзянский колледж наций, Харбин, Китай
КСИН Ю, магистр, ассистент, Хэйлунцзянский колледж наций, Харбин, Китай

THE MAIN FACTORS AFFECTING THE URBAN ADAPTATION OF AGRICULTURAL TRANSFER POPULATION AND CHINA'S PLAN

Wu LING, PhD, Professor, Northeast Agricultural University, Harbin, China, e-mail: 88wuling@163.com
Wu HUIXIN, PhD, Harbin Finance University, Harbin, China
Gu ERKANG, PhD, Professor, Harbin Finance University, Harbin, China, e-mail: gurk1977@mail.ru
Cao HAI YING, PhD, Heilongjiang Vocational College for Nationalities, Harbin, China
Yu XIN, MA, assistant, Heilongjiang Vocational College for Nationalities, Harbin, China

Аннотация. В статье в контексте скоординированного развития городских и сельских районов Китая дается ответ на вопрос о том, как население из сельскохозяйственных районов интегрируется в городское общество. В этом плане очень важно изучить планы Китая, основанные на исторических путях и национальных условиях. С точки зрения установки системы реальности, конфликта в социальной культуре и дилеммы личностного развития обсуждаются последствия и препятствия для городской адаптации населения из сельскохозяйственных районов. Предлагаются стратегии восстановления социальных ценностей, продвижения инноваций в институциональной системе, изменения механизма городской социальной организации, реорганизации системы поддержки отдельных сетей. Это важно для обеспечения социальной интеграции и содействует сбалансированному развитию городов и сельских районов, эффективному осуществлению индустриализации, урбанизации и модернизации.

Ключевые слова: сельско-городские миграции, адаптация населения в городах, план Китая.

Abstract. In the context of the coordinated development of urban and rural areas in China exploring the Chinese connotation of urban adaptation of agricultural transfer population, and in response to the question of how the agricultural transfer population integrate into urban society that proposed by the famous French sociologist Mendras in "The End of the Peasantry". It is of great significance to study China's propositions and plans based on historical paths and national conditions so that we could provide a new development idea and path choice for solving the similar problems of other countries. From the view of the reality system setting, the social culture conflict and the personal development dilemma, we are engaged in discussing the effects and obstacles of urban adaptation of agricultural transfer population. Furthermore, put forward to strategies of reconstructing social values, promoting innovation in the institutional system, changing the mechanism of urban social organization, refactoring the individual network support system. Finally, to ensure social integration and order in social change and to promote balanced urban and rural development, effectively accomplish industrialization, urbanization, modernization.

Keywords: Agricultural transfer population, urban adaptation, China's plan

Problem Presentation. Once the famous French sociologist Mendras made a prediction in "the End of the Peasantry" which is "In the 1950s, it was pointed out that 2 billion farmers stood at the entrance of the industrial civilization, which is the main question posed by the world to social science in the second half of the 20th century. "This prediction has now become a reality in China .Driven by the industrialization, urbanization and modernization with Chinese characteristics, the agricultural transfer population reached 287 million in 2017, they are standing at the entrance to industrial civilization, looking at the city symbolizing industrial civilization.

Agricultural transfer population phenomenon embodies the significance and value in China. Today the agricultural transfer population is the most characteristic social group. On the one hand, it reflects the development and progress of Chinese society in the reform and opening up.Under the existing development level and institutional environment in China, urban migration of agricultural transfer population has a special path with two stages. Firstly, farmers become agricultural migrants, and then the agricultural transfer population became citizens. The agricultural transfer population becomes a transitional form of citizenization and continues to socialize in the new urban environment.It is a great progress of the society to realize the non-agricultural transformation of occupation, the geographical transfer of living space, the reconstruction of social relations, the modern social consciousness and psychological adjustment. On the other hand, it also reflects the unthoroughness and difficulty of the social structural change in China. From the country to the city, it may be only one step away in geographic space, however there is quite a long way to go from the agricultural transfer population to citizens in the social space sense. The whole society needs comprehensive transformation from the ideology to the behavioral pattern, from the psychological intention to the institutional change. The reality shows that agricultural transfer population which are hovered at the edge of the urban society, hard to adapt and integrate into the urban society. Therefore, it is of crucial importance how to effectively consolidate and expand the existing achievements, and promote the evolution of agricultural transfer population from the transition form to the ultimate form.

The urban adaptation of agricultural transfer population concerns the implementation of urbanization and modernization in China. To some extent, China's urbanization is largely the urbanization of agricultural transfer population. In the past 40 years of reform and opening up, China's urbanization level has been greatly improved. The main data of the sixth national census in 2010 showed that the urbanization rate was 49.68%. At the end of 2017, the urbanization rate was 58.52%. Of course, compared with, there is still a big gap between the average ratio of 80% of developed countries and ours, which also means that our country has huge potential for urbanization and will continue to release energy for economic development. If China want to achieve great social development in the 21st century, the rural population must move significantly to the cities, but whether it can be accepted by urban society, or assimilated, integrated, embedded, even marginalized. There is always a spatial order and operational logic, and a two-way choice between settling in cities or returning to the countryside. How to ensure the integration of agricultural transfer population into urban life is related to the effective implementation of urbanization and modernization.

The problem of urban adaptation of agricultural transfer population bears on China's economic and social development.As a new type of labor force that has grown up in the process of reform and opening up, the agricultural transfer population is the main body of modern industrial workers and the important force for the modernization construction in China. If such a large population is marginalized for a long time, meanwhile is divorved from the mainstream society, it will be difficult to share the fruits of urban civilization, which will cause serious social problems. Therefore, it will be an important strategic task to balance urban-rural social development and to study the problem of urban adaptation of agricultural transfer population.

Analysis of main factors affecting urban adaptation of agricultural transfer population. The urban-rural dual partition system marked by the household registration system is the biggest cost and obstacle for farmers to adapt. Due to the household registration system and the social security system, medical sys-

tem, education, social welfare and other institutional arrangements based on the household registration system. Therefore, it is likely to increase the cost of urban survival and development of agricultural transfer population, and it is more difficult to integrate into urban society, and the agricultural transfer population faces the possibility of "marginal people" in urban and rural areas.

Because of the relative improvement of the social environment and the family environment, the new generation of agricultural transfer population is very different from that of the older generation: They have a higher level of education, and have a stronger vision and yearning for urban civilization and urban life style, and they are eager to change the identity of peasants. Basically, they have no experience of farming, prefer to live in cities for a long time, and their recognition of the city goes beyond the countryside. Their purpose of working is not only survival needs, but also to focus more on future development opportunities. Focus on their own value realization, and desire to be respected by others and then get the social recognition. But before the urban and rural segmentation system has not been thoroughly broken, the new generation of agricultural transfer population have similar social situation with the old ones, and has even more urgent need for urban adaptation and citizenization.

The new generation of agricultural transfer population lives in cities, their psychological expectation is higher than their parents, but less suffertibility than the parents. They are restricted by the urban-rural dual structure and their own culture and skills, they are located at the bottom of urban society, so that it is difficult to obtain stable jobs and high-income in the city. The huge differences between urban and rural areas have eliminated their emotional identity and social memory of the countryside. They are not familiar with agricultural production activities, and also no longer adapting to the rural lifestyle. The same thing is happening that they are on the edge position of the countryside.

Under the current system, they yearn for the city, but they are not accepted. Their roots in the countryside, however they increasingly stay away from them. If they cannot get a foothold in the city, and also be not able to return to the countryside. Compared with the old agricultural transfer population, the new generation of agricultural transfer population may become a "marginal man" who will not integrate into the city or return to the countryside. The new generation of agricultural transfer population must be citified, which is related to the stability, harmony and sustainable development of urban and rural society, and this needs to solve the system dilemma. In 2010 the central file No. 1 “Some Suggestions on strengthening the development of urban and rural areas and strengthening the foundation of agricultural and rural development.” clearly put forward that we should take targeted measures to solve the problem of the new generation of agricultural transfer population.

Analysis of social factors affecting urban adaptation of agricultural transfer population.

Social discrimination. The inequality consciousness brought about by the different household registration is the main reason why city people discriminate against agricultural trasfer population. In daily life the social discrimination mainly include: language contempt, deliberately avoidance, employment rejection (including the discrimination of employment, labor remuneration, social welfare, and life treatment discrimination) , personality discrimination, deial of law, etc. Agricultural transfer population is sensitive to discrimination, the discriminatory behavior of some city people is generalized to the attitude of all city people, so as to generalize hostility and indifference to the city. With their estrangement of the city, their enthusiasm and initiative of participating in urban society have been defused, the adaptation and integration of urban life are hinden.

Social conflict. The accumulation of urban discontent by agricultural transfer population may turn into violent social conflict under certain conditions. In recent years, the labor dispute between the agricultural transfer population and the factory is on the rise. Petitions and strikes are common. There are also conflicts between agricultural transfer population and urban residents, such as disputes in buying and selling, quarrels and fights in public places. The conflicts of interest caused by the competition between the laid-off workers and the migrant workers in the cities are also present, although these are small frictions, the influence is often turned into group hostility. Due to the weak position of agricultural transfer of population, the ultimate vic-

tim of the conflict is always the agricultural transfer population. It is not a temporary interruption of personal urbanization, but a deepening of the distrust of the city, or both.

The limitation of social intercourse, the interaction with city people is the main way that the agricultural transfer population adapts to the city. The urban residents are not keen on the interaction with the agricultural transfer population, which makes the social interaction of the agricultural transfer population has the characteristics of homogeneity, superficiality, asymmetry and passivity. Agricultural transfer population and city dwellers exchanges more just working and geographical relations, less emotional communication and interchanges, and they are more to do with the countrymen, relatives, friends and those agricultural transfer population who have the similar identity with themselves, their social interaction has obvious closure, lack of urban characteristics. Because cultural adaptability of agricultural transfer population is weak, coupled with the exclusion of the city, the agricultural transfer population itself also produces rejection and resistance, and avoids interaction with city people, stuck in the narrow primary communication circle and homogenous network, objectively formed the social isolation situation, appearing "the villagers in the city". And "villagers" mentality for the transfer population in cities cannot produce a sense of belonging and consciousness of "the owner", only "the stranger" feeling of inferiority. If this phenomenon can not gotten proper treatment, it will hinder the normal survival and development of agricultural transfer population in the city.

Analysis of personal factors affecting urban adaptation of agricultural transfer population.

Human capital factors. The human capital factor of agricultural transfer population has important influence on urban adaptation. Education is the first level in the human capital. The higher educational level of agriculrural transfer population is, the weaker the connection with the countryside, the stronger the tendency to stay in the city. Meanwhile, there are many direct and beneficial effects on their acceptance of the speed of new affairs, interpersonal communication and psychological adjustment.

Economic factors. The economic situation is the key factor in whether the agricultural transfer population considers to stay in the city. Train tickets and bus ticket prices have been raised, to a considerable extent, it increases the cost and minimizes the number of trips between cities and villages. On the contrary, certain periods of unemployment often pushed the rational them back to the countryside. Moreover, low income and job instability make them not participate in urban cultural and recreational activities. Therefore, in general,agricultural transfer population owns more economic capital, the larger the activity space and the more development opportunities in the city they obtain , so as to better adapt to urban life.

Psychological factors. The old generation of agricultural transfer population was born and lived in rural areas with strong local consciousness. Some of the new generation of agricultural migrants were born and raised in cities, but they are farmers. They make a living in the city, and they are impacted by the urban civilization and foreign culture. Their lifestyle and values are obviously both contradictory and unbalanced. The old generation of agricultural transfer population has ambivalence between loving-earth and leaving-earth. On the one hand, they cherish the memory of the native land, do not want to uproot; On the other hand, the urban-rural divide inspires them to move away from the land, but the awareness of taking root in the city is not strong. The new generation of agricultural transfer population has ambivalence of confidence and inferiority. The rich and high quality of urban life makes the agricultural transfer population find the confidence, and unwilling to return to the countryside. The discrimination of city residents makes the agricultural transfer population full of anger and inferiority, which makes it difficult for them to adapt to the urban life and wander between the countryside and the city.

Family factors. If the agricultural transfer population is carried out by households, the original land will be lost and the transfer cost will be increased. In order to reduce the transfer cost and keep the original land and agricultural income, most of the transfers are based on two forms of individual workers or couples, leaving the elderly and children in the local place. This leads to the vulnerability and incompleteness of the transfer and affects the urbanization of individuals. Although the trend of domestic migration of the agricultural transfer population has increased in recent years,due to the influence of the household registration system and education system, many families of agricultural transfer population cannot afford the high cost of receiving education for their children in the city, and are forced to put their children in rural homes to raise

and receive education.The separation of parents and children makes some agricultural transfer population often back and forth between urban and rural areas, which affecti the adaptation of agricultural transfer population to urban life.

China's strategy to promote urban adaptation of agricultural transfer population. To ensure the urban adaptation of agricultural transfer population is an all-round and multi-level system project, mainly includes reshaping social value concept, promoting system innovation and changing mechanism of urban social organization, refactoring individual network. The four subsystems support each other and form a social support structure for the urban adaptation of agricultural transfer population and accelerate its integration into the urban society.

Rebuild social values. Fair government guidance. The concept of governmence must reflect the maintenance of social justice. Agricultural transfer population as a group of contributors to the nation's economic construction and social development, the government must give them fair treatment to create a favorable public opinion environment and living environment for agricultural transfer population, and to guide and control the social environment factors that are not conducive to the fair treatment of agricultural transfer population. Agricultural transfer population is a social vulnerable group, the government governing idea must reflect on the maintenance of social justice, to ensure agricultural transfer population basic national treatmen. Neither system nor policy can be designed at the expense of their interests.

Objective media coverage. The media should publicize the various systems and policies adopted by the state for the agricultural transfer population, so that they can know and learn to use policies to safeguard their own rights and interests. The media should advocate the whole society to pay attention to the social atmosphere of the agricultural transfer population., let their real life and psychological reflection appear in public, change discrimination and prejudice of city’s residents. The media exerts its own right of supervision, exposes and criticizes the phenomenon of harming the rights and interests of agriculture, and reflects its social responsibility.

Public support. The agricultural transfer population should be integrated into The urban society. And finally the urban residents will be able to understand and approve. The city dweller should treat the agricultural transfer population with a peaceful mind, overcome their superiority, and fully understand the contribution of the agricultural transfer population to the urban economic and social development. The agricultural transfer population is the vulnerable group of the society. And the city residents need to care and help them. The agricultural transfer population should also fully develop self-confidence and self-esteem and strengthen the awareness of the protection of the protection of the people.

Promote institutional innovation. Reform the household registration system. The purpose is to change the household registration system of "administrating of city-countryside separately" and "systems of urban and rural respectively" as a unified and equal population management system. Through the reform of the household registration system, a mechanism for the agricultural transfer population to urban residents has been changed, and the citizenship status and national treatment are obtained. Goverment could adopt some general international principle, according to current residence registration, completely cancel the current account of the differences of status, treatment and registration of special function, make account is no longer a kind of institutional identity.

Transform the labor employment system, which aim is to create a fair institutional environment, gives a fair competition for agricultural transfer population. Under the principle of market economy, a unified urban and rural labor market will be gradually found which means labor free movement, labor self-selection and lawful rights. The government should regulate the operation order of the labor market, obligate the employment units and the agricultural transfer population to sign the labor contract, and fulfill corresponding rights and obligations. China’s government improve the system for protecting the employment rights and interests of rural residents, and ensure the basic rights and interests of rural migrant workers in employment.

Innovate education system, which aim is to provide a good opportunity for the children of the agricultural transfer population to receive education. The government of the government should open up the school threshold of the urban public schools, allow the children of the agricultural transfer population to go to the

nearest school, and abolish the unreasonable fees for their children. Meanwhile, we will encourage and support the development of private schools and the schools of migrant workers, and help them to standardize their schools through financial input and teacher enhancement. The government should pay more attention to the education problem for the left-behind children of the agricultural transfer population. By establishing the boarding school, it will be guaranteed in education, life, security and other aspects.

Perfect the social welfare system, which aim is to ensure that the agricultural transfer population can be guaranteed in the face of unemployment, work-related injury, medical treatment and retirement. As industrial workers, agricultural transfer population should enjoy the same social welfare treatment as urban workers. Insurance funds should be paid by enterprises and individuals. Construction of social welfare system for agricultural transfer population, should be not only considered the connection with social welfare system in urban and rural areas, we should also take into account the characteristics of high mobility of agricultural population and job instabilty. Make this system can satisfy their demands which has the charactistics of institutional freedom, easy connection between urban and rural areas, and to build a nationwide network management platform of social welfare system for agricultural transfer population.

Improve the rural land transfer system. The purpose is to realize the paid transfer of farmland right of using, the agricultural transfer population gains personal economic compensation, dispel their misgivings, set his mind at to work and entrepreneurship in urban areas. At the same time, the efficiency of land allocation has been improved, which has promoted the scale operation and realized the win-win situation between individuals and society. We should improve the rural land transfer system. Firstly, clarify rural land property rights, ensure the long-term development of land contract relations and land related rights and interests.Second, we should establish a land rights of using system to provide a standardized trading platform for circulation of land.

Change the mechanism of urban social organization.A fair work organization. The working units should ensure that the rights and interests of rural residents, equal pay for equal work and equal rights for workers, so that the agricultural transfer population enjoys the same rights and interests as those in the city. Work units should put them deeply into the industry relations, through meaningful cultural entertainment activities, to create an opportunity for agricultural transfer population to communicate with urban workers in this unit, and build an enterprise culture with fairness, trust and love.

A labor union for maintaining rights. There is a dependency between the union organization and the work unit, which tends to exclude the agricultural transfer population from the union organization. Therefore, one should include the agricultural transfer population into the union organization in the work unit, because the agricultural transfer population is part of the industrial working class. The second is to form a transfer union for agricultural transfer workers, which is a supplement and attempt for the labor union organization. The agricultural transfer population shall be the leading position of the transfer union, and shall not be attached to any unit.

Harmonious community organization. The agricultural transfer population has own certain living space in the city, and the community organization should integrate them into social management and community service to cultivate a sense of community. One is family planning, children education, labor and employment, maternal and child health care, health and epidemic prevention, legal service and social security management of the agricultural transfer population are included in the relevant departments and the community management responsibility, and put the corresponding management funds into the budget. The second is to provide necessary production and living assistance, actively organize agricultural transfer population to participate in community cultural and recreational activities, and promote the integration with urban society.

Develop autonomous organizations. Autonomous organization refers to the form of social organization of self-management of agricultural transfer population. The current autonomous organizations mainly include the agricultural transfer population association, the agricultural transfer population townsmen association, the agricultural transfer population industry association, the agricultural transfer population interest association and so on. However, these autonomous organizations have no a fixed place, stable funds and full-time personnel, and are unable to carry out activities and protect the rights and interests of themselves. The

state should provide support for the creation of self-governing organizations of agricultural transfer population and reduce the conditions of founding. The unit should support agricultural transfer population to found self-governing organizations, provide assistance in funds and on the site, and guide the self-government organization to develop in a benign direction.

Altruistic ngos. Non-governmental organizations (NGOs) are non-profit group organizations that are independent of national and government forces, including charity, volunteer organizations, social groups and "grass-roots organization", etc. It can play an important role in agricultural transfer population training, rights maintenance, and awareness of rights and interests.. The state should encourage and support non-governmental organizations that speak for the disadvantaged, it not only protect right and interest of social groups such as agricultural transfer populationbut also promotes social fairness and justice, is conducive to the construction of a harmonious socialist society.

Reconstruct the individual social relation. Strengthen the homogenous network. The migration of agriculture to cities is usually dependent on “strong relationships” to provide information and help, and they tend to seek support and help from these people when problems and difficulties arise. Therefore, it is given priority to with blood, geopolitical relations, homogenous relational network for agricultural transfer population in better work and life in the city has played a tremendous material and spiritual support, and can have the effect of other institutions and groups cannot be replaced, thus to further consolidate the existent blood, geopolitical relations is necessary. The government, enterprises and public institutions and urban communities should provide necessary assistance to set up communication platforms. For instance, we will create a platform for the interaction and communication among the agricultural transfer population.

Expand the heterogeneous network. The lack of interaction between agricultural transfer population and urban residents is not conducive to the deep integration of population into urban society and the harmony of urban society. Therefore, it is necessary to expand communication space of agricultural transfer population, expand the size of social network of the agricultural transfer population to enhance the network heterogeneity, continuously to improve city civilization quality of agricultural transfer population to do a qualified new citizens. Of course, it is not easy to strengthen exchanges between agricultural transfer populations and citizens and improve the relationship between the two parties. Therefore, besides the efforts of both sides, the government, company and community should play a proper role, by conducting various kinds of social activities, to make agricultural transfer population have a sense of belonging to urban society, work unit and community, let them feel truly "live" in the city, and not just "earn" or "breadwinner" in the city.

References and Sources

1. Mendras. The end of the peasantry [M]. Translated by Peilin Li. Social sciences academic press, Beijing, China. P1, 2005.

2. Yongtu Long. Migrant workers are the first in China's reform and opening-up policy in the past 30 years. [EB/OL]. URL: http://news.66wz.com/system/2008/12/15/101018014.shtml.2008-12-15

3. Issue about the new generation of migrant workers from research group of the national federation of labor unions. Report on the new generation of migrant workers from the national federation of labor unions [N]. Workers’ daily, 2010-6-21.

4. Research group of the state council. China's migrant workers survey report [R]. China Yan Shi Press, Beijing. P25-P27, 2006.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

МИРГЕЕВА Валентина Петровна, старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: valentinamirgeeva@mail.ru

USE OF FOREIGN WORKERS IN THE WATER TRANSPORT IN THE FAR EAST OF RUSSIA AT THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: HISTORICAL ASPECTS

Valentina P. MIRGEEVA, Senior Lecturer, Department of Personnel Management and Labor Economics, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: valentinamirgeeva@mail.ru

Аннотация. В статье на основе новых архивных источников проводится анализ использования иностранного труда на водном транспорте Дальнего Востока России в начале XX века, рассматривается государственная политика по вопросам упорядочения притока иммигрантов на Дальний Восток.

Ключевые слова: Дальний Восток России, водный транспорт, кадры, иностранная рабочая сила, Амурский бассейн.

Abstract. The article analyzes the use of foreign workers on water transport in the Far East of Russia at the beginning of the 20th century on the basis of new archival sources and examines the state policy on streamlining the inflow of immigrants to the Far East.

Keywords: Far East of Russia, water transport, personnel, foreign workers, Amur basin.

Транспортное освоение Дальнего Востока проходило одновременно с процессом закрепления приамурских и приморских территорий. Речной транспорт Амурского бассейна способствовал укреплению позиций России на тихоокеанском побережье, оказывал воздействие на темпы социально-экономического роста региона, но острая потребность в рабочей силе сдерживала развитие этой важной инфраструктуры. Для решения кадровой проблемы в русском дальневосточном судоходстве государственные транспортные компании и частные предприниматели использовали труд рабочих из Юго-Восточной Азии. Китайцы проявляли большой интерес к территориям Приамурья и Приморья, т.к. со второй половины XIX века в 50-верстной приграничной полосе существовал режим беспошлинной торговли. Это привело к тому, что число китайцев среди русского населения достигло 13% или 15 тыс. человек. Уже в 1890-е годы рабочие из Восточной Азии представляли реальную угрозу российскому предпринимательству, что послужило причиной смены государственного курса от регулирования и регламентации иностранцев на постепенное ограничение и ликвидацию их присутствия на Дальнем Востоке. В 1899 г. согласно временным правилам рыболовства иностранцам запрещался вылов рыбы на Амуре, а русским судовладельцам не разрешалось использовать иностранный труд. Эти меры послужили благоприятным толчком к оживлению русского судоходства, но не устранили конкуренции с иностранными судами.

Для дальневосточного региона в начале XX века была характерна высокая концентрация рабочих в государственном секторе экономики. Но даже на таком предприятии как Добрфлот, где насчитывалось 205 рабочих мастеровых и служащих, русских было 40 человек, а 165 – корейского происхождения. На Владивостокском механическом заводе из 60 работающих специалистов русских было 3 человека, китайцев – 52, японцев – 5, всего иностранных рабочих – 57 человек [3].

По результатам статистического исследования, проведённого в 1904 г. Ф.Л. Вильчинским во Владивостоке, можно предположить, что строительством судов, малым каботажем, перевозкой пассажиров на лодках, крабовым, рыбным, трепанговым, устричным промыслами занимались исключительно китайцы [3]. Процентное соотношение национальных групп в мастерских г. Владивостока распределялось следующим образом: русских мастеровых, матросов и солдат насчитывалось 43,7%, китайцев – 45,6% от общей численности 6339 человек, кроме не зарегистрированных вопросными листами морских промыслов: строительства судов, каботажа на мелких судах, перевозки пассажиров на лодках, крабового, устричного, рыбного и трепангового промыслов [3]. Добычей трепанга и крабов, приносившей ежегодный доход более миллиона рублей, на Владивостокском, Островном, Сучанском, Посьетском и Ольгинсокм участках морского побережья занимались в основном китайцы и корейцы. Выходцы из Юго-Восточной Азии, были владельцами парусного флота во Владивостокском порту. Им принадлежало 650 парусных судов и, не смотря на закон, запрещавший иностранный каботаж, умело его обходили с помощью подставных лиц русского происхождения, которым продавались джонки. Владельцы судов использовали труд иностранцев в обход закона, по которому регламентировалась численность иностранной команды до 50%, но не определялось общее количество рабочих. Поэтому на судах часто официально числилось по одному русскому и китайскому матросу, а остальных китайцев выдавали за пассажиров [1].

По сведениям, полученным Управлением водных путей в 1911 г. в результате анкетирования 659 рабочих, в национальном составе водников Амурского бассейна, преобладали русские - 98,9%. На частных предприятиях было занято 3326 человек, из них русских – 1780, корейцев русских подданных – 93 человека, иностранцев – 149, китайцев – 1304 [2]. Расовый и численный состав казенного рабочего рынка в этот период представлен данными морского министерства: из 1968 человек русских насчитывалось 1202 (91,9%), остальные были иностранными рабочими. На строительстве Амурской речной флотилии было занято 659 человек, из них 456 (69,2%) – китайцы [2].

Качество труда иностранных рабочих на торговых пароходах, по мнению судоводителей, отмечавших их полную неподготовленность и непонимание своих обязанностей, было низким, но, несмотря на это они увозили на родину до 800 рублей заработка. Китайцы составляли 75% команды, нанимаясь на должности низшего плавсостава, в основном кочегарами и угольщиками, т.к. физически были более приспособлены подобного рода деятельности в экстремальных условиях, чем русские, которые пренебрегали низкооплачиваемыми должностями [4].

Обследование, проведенное в 1910 г. Амурским обществом изучения Сибири на 87 судах с целью выяснения экономических вопросов быта служащих низшего плавсостава, выявило национальный состав речников: из 1538 человек, русских было 66,6%, китайцев – 33%, корейцев – 0,4% [3].

На участках Амурского водного управления (АВУ) инженерные и строительные работы производились иностранными рабочими, составлявшими 45%. От общего числа служащих водных путей Амурского бассейна 13% были китайцы, которые работали на китайском берегу рек Амура и Уссури. В 1911 г. число китайцев на судах Амурского бассейна достигло численности 503 человека или 32,8%, что было значительно выше, чем по России [6]. В связи с этим, капитаны русских судов и правительственная Амурская инспекция высказывали мнение об опасности остаться без служащих низшего состава, грозившей русскому судоходству, в случае военного конфликта с Китаем.

В качестве меры по ограничению проникновения иностранного капитала на русский Дальний Восток, 17 июня 1901 г., правительство России приняло закон о закрытии 100-верстной прибрежной полосы Приморской области для свободной организации частных горнопромышленных, золотопромышленных и нефтяных предприятий. Иностранные предприниматели активно добивались отмены этого закона и в этих целях использовали Владивостокский биржевой комитет, от чьего имени подавались ходатайства о необходимости открытия свободного доступа иностранному капиталу во все районы Дальнего Востока [5].

Японский капитал использовал полученные по рыбной конвенции и торговому договору привилегии в рыбной отрасли, получая высокие прибыли от своих вложений. Наиболее прочно он закре-

пился на Камчатке, о чем свидетельствовал знаток края Н. Слюнин, побывавший там по поручению министра финансов Коковцева осенью 1909 г. и отмечавший в своем докладе, что 150 рыболовных участков находятся в руках японцев и эксплуатируются ими с помощью 200 шхун и нескольких пароходов [7].

После русско-японской войны государство принимало меры по развитию отечественного судоходства на реках дальневосточного бассейна. Среди них были увеличение субсидий русскому торговому флоту, отмена льгот для иностранного каботажа в Приамурье, а с 1910 г. на морском транспорте была введена квота в 50% по ограничению труда иностранцев. Суда, занимающиеся каботажными перевозками в низовьях Амура, должны были иметь команду, состоящую только из русских подданных [4]. В результате этих мероприятий рыбный промысел в низовьях Амура стал русским, вытеснив японское судоходство.

Китайцы активно стремились к созданию своего коммерческого флота на Амуре, но их попытки встречали сопротивление со стороны русских властей. Тем не менее, в вопросах конкуренции китайский флот имел определенные преимущества. Это объяснялось тем, что китайские перевозки грузов и пассажиров были вдвое дешевле, чем русские. На китайских судах содержание команд было дешевле на 50%, затраты на топливо – на 25%, к тому же соблюдение противопожарной безопасности, спасательных средств и санитарных норм часто игнорировалось.

Развитие производительных сил дальневосточного региона в начале XX века отличалось более быстрыми темпами от общероссийских, в том числе и на водном транспорте, чему способствовало переселение мелких предпринимателей из центра страны, а также приток иностранных рабочих из Китая, Кореи и Японии. В целях обеспечения социально-экономической безопасности Дальнего Востока, правительство России, учитывая интересы местного населения, допускало использование иностранного труда для насыщения рынка дешевыми товарами и услугами, развития торговли и предпринимательства, повышения жизненного уровня.

Список литературы и источников

1. Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. Б/м. 1913. С. 149.
2. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып. 2. – СПб. – 1912. – С.151.
3. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области / сост. Ф.Л. Вильчинский. Владивосток. - 1904.- С.57.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 2010, л. 22-23.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 718, л. 12.
6. Служащие на паровых и непаровых речных судах Европейской России и бассейнах рек Оби и Амура по переписи 1901 г. СПб, 1901.
7. Центральный государственный исторический архив СПб (ЦГИА). Ф. 1276. Оп. 5. Д. 608. л. 120-121.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

МОЛОТКОВА Ирина Сергеевна, студент, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: molotkova.is@yandex.ru

ILLEGAL LABOR MIGRATION IN THE ASIAN AND PACIFIC REGION

Irina S. MOLOTKOVA, student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: molotkova.is@yandex.ru

Аннотация. Возрастание влияния миграции трудовых ресурсов на мировую экономику требует детального рассмотрения глобальных миграционных потоков, в частности проблем нелегальной трудовой миграции. Актуальность данной работы заключается в сложности оценки явления нелегальной трудовой миграции. Объектом данного исследования является международная трудовая миграция, предметом исследования выступает нелегальная миграция трудовых ресурсов. Цель данной работы заключаются в формировании наиболее емкого и точного представления о значимости, экономическом, культурном, политическом и ином влиянии нелегальной трудовой миграции.

Ключевые слова: нелегальная трудовая миграция, миграционный поток, эмиграция, иммиграция, трудовые ресурсы, рынок труда.

Abstract. The impact of labour migration on the world economy calls for a detailed examination of global migration flows. The relevance of this work is the complexity of assessing the phenomenon of illegal labor migration. The object of this study is international labor migration, the subject of the study is illegal migration of labor resources. The purpose of this work is to form the most comprehensive and accurate understanding of the significance, economic, cultural, political and other effects of illegal labor migration.

Keywords: illegal labour migration, migration flow, emigration, immigration, labour resources, labour market.

Международная нелегальная трудовая миграция. Международная миграция рабочей силы представляет собой процесс перемещения трудоспособного населения из одного государства в другое с целью трудоустройства на более выгодных условиях, чем в стране происхождения, и предполагающий сохранение постоянной связи мигранта со своей родиной [3].

Международная трудовая миграция, сама по себе, оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на развитие экономики стран. Причем и на страны, в которые приезжают трудовые мигранты (страна-реципиент), так и на страны откуда непосредственно выезжают мигранты (страны-доноры). Чистый эффект от участия в международной миграции той или иной страны определяется выбранным временным интервалом и условиями функционирования национальной экономики.

Нелегальная миграция – это территориальные перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда страны выбытия, правил въезда и/или пребывания (проживания) в стране прибытия, правил транзита через третью страну или правил осуществления трудовой деятельности в стране прибытия [1].

Негативными аспектами международной миграции моно считать:

– для стран-реципиентов выделяются: отток трудоспособной части населения, потеря части понесенных затрат на общеобразовательную и профессиональную подготовку трудовых мигрантов;

– для стран-доноров: появление дискриминации по отношению к иностранцам и межнациональная неприязнь, рост нелегальной миграции, снижение заработной платы коренных рабочих, конкурирующих с мигрантами.

Среди главных особенностей современной трудовой миграции можно выделить:

– структурное изменение международных миграционных потоков;

– глобализация трудовой миграции и увеличение ее объемов;

– возрастание масштабов нелегальной трудовой миграции и сложности борьбы с ней.

В качестве самых популярных мест для миграции на протяжении последних десятилетий выступают США (43 млн. человек) и страны ЕС. Согласно исследованиям EUI (European University Institute) в ЕС в 2013 году насчитывалось 43 млн. мигрантов. 20 млн. из них – европейцы, которые проживают не в том государстве, в котором родились.

Нелегальная трудовая миграция в США. По миграционному рейтингу США на 2016 год заняли 32 место. Соотношение числа въезжающих в страну на 1000 населения составило 3,9 [13].

По численности же мигрантов Соединенные Штаты Америки занимают первое место, оставляя далеко позади Германию, Россию, Саудовскую Аравию и др. Численность иммигрантов составляет более 46 млн. человек, что в процентном соотношении относительно мирового населения, представляет собой 19,13%, а относительно населения страны 14,5% [6].

Называют совершенно разные цифры при оценке нелегальной миграции в США. Так встречаются оценки в 13 и в 40 миллионов человек.

Чаще всего, миграцию в эту страну осуществляют граждане Мексики, Индии, Филиппин и т.д. [8]. Наибольшее число как легальных трудовых мигрантов, так и нелегальных представляют собой мексиканцы. Близость границ, а также тесное экономическое и социокультурное взаимодействие способствует происходящим миграционным процессам.

Только по официальной статистике на 2014 год в США находилось около 11,7 миллионов мексиканских мигрантов, а их доля в общем иммиграционном потоке заняла более 28% [11].

При рассмотрении нелегальной трудовой миграции выделяются несколько ключевых проблем. Они затрагивают абсолютно все стороны жизни общества. Начиная с национальной идентичности и заканчивая экономической выгодой/не выгодой нелегальной миграции трудовых ресурсов.

Наиболее часто в средствах массовой информации и в исследованиях современных американских авторов встает проблема занятия нелегальными работниками рабочих мест. Гражданская рабочая сила США включает в себя 8 миллионов нелегальных иммигрантов, что составляет 5% от тех, кто работал или был безработным и ищет работу [9].

Важной является и проблема увеличения расходов на образование и здравоохранение. Здесь важно отметить, что в основном выгоды получают дети нелегальных мигрантов. Они получают возможность государственного образования и неотложной медицинской помощи.

Возможность получения образования нелегальным квалифицированным мигрантам в колледже предоставляют с 2001 года, по крайней мере, 18 штатов. 16 из них являются частью государственной программы и зафиксированы законодательно, а 2 университета представляют собственную [7]. На данный момент, 6 штатов позволяют нелегальным мигрантам, осуществляющим обучение, получать финансовую помощь.

Часто поднимаются проблемы роста уровня преступности, увеличения средств на содержание нелегальных иммигрантов в тюрьмах (161$ в день).

Отелом статистики ФБР было подсчитано, что около 820000 нелегальных иммигрантов квалифицируются как «иностранные преступники» или около 7,5 % от всего числа въезжающих мигрантов. При президенте Обаме, преступники были стратегически важным направлением при формировании миграционной политики [16].

Но данные исследования института Като говорят о том, что количество преступников среди иммигрантов (как легальных, так и нелегальных) на 2014 год значительно ниже, чем среди коренного населения.

ФБР показывает, что показатели тяжких преступлений по всей стране с 2000 по 2015 год упали на 16 процентов, а ставки имущественных преступлений снизилась на 21 процент за тот же период времени [14].

Также выделяется проблема, связанная с большими расходами на депортацию. Стоимость осуществления данной процедуры на все нелегально проживающее население будет стоить $ 114 млрд в течение 20 лет, и в среднем $ 10070 на человека. Сюда включены также расходы на содержание этих лиц вплоть до их депортации, транспортировка за границу [10].

Кроме указанных проблем выделяются также: прибытие мигрантов из стран с высокой террористической опасностью и, вследствие их нелегального положения, невозможность контроля; нездоровая конкуренция на рынке труда; снижение заработной платы, рост безработицы среди многих

граждан и легальных мигрантов США, рост преступного бизнеса по переправке людей через границу, в результате которого умирают сотни людей [4].

Несмотря на относительную отгороженность США от большинства стран доля ее импорта рабочей силы является самой большой в мире. Около 15 млн человек позиционируются как мигранты. Иностранная рабочая сила оказывает огромное влияние не только на экономическое, но и политическое, социокультурное положение страны.

Таким образом, мигранты способствуют экономии на затратах на образование и профессиональную подготовку квалифицированных работников-трудовых мигрантов, иностранные работники не обеспечиваются пенсиями и не учитываются при реализации социальных программ.

Однако международная иммиграция оказывает и крайне негативное влияние. Так в рамках миграционной политики США выделяются следующие ключевые моменты: занятия нелегальными работниками рабочих мест коренных жителей, проблемы роста уровня преступности, большая стоимость депортации, высокий уровень террористической опасности.

Нелегальная трудовая миграция в КНР. Для миграционных процессов КНР характерно преобладание внутренней миграции из села в город, а также эмиграция. Эмиграция, прежде всего, обусловлена перенаселением, плохой экологической обстановкой, а также бедностью и безработицей. Уровень последнего показателя в прошлом году превысил 4%, по официальной статистике. Но здесь учитывается только городское население, причем только зарегистрированное. Между тем, уровень безработицы среди сельского населения высок, а перемещающиеся данные категории населения также не указаны при подсчете данного показателя. В среднем же только, осуществляющего перемещение из села в город, населения насчитывается около 150 миллионов, а осуществляющего выезд за рубеж около 180 тысяч ежегодно (из них 20% на нелегальной основе).

Принято выделять 2 блока проблем, стоящих перед китайской нелегальной трудовой миграцией: борьба с нелегальной трудовой эмиграцией и борьба с нелегальной трудовой иммиграцией.

Борьба с нелегальной трудовой иммиграцией связана прежде всего с такими проблемами, как: преступность, занятие трудовыми мигрантами рабочих мест, безработица.

В соответствии с данными шестой национальной переписи населения, по состоянию на ноябрь 2010 года, 594 тысячи иностранцев проживают в Китае, что составляет 0,04% населения Китая. Это значительно ниже, чем показатель в Европе и Америке, где он в среднем выше на 10-15% и в среднем на 2-3% в развитых странах Азии. С другой стороны, вместе взятые Южная Корея, города Шанхай, Пекин и Гуанчжоу насчитывают число иностранцев 100 тыс. человек. Представители китайской диаспоры проживают более чем в 198 странах и регионах.

Борьба с нелегальной эмиграцией связана, прежде всего, с миграцией квалифицированных кадров, а также с потерей средств, приносимых другим государствам китайскими трудовыми мигрантами. Компания Boston Consulting Group совместно с промышленным банком выпустила доклад оценивающий перспективы роста выплат китайскими эмигрантами в экономики стран пребывания. По их подсчетам к 2020 году эти выплаты составят около 13 триллионов. Наконец 2015 года зарубежные выплаты китайскими мигрантами составили 5,4 трлн. Соответственно к 2020 году личные зарубежные инвестиции составят около 18 трлн долларов.

В целом, миграция Китаю выгодна, так как решает проблему перенасыщенности рынка труда, безработицы. Но также она открывает множество не менее важных проблем: старение населения Китая, рост преступности в сфере торговли людьми, утечка за рубеж квалифицированных специалистов и т.д.

Нелегальная трудовая миграция в РФ. Согласно данным федеральной службы государственной статистики в 2015 году в Россию прибыло 598617 человек. Наибольшее количество мигрантов эмигрировало из Украины (194180 человек), Узбекистана (74242), Казахстана (65750) и Армении (45670). На их долю приходится 63,45% от общей доли прибывших из-за рубежа мигрантов.

Россия относится к пятерке стран привлекательной для мигрантов. Ее обходят лишь США, Австралия и Канада. На 2014 год наблюдался спад в миграционном притоке в РФ.

Существенным показателем, оказывающим влияние на экономическое развитие России в результате формирования миграционных потоков, является набор проблем, которые приходится решать мигрантам после переезда в Россию. К основным проблемам относятся проблемы, связанные с обеспечением жильем, медицинским обслуживанием, образованием, организацией бытовой стороны жизни.

Проблема организации миграционных потоков в России связана с обеспечением взаимосвязи трудоустройства и регистрации мигранта. Без регистрации достаточно часто невозможно устроиться на работу, хотя возникают ситуации, когда невозможно получить регистрацию без трудоустройства.

Одной из главных причин, способствующих трудовой миграции, продолжает оставаться дифференциация в оплате труда, создающая предпосылки для передвижения трудовых ресурсов из страны с низким уровнем дохода в страну с высоким уровнем дохода. Согласно теореме выравнивания цен, на факторы производства Хекшера - Олина - Самуэльсона, этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока уровень заработной платы в стране-доноре трудовых ресурсов не приблизится или не сравняется с уровнем оплаты труда страны-реципиента.

Среди ключевых проблем, возникающих вследствие нелегальной миграции в РФ, выделяется вывоз финансов мигрантами за границу, а также не уплата налогов. По различным оценкам, на территории России иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность насчитывается от 3 до 5 млн. А некоторые эксперты говорят даже о том, что на одного официального трудового мигранта приходится 10 нелегальных. [3]

Вывод заработанных иностранными гражданами на территории России средств возрос за период с 2013 по 2014 гг. При этом бюджетные расходы по пребыванию мигрантов в РФ (деятельность полиции, органов здравоохранения) превышают доходы бюджета от деятельности мигрантов на территории РФ. Основным выгодополучателем от использования труда мигрантов до 2014 года выступал предприниматель, на втором месте находился сам гастарбайтер, тогда как государство было в убытке.

Также немаловажными являются проблемы: вливания нелегалов в криминальные структуры, построенные по национальному признаку. Прибыльность нелегального бизнеса сложно недооценить. По выгодности его обгоняют лишь контрабанда наркотиков и оружия.

Из-за незнания языка и нормативных норм нелегально прибывшие граждане, становятся причиной появления массы проблем. Согласно статистике, за последние несколько лет возросло количество преступлений, совершенных мигрантами на территории России. Чаще всего выделяют воровство, мошенничество, вандализм, несоответствие миграционных документов.

Также вследствие развития межгосударственных отношений, развития национальных конфликтов на этнической, политической и экономической почве, упрощение въезда для мигранта, политика «открытых дверей», все это способствовало тому, что иностранным рабочим (как легальным, так и нелегальным) предоставлены практически все условия для свободного въезда на территорию нашей страны.

Наблюдается и рост внутренней миграции. Это связывают с внутренними этническими конфликтами, невозможностью некоторых республик дать работу, или даже образование, обеспечить возможность иметь средства на существование.

Выделяются также проблемы роста национальной напряженности, сложность интеграции в сообществе, зачастую противопоставление ему, проблема эмиграции, отток квалифицированных кадров.

Вследствие реализации политики «открытых дверей» только в 2015 году прибыло чуть менее 600 тысяч мигрантов. Несмотря на то, что от нелегальной миграции выгоды получает как работодатель, так и работник, существует большой кластер проблем, возникающих при осуществлении миграционных процессов. Наиболее остро стоят проблемы замещения нелегальной иностранной рабочей силой рабочих мест коренных жителей, потеря инвестиций, вкладываемых эмигрантами из РФ в страны мест трудоустройства, криминализация национальных общин, складывающихся из прибывших мигрантов.

Рассматривая влияние трудовой миграции на экономику России в современных условиях, следует отметить, что большинство представителей мигрантского населения в России – узбеки (26%) и таджики (16%). На 2014 год объем миграции в Россию высококвалифицированной рабочей силы соста-

вил 32%, что выглядит весьма оптимистично на фоне 4,5 миллионов, прибывших в этом же году, мигрантов.

Одним из основных вопросов регулирования потоков миграции в России и определения влияния миграции на экономическое состояние страны является грамотное распределение рабочей силы. В России основной задачей в развитии миграции является создание условий выгодного социально-экономического взаимодействия принимающей стороны и трудовых мигрантов с тем, чтобы обеспечивалось качественное экономическое развитие России.

Список литературы и источников

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. - 2008. - №2. - С.77-87.
2. Бурда М.А. Риски нелегальной миграции, как угроза национальной безопасности России // PolitBook. 2015. №1 С.83-92.
3. Киселева В.А. Экономика труда: учебное пособие. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 286 с.
4. Чагдуров А.Б., Зайцев А.С. Иммиграционные системы США, ее история и перспективы // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XXXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2015. - № 10(36).
5. Черевичко Т.В. Механизм международной миграции рабочей силы: особенности функционирования // Актуальные проблемы современных международных отношений. - 2015. - №6. - С.6-14.
6. International Migration Report 2015: Highlights (ST/ESA/SER.A/375). - 2015. – 36 p.
7. Johnson T. Many States Recognize Benefit of Tuition Equity for Undocumented Students. // Immigration Impact. – 2015.
8. Lee J., Rytina N. Naturalizations in the United States: 2008. – 2008. – 4 p.
9. Passel J.S., CohnSize D. Size of U.S. Unauthorized Immigrant Workforce Stable After the Great Recession. // Pew Research Center. – 2016. – 41 p.
10. Wolgin P.E. What Would It Cost to Deport 11.3 Million Unauthorized Immigrants? // Center for American Progress. - August 18, 2015.
11. Zong J., Batalova J. Mexican Immigrants in the United States. // Washington: Migration policy institute. – 2016. - 9 p.
12. Рынок труда. Субъекты и объекты рынка труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.studfiles.ru/preview/5834089/page:4/
13. Чистый коэффициент миграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2112rank.html
14. About Crime in the U.S. (CIUS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2015/crime-in-the-u.s.-2015
15. Labour migration in Asia and the Pacific [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilo.org/asia/areas/labour-migration/lang--en/index.htm
16. The truth about America's illegal immigrants [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://theweek.com/articles/650402/truth-about-americas-illegal-immigrants
17. World Economic Outlook Database. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx
18. 中国移民人数递增 13万亿资产将转移境外 (Китайские мигранты увеличат выплаты за границу на 13 трлн) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.uschinapress.com/2016/1021/1082982.shtml

МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЮ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ (проект № 17-33-00059)

ПИСЬМЕННАЯ Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: nikitaR@list.ru

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: riazan@mail.ru

MIGRATION FROM CENTRAL ASIA TO RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION IN THE EEU

Elena E. PISMENNAYA, Doctor of Sociology, chief researcher, Institute of socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: nikitaR@list.ru

Sergey V. RYAZANTSEV, Correspondent Member of the RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: riazan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, обуславливающие миграцию из региона Центральной Азии в Российскую Федерацию. Характеризуется миграционный коридор, сложившийся между странами Центральной Азии с одной стороны, Российской Федерацией и Республикой Казахстан, с другой стороны. Рассматриваются географические особенности размещения трудовых мигрантов по территории Российской Федерации. Предлагаются рекомендации по управлению миграционными потоками из Центральной Азии в Россию в контексте интеграции в ЕАЭС.

Ключевые слова: Россия, иммиграция, трудовая миграция, ЕАЭС, Центральная Азия.

Abstract. The article examines the factors that cause migration from the Central Asian region to the Russian Federation. The migration corridor, formed between the countries of Central Asia on the one hand, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, on the other hand, is characterized. The geographical features of the placement of labor migrants on the territory of the Russian Federation are considered. Recommendations are proposed for the management of migration flows from Central Asia to Russia in the context of integration into the EEU.

Keywords: Russia, immigration, labor migration, EEU, Central Asia.

Факторы, обуславливающие миграционные процессы в Центральной Азии в Россию. Можно выделить несколько ключевых факторов, обуславливающих миграцию из Центральной Азии в Россию.

Экономический фактор. С одной стороны, в странах происхождения трудящихся-мигрантов выезд значительного количества трудоспособного населения стимулировали типичные «выталкивающие» факторы: спад производства, низкий уровень заработной платы, высокий уровень безработи-

цы, отсутствие рабочих мест, распространение бедности, избыток трудовых ресурсов. С другой стороны, в России, как принимающей стране, действуют «притягивающие» экономические факторы: объемный рынок труда, диверсифицированная экономика, потребность в рабочих во многих отраслях экономики и регионах, более высокий уровень заработной платы, лучшее качество жизни. В результате, в Евразии сложилась крупная миграционная подсистема центром которой является Российская Федерация и Республика Казахстан, привлекающие трудовых мигрантов из стран Центральной Азии.

Социально-демографический фактор. В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов сокращается численность трудоспособного населения и отмечается постарение населения. Это обостряет дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда, усиливает конкуренцию за трудовые ресурсы, активизирует трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии - основных донорах трудовых мигрантов для России выглядит кардинально противоположной. Прогнозы свидетельствуют, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста увеличится в Узбекистане - на 6,4 миллионов, в Таджикистане - на 2,8 миллионов, в Туркменистане - на 900 тысяч, в Кыргызстане - на 600 тысяч человек.

Культурно-исторический фактор. В настоящее время сформировалась Евразийская миграционная подсистема, которая основана на социально-экономических связях между странами бывшего СССР и широком распространении русского языка как основного средства общения между людьми. При выборе направления миграции за границу жители многих посылающих стран ориентируются на Российскую Федерацию, потому что знание русского языка и понимание менталитета российского населения существенно повышает их шансы на трудоустройство именно в России. Большинство трудовых мигрантов в Российской Федерации устраиваются на работу через социальные сети, родственные контакты, частных посредников и пр. К сожалению, роль государственных структур и частных агентств занятости в трудоустройстве мигрантов остается крайне низкой.

Инфраструктурно-географический фактор. Государства Центральной Азии, как ключевые миграционные доноры России, несмотря на свое географическое расположение в “сердце” Евразии, в транспортном отношении значительно плотнее связаны с Российской Федерацией и Казахстаном, чем с Китаем, Ближним Востоком и Западной Европой. На территорию Российской Федерации из стран Закавказья и Центральной Азии можно добраться различными видами транспорта: железнодорожным, автомобильным, морским, авиационным. В последние годы получили развитие воздушные перевозки, которые способствуют развитию трудовой миграции в Россию. Многие национальные и российские авиакомпании открыли прямые рейсы не только в Москву, но и другие крупные города России, сравнительно недорого стоят билеты на перелеты, развивается система кредитования поездок в Россию (например, в странах Центральной Азии). Транспортный фактор в сочетании с географическим положением стимулирует трудовую миграцию из стран Центральной Азии и Закавказья в Российскую Федерацию.

Политический фактор. С одной стороны, в 1990-2010 годы в посылающих странах трудовую миграцию в Россию определяла целая группа этнополитических факторов, предопределяющих эмиграцию в Россию русского и русскоязычного населения из стран Центральной Азии и Закавказья. Причинами стали гражданские войны, межнациональные конфликты, бытовой национализм в 1990-е годы, а также сокращение сферы использования русского языка, невозможность карьерного роста, отсутствие перспектив в 2000-2010-е годы.

С другой стороны, достаточно активно на бывшем постсоветском пространстве происходит политическая и экономическая интеграция между странами. 29 мая 2014 года был подписан договор о создании ЕАЭС, который вступил в силу 1 января 2015 года. Это дало существенные преимущества гражданам государств, в него вошедших. В частности, теперь гражданам Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России не только не требуются визы для пересечения границ между своими странами, но и не нужны разрешительные документы на работу внутри ЕАЭС. В течение 30 дней граждане стран ЕАЭС могут проживать в России без регистрации по месту пребывания (в то время как остальным иностранцам нужно зарегистрироваться в течение 7 рабочих дней). Также граждане

стран - членов ЕАЭС могут в течение 90 дней искать работу, но далее, должны оформить контракт с работодателем. Также сейчас сохраняется безвизовый режим въезда в Российскую Федерацию и для граждан Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Украины и Молдовы. Приехав в Россию они должны зарегистрироваться в течение 7 рабочих дней (граждане Таджикистана 15 рабочих дней), затем могут в течение 30 дней искать работодателя и обязаны получить патент для работы в России. Аналогичная система патентов введена в Казахстане. Гражданам всех остальных стран для работы в России нужно разрешение на работу. В общем виде миграционная система Российской Федерации для трудящихся-мигрантов имеет три уровня.

Общие тенденции миграции из Центральной Азии в Россию. Миграция, прежде всего трудовая, стала реальной формой экономической и политической интеграции стран на постсоветском пространстве, способствовав образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Республику Беларусь, Республику Армению, Кыргызская Республика. Потенциально в группировку может войти и Республика Таджикистан. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Общая численность населения в ЕАЭС составляет 183 миллиона человек. Гражданам Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизстана, России не требуются визы для пересечения границ между своими странами, не нужны разрешительные документы на работу внутри ЕАЭС.

Между странами Центральной Азии с одной стороны, Российской Федерацией и Республикой Казахстан с другой стороны, сложился масштабный и устойчивый миграционный коридор. В трудовой миграции между странами Центральной Азии и ее принимающими партнерами (Россией и Казахстаном) участвует до 4,2 миллионов человек, что составляет 16% экономически активного населения Центральной Азии. Это не только значительные масштабы миграции, но и серьезные политические, социально-экономические и демографические последствия для посылающих и принимающих стран. Объем денежных переводов в страны Центральной Азии только из Российской Федерации в 2013 году достиг 13,5 миллиардов долларов США. И хотя по итогам 2015 года, объемы денежных переводов сократились из-за девальвации рубля и оттока трудовых мигрантов из России на 30%, тем не менее значимость трудовой миграции остается значительной для всех стран Центральной Азии. По данным Всемирного банка Таджикистан и Кыргызстан заняли первое и третье место в мировом рейтинге стран по доле денежных переводов в ВВП с показателями соответственно 47% и 29%.

Активное получение гражданами стран Центральной Азии российского гражданства можно считать одним из признаков их стремления к интеграции в российское общество. К сожалению, российское законодательство в вопросах предоставления гражданства жителям Центральной Азии не отличается последовательностью. Этапы лояльного отношения (например, для граждан Кыргызстана и Таджикистана) сменяются ужесточением законодательства. Например, поправки в российское законодательство о гражданстве в 2002 и 2010 годах значительно ужесточили требования к соискателям и существенно снизили количество мигрантов из Центральной Азии, получивших гражданство Российской Федерации.

В настоящее время Российская Федерация является наиболее привлекательной и крупнейшей принимающей трудящихся-мигрантов страной в Евразии. Можно дать следующие обобщающие оценки масштабам миграционных потоков в Российской Федерации (табл. 1).

Самым масштабным миграционным потоком из Центральной Азии в Россию является временная трудовая миграция. Трудящиеся-мигранты из Центральной Азии стали востребованным ресурсом российской экономики в 1990-е гг., по мере усугубления проблемы с трудовыми ресурсами. Своего “пика” численность трудовых мигрантов в России достигла в 2000-е гг. В настоящее время российский рынок труда является привлекательным для трудоспособного населения из стран Центральной Азии, Закавказья, некоторых стран Азии и Восточной Европы. Официальная численность

трудящихся-мигрантов в Российской Федерации основана на данных количества разрешительных документов, выданных ФМС. В 2014 г. было выдано 3690 тыс. разрешительных документов, в том числе 2387 тыс. патентов и 1303 тыс. разрешений на работу. Однако, последний финансово-экономический кризис снова сократил число выданных разрешительных документов на работу в России до 1887 тыс., в том числе 1710 тыс. патентов на работу и 177 тыс. разрешений на работу (рис. 1). С января по июль 2015 года было выдано 1406 тысяч разрешительных документов трудящимся-мигрантам, в том числе 1265 тысяч патентов и 141 тысяча разрешений на работу.

Таблица 1

Масштабы и структура миграционных потоков
из Центральной Азии в Российскую Федерацию, человек

Виды миграции	Общая миграция	В том числе из стран Центральной Азии
МИГРАЦИЯ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА		
- прибыло на постоянное место жительства	482.241	257.473
- миграционный прирост	295.859	164.704
- выдано видов на жительство и разрешений на временное проживание	435.802	
- получили гражданство	157.791	96.950
- прибыло соотечественников и членов их семей	106.319	
- численность беженцев	124	9
ВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ		
- въехало в страну иностранных граждан	17.281.971	
- поставлено на миграционный учет иностранных граждан	8.393.655	
- находилось на территории страны иностранных граждан	11.072.255	
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ		
- выдано патентов на работу у физических лиц	2.386.641	915.814
- выдано разрешений на работу у юридических лиц	1.303.258	723.388
- в том числе разрешений на работу высококвалифицированным специалистам	31.101	722
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ		
- обучалось иностранных студентов в вузах	164.800	44.700
- принято иностранных студентов в вузы	46.800	
НЕДОКУМЕНТИРОВАННАЯ МИГРАЦИЯ		
- численность депортированных мигрантов	139.034	
- закрыт въезд в страну	675.950	
- численность недокументированных трудовых мигрантов	5.000.000-6.000.000	

Источники: Данные Федеральной миграционной службы России по итогам 2014 года. [Электронный ресурс]: http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/110975/; Данные Федеральной службы государственной статистики по итогам 2013 года. [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat25747300_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#; Данные Федеральной службы государственной статистики за 2012-2013 учебный год. [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/bgd/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d1/07-57.htm; Информация получена по официальному запросу в ФМС России.

Иностранная рабочая сила привлекается в Россию из разных государств мира. Но уверенно усиливается роль стран Центральной Азии в потоке трудящихся-мигрантов в Россию. В 2015 г. крупнейшими посылающими трудящихся-мигрантов странами были Узбекистан, Таджикистан, Украина, Молдова, Китай, Азербайджан, Кыргызстан и пр. (рис. 2).

Со всеми этими государствами у России сложились устойчивые миграционные связи на протяжении 1990-2010-х гг. и их перечень практически не изменяется. Изменяется соотношение различных видов разрешительных документов по странам. Так с 2015 г., граждане Узбекистана, Украины, Молдовы, Таджикистана, Азербайджана должны получать патенты для работы в России. В их случае произошел перекос в пользу этого вида документов. А граждане стран «дальнего зарубежья» должны

получать только разрешения на работу. В то же самое время граждане пяти стран ЕАЭС и вовсе уходят из статистики (Армения, Беларусь, Кыргызстан и Казахстан) - теперь им не требуется разрешительных документов на работу в России, но не с рынка труда. Совершенно очевидно, что количество трудовых мигрантов в России по-прежнему значительно больше, чем количество выданных разрешительных документов. Например, сопоставление данных в 2014 году по числу выданных разрешений на работу и патентов, с одной стороны, с данными о числе зарегистрированных по месту пребывания, с другой стороны, показывает значительный разрыв в данных (рис. 3).

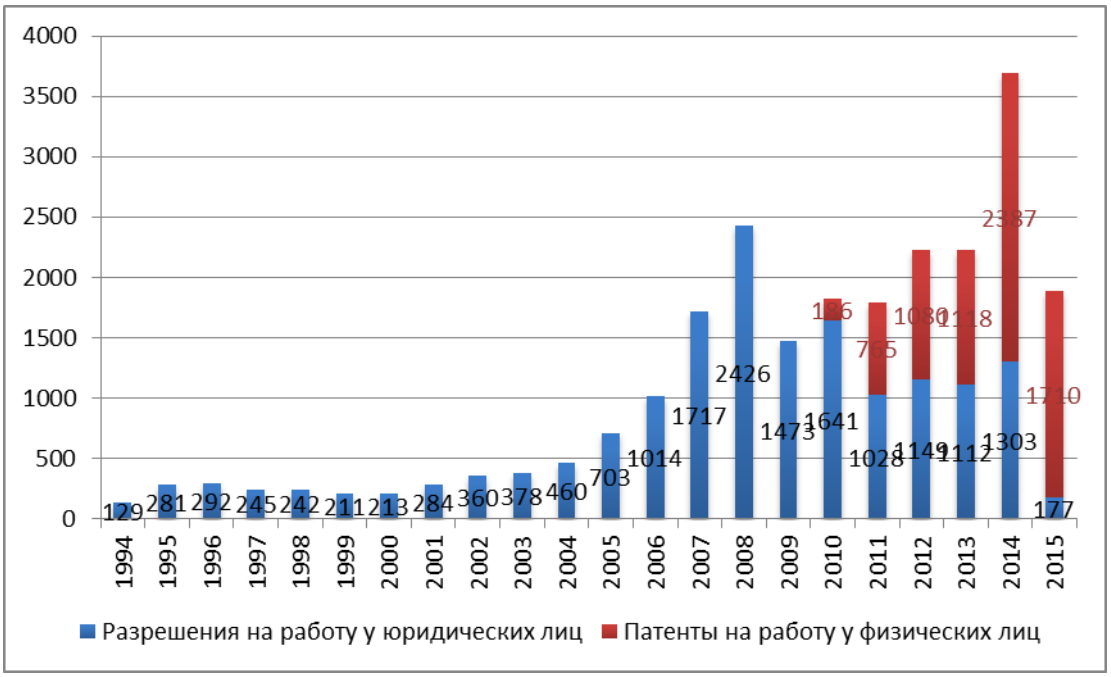

Рис. 1. Количество разрешительных документов, выданных трудящимся-мигрантам в Российской Федерации в 1994-2015 гг., тысяч единиц

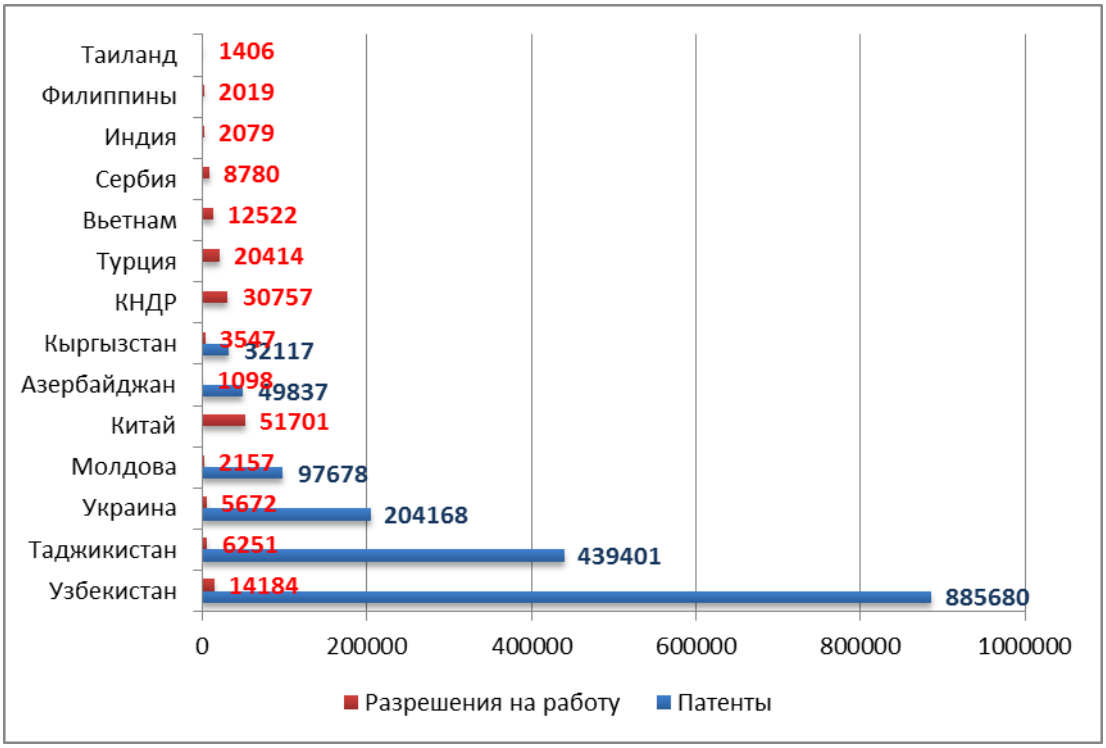

Рис. 2. Численность трудящихся-мигрантов в Российской Федерации по странам происхождения и типам разрешительных документов в 2015 г., человек

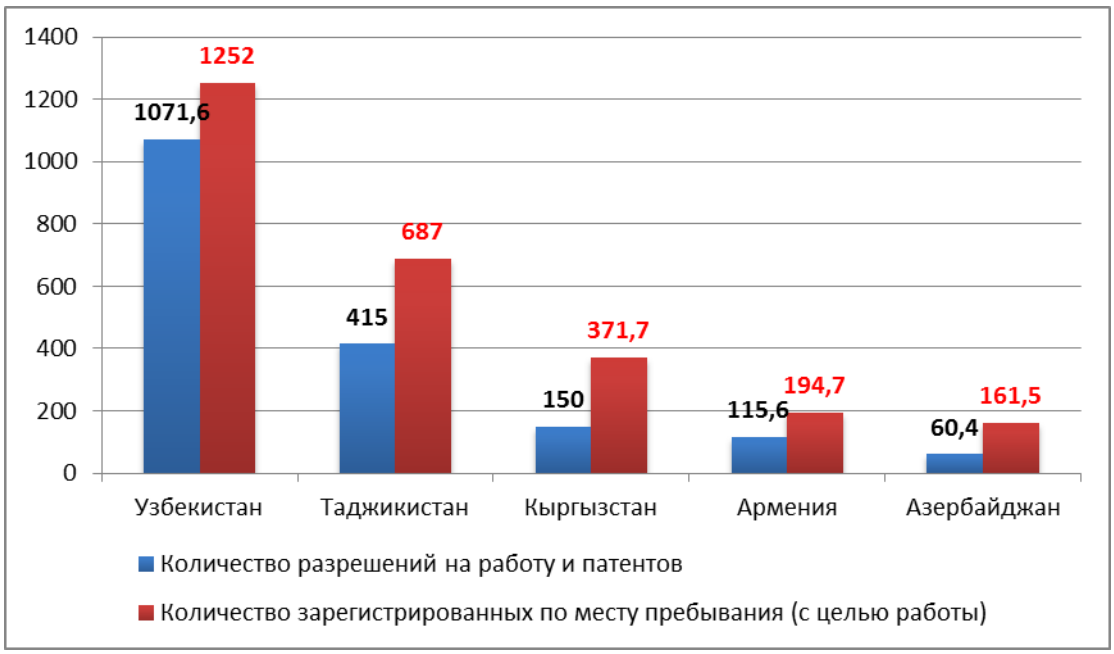

Рис. 3. Сопоставление количества разрешительных документов и численности зарегистрированных по месту пребывания трудящихся-мигрантов в России по некоторым странам происхождения в 2014 г., единиц

По территории Российской Федерации трудящиеся-мигранты распределяются неравномерно. Основная их часть (43%) работает в Центральном федеральном округе. Абсолютным лидером является Москва и Московская область, которые концентрирует около трети всех трудящихся-мигрантов в стране.

На территории Российской Федерации можно выделить пять типов регионов, отличающихся особенностями занятости трудящихся-мигрантов. Первый тип - регионы с преобладанием трудящихся-мигрантов в строительстве - Смоленская, Ярославская, Ростовская, Самарская области, Краснодарский край и др. К этому типу регионов можно отнести также Москву и Московскую область, хотя здесь структура занятости иностранной рабочей силы отличается большим разнообразием. Многие регионы этой группы в разное время переживали “строительный бум”, что требовало дешевых рабочих рук и притягивало трудящихся- мигрантов. Второй тип - регионы с концентрацией трудящихся-мигрантов в сфере транспорта - например, Калининградская и Калужская области. Во многих регионах трудящиеся-мигранты работают в качестве водителей маршрутных такси, городских автобусов, троллейбусов. Третий тип - регионы с концентрацией трудящихся-мигрантов в промышленности и на транспорте - большинство регионов Центральной России, Северо-Запада, Новосибирская область, Забайкальский край. Четвертый тип - территории с занятостью трудящихся-мигрантов в торговле и сфере обслуживания - например, Брянская, Орловская, Саратовская, Пензенская области, Ставропольский край, регионы Урала, Алтайский и Приморский края. Здесь трудящиеся-мигранты задействованы в торговле, ресторанном бизнесе, сфере бытового обслуживания. Пятый тип - регионы с концентрацией трудящихся-мигрантов в сельском и лесном хозяйстве - например, Карелия, Калмыкия, Новгородская, Волгоградская, Астраханская, Кировская, Омская, Амурская, области, Красноярский и Хабаровский края. Здесь трудящиеся-мигранты привлекаются для сельскохозяйственных работ в качестве наемных работников, являются арендаторами земли, выращивают сельскохозяйственную продукцию, заняты на лесозаготовках, сборе продуктов леса.

Регулирование миграционных процессов в России в контексте интеграции в ЕАЭС. Экономическая интеграция в рамках ЕАЭС является одним из основных ресурсов стратегического взаимодействия Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Армения. Экономическая интеграция служит базисом для развития трудовой миграции между странами-членами объединения. В масштабах группировки Российская Федера-

ция и Республика Казахстан являются реципиентами (принимающими странами), остальные государства - доноры трудовых мигрантов. Трудовая миграция является формой реального социально-экономического взаимодействия стран постсоветского пространства, способствует объединению (интеграции) государств. Экономической интеграции стран также способствует либерализация внешней торговли, которая, в свою очередь, приводит впоследствии к усилению миграционного обмена между странами-членами группировки. Однако, в настоящее время регулирование трудовой миграции в странах группировки осуществляется изолированно, а иногда асинхронно. Каждая страна пытается регулировать миграцию исключительно в своих собственных интересах. Посылающие страны стараются отправить за границу максимально возможное количество трудовых мигрантов, чтобы получить от них больше денежных переводов. В лучшем случае, посылающие страны пытаются защитить права своих граждан за рубежом. Они отнюдь не стимулируют развитие экономики за счет “цунами денежных переводов”. Принимающие страны (Россия и Казахстан) пытаются привлекать дешевую рабочую силу, периодически пытаясь ограничивать ее количество и влиять на ее качество. Однако, в условиях широкого распространения эксплуатации трудовых мигрантов, коррупционных схем выдачи квот и разрешений на работу, отсутствия четкой потребности в трудовых ресурсах, шаги принимающих государств часто политизированы, направлены на необоснованные ограничения, не всегда логичны, последовательны и понятны. Если следовать идее и логике интеграции между странами группировки, то одной из задач должно стать создание рынка труда, регулирование которого должно происходить исходя из общих интересов и согласованных договоренностей. Трудовая миграция может быть одним из средств регулирования рынка труда Евразийского экономического сообщества.

Для усиления эффектов занятости и трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе предлагается применить дифференцированный по отраслям экономики подход к их регулированию. Его суть состоит в том, чтобы разделить политику в отношении как минимум двух секторов: «торгуемых» и «неторгуемых» товаров/услуг. Регулирование трудовой миграции и занятости населения в секторе «торгуемых» товаров (услуг) должно быть максимально связано с торгово-инвестиционным сотрудничеством. В настоящее время Россия вследствие своей зависимости от импорта сельскохозяйственной продукции в основном стимулирует создание рабочих мест в странах Европейского Союза, Турции, Израиле и пр. При этом основной поток незаконных трудовых мигрантов, занятых в сельском хозяйстве на территории России и Казахстана происходит из Центральной Азии. Можно утверждать, что при увеличении и эффективном использования российских инвестиций для создания сельскохозяйственного производства в основных странах-донорах рабочей силы возможно сокращение притока незаконных мигрантов на территорию России и Казахстана.

Для регулирования трудовой миграции в секторе «неторгуемых» товаров (услуг) (строительство, транспорт, сектор коммунальных услуг, торговля) должны применяться методы непосредственного регулирования трудовой миграции. Поскольку потребность в трудовых мигрантах в этих отраслях экономики, очевидно, будет сохраняться в перспективе. В настоящее время в Российской Федерации и Республике Казахстане занятость в этих секторах остается крайне неэффективной, а производительность труда низкой. Работодателям гораздо выгоднее использовать труд дешевых и бесправных недокументированных трудовых мигрантов, чем вкладывать в передовые технологии.

Непосредственный механизм регулирования трудовой миграции может выглядеть следующим образом. Во-первых, необходимо рассчитать потребности принимающих стран (Российской Федерации и Республики Казахстан) в рабочей силе на основе баланса трудовых ресурсов. Во-вторых, определить собственные возможности (потенциал трудоустройства безработных, учащейся молодежи, пенсионеров, возможности внутренней миграции трудовых ресурсов) и четкие потребности в иностранных трудовых мигрантах. В-третьих, обозначить приоритеты миграционной политики в отношении стран-партнеров в контексте политической и экономической интеграции и подписать межгосударственные соглашения об организованных поставках рабочей силы.

В России существует необходимость развития регионов восточной части страны, в том числе приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока. Меры могли бы включать несколько направлений, в том числе выделение специальных средств госбюджета на паритетных началах с региональным бюджетом на адаптацию и интеграцию, первичное обустройство мигрантов; развитие системы

льготных банковских кредитов на открытие предпринимательства и бизнеса, выделение ссуд на строительство жилья для мигрантов и местных жителей на паритетных условиях; «налоговые каникулы» - освобождение от налогов переселенцев и местных жителей, открывающих на малый и средний бизнес; предоставление возможности получения земли и аренды недвижимости в среднесрочную и долгосрочную аренду для ведения производственной и сельскохозяйственной деятельности; облегченный режим предоставления гражданства иностранцам, желающим инвестировать средства в производственную сферу и сельское хозяйство российских регионов при условии создания иностранными бизнесменами определенного количества рабочих мест для местного населения. Предлагаемый пакет мер поможет предотвратить и приостановить выезд местного населения из регионов восточной части России, в том числе приграничных территорий, также это будет привлекательным фактором для иностранцев-инвесторов, предпринимателей, готовых вкладывать и развивать экономику России.

Опыт реализации аналогичных мер был в Российской империи, в первые годы становления советской власти. Благодаря этим мерам были заселены и освоены обширные территории Дальнего Востока и Сибири. В зарубежных странах также был аналогичный опыт. Например, власти Канады в 1910-1914 годах привлекли в страну около 1,6 миллионов человек. Благодаря миграции были освоены огромные пустующие территории в центре и на западе страны. Власти страны предоставляли мигрантам землю для ведения сельского хозяйства, прежде всего, возделывания пшеницы. Также была проведена активная рекламная кампания, транспортным компаниям оплачивался билет каждого фермера из государственной казны. Благодаря миграции были решены две ключевые задачи в Канаде. Во-первых, были освоены и заселены пустовавшие земли в западных регионах, а также было увеличено в 3 раза с 1880 по 1910 годах производство пшеницы в стране. Аналогичную практику применяли США в освоении западных штатов, привлекая фермеров. В современных условиях аналогичные элементы используют ряд стран. Например, Австралия в настоящее время предоставляет в ускоренном порядке (всего два года) гражданство иммигрантам, которые переселяются не просто на постоянное место жительство в страну, а едут в необходимый государству штат. В США используется подход, при котором иностранный бизнесмен, инвестирующий более 500 тысяч долларов в американскую экономику, должен также создать минимум пять рабочих мест для местных жителей (американских граждан). В этом случае он получает вид на жительство и впоследствии гражданство США.

Таким образом, миграционный прирост в России, является не просто значимым компонентом демографического развития, но во многом был и остается фактором негативной демографической динамики, компенсируя при этом сокращение численности населения страны и отдельных регионов. Следует отметить, что неточности статистического учета мигрантов в России в определенной мере искажают информацию об абсолютной численности и структуре иммигрантов и эмигрантов, что не позволяет определить точный вклад международной миграции в демографическое развитие страны. О возможных масштабах компоненты демографического развития России можно судить на основании прогнозов миграции населения. При этом проблемы прогнозирования связаны тем, что миграционный прирост населения страны формируется в результате взаимодействия иммиграции и эмиграции, которые в свою очередь обусловлены различными факторами. Объемы иммиграции в Россию, как и объемы эмиграции из России обусловливаются межгосударственными различиями в условиях жизни населения и многими другими факторами (привлекательность рынка труда, состояние экономики, социально-политическая обстановка в стране и т.д.).

В 2007 году была начата реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (была утверждена Указом Президента РФ от 22 июня 2006 года). Это не только важный, но и практически единственно реально работающий механизм привлечения иммигрантов в Россию. Президентом РФ 14 сентября 2012 года был подписан указ, содержащий новую редакцию программы, сделавший её бессрочной. Целевые параметры объемов иммиграции в Россию были озвучены Президентом страны в одном из посланий: *«Нужно будет обеспечить миграционный приток на уровне порядка 300 тысяч человек в год. В первую очередь за счет привлечения на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи... На новом этапе развития страны мы должны ... разрабо-*

тать гораздо более действенный и масштабный набор мер поддержки людей, которые хотят вернуться на свою историческую Родину…».

В новом столетии российская миграционная политика сконцентрировалась в большей степени на регулировании иммиграции, а также на проблемах вокруг иммигрантов в стране. *В основном документе, определяющим стратегию регулирования миграции в России - Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., подписанной 13 июня 2012 г. Указом Президента РФ проблема эмиграционного оттока не рассматривалась в принципе. Единственным упоминанием стало предложение во втором разделе документа, что "продолжается эмиграционный отток из страны", а "эмигранты" упоминаются только вскользь в контексте возвратной миграции.* Между тем, Россия является не только крупной принимающей иммигрантов страной, но и государством оттока эмигрантов, прежде всего, ученых и высококвалифицированных специалистов. Таким образом, в перспективе миграционный прирост в России будет зависть от соотношения объемов иммиграции в страну и эмиграции из страны.

Несмотря на наличие двух концепций регулирования миграции (Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации от 1 марта 2003 г. и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 13 июня 2012 г.), ни в одной из них не содержится конкретных параметров прогнозов объемом миграционного прироста. В последней концепции декларируется в качестве задач создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности и пр. Но в этих документах нет конкретных прогнозных параметров иммиграционного прироста в страну.

Демографической политикой миграционный прирост рассматривается только как фактор частичной компенсации потерь населения в результате естественного движения, поэтому его прогнозные оценки носят достаточно ограниченный характер, как с точки зрения своих значений, так и с точки зрения представленности в государственных документах. Федеральная служба государственной статистики в демографическом прогнозе до 2030 г. предлагает три варианта прогноза миграционного прироста: низкий – около 200-230 тыс., средний – 300-340 тыс. и высокий – 400-500 тыс. человек (табл. 2).

Таблица 2.

Варианты прогноза миграционного прироста
Российской Федерации 2017-2030 гг., тыс. человек

Годы	Низкий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2017	235,8	293,7	375,0
2018	231,3	300,0	393,4
2019	227,5	305,6	408,6
2020	224,7	310,0	421,4
2021	222,1	314,1	432,5
2022	219,7	317,7	442,2
2023	217,6	321,0	451,0
2024	215,6	323,8	458,9
2025	215,0	326,5	466,1
2026	213,4	328,9	472,7
2027	211,9	331,2	478,9
2028	210,6	333,3	484,6
2029	209,2	335,4	490,0
2030	208,1	337,4	495,1

Источник: Федеральная служба государственной статистики [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно. Не только абсолютные величины миграционного прироста важны для демографического развития России. Не менее важны и соотношения параметров иммиграции и эмиграции, а также структура миграционного прироста (географическая, этническая, религиозная, возрастная, квалифицированная). Более предпочтительным для демографической ситуации в России является миграционный прирост, сформированный за счет низкого показателя эмиграции, а структуре иммиграции желательно преобладание мигрантов из стран бывшего СССР, русских и представителей народов России, молодых и средних возрастов, квалифицированных специалистов. Однако подобных официальных прогнозов в стране пока не существует, да их при теперешней системе управления миграционными процессами и не может быть.

Между тем, Россия занимает шестую часть суши и является первой по площади страной в мире. А по населению – она занимает только девятое место на планете. Например, численность населения России в два раза меньше численности населения США. Даже если не рассматривать как потенциальные зоны расселения Север и приравненные к нему территории, наша страна располагает огромными площадями для расселения и развития экономики. Пример, Канады показывает, что население можно расселять в более благоприятных зонах, а вахтовыми формами миграции развивать регионы со сложными условиями жизни. В свою очередь опыт США показывает, что расселение в относительно комфортных районах может иметь равномерный рисунок, иметь множество городов и агломераций. В России же на этапе перехода от командной экономики к рыночной сложилась система расселения, которая существенно деформирована, а население «сбито» в европейскую часть и несколько крупных городов. В свою очередь гибель производства приводит к миграционному оттоку населения из восточных регионов (из Сибири и Дальнего Востока).

Многие страны мира извлекли и продолжают извлекать из миграции массу положительных эффектов. А некоторые сделали миграционную политику частью стратегии своего социально-экономического развития. Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, США, Канада, Бразилия, Аргентина – это далеко не полный перечень стран, которые возникли и развивались благодаря внешней миграции как принимающие страны. Испания, Италия, Португалия, Великобритания, Нидерланды, Франция, благодаря эмиграции создали целые «диаспоральные государства» за своими пределами и до сих пор используют миграционный фактор в интересах своего развития.

Очевидно, что нужно «вмонтировать» миграционную политику в стратегию развития российского государства и привести в соответствие с концептуальными посылами миграционной политики практические процедуры и инструменты ее реализации. В том числе следует реализовать следующие направления мер.

Во-первых, нужно увязать миграционную политику с демографической политикой. Демографическая политика новейшего времени направлена на стабилизацию и рост численности населения России. Значит миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения. Для этого нужно четко выделить целевые группы иммигрантов, которые нужны государству и регионам и снять бюрократические препятствия на пути предоставления вида на жительство и гражданства. Прежде всего, это соотечественники; трудовые мигранты, давно живущие и хорошо интегрированные в российское общество; выпускники российских вузов; жены и мужья российских граждан и другие группы мигрантов. Резервы здесь колоссальны. По нашим оценкам едино моментно мы можем увеличить численность населения страны на 15-20 млн. человек за счет легализации этих категорий мигрантов. Некоторые люди живут в России по двадцать лет, но не могут приобрести жилье, получить регистрацию, легализоваться, стать российскими гражданами.

Во-вторых, нужно увязать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Необходимо оценить потребность в иностранной рабочей силе и с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов на основе баланса трудовых ресурсов, ввести трудовую миграцию в регулируемое русло, используя каналы организованного и целевого набора иностранных трудящихся-

мигрантов в странах донорах. Необходимо снять барьеры на пути трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых. Опыт Российской империи (например, при Екатерине Великой) показывает, что привлечение иностранцев (в то время немцев) стимулировало развитие экономики и помогло совершить социально-экономический прорыв государству.

При ухудшении экономической ситуации и миграционной обстановки в Европейском Союзе России нужно открыть ворота для бизнесменов, представителей среднего класса, ученых, специалистов из Европы. Пусть едут в России, это поможет совершить инновационный прорыв, о котором так долго мечтают наши руководители. А если параллельно улучшить инвестиционный климат, увеличить оплату труда, то еще и вернутся многие ранее уехавшие российские квалифицированные специалисты и ученые. Разумно открытая миграционная политика в отношении квалифицированных специалистов в сочетании с привлекательной инвестиционной политикой может стимулировать настоящий инновационный прорыв в развитии экономики России.

Третье направление. Необходимо связать миграционную политику с внешней политикой России. Можно даже сказать, что время требует перехода в новое измерение – к концепту «внешней миграционной политики». Под «внешней миграционной политикой» можно понимать идеологию и механизм ***активного формирования миграционных потоков,*** необходимых для социально-экономического и демографического развития России, прежде всего, использование потенциала иммигрантов и ресурса “русскоговорящих сообществ” за рубежом. Первыми “ласточками” “внешней миграционной политики” можно считать программу стимулирования возвращения соотечественников, а также проекты распространения русского языка и развития диалога с диаспорой через структуры «Россотрудничества» и Фонда “Русский мир”. К сожалению, элементы данного механизма не всегда эффективны и требуют совершенствования. Пока еще от регулирования иммиграции до перехода к идеям “внешней миграционной политики” весьма далеко. Российское государство только фиксирует потоки и пытается контролировать общины иммигрантов, но отнюдь не формирует активно иммиграционные потоки и деятельность диаспор в конструктивном направлении. Велики социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т.д.). Можно сократить часть издержек по интеграции, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России. Можно договариваться со странами-донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку. Возможно, следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать там опорные пункты для отбора и подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации “внешней миграционной политики” России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются нашими традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию.

Наконец, реализацией миграционной политики должна заниматься только специализированная самостоятельная структура по управлению миграцией. Причем в качестве сотрудников она должна включать дипломатов, экономистов, специалистов по миграции.

Список литературы и источников

1. International Migration Outlook 2013, Paris, OECD Publishing, 2013. P. 411. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2013-en

2. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Ткаченко М.Ф. Формирование Центральноазиатского сегмента Евразийской миграционной подсистемы // Международные процессы, 2013, № 34. С. 47.

3. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 7 месяцев 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/159274/

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИМОРСКОГО КРАЯ И КИТАЯ

ПЯТКОВА Полина Тимуровна, студент, Владивостокский госдураственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: Natalya.martyshenko@vvsu.ru

NEW OPPORTUNITIES FOR DEVELOPMENT OF ECONOMIC AND CULTURAL COOPERATION BETWEEN PRIMORSKY KRAI AND CHINA

Polina T. PYATKOVA, student, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Natalya.martyshenko@vvsu.ru

Аннотация. В работе выявлены особенности становления и развития взаимоотношений жителей Приморского края и приграничных регионов Китая. Основное внимание уделяется исследованию механизмов «мягкой силы», способствующих укреплению сотрудничества между Китаем и Дальним Востоком России. Исследование основано на анализе данных массовых онлайн-опросов населения Приморского края. В работе получила развитие идея измерения характеристик «мягкой силы».

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, инвестиционный климат, мягкая сила, Приморский край, анкетный опрос, типологический анализ, межкультурное общение.

Abstract. The purpose of this work is to identify the features of the formation and development of the relationship between the population of Primorsky Krai and the border regions of China. The article focuses on the study of the mechanisms of "soft power" that contribute to strengthening cooperation between China and the Far East of Russia. Studies are based on the analysis of data from mass online surveys of the population of Primorsky Krai. The idea of measuring the characteristics of "soft power" was developed in the work.

Key words: cross-border cooperation, investment climate, soft power, Primorsky Krai, questionnaire survey, typological analysis, intercultural communication.

Приморский край имеет стратегическое значение для России со дня его основания. В современных условиях значение Приморского края для страны велико как никогда [1]. Возрастание роли края связано, во-первых, с ускоренными темпами развития стран Тихоокеанского региона, во – вторых, с обострением отношений между Россией и США и рядом европейских стран. Между тем, уровень развития Приморского края совершенно не соответствует его новой роли. Для ускоренного развития края, в первую очередь, необходимо решить демографические проблемы. Для этого следует создать более комфортные условия для населения и улучшить его социальное самочувствие. Проблема качества жизни является ключевой проблемой для развития не только Приморского края, но и всего Дальнего Востока России [2, 3].

Для ускоренного развития территории Дальневосточного региона правительством был принят ряд законов, которые должны обеспечить опережающие темпы развития региона. Новые возможности Приморского края в связи с принятием законов по развитию Дальневосточного региона широко обсуждаются в научной среде [4]. Закон «о территориях опережающего социально-экономического развития» и «свободном порте Владивосток» должны обеспечить приток инвестиций для обеспечения экономического развития края. В связи с принятием законов большие надежды связаны с притоком инвестиций из сопредельных государств (Япония, Южная Корея и Китай). Китай является одним из ключевых игроков в регионе. В настоящее время сотрудничество России и Китая переходит на новый уровень во всех сферах. Однако Китай не проявляет особого интереса к развитию Приморского края. Во-первых, несмотря на общее улучшение российско-китайских отношений все еще сохраняет-

ся ряд сдерживающих факторов, препятствующих ускоренному развитию торгово-экономических отношений между двумя странами [5, 6]. Во-вторых, масштаб экономики Приморского края слишком мал, чтобы заинтересовать такую большую страну, как Китай. Даже транзитные возможности края относительно грузов из Китая не очень сильно привлекают Китай, поскольку Китай связывает свои перспективы с реализацией своего глобального проекта «шелкового пути».

В связи с принятием курса на прорывное развитие экономики, России необходима выработка принципиально новых решений, в том числе, и касающихся развития Дальнего Востока. В связи с этим необходимо создание благоприятных условий, способствующих развитию экономических и гуманитарных отношений между Дальним Востоком России и Китаем. Назрела необходимость принятия специальных законодательных решений по развитию приграничного сотрудничества [7].

Экономика Приморского края должна перестраиваться относительно экспорта на Китай. В этом плане возможности расширения торгово-экономических отношений связаны с развитием таких секторов экономики края, которые могут интересовать Китай в долгосрочной перспективе. Край обладает обширными территориями для производства сельскохозяйственной продукции, в которой заинтересован Китай. Например, Китай может в неограниченном количестве потреблять продукцию из молока. В связи с этим в крае необходимо развивать молочное животноводство, тем более, что в крае очень высокая потребность в говяжьем мясе. Производство кормов для животноводства может быть, как важной компонентой поддержки сельского хозяйства края, так и экспортной составляющей. Китай вообще интересует производство экологически чистых продуктов питания. Спрос на такую продукцию в Китае неуклонно растет. Причем производство такой продукции в самом Китае весьма проблематично. В крае вполне могут быть реализованы производства кормов не только для сельскохозяйственного животноводства, но и для домашних животных, которые имеются в домашних хозяйствах. С развитием сельского хозяйства связано производство высококачественных минеральных удобрений. В этой отрасли можно создавать новые производства, основанные на последних мировых достижениях. Очень большие возможности Приморский край имеет в области развития марикультуры. Китай может в неограниченном объеме потреблять продукцию из морепродуктов. Возможно сотрудничество с Китаем в области налаживания производства лекарственных, стимулирующих препаратов и биологически активных добавок, основанных на местном сырье.

Необходимо заинтересовать китайских партнеров в развитии инфраструктуры Приморского края. В частности, реализация проекта скоростной железной дороги, связывающей Китай и г. Владивосток может в разы увеличить взаимный туризм. С перспективой улучшения отношений между двумя Кореями такая железная дорога может заинтересовать и инвесторов из Южной Кореи. Одним из основных принципов реализации новых проектов прорывной экономики должен стать принцип синергетического эффекта [8].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одна из главных проблем, возникающих у России во взаимодействии с Китаем, – это проблема взаимопонимания и культурной совместимости [9, 10].

Гуманитарное сотрудничество рассматривается как взаимодействие на межгосударственном уровне в области науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций. Гуманитарное сотрудничество является важнейшим инструментом «мягкой силы».

Проблема развития гуманитарного сотрудничества России и Китая широко обсуждается в научных публикациях российских ученых [11]. Эта проблема привлекает внимание и китайских ученых [12, 13].

В настоящей работе предлагаются к рассмотрению результаты анализа данных исследования отношения населения Приморского края к перспективам расширения сотрудничества между Приморским краем и Китаем. Исследование основано на онлайн-опросах населения края. В анкетном опросе приняло участие 1197 респондентов. Анкета включала 23 вопроса, относящихся к исследованию различных аспектов гуманитарного сотрудничества и личностных отношений между народами двух стран. Основными задачами проведенного исследования являются:

– оценка населением Приморского края перспективы развития отношений между Россией и Китаем;

– оценка развития межличностного общения населения Приморского края и Китая;

– влияние этнической толерантности населения на взаимопонимание народов России и Китая;

– исследование отношения населения Приморского края к образовательной системе Китая;

– исследование отношения населения к включению в образовательные программы изучения языка и культуры сопредельных государств;

– определение путей укрепления взаимного доверия и добрососедских отношений между народами России и Китая.

Для анализа данных были использованы методики, которые в течение ряда лет разрабатывались во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса [14]. Рассмотрим результаты анализа данных ответов на некоторые из вопросов анкеты.

Для оценки обобщенной характеристики российско-китайских отношений населением Приморского края был предложен ряд утверждений, которые они должны были оценить в терминах шкалы Лайкерта (табл. 1).

В своем опросе мы исследовали мнение населения Приморского края относительно проблем, сдерживающих расширение экономического сотрудничества между двумя странами. Для выяснения мнений населения края относительно оценки сдерживающих факторов расширения экономического сотрудничества стран в анкету был включен открытый вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, имеются сдерживающие факторы для инвесторов из Китая в Приморском крае?». Свои мнения респонденты могли выражать в произвольной форме в виде текстовых предложений. В одном ответе респонденты могли выделить несколько факторов.

Таблица 1

Распределение оценок респондентов по распространенным утверждениям о китайско-российском сотрудничестве

Утверждения	Совершен-но не согласен	Частично не согла-сен	Трудно сказать, согласен или не согласен	Частично согласен	Полностью согласен
Китай нас спасает от агрессивной политики США. Если бы не экономическая мощь Китая, США устроили бы нам "кузькину-мать".	33%	25%	22%	16%	5%
Китай представляет для России военную угрозу и имеет планы по захвату наших территорий.	38%	23%	18%	16%	5%
Китай представляет для нас экономическую угрозу. Он будет вытеснять нас из среднеазиатских стран.	30%	25%	20%	20%	6%
Расширение экономического сотрудничества России и Китая очень выгодно для развития Дальнего Востока России.	13%	12%	13%	23%	38%
Китай - это стратегический партнер России на длительную перспективу и нужно расширять сотрудничество с Китаем во всех сферах.	15%	12%	12%	22%	39%

В результате обработки качественных данных были выделены 26 типологий факторов, которые могут сдерживать китайских инвесторов в их желании участвовать в развитии экономики Приморского края. Для разработки типологий по данным открытых вопросов была использована специальная компьютерная технология, рассмотренная в работе [15]. Десять наиболее значимых факторов представлены на рис. 1.

В последние два года в Приморском крае наблюдается значительный рост потока китайских туристов. Поэтому в анкету был включен вопрос: «Как Вы относитесь к росту туристского потока из Китая в Приморский край?».

Рис. 1. Частотные характеристики встречаемости типологий факторов, сдерживающих активность китайских инвесторов (топ-10)

Структура оценок отношения населения края к возрастанию потока китайских туристов:

– положительно, туризм несет экономические выгоды для Приморского края – 46%;

– положительно, туризм способствует развитию взаимопонимания между народами – 35%;

– отрицательно, китайцев и так много в Приморском крае, они лишают коренных жителей жизненного пространства – 12%;

– отрицательно, китайцы скупают наши товары и из-за этого в Приморском крае растут цены – 6%.

Население Китая тоже меняет свое отношение к россиянам в сторону дружественного расположения. Население края считает, что китайские граждане настроены положительно к развитию российско-китайских отношений. Свое мнение жители края выразили при ответах на вопрос: «Как вы оцениваете отношение большинства простых людей в Китае к населению России?». Более половины населения считает, что китайцы испытывают дружеские чувства к россиянам (рис. 2).

Рис. 2. Распределение оценок восприятия населением Приморского края отношения китайцев к гражданам России

Созданию положительного имиджа Приморского края в немалой степени может содействовать расширение туристских обменов [16, 17].

Список литературы и источников

1. Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8. № Supplement. – С. 6-10.

2. Мартышенко С.Н. Концептуальные модели управления качеством жизни. Аналитический обзор // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2014. – № 2. – С. 80-92.

3. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Уровень жизни населения и потенциал социальной сферы в регионах Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 1 . – С. 18-25.

4. Жариков Е.П. Новые возможности и реалии развития экономики Дальнего восточного региона // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. – 2015. – № 1 (34). – С. 9-23.

5. Ситникова Я.В., Карицкая И.М. Российско-китайское сотрудничество: пять факторов сдерживания // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10-1 (52). – С. 38-40.

6. Иванова Е.Г., Костюкова О.И. Проблемы Российско-китайского сотрудничеств: взгляд из России и Китая // Инновационное развитие экономики. – 2016. – № 2 (32). – С. 224-230.

7. Ерохина Е.В., Раевский С.В. Приграничное сотрудничество в новом формате развития (на примере Приморского края) // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 4. – С. 37-48.

8. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С., Гусев Е.Г. Оптимизация календарного плана реализации программ на основе синергетического подхода // Проблемы теории и практики управления – 2008. – №6. – С. 90–97.

9. Коновалова О. Н., Чистая К. С. Торгово-инвестиционное сотрудничество России и Китая: текущее состояние, риски, проблемы и препятствия // Инновационная экономика и общество. – 2015. – №. 2. – С. 41-51.

10. Россия и Китай: 20 предложений для экономического, научного и гуманитарного партнёрства. Российский совет по международным делам (РСМД) // в кн.: Ли Син, М.В. Братерский, Д.А. Савкин (ред.) Россия и Китай в евразийской интеграции. – М., – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 319-336.

11. Горобец Л.А. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в Дальневосточном регионе // Дискуссия. – 2014. – № 1. – С. 30-36.

12. Ли М. Современное гуманитарное сотрудничество между КНР и РФ //Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 28-30.

13. Шо В., Мэнлун Л. К вопросу о китайско-российском гуманитарном сотрудничестве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 107-111.

14. Мартышенко Н.С. Методика сбора и обработки данных для оценки структуры потребителей услуг туристского комплекса региона // Практический маркетинг. – 2009. – № 11. – С. 16-28.

15. Martyshenko S. N., Egorov E. A., 2011. Information Technology for Increasing Qualitative Journal of Modern Applied Statistical Methods. – 2011. – Т. 10. – № 1. – С. 207-213.

16. Мартышенко Н.С. Формирование Ивент-стратегии развития въездного туризма в Приморском крае // Event-маркетинг. – 2012. – №3. – С. 178-197.

17. Топоркова Е.П., Чжоу Л. К вопросу исследования восприятия имиджа территорий России и Китая: приграничный аспект // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 1. – С. 48-51.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЮЖНУЮ КОРЕЮ

СКРЫБЫКИНА Мария Семеновна, студент, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: mskrybykina_95@mail.ru

LABOR MIGRATION FROM THE FAR EAST OF RUSSIA TO SOUTH KOREA

Mariia S. SKRYBYKINA, student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: mskrybykina_95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме нехватки трудовых ресурсов в регионе, обусловленное оттоком населения, нелегальные заработки жителей Российского Дальнего Востока в Южную Корею. В тексте обсуждается возможность применения концепции Грановеттера “сила слабых и сильных связей”, что позволило бы объяснить данный феномен. Выявлены и обоснованы подходы для дальнейшего исследования. Предполагается сбор данных с помощью качественных интервью с людьми, оказывающими помощь при поиске и устройстве на работу в Южную Корею, и непосредственно с работавшими нелегальными работниками.

Ключевые слова: социальные сети, слабые социальные связи, рынок труда, Дальний Восток, Южная Корея, нелегальная работа

Abstract. The article is devoted to the problem of shortage of labor resources in the region, caused by the outflow of the population, illegal earnings of residents of the Russian Far East to South Korea. The text discusses the possibility of applying the concept of Granovetter “the strength of weak and strong ties”, which would explain this phenomenon. Approaches for further research are identified and substantiated. It is supposed to collect data by means of qualitative interviews with the people giving help at search and the device on work in South Korea, and directly with the working illegal workers.

Keywords: social networks, weak social ties, labor market, Russian Far East, South Korea, illegal work

Введение. Дальний Восток России в последние годы снова стал объектом пристального внимания федеральных властей. В фокусе обсуждения –богатейшие природные ресурсы, выгодное географическое расположение, близость азиатских рынков, новые проекты развития.

В связи с этим, снова заговорили и о дефиците трудовых ресурсов, которые потребуются для развития региона в ближайшие годы. Так, по оценкам Агентства по развитию человеческого капитала, к 2021 году появится 90 тысяч новых рабочих мест за счет предприятий в ТОРах и Свободного порта Владивосток [1]. При этом демографическая ситуация нельзя назвать благоприятной: на территории 6216 тыс. кв. км проживает всего около 6 млн. чел., что составляет 4,6% населения страны. Численность населения уменьшается как за счет миграционного оттока, так и за счет естественной убыли. Даже без создания новых рабочих мест, уже сейчас, по оценкам экспертов, для региона характерен острый дефицит кадров, который пока работодатели компенсируют за счет привлечения иностранных работников и жителей других субъектов России [2].

На этом фоне достаточно странным выглядит тот факт, что дальневосточники в последнее время стали уезжать на заработки в Южную Корею. Странным это явление делает характер занятости и места работы, которые они выбирают. Речь идет о тяжелых условиях труда, интенсивном графике работы и неформальном найме, часто – в нелегальном статусе (работа по туристической визе или вовсе нарушение, «просрочка» времени пребывания в стране). Как можно это объяснить? Кто и зачем выбирает нелегальный статус в другой стране? Только ли соотношение спроса и предложения на рынке труда определяет ситуацию?

Социальные сети на рынке труда. Согласно экономико-социологической концепции рынка, характеризуется “как переплетение социальных сетей (social networks), под которыми понимается совокупность устойчивых связей между его участниками” [3].

Наиболее часто концепция социальных сетей используется для объяснения феноменов, происходящих на рынке труда. Соответствие между спросом и предложением на рынке труда устанавливается с помощью сетей, например, неформальный разговор знакомых людей об открывшейся в вакансии в компании одного из них, еще не просочившаяся через официальные каналы, возможна работа более высокого качества (заработная плата, новое место занятости). Грановеттер подчеркивает, что текучесть кадров меньше в тех компаниях, где подбор персонала осуществлялся через сети. Многие исследователи утверждают, что мобильность и быстрый карьерный рост характерен сотрудникам, нанятыми через сетевые связи [4].

Часто “сети” используются для исследования неформальной экономики, т. ч. занятости: устный, бесконтрактный найм. Согласно исследованиям С.Ю. Барсуковой, теневой рынок труда представляет собой сложные сети взаимосвязей работника и работодателя в условиях неформальных договоренностей [5].

Исследования механизмов поиска работы показали, что в большинстве случаев о новой вакансии люди узнают через какую-то свою “слабую связь”, через некоего знакомого, чем через “сильную связь” (близкий друг, родственник). Объясняется тем, что близкий круг людей осведомлены одними и тем же контактами и информацией. А наоборот дальние знакомые предоставляют новую информацию, расширяя круг знаний и знакомств [6]. [4] Также Берт уточняет, “менее образованные индивиды с большей вероятностью ограничивают своей круг общения родственниками и “сильными связями” [7]. Образованному человеку легче расширить свой круг общения, использовать все виды контактов в силу своих компетенций и умений.

Используя данные теоретические рамки, рассмотрим более подробно результаты поискового исследования описанного выше феномена.

Характеристика трудовой миграции из России в Южную Корею. С 1990-х годов возникают нелегальные работы в Южную Корею, в Пусан, первооткрывателями были моряки. Дальневосточники возвращались с “хорошими деньгами” и “нужными связями”. Впоследствии через эти “связи” другие жители ДФО могли поехать на заработки. В конце 1990-х годов происходит некоторые

изменения в южнокорейском законодательстве, касающегося зарубежных соотечественников, трехмесячных въездных виз для российских корейцев [8].

Сейчас, как показало поисковое исследование, для того, чтобы попасть в Южную Корею и нелегально устроиться на работу, не нужно оформлять особых документов. Любой гражданин России может находиться на территории страны до 60 дней без визы, но также можно и оформить документы (рабочая виза) на три месяца примерно за сто долларов [9].

Чтобы устроиться на работу на работу в Корее, нужно лишь найти агентство или агента в России, который даст консультацию, поможет оформить билеты и объяснит, как из аэропорта в Сеуле добраться до нужного населенного пункта, или даже встретит, поможет выйти из трудной ситуации. Объявления о «помощи» в трудоустройстве можно в избытке найти в сети. [10, 11, 12, 13] Агенты предоставляют консультации, продают номера проверенных посредников.

Исходя из материалов форумов и объявлений, зарабатывают в Корее чаще всего трудясь на полях на сельскохозяйственных работах, вредном производстве (работа с химикатами) и в строительстве, едут хостес (консумация) в караоке клубах, работать официантами. Можно поехать на «арбайт», когда каждый день работника нанимают разные начальники. Условия проживания также не всегда комфортные. Люди обходятся без минимальных удобств, рабочий день может составлять 12 часов в сутки. В целом, такие вакансии относятся к категории низкоквалифицированных и вредных для здоровья. При этом заработная плата, высокая по дальневосточным меркам, низкая для среднего уровня в Корее.

На форумах люди пишут, что в основном едут из-за долгов, большой нужды. Возраст не ограничен, есть студенты, взрослые, пенсионеры, в основном малообразованные люди. Многие форумчане отмечают, что хотя и риск быть пойманным и депортированным высок, они предпочитают работать там, так как риски работы вахтой также велики. При этом заработная плата в Южной Корее выше той, которую предлагают работодатели за подобные вакансии на Дальнем Востоке. [14, 15, 16]

Таким образом, поисковое исследование показало, что основной механизм поиска работы и неформального трудоустройства дальневосточников в Южной Корее – это использование «слабых связей». Однако, мы также увидели, что речь о низкоквалифицированных местах работы, что ставит под сомнение выводы исследователей о том, что через «слабые связи» с большей вероятностью работу находят более образованные люди. В соответствии с этим, мы можем поставить следующие исследовательские вопросы:

- кто едет в Южную Корею на работу? какова их трудовая история?
- каковы причины/мотивы выбора нелегального статуса и предпочтение устного найма формальному?
- как происходит выбор посредника при трудоустройстве? какие существуют стратегии поиска работы?
- какие правила существуют на этом рынке?
- каковы риски? как происходит (если происходит) оценка такого риска?

Основными методами эмпирического исследования, таким образом, будут интервью, включенное наблюдение, контент-анализ.

Заключение. Действительно проблема нехватки трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе является колоссальной, на фоне массового оттока дальневосточников на заработки в Южную Корею.

Данная тема подлежит дальнейшему изучению. Предполагается сбор данных с помощью качественных интервью с людьми, оказывающими помощь при поиске и устройстве на работу в Южную Корею, и непосредственно с работавшими нелегальными работниками. А в дальнейшем возможно включенное наблюдение на поле. Данные подход поможет детально рассмотреть проблему, выявить причины, и ответить на вопросы: Как можно это объяснить? Кто и зачем выбирает нелегальный статус в другой стране? Только ли соотношение спроса и предложения на рынке труда определяет ситуацию?

Список литературы и источников

1. Навигатор профессий, востребованных на Дальнем Востоке в 2017-2022 годах / АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке». 4 издание, 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://hcfe.ru/upload/iblock/017/017a54f3e4abef5eb73b70a58ffe6b41.pdf
2. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Миграционные процессы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока вектор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_25389208_85312325.pdf
3. Радаев В.В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 2. С. 47-54.
4. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология: электронный журнал Том 4. № 3. 2003 С 61-105.
5. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / Издательский дом ГУ ВШЭ, М. 2004. С 227-292
6. Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод) // Экономическая социология: электронный журнал Т. 10. № 4. 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf#page=4
7. Burt R. S. Kinds of Relations in American Discussion Networks, in: Calhoun, C. et al. (eds.) Structures of Power and Constraint: Papers in Honor of Peter M. Blau. N.Y.: Cambridge University Press, 1990.
8. Забровская Л. В. Место Российских мигрантов на южнокорейском рынке труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: elibrary_15209778_75243356.pdf
9. Материалы СМИ: Работа в Южной Корее: хабаровчанин рассказал о жизни в чужой стране, деспотичном начальстве и «диких» местных жителях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/08/26/54648/#ixzz5FEZ4a5Qe
10. Сайт компании «Перун» https://perune.ru/main/4-o_kompanii.html
11. Сайт Туристической компании "Korea25" (помощь по трудоустройству в Южной Корее/Израиле) http://www.работатьзаграницей.рф/
12. Сайт компании Work in Korea https://workinsouthkorea.ru/
13. Сайт компании Bona Job http://korea-rabota.com/about-us/
14. Сайт форума «Работа в Южной Корее https://forums.drom.ru/vladivostok/t1152220426.html
15. Сайт форума «Работа в Южной Корее» https://forum-rabota-v-koree.blogspot.ru/
16. Сайт форума http://www.korea-travel.ru/forum/5
17. Мотрич Е. Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_demogr.htm/.
18. Мотрич Е. Л., Найден С.Н. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://elibrary.ru/item.asp?id=15209778/.

ОГРАНИЧЕННАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-12 10001

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: Yachin.se@dvfu.ru

THE LIMITED INTERNATIONALIZATION OF THE TERRITORY AS A TOOL TO IMPROVE THE INVESTMENT AND MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE REGION

Sergei E. YACHIN, Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Yachin.se@dvfu.ru

Аннотация. Ограниченная интернационализация территории рассматривается применительно к условиям развития Дальневосточных регионов России. В перспективе дальнейшего сокращения народонаселения России проблема состоит в недостаточной инвестиционной и миграционной привлекательности этих регионов для иностранных партнеров. Причина видится в отсутствии принципиальных гарантий обеспечения длительных интересов инвесторов и привлекаемых человеческих ресурсов. Такого рода гарантии могут быть обеспечены особым концессионным режимом ограниченной интернационализации отдельных участков территории региона. При создании такого режима может быть учтен опыт создания интернациональных промышленных кластеров.

Ключевые слова: Интернационализация территории, интернационализация кластеров, привлекательность региона, человеческие ресурсы.

Abstract. Limited internationalization of the territory is considered in relation to the development conditions of the Far Eastern regions of Russia. In perspective of the further reduction of the population of Russia the problem is the insufficient investment and migration attractiveness of these regions for foreign partners. The reason is seen in the absence of fundamental guarantees to ensure long-term interests of investors and attracted human resources. Such guarantees can be provided by a special concession regime for limited internationalization of certain sections of the territory of the region. When creating such a regime the experience of creating international industrial clusters can be taken into account.

Keywords. Internationalization of the territory, the internationalization of clusters, the attractiveness of the region, human resources.

Интернационализация как формат международного (межгосударственного) использования некоторого ресурса довольно широко распространена в современном мире. Она широко обсуждается и используется как особый режим при организации промышленных кластеров [1; 2], в транспортных перевозках и международной торговле [3], касается структуры человеческого капитала [4], безусловно относится к условиям развития инновационной экономики [5], особенно много о ней говориться применительно к условиям современного высшего образования. Имеется и международный опыт интернационализации внутренних регионов страны [6; 7] – пример, который для нас особенно важен. Однако такой режим не используется, если дело касается суверенной территории того или иного государства. Причины понятны: территория является государственно образующим ресурсом и потому ни одно государство конститутивно не может добровольно отказаться даже от какой-либо его части. Признавая это ограничение, мы будем говорить об *ограниченной интернационализации*, подразумевая, что государство сохраняет свой суверенитет над территорией, передавая его часть в регламентированное соглашением использование другим государствам. Такого рода использование почти ничем не будет отличаться от концессии, кроме решающего условия *множественности*. Условие состоит в том, что территория не может быть передана в концессию только одному иностранному пользователю, но предполагает *равные* условия для некоторого их числа. Поскольку в концессию передается земельный ресурс (территория), то условием сохранения суверенитета будет является не только контроль со стороны государства-дателя, но и ограничение со стороны другого концессионера, поскольку границы “участков” могут и должны соприкасаться.

Почему этот вопрос актуален для России и особенно для её Дальневосточных территорий? Всё дело в решающем противоречии между огромной территорией и сокращающейся численностью населения. Вплоть до такого момента, когда эту территорию будет просто некому охранять. У нас нет

никаких оснований подвергать особому сомнению прогнозы ООН, согласно которым, численность населения России к середине 2030 года снизится до 138,7 миллиона человек, (с вероятностью 80% составит от 136,3 до 141,1 миллиона человек, а с вероятностью 95% - от 135,1 до 142,5 миллиона человек), а к 2050 году с вероятностью 95% составит от 119,1 до 138,6 миллиона человек, (по медианному варианту прогноза – 128,6 миллиона человек). К 2050 году убыль населения увеличится по медианному прогнозу до 10,4% по сравнению с 2015 годом, а с вероятностью 95% - от -17,0% до -3,4%. Что касается миграции, то она в прогнозах ООН (пересмотр 2015 года) для России предполагает снижение значения коэффициента миграционного прироста с 1,6‰ в 2010-2015 годах до 1,1‰ в 2015-2020 годах и 0,7‰ в 2020-2070 годах. В абсолютном выражении гипотеза состояла в том, что величина миграционного прироста снизится с 1118 тысяч человек за 2010-2015 годы (по 224 тысяч человек в среднем за год) до 809 тысяч человек за 2015-2020 годы (162) и 500 тысяч человек за все последующие пятилетия до середины века (по 100 тысяч человек в среднем за год). Предполагалось, что к концу века миграционный прирост сократится до 50 тысяч человек в год [8].

Только в рамках этой общей демографической и миграционной тенденции следует оценивать перспективы развития регионов Дальнего Востока России. Примем, что без такого развития Россия не сможет стать равноправным партнером близлежащих стран Восточной Азии, а без наличия человеческих ресурсов такая цель недостижима. Она будет также недостижима на пути внутреннего перераспределения населения страны. Можно себе представить (но только теоретически), что отдельный регион будет поставлен в исключительно благоприятные условия за счет государственных и с ними связанными частными инвестициями. Но такая политика приведет к ухудшению ситуации в других регионах, что бумерангом приведет к её коррекции и т.д. В общем и целом, ситуация понимается, что без притока внешних инвестиций и следующих за ними внешних человеческих ресурсов проблемы Дальнего Востока не решить. Следствие таково: политика повышения внутренней привлекательности территории для населения страны кардинально не решает проблемы развития как страны, так и самого региона. Ключевым становится вопрос внешней привлекательности региона для инвестиций, людей, технологий. Именно недостаток этой привлекательности тормозит развитие.

Зададим вопрос, почему многочисленные инициативы по повышению привлекательности для иностранных инвестиций в Дальневосточном регионе России не дают особого эффекта? Какого рода стимулы должны работать, чтобы придать хотя бы некоторым районам ДВ «внешнюю привлекательность»? Если речь идет о крупных инвесторах и значимых миграциях (которые всегда выступают и происходят под эгидой своего государства), то ведущим условием и стимулом является не прибыль, но гарантия надежности на длительную перспективу. (Предпринимательские риски в обмен на повышенную норму прибыли это прерогатива малых и средний предприятий). Именно отсутствие таких гарантии надежности, является основным тормозом для привлечения в регион базовых ресурсов развития. В качестве примера можно взять проекты по созданию территорий опережающего развития (ТОРы), проект свободного порта во Владивостоке или давнюю программу развития г. Владивостока как центра международного. сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При всей позитивности программ они даже по замыслу не способны сделать регион конкурентоспособным относительно других Центров развития АТР и СВА.

Гипотеза состоит в том, что такого рода стимулам для инвестора и качественных миграций будет политика органической интернационализации территории. Только система концессий на длительное использование участков территории позволит поставить регион в привилегированное положение относительно конкурентов за инвестиции и человеческие ресурсы. Расчет основан на том, что в условиях демографического и миграционного давления земельные ресурсы (с точки зрения простора проживания для людей) будут приобретать всё большую мировую ценность. Отсюда заинтересованность некоторых государств, в использовании свободных территорий, явный уже сегодня, будет только возрастать.

Этой необходимости противостоит устойчивая национальная традиция держать под контролем все движения людских, финансовых, информационных и пр. ресурсов. Цена контроля настолько

повышает транзакционные издержки, оказывается настолько велика, что она закрывает всякие перспективы повышения конкурентоспособности национальной экономики. Примерный подсчёт этих издержек может быть оценен числом занятых в сфере контроля и охраны. Так уже сегодня говорить-ся о том, что абсолютная и относительная численность органов МВД и ФСБ превосходи соответствующую в СССР начала 50-х годов [9]. В целом в такой *непроизводительной сфере деятельности* как контроль и охрана занято не менее четверти трудоспособного населения страны. При уменьшении численности собственного населения, но при том же режиме контроля, эта доля может только возрастать.

Интернационализация территории предполагает передачу некоторых функций контроля её администрации, которая по условиям концессии должна быть иностранной. Для этого в первом приближении подходит *риск-ориентированного подхода,* механизм которого в принципе разработан и даже утвержден на уровне правительства. Однако его внедрение наталкивается на сильнейшее противостояние самих контрольных органов, для которых жизненно важно нормативно оправдать свою «полезность».

Ориентируясь на мировой опыт интернационализации производственных кластеров, “чистый” экономический эффект создания которых состоит в снижении транзакционных издержек [2], применительно к нашим условиям и сохраняя принцип кластеризации, к нему следует добавить политико-административный эффект интернационализации самой территории. Без этого условия эффективное экономическое развитие демографически депрессивных регионов – невозможно.

Список литературы и источников

1. Фияксель Э.А., Назаров М.Г., Исланкина Е.А. Интернационализация кластеров как инструмент повышения национальной конкурентоспособности: европейский опыт // Инновации. 2013. № 2 (172). С. 86-95.
2. Исланкина Е.А. Теоретические аспекты интернационализации кластеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 1 (1), с. 36–45.
3. Кизим А.А. Интернационализация транспорта - ключевая составляющая развития мировой торговли // Экономика устойчивого развития. 2012. № 11. С. 137-143.
4. Сухов А.А. Интернационализация структуры человеческого капитала в условиях глобализации экономики // Научные исследования и разработки. Экономика. 2013. Т. 1. № 1 (1). С. 32-36.
5. Баёв С.А. Интернационализация инновационной деятельности как фактор преодоления деструктивных процессов в экономике России // Инновации и инвестиции. 2012. № 1. С. 172-174.
6. Карижский В.С. Интернационализация региональной экономики // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 11. С. 40-42.
7. Сазонов М.А. Внутренняя интернационализация японских регионов //Власть. 2013. №3. С.151-153.
8. Институт демографии Высшей школы экономики. «Демоскоп Weekly». № 717 – 718. 20 февраля - 5 марта 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/tema05.php
9. News. Экономика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news2.ru/story/276242/

РАЗДЕЛ 5
МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В ПРИМОРЬЕ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, АДАПТАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: argudiaeva@mail.ru

RUSSIAN OLD BELIEVERS FROM SOUTH AMERICA IN PRIMORYE: MIGRATION, ADAPTATION, PROSPECTS

Julia V. ARGUDYAEVA, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: argudiaeva@mail.ru

Аннотация. Изучение русских старообрядцев, прибывших в Приморский край с южноамериканского континента, актуально в связи с важной ролью русских в трансляции и сохранении русской культуры в Зарубежье и решением возвратившимися в Россию старообрядцами сложной демографической проблемы в Приморье, характеризующейся продолжающимся оттоком трудоспособного населения и необходимостью дальнейшего заселения дальневосточных земель российскими гражданами. Исследуется краткая история переселения русских старообрядцев в Приморье во второй половине XIX – начале XX в., их эмиграция в Маньчжурию в 1920-е – 1930-е гг. и с азиатского на американский континент в 1950-е–1960-е гг. Характеризуются особенности адаптации русских старообрядцев к повседневной жизни в принимающих странах Южной Америки. Отмечена важная роль религиозных воззрений старообрядцев в сохранении и развитии русской культуры на американском континенте. Указываются основные причины реэмиграции потомков старообрядцев-эмигрантов в Приморский край в начале XXI в. Анализируется роль Агентства по развитию человеческого капитала Министерства по развитию Дальнего Востока в адаптации южноамериканских старообрядцев к условиям жизни в Приморье. Исследование проводилось комплексно, с использованием историко-сравнительного, ретроспективного, хронологического и др. методов, среди которых важнейшими были метод включённого наблюдения и интервьюирования.

Ключевые слова: русские, старообрядцы, переселение, эмиграция, реэмиграция, религия, традиционная русская культура, Приморье, Маньчжурия, Южная Америка.

Abstract. The study of Russian old believers who came to Primorsky Krai from the South American continent is relevant in connection with the important role of Russians in broadcasting and preserving Russian culture in foreign countries. And also with the decision, the old believers who returned to Russia, the complex demographic problem in Primorye, characterized by the continuing migration of the able-bodied population and the need for further settlement of the far Eastern lands by Russian citizens. The article examines the brief history of the resettlement of Russian old believers in Primorye in the second half of the 19th-early 20th century, their emigration to Manchuria in the 1920s-1930s and from Asia to the American conti-

nent in the 1950s-1960s. There are describes the characteristics of the adaptation of Russian old believers to everyday life in the host countries of South America. Further, the important role of religious views of old believers in the preservation and development of Russian culture in the Americas was noted. The author points out the main reasons for the reemigration of the descendants of old believers-emigrants to Primorsky Krai in the early XXI century. Also, analyzes the role of the Agency for human capital development of the Ministry for the development of the Far East in the adaptation of South American old believers to living conditions in Primorye. This study was conducted in a complex, using historical-comparative, retrospective, chronological and other methods, among which the most important were the method of included observation and interviewing.

Keywords: Russians, old believers, resettlement, emigration, reemigration, religion, traditional Russian culture, Primorye, Manchuria, South America.

Появление русских старообрядцев на территории Южной Америки, а оттуда в Приморском крае (Приморье) − свидетельство интенсивной миграционной подвижности этой общности русского народа. Повседневная жизнь этой самобытной, устойчивой к изменениям, хорошо сохранившей народные и православные традиции группы русских, существование которой на современной этапе жизни в той форме, в которой она смогла сохраниться в мировом сообществе − можно считать явлением уникальным.

Краткая история переселения старообрядцев в Приморье и их эмиграция в Маньчжурию. Первые компактные группы русских старообрядцев, так называемых «семейских», попали в Приморье (в прошлом - Южно-Уссурийский край Приморской области) ещё в 1869 - 1870-е гг. с Аянского тракта, соединявшего Якутск с портом Аян на Охотском море. Они поселились по берегам оз. Ханка и на юге Южно-Уссурийского края, образовав несколько новых деревень.

В последующие годы старообрядческие общины Южно-Уссурийского края пополнились другими группами старообрядцев - поповцами и разными толками беспоповцев из регионов центральной части России, Урала, Алтая, Сибири, Забайкалья и Амурской области, создав своеобразный, русский по языку и культуре, региональный комплекс в Приханкайской низменности, предгорьях Сихотэ-Алиня и на побережье Японского моря. Основная часть старообрядцев Приморья относилась к часовенным − переходным между старообрядцами-поповцами и старообрядцами-беспоповцами согласием.

В 1920-е −1930-е гг., в период Гражданской войны, коллективизации, атеизации и репрессий часть приморских старообрядцев тайно эмигрировала в Маньчжурию и недалеко от Харбина основала несколько русских деревень, в которые они перенесли и сохранили, во многом благодаря религии, традиции русской культуры в хозяйственной деятельности, материальной культуре, семейном и общественном быту.

Жизнь русских старообрядцев в Маньчжурии и эмиграция на американский континент. Основные занятия старообрядцев в Маньчжурии - земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, которые практически полностью обеспечивали старообрядческие семьи всем необходимым [1, с. 90-102]. С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии некоторых мужчин-старообрядцев, обвинив их в незаконном переходе границы, увезли в СССР и подвергли репрессиям. Часть их семей возвратилась в СССР, но многие, после победы в Китае коммунистов в 1949 г. отправились, при помощи различных иностранных фондов, в страны АТР, в основном в Бразилию.

Жизнь русских старообрядцев в Южной Америке. В Бразилии переселенцам-старообрядцам была выделена земля, продукты, сельхозтехника. Однако старообрядцев не устраивали ряд условий (сильная жара, низкие цены на зерно, обилие насекомых, невозможность получить урожай при отсутствии удобрений и др.). В итоге многие из них, при помощи спонсоров, переселились в 1960- 1970-е гг. в США и Канаду, где хорошо сохранили русскую культуру [2, с. 64-74]. Часть старообрядцев, прожив несколько лет в Бразилии, перебралась в соседние Боливию и Уругвай. Основные причины переезда старообрядцев в Боливию − радушный прием со стороны боливийского правительства, заинтересованность местных заводов по производству растительного масла, куда

можно было сдать выращенную сою, возможность получать урожай без удобрений. В повседневной жизни южноамериканские старообрядцы хорошо сохранили традиционную русскую культуру и свои религиозные воззрения.

С приходом к власти в Боливии президента Эво Моралеса, у староверов этой страны возникли серьёзные проблемы в пользовании землёй. Именно после этого активизировался процесс обратного переселения старообрядцев в Россию из Боливии и Уругвая, хотя желание перебраться в Россию у многих южноамериканских старообрядцев возникло давно. Особенно оно усилилось в последние годы благодаря не только развитию межгосударственных отношений между южноамериканскими странами и Россией, но и созданию в России в 2006 г. государственной Программы «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Жизнь русских старообрядцев-реэмигрантов в Приморье. В январе 2009 г. в Приморский край прибыли из Уругвая первые две старообрядческие семьи, не являвшиеся участниками госпрограммы по переселению соотечественников. Они выбрали для жительства старообрядческое с. Дерсу (в прошлом ─с. Лаулю) Красноармейского района Приморского края.

Программа об оказании содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, начала действовать в Приморском крае с 2007 г. Её основная цель─ стабилизация демографической ситуации в крае, которая характеризовалась снижением общей численности населения за счет естественной убыли и миграционного оттока. В 2010 – 2012 гг. этой Программой воспользовались несколько старообрядческих семей из Боливии и Уругвая, которым были возмещены транспортные расходы и выплачены подъемные. Все получили российское гражданство. Они поселились вначале в с. Корфовка под Уссурийском, где у них возникли ряд проблем, связанных с получением земли, сбытом сельхозпродукции и др. В итоге, почти все они в 2012 г. перебрались в с. Дерсу. В 2014-2015 гг. из Боливии в Приморье подъехало ещё несколько старообрядческих семей, поселившихся в Дальнереченском районе Приморского края (с. Любитовка, хутор Русский флаг). Несколько старообрядческих семей с. Дерсу в 2015 г. перебрались в Амурскую область и обосновались около г. Свободный.

Адаптация южноамериканских старообрядцев к природной среде Приморья проходила успешно. Они научились охотиться в тайге, рыбачить в местных реках, привыкли к зиме. Иное дело ─ хозяйственная и социальная ситуации. В этих сферах до 2017 г. были некоторые сложности. В 2017 г. начались определённые позитивные подвижки в жизнедеятельности переселенцев-старообрядцев. В частности, 16 марта 2017 г. произошла историческая встреча президента РФ В.В. Путина с предстоятелем Русской Православной старообрядческой церкви митрополитом Московским и всея Руси Корнилием. На встрече, в том числе, была затронута тема ситуации, в которой оказались старообрядцы, приехавшие на Дальний Восток из Южной Америки. Президент обещал обратить внимание на этот вопрос. Это событие стали своеобразной переломной вехой в долгом и очень не простом пути русских старообрядцев, пожелавших вернуться на родину своих предков.

В апреле и декабре 2017 г. прошли, в формате видеоконференций, связавшей Владивосток, Благовещенск, с. Рощино Красноармейского района Приморского края и Москву, совещания «Возвращение староверов на Дальний Восток», которые провёл министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка.

По итогам этих конференций были предприняты ряд шагов, позволивших кардинально изменить ситуацию в отношении южноамериканских старообрядцев – реэмигрантов. К решению обозначенных проблем было привлечено одно из структурных подразделений Минвостокразвития РФ - Автономная Некоммерческая Организация «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке». Им, в частности, летом 2017 г. было организовано в Приморском крае и Амурской области этносоциологическое обследование жизнедеятельности прибывших в Россию зарубежных старообрядцев, разработаны дорожные карты федерального и регионального уровней, проведён телефонный опрос среди некоторых старообрядцев, живущих в Австралии и Южной Америке для определения их

планов переселения в Россию, проделана и другая работа. В частности, некоторые старообрядческие семьи получили земельные наделы (по 300 и более га), сельхозтехнику, были заключены договора купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан с общим объемом 300 куб. м.; оказана всесторонняя консультационная помощь по мерам государственной поддержки в области сельского хозяйства (регистрация крестьянских фермерских хозяйств (КФЛ); подготовка документов на безвозмездное и арендное пользование земельными участками и пакета документов по программе «Начинающий фермер» по направлению «молочное животноводство»), и др. Были также решены ряд социальных проблем (обустроены дороги, запущен дополнительный дизель-генератор для обеспечения бесперебойного электроснабжения, построены несколько новых домов; сооружена новая паромная переправа повышенной грузоподъемности через р. Большая Уссурка в Приморье, осуществлены ряд мер социальной поддержки: предоставлена ежемесячная денежная выплата по случаю рождения третьего ребенка или последующих детей до достижения ими возраста трех лет; вручены сертификаты на материнский капитал; улучшено медицинское обслуживание и др.).

В настоящее время число старообрядцев-реэмигрантов в Приморье (с. Дерсу, с. Любитовка, хутор Русский Флаг) составляет около 100 чел. Постепенно южноамериканские старообрядцы стали укореняться и их численность стала расти за счёт браков с местными старообрядцами-часовенными. Девушки вышли замуж за старообрядцев Приморья, Приамурья и Сибири, юноши взяли в жёны местных старообрядок из Приморья и Хабаровского края. В Южной Америке остались близкие родственники старообрядцев-реэмигрантов − женатые сыновья, братья и сёстры со своими семьями. Они приезжают в гости, оценивают остановку, рассуждают о возможности переезда в Россию.

Какой будет дальнейшая судьба этой группы старообрядцев, хорошо сохранивших русский язык и традиционную русскую культуру в хозяйстве, семейном быту, материальной культуре, религии покажет время. Тем не менее, процесс адаптации, хотя и с трудом, постепенно налаживается, и сегодня можно надеяться, что не только для этих, теперь уже приморских старообрядцев, но и для большинства их родственников, ещё остающихся в Южной Америке, их одиссея рано или поздно завершится на их исторической Родине.

Список литературы и источников

1. Хисамутдинов А.А. Старообрядцы: из России в Америку через Китай // Вопросы истории. – 2011, №7. – С. 90-102.

2. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Северной Америке // Вестник ДВО РАН-2011. № 1 – С. 64-74.

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ КНДР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 2007–2017 ГГ.

ВАЩУК Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: va_lina@mail.ru

LABOR MIGRANTS FROM THE PEOPLE'S DEMOCRATIC REPUBLIC OF KOREA IN THE RUSSIAN FAR EAST IN 2007–2017

Angelina S. VASCHUK, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается ситуация в сфере развития миграционных отношений между Россией и КНДР в контексте современной политической ситуации, санкций ООН по КНДР; высказывается гипотеза о последствиях для Дальнего Востока приостановки миграционных связей, дается характеристика численности, сфер занятости трудовых мигрантов. Так как в публикациях встречаются разные сведения по численности северных корейцев, работающих в российских регионах, автор предлагает анализ данных по такому индикатору как численность мигрантов, имевших действительное разрешение на работу. Такой подход обоснован тем, что поток по сравнению с мигрантами из других стран-доноров, отличается самым низким уровнем правонарушений и теневой составляющей.

Ключевые слова: Россия, миграционные межгосударственные связи, Дальний Восток, трудовые мигранты из КНДР, численность, занятость, бытовые условия

Abstract. There elucidated the situation in the sphere of the development of migration relations in between Russia and People's Democratic Republic of Korea within the context of contemporary political situation, sanctions of Organization of United Nations on People's Democratic Republic of Korea against this country. There is represented a hypothesis on consequences of suspending migration ties for the Russian Far East. There is given the characteristic of the size, spheres of employment of labor migrants. So in publications there is different information on the size of North Koreans working in the Russian regions. The author proposes an analysis of data according to such an indicator as the size of migrants those who had an active permission for working. Such an approach is conditioned by the fact that the stream of migrants, as compared with those ones from the other countries, is distinguished with the lowest level of infringement of the law and shady component.

Keywords: Russia, migration inter-states ties, the Far East, labor migrants from People's Democratic Republic of Korea, size of migrants, employment, living conditions.

Тема трудовых мигрантов из КНДР в России анализируется в достаточно сложной информационной и международной обстановке, связанной с военно-политическим курсом США и КНДР, санкциями Совета Безопасности ООН против этого корейского государства. Один из пунктов резолюции ограничивает выдачу разрешений на работу гражданам Северной Кореи [1].

Регулирование отношений России и КНДР в области трудовой миграции. *В конце XX и начала XXI в.* правительство РФ проделало большую работу, чтобы пребывание трудовых мигрантов из КНДР ввести в рамки миграционного законодательства с учетом новых социально-экономических реалий, политических взаимоотношений, а также исторического опыта. В 1997 г. между Правительствами двух государств было заключено Соглашение о взаимных поездках граждан и поездки были переведены на визовую основу. После того как 31 декабря 1998 г. прекратило действие шестое межправительственное соглашение о совместных лесозаготовках, соответствующие службы провели работу по сворачиванию деятельности лесозаготовительного представительства и по вывозу самих лесорубов на родину. Однако в 2000-е годы устойчивые межгосударственные отношения в области трудовой миграции продолжались, они строились на заинтересованности российских предпринимателей и прагматизме руководства КНДР, которое труд своих граждан за рубежом рассматривает как один из путей социальной поддержки определенной части общества и как один из каналов пополнения валюты. Граждане КНДР осуществляют трудовую деятельность в России на основе *межправительственного Соглашения* (31 августа 2007 г.*) и* Федерального закона РФ от 28 ноября 2009 г. № 299 (вступившего в силу 13 декабря 2009 г.) [2].

Деятельность и условия пребывания северных корейцев в РФ, включая оплату их труда, а также приобретение валюты на внутреннем рынке и её вывоз мигрантами, регулируется Соглашением 2007 г. Российские службы следят за соблюдением норм въезда и выезда, режима пребывания, за выдачей разрешений на работу и соблюдением квот. Компании, которые дают работу трудовым мигрантам в России, готовят для них рабочие места, жилье, разрешительные документы, приглашения. Северокорейская сторона до настоящего времени готовила претендентов, которые должны знать азы

русского языка и культуры. Отправку рабочих за рубеж осуществляли государственные компании. Самая известная из них «Рыннадо», «европейские эксперты оценивают её как «северокорейскую мультинациональную корпорацию» [3, с.100]. Корейцы проходили медкомиссию, члены комиссии изучали их на предмет моральной устойчивости. Хотя, по данным экспертов, в условиях трансформации северокорейского общества стала распространяться практика дачи взятки чиновникам за получение разрешения. Это свидетельствует о поездке на заработки в РФ как определенной ценности в современном северокорейском обществе. Правительство КНДР демонстрирует заинтересованность в сохранении миграционных отношений с Россией, но действует с учетом новых реалий.

Численность, сферы занятости, отношение трудовых мигрантов к работе. Вопрос о численности этого трудового иностранного сегмента на российском рынке труда по-прежнему остается непростым. Трудовой поток отличается наименьшими показателями теневой составляющей по сравнению с другими, но в публикациях Росстата можно найти лишь мизерную часть информации. Информационные ресурсы (включая ответы УФМС на наши запросы, изученные экспертные мнения, полевые материалы) позволяют судить об этом процессе в основном на уровне тенденций. В течение последних 8 лет численность северокорейских трудовых мигрантов в России не выходила за пределы 37 тыс. чел., наблюдались определенные всплески и снижения. (Рис.1). Начиная с 2014 г. проявляется тенденция стабилизации, а небольшие колебания динамики в ту или другую сторону можно объяснить политикой безопасности принимающей стороны и субъективными факторами. В конце 2017 г., когда Россия приняла решение присоединиться к санкциям по КНДР, на её территории трудилось 32 тыс. чел., имеющих разрешение на работу. Механизм квотирования в России определяет ограничения для работников из КНДР, впрочем, как для всех иностранных неквалифицированных работников. Доля северных корейцев в общей численности иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в РФ, не превышает 2,2%, за исключением Сахалинской области – 6% и Приморского края – 8,9%.

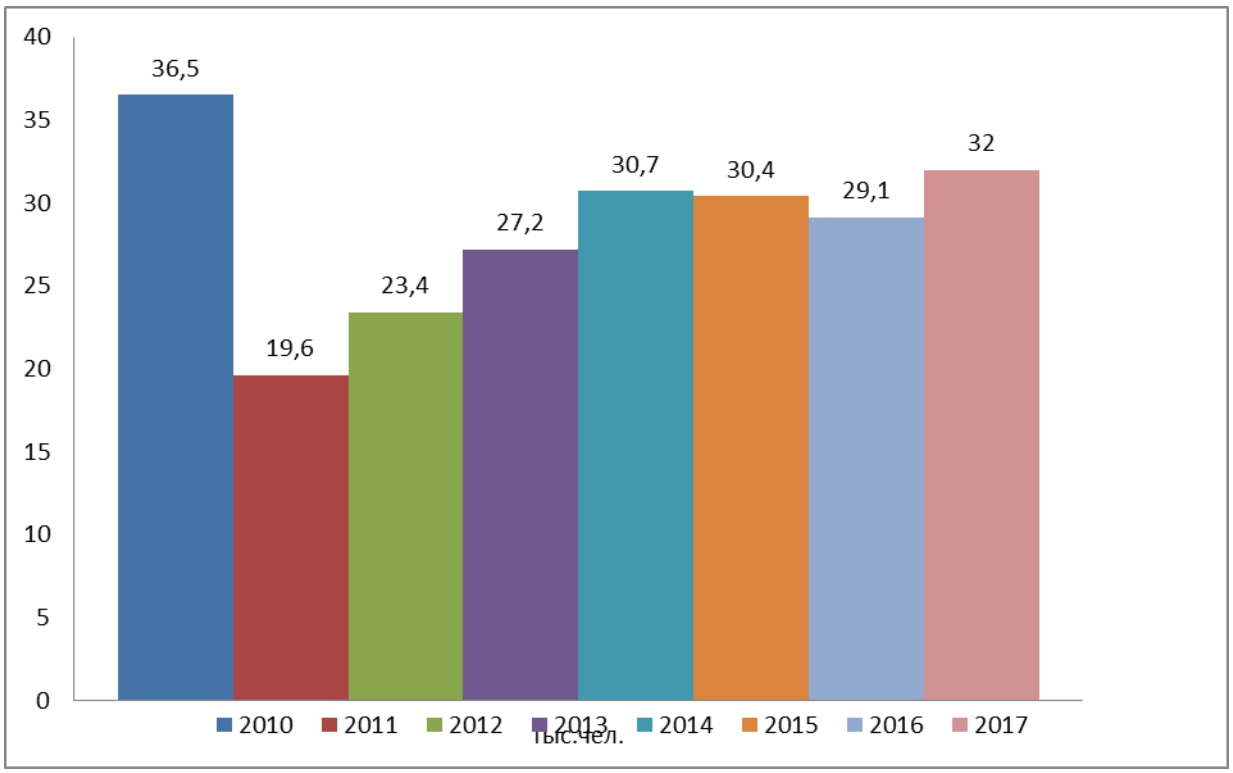

Рис. 1. Динамика численности трудовых мигрантов из КНДР в России, имеющих разрешение на работу (2010-2017 гг.) (тыс. чел.) [4, с.103; 5, с.103]

Распределение трудовых мигрантов из КНДР по российским регионам в течение последних пяти лет было крайне неравномерным, хотя по сравнению с советским периодом география деятель-

ности граждан КНДР в России значительно расширилась. В конце 2017 г. 46% работавших в России из КНДР приходится на Дальний Восток (Рис.2). Наибольшая часть корейцев трудится на территории Приморского края (имеющего границу с КНДР), в отдельные годы число работников из соседнего государства здесь достигало 12 тыс. чел. Сегодня они играют серьезную роль на рынке труда края, особенно в секторе строительства объектов социального жилья. В 2010 г. наблюдался приток на строительство объектов Саммита АТЭС-2012 во Владивостоке. Колебания численности прослеживались даже в зависимости от видов выполняемых работ на разных объектах по годам (корейцы специализируются на работах с монолитным бетоном и выполняют отделочные работы).

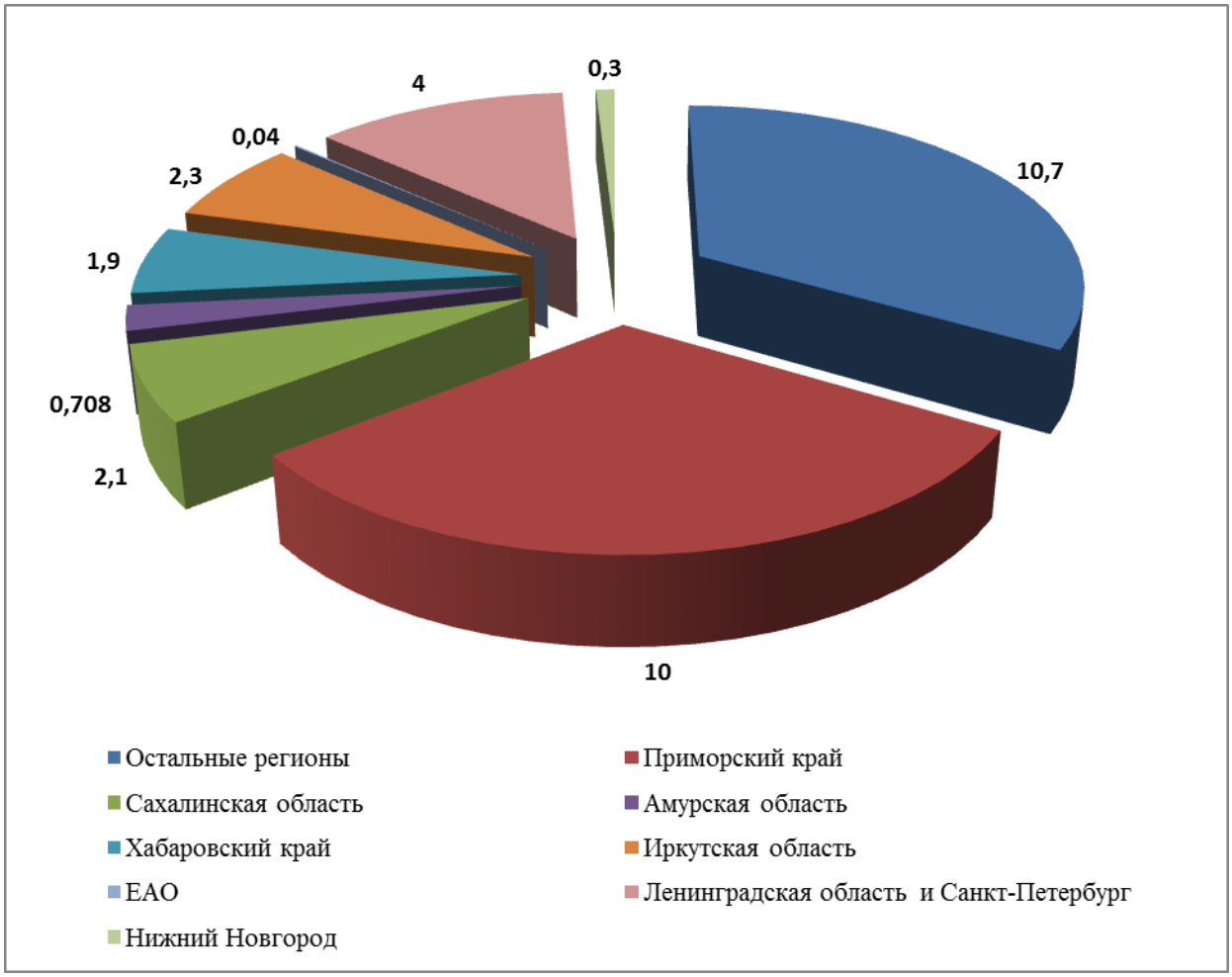

Рис. 2. Распределение корейских рабочих в регионах России
на конец 2017 года (тыс. чел.) [4; 5; 6]

Рабочие в Приморье были также задействованы в рыбообрабатывающей отрасли, например, на предприятиях Доброфлота, в основном, на участках марикультуры, переборки уловов, рыбообработки. В Амурской области на конец 2017 г. (из 708 чел. 60% заняты в лесной отрасли, 3,6% в сельском хозяйстве) численность северных корейцев, традиционно работавших в области, сократилась в два раза по сравнению с 2014 г. Тенденция сокращения численности работников из страны-донора наблюдалась также в Хабаровском крае, в конце 2017 г. здесь трудилось 1,9 тыс. чел. (в основном в строительстве и лесной отрасли). В 2017 г. получили разрешение работать на Сахалине 2,1 тыс. чел. из КНДР, которые были привлечены в строительную и рыбообрабатывающую отрасли.

Граждане КНДР, учитывая их идеологию и сформировавшийся аскетический образ жизни на родине, — один из немногих потоков, кто действительно едет в Россию зарабатывать. Законопослушность и низкий уровень административных правонарушений – специфическая черта данного иностранного трудового сегмента[7], которая сохраняется, в том числе и за счет политики государ-

ства-донора – контроля за поведением своих граждан. Рассматриваемый трудовой поток отличается наименьшими показателями теневой составляющей по сравнению с другими.

Пребывание трудовых мигрантов в 2007–2017 г. сопровождалось признаками трансформация их поведения. Особенно заметны они у северных корейцев в Приморском крае. В условиях рыночных отношений наблюдается тенденция уменьшения изолированности мигрантов от принимающего сообщества, хотя не всегда явная (свободное передвижение в городах, вовлечение трудовых мигрантов в потребительскую культуру). Можно наблюдать сцены, когда группа северных корейцев с товарами, приобретенными на рынках, нанимают такси или отъезжают на родину с солидным багажом. Официантки в северокорейских ресторанах хорошо общаются на русском языке, исполняя российские песни. В разных практиках проявляется встраивание северокорейских рабочих в повседневные структуры, связанное с рынком труда.

Северные корейцы соглашаются на более длительный рабочий день (превышающий 8-часовой) по договоренности с подрядчиком. Их заработная плата (как и других иностранных рабочих) отличается по регионам России в зависимости от отрасли и принимающей компании. В строительной отрасли она в среднем составляет 20 тыс. руб., в рыбообрабатывающей 19-20 тыс. руб. Но есть компании, где зарплата у трудовых мигрантов при 12-часовом рабочем дне значительно выше (на стройках Приморья около 50 тыс. руб.). Представитель компании "Альянс — Стройиндустрия", строящая в Хабаровске жилые дома, торговые центры и медицинские учреждения, считает, что «заменить их некем, поскольку они дисциплинированны, четко выполняют поставленную задачу, плюс немного дешевле других иностранных работников. Квалифицированных и дисциплинированных специалистов не найти, российские граждане могут выпить и на работу не выйти, требуют особого контроля. Среди граждан Китая, Средней Азии также не много профессионалов"[8]

Механизм приостановки миграционных связей и последствия для Дальнего Востока. Россия в ущерб экономическим интересам ее регионов вынуждена выполнять резолюцию Совета Безопасности ООН о санкциях в отношении КНДР (11 сентября 2017), в частности, по ограничению контрактов на работу её гражданам. В октябре 2017 г. президент России В. В. Путин подписал указ о мерах по выполнению этой резолюции. Россия приостанавливает въезд северных корейцев с целью трудоустройства и разработан механизм постепенного сокращения численности северных корейцев на территории РФ; новые заявки на 2018 г., поступившие из регионов, не были утверждены, к 2019 г. эти трудовые мигранты должны покинуть РФ. Уход северных корейцев, особенно с дальневосточного рынка труда, может негативно отразиться на обеспечении кадрами строительной и рыбообрабатывающей отраслях, возрастут цены рыбную продукцию и на строительство жилья, ремонт квартир, большую часть которых делали северные корейцы. Несмотря на то, что доля корейских рабочих не очень высока, всего 6-8% от привлекаемой иностранной рабочей силы на Дальний Востоке, перед некоторыми работодателями все-таки встанет вопрос о замещении выпадающей рабочей силы. Будет также нарушен достигнутый баланс в трудовом миграционном процессе, ведь на протяжении последних лет пропорция, установившаяся в национальном составе иностранных работников, выполняла за счет законопослушности северокорейской составляющей стабилизационную роль в соблюдении миграционного режима.

Список литературы и источников

1. В резолюции СБ ООН по КНДР учтены все требования РФ// Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2017/09/12/zaharova-vse-trebovaniia-rf-k-rezoliucii-sb-oon-po-kndr-byli-uchteny.html

2. Федеральный закон от 28 ноября 2009 г. N 299-ФЗ "О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства. Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2009/12/02/kndr-trud-dok.html

3. Захарова Л.В. Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С: 92-104.
4. Труд и занятость в России. 2017: Стат.сб. М.: Росстат, 2017.
5. Россия в цифрах. 2017. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2017.
6. Ответы УФМС на запросы ИИАЭ ДВО РАН, экспертные заключения, аналитические доклады УФМС по Приморскому краю.
7. Ващук А.С., Шишкина О.Е. Законопослушность иностранных трудовых мигрантов в Тихоокеанской России: опыт междисциплинарного анализа // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М: ИНИОН РАН. 2017. С.97-102.
8. Дальний Восток лишится трудовых мигрантов из Северной Кореи// Информационное агентство России – ИТАР ТАСС. URL: http://tass.ru/politika/4936118 (дата обращения: 10.04.2018).

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТУДЕНТОВ

ГОЛОВАЧЕВ Станислав Борисович, кандидат философских наук, профессор кафедры управления персоналом и экономики труда, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: stanislavgv@mail.ru

ETHNIC TOLERANCE OF RUSSIAN AND FOREIGN STUDENTS

Stanislav B. GOLOVACHEV, PhD in Philosophy, Professor of the Department of Personnel Management and Labor Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: stanislavgv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к изучению современных процессов этнической миграции, основное внимание уделяется сценариям и механизмам (реструктуризации личности студентов-мигрантов), которые определяют степень готовности студентов-мигрантов к процессу адаптации и влияют на выбор стратегий адаптации в условиях внешней поликультурной среды.

Ключевые слова: миграция как социальный феномен, мигранты и принимающие общества, миграционные процессы, глобализация, терпимость, этнокультурные меньшинства, местное население, этническая социальная адаптация и интеграция, формы и механизмы адаптации и интеграции.

Abstract. The paper analyzes the basic approaches to studying modern ethnic migration processes, the major focus being on scenarios and mechanisms of (re)structuring the identity of students-migrants, which determine the degree the students-migrants are prepared to adaptation process and influence the choice of adaptation strategies in conditions of outside polycultural environment.

Keywords: migration as social phenomenon, migrants and host societies, migration processes, globalization, tolerance, ethnocultural minorities, local population, ethno social adaptation and integration, forms and mechanisms of adaptation and integration.

Процессы глобализации привлекли внимание ученых на различия между культурами её участников. Как тревожная тенденция политиками и учеными отмечается, что происходит натиск культурной глобализации. А это, в свою очередь, может привести к стиранию культурных различий и утрате самобытности культур отдельных народов. Исправить ситуацию может только содружество культур. Такое содружество возможно лишь на принципах признания равноправия и равноценности всех культур, взаимодействия, приверженности идеям толерантности, добрососедства.

Рост масштабов и интенсификация международных контактов делает актуальной в настоящее время проблему толерантности. Она привлекает внимание ученых и специалистов разных стран [1, 2]. Руководителями и политиками стран, широкой общественностью отмечается необходимость проявления толерантности в коммуникационных процессах на межличностном, межкультурном, межэтническом уровнях. В странах прежде всего Европы, более других «прочувствовавших» ситуацию постулируется положение, что толерантность людей друг к другу является основным механизмом создания этнокультурной общности, важным способом взаимоотношений между отдельными людьми и сообществами. В практическую плоскость ставится задача формирования такого качества личности, как толерантность.

Предметом особого внимания ученых, исследующих современные этнические миграционных процессов является рассмотрение сценариев и механизмов (ре)конструирования идентичности мигрантов, определяющих степень готовности к адаптационным процессам и влияющих на выбор стратегий адаптации в условиях внешней поликультурной среды [3, 4].

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во многих развитых странах наблюдается не просто большой приток постоянных или временных, трудовых или образовательных мигрантов, составляющих часть определенной этнокультурной диаспоры. Интенсивно формируются и стремятся к кристаллизации и воспроизводству собственной субкультуры мигранты-прагматики. И у них подход к принимающей стране как экономическому ресурсу, а не как к среде обитания. Аналогичные процессы происходят в российских городах. Практически мы являемся свидетелями формирования новой организации социальных сообществ, как некоей сетевой транснациональной формой существования этнических сообществ в современном мире [5, 6, 7].

Такие мигрантские этнические сообщества качественно отличаются от феномена «классических» этнических диаспор. Именно они прежде всего и создают анклавы повышенного риска [8,9].

Безусловно, в этой связи заслуживают внимания такие вопросы, как:

- какова структура групповых адаптационных установок этнических мигрантов,
- стратегии (само) сегрегации этнических мигрантов,
- условия и факторы ведущие или влияющие на данные процессы.

Современная образовательная среда также претерпевает существенные изменения:

-увеличивается количество разрабатываемых и внедряемых образовательных проектов, направленных на совершенствование межкультурного взаимодействия;

-происходит интернационализация и интеграция вузов в мировое образовательное пространство;

-обостряется конкурентная борьба в этой среде.

В настоящее время в ШЭМ обучается 400 иностранных студентов и 90 магистров. Проходят обучение 15 студенческих групп, состоящих исключительно из иностранных студентов, 35 групп бакалавров и 21 группа магистров со смешанным составом.

В то же время, как показывает мировая практика расширение и усложнение образовательной среды очень часто ведет к снижению уровня её прогнозируемости и управляемости. При разработке и запуске образовательного проекта не всегда учитываются и минимизируются возможные последствия, что повышает степень риска межкультурного взаимодействия при реализации проектов и приводит к существенному снижению эффективности межкультурного взаимодействия, снижению и даже исчезновению конкурентного потенциала образовательной программы.

Для иностранца поступление в вуз и обучение в нем сопровождается включением в новую для них культурно-образовательную среду. Данное обстоятельство является пусковым механизмом процесса адаптации. Успешность адаптации иностранного студента предполагает актуализацию резервных возможностей обучающихся и их готовность к преодолению различного рода трудностеи, возникающих в процессе обучения.Выделяются следующие виды адаптации инстранных студентов в вузе:

1. адаптацию к условиям учебной деятельности (приспособление к новым формам преподавания, контроля и усвоения знании, к иному режиму труда и отдыха, самостоятельному образу жизни и т.п.)

2. адаптацию к группе (включение в коллектив сокурсников, усвоение его правил, традиции); адаптацию к будущей профессии (усвоение профессиональных знании, умений и навыков, качеств)

3. адаптацию к новой социокультурной среде.

И если адаптация к будущей профессии преимущественно приходится на старшие курсы, продолжаясь после поступления на работу, то адаптация к учебной деятельности и к группе, к иным социокультурным условиям должна произойти как можно раньше. В противном случае возникнут затруднения в актуализации необходимых для успешного обучения и овладения профессией познавательных и личностных ресурсов. Если студент-иностранец не сможет в короткие сроки освоить предъявляемые к нему в вузе требования, а также найти общий язык и взаимопонимание с однокурсниками и преподавателями, то это, несомненно, скажется на его успехах в учебе и желании учиться, что повлечет за собой отчуждение от образовательной среды.

Соответственно, адаптированность студентов-инстранцев к обучению в вузе предполагает наличие у них следующих состояний и качеств:

1) удовлетворительное психологическое и физическое состояние в учебных и внеучебных ситуациях в вузе;

2) принятие социальных ожиданий и предъявляемых к нему требовании, а также соответствие его поведения этим ожиданиям и требованиям;

3) способность придавать происходящему в вузе желательное для себя направление и пользоваться имеющимися условиями для успешного осуществления своих учебных и личностных стремлений и целеи.

Для отработки методического инструментария было проведено исследование в двух студенческих китайских группах общей численностью 45 человек. Для диагностики процесса адаптации используются самые различные методики. Прежде всего, шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда. Остальные методики носят сопутствующий характер: методика для определения самооценки и уровня притязаний (Т.В.Дембо, С.Л.Рубинштейн, А.М.Прихожан); 16-факторный личностный опросник (Р.Кеттелл); опросник Басса – Дарки; опросник социальной компетентности (Л.М.Митина); опросник конструктивности мотивации (А.А.Реан, О.П.Елисеева); исследование самоотношения (В.В.Столин, С.Р.Пантилеев); «Локализация контроля» (адаптированная Е.Г.Ксенофонтовои);диагностика коммуникативной социальной компетентности (Н.П.Фетискин, В.В.Козлов, Г.М.Мануилов); опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения» (В.А.Лабунская).

Кроме того, для изучения процессов адаптации студентов в вузе исследователи используют собственные анкеты. Однако ни одна из них не носит характера стандартизированного опросника для иностранных стундентов. К тому же, методики не касается трудностей в учебной деятельности. Они преимущественно ориентированы на межличностные отношения вообще, а не на отношения, возникающие в связи с обучением в вузе.

В этой связи целесообразно разработать специальную диагностическую методику «Адаптированность студентов-иностранцев в вузе».

В рамках нашего исследования мы интересовались у иностранных студентов: чего бы Вы хотели, что Вас больше всего привлекает в вузе (в процентах)?

а) общение с друзьями - 88

б) общественная работа -22

в) получение оценок - 90,2

г) узнавание нового - 44

д) сам процесс учения - 88

е) самостоятельная работа - 66

ж) обучение русскому языку - 96,8

з) общение с русскими - 44

А что Вас больше всего волнует в вузе?

а) общение с друзьями - 11

б) общественная работа -13,2

в) получение оценок - 88

г) узнавание нового - 35,2

д) сам процесс учения - 88

е) самостоятельная работа - 8,8

ж) обучение русскому языку - 96,8

з) общение с русскими - 24,2

Понятна нацеленность иностранных студентов на получение знаний и профессиональных навыков. Весьма ценят возможность общения с друзьями, среди которых абсолютное большинство такие же китайские студенты. Обращает на себя желание обучаться русскому языку. Китайские студенты изъявляли желание проводить дополнительную подготовку по разговорному русскому языку. Примечательно, что при этом проблема общения с русскими беспокоит значительно меньшее число китайских студентов. Практически, российские и иностранные студенты и магистры учатся и выстраивают свое свободное время параллельно, слабо контактируя друг с другом. Не будет ли это способствовать национально-культурной замкнутости студентов?

Предметом специального выяснения и изучения является вопрос: сформировалась ли в нашем вузе китайская этнокультурная диаспора? Если да, то на какой основе она функционирует? Не появилась ли еще одна сетевая транснациональная форма существования этнического сообщества?

Практика показывает, что в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов является включение в принимающее сообщество с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи. Однако, оказываясь погруженным в «свою» среду, мигрант не чувствует необходимости изменять свое поведение и восприятие мира. Он оказывается «не выключенным» из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия. Его текущее восприятие культурных различий между ним и местным населением можно охарактеризовать как отрицание культурных различий и защита собственной культурной самобытности.

В иследованиях зарубежных авторов отмечается, что в рамках восприятия сетевых ценностей, обеспечивающих фактически выживание в инокультурной среде, происходит активное неприятие (отрицание) инокультурных ценностей и норм поведения. Полагая, что принявшая (включившая) его социальная сеть – единственно возможное пространство-место его взаимодействия и существования, он боится стать «чужим», потерять «нужную идентичность», быть выброшенным из сетевого сообщества.

На «службу» укрепления этнокультурных различий также поставлено мощное средство институционализации различий – язык. Его незнание или очень слабое знание, как правило ведет к «этнической замкнутости», настороженнму и даже враждебному отношению к представителям иного этноса.

В условиях, когда внешняя среда иностранному студенту непрерывно подчеркивает его инаковость, и даже когда это только кажется происходит восприятие иных культурных традиций и норм через призму угрозы.

Таким образом, в условиях достаточно интенсивных, негативных внешних факторов происходит «стягивание» этноконтактных зон, наблюдается снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости.

Все эти факторы приводят к тому, что символическая граница между группой недавних мигрантов и местным населением часто становится «реальной стеной».

На обострение отношений работает и отсутствие необходимого числа каналов коммуникации между общиной и местным населением, обладающих доверием и обеспечивающих информационную взаимную интеграцию.

В настоящее время в этнической психологии разработано несколько методик, измеряющих толерантность, которая оценивается с различных точек зрения. Первой и наиболее известной методикой является шкала социальной дистанции.

В этнической психологии одним из показателей толерантности является величина социальной дистанции по отношению к представителям той или иной группы. Понятие «социальная дистанция» введено Эмори Богардусом (E. Bogardus) в 1925 г., она характеризует близость либо отчужденность социальных или этнических общностеи, отдельных людеи. С помощью шкалы социальной дистанции можно оценить степень социально- психологического принятия людьми друг друга, Ее часто называют шкалой социальной приемлемости.

Шкала социальной дистанции показывает степень психологической близости людеи, способствующей легкости их взаимодействия.

Высокий показатель этнической толерантности свидетельствует о стремлении данного человека к сближению с представителями оцениваемого этноса, к приемлемости представителей данного этноса как соседеи, друзеи, близких родственников.

Низкий показатель этнической толерантности свидетельствует о большой социальной дистанции, о нежелании человека близко общаться с представителями данного этноса.

Крайне низкий показатель этнической толерантности говорит об интолерантности данного человека, его общей этнической нетерпимости, о существовании предубеждений и предрассудков у данного человека по отношению к другим народам в целом либо по отношению к конкретному народу в частности.

Интерпретация результатов проведенного нами теста в процентах:

-крайне низкий уровень толерантности – этническая ксенофобия - не выявлено

- низкий уровень толерантности – близко к этнической ксенофобии - 4,4
- пониженный уровень толерантности - 15,4
- средний уровень толерантности - 44
- повышенный уровень толерантности -22
- высокий уровень толерантности - 8,8
- крайне высокий уровень толерантности - 4,4

Проведенное по методике Г.У.Солдатовой и С.В.Рыжовой исследование позволило выявить типы этнической идентичности.

Степень этнической толерантности респондента оценивается на основе следующих критериев:

- уровня "негативизма" в отношении собственной и других этнических групп,
- порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение,
- выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении к других групп.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности выделены на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, начиная от "отрицания" идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, и заканчивая национальным фанатизмом – апофеозом нетерпимости и высшей степенью негативизма по отношению к другим этническим группам.

Опросник содержит шесть шкал, которые соответствуют следующим типам этнической идентичности в процентном отошении к опрошенным.

Получены следующие результаты.

1. Этнонигилизм – одна из форм гипоидентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию - 0

2. Этническая индифферентность – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности - 0

3. Норма (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам - 90,2.

Усиление деструктивности в межэтнических отношениях обусловлено трансформациями этнического самосознания по типу гиперидентичности, которая соответствует в опроснике трем следущим шкалам:

4. Этноэгоизм – данный тип идентичностиможет выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта "мой народ", но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за "чужой" счет - 6,6.

5. Этноизоляционизм – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости "очищения" национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия - 2,2.

6. Этнофанатизм – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических "чисток", отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа - 0.

Этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида.

Эффективная жизнедеятельность в новой социокультурной среде возможна при условии адаптации в принимающем обществе и принятии новых социальных и культурных требований. Решению многих проблем содействует эффективно действующая система адаптации иностранных студентов, обучающихся в ДВФУ. Зарубежные студенты:

-смогут получить знания о России, Дальнем Востоке, ДВФУ, учебе быте в новой для них обстановке;

-получить языковую практику;

В свою очередь в ДВФУ, ШЭМ:

- будет создана форма реализации потребностей и способностей студентов;

- появится база для исследования адаптации иностранных студентов к условиям образовательного пространства российского Дальнего Востока, происходящего процесса глобализации в сфере высшего образования и межкультурных и сравнительных исследований;

- будет успешно осуществляться выполнение потребности государства, общества и личности в поддержке и защите мигрантов и организации процесса адаптации студентов-мигрантов в вузе;

- могут использоваться рефлексивные и портфельные методы оценки, а также проведение мониторинга адаптационных процессов студентов-мигрантов.

ДВФУ в плане приема и подготовки в широких масштабах иностранных студентов и магистрантов находится в начале пути. Иностранные студенты из стран АТР являются специфической категорией мигрантов, имеющей определенные цели и использующие специфические стратегии. У иностранных студентов первокурсников в данный момент нормальный уровень межкультурной адаптации. В целом, они удовлетворены своим пребыванием в России, позитивно относятся к окружающим, испытывают чувство социальной защищенности. Они настроены на расширение социальных связеи, уверены в своих возможностях, в известной мере ориентированы на сотрудничество с другими и соблюдение социальных норм нынешнего окружения. Но это студенты первого года обучения. Как будут развиваться адаптационные процессы в следующие годы их пребывания в России? Как определяется принятие нового окружения: внутренними изменениями или внешним приспособлением? Можно ли считать признаком дезадаптации высокий уровень ностальгии, тоски по родине? Как выстроить адаптационную работу для студентов, которым через некоторое время предстоит вернуться на родину? Какая стратегия оптимальна? Пока вопросов значительно больше, чем имеется ответов.

Понятно, что иностранные студенты подвержены эмоциональному переживанию ситуации, сложившейся в связи с иммиграцией. К тому же испытывают психологический кризис в силу возрастных, социальных и психологических особенностеи. Проявлением этого кризиса является дезадаптация — потеря ценностных ориентиров, лежащих в основе построения сценариев жизни, выбора стратегий профессиональной и личностной самореализации. Таким образом, в связи с кардинальной сменой социального окружения, образа жизни и деятельности мигрантов возникает необходимость в их адаптации.

Список литературы и источников

1. Маликова Н. Этносоциальные проблемы конфликтогенности миграции в современной России: науч. докл. М., 2004. С. 6.
2. Мукомель В. Миграционная политика России: постсовет. контексты. М.: ИС РАН. С. 217.
3. Никитин В. А. К понятию диаспоры. М., 1997. С. 110.
4. Попков В. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. С. 40.
5. Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса: на примере азербайджан. этнокульт. анклава: аналит. отчет / рук. проекта В. Мукомель. М.: ИС РАН, 2004.
6. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН, 2005. С. 5.
7. Waldinger R. Through the eye of needle: immigrants and enterprise in New York's garment trades. New York; London: New York Univ. Press, 1986.
8. Hettlage R. Diaspora: Umrisse zu einer soziogischen Teorie // Identitat in der Fremde / hg. M. Dabag, K. Platt. Bochum. 1993. P. 75–105.
9. Brah A. Cartographies of Diasporas: Contesting identities. – London and New York, 1996.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА КНР В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

ДЫШИН Алексей Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: dyshin.av@mail.ru

THE OPPORTUNITY OF USING CHINA EXPERIENCE IN REGULATION OF MIGRATION FROM THE COUNTRIES OF CIS COUNTRIES TO THE FAR EAST OF RUSSIA

Alexey V. DYSHIN, PhD in Economics, Associate professor of the Pacific Asia Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dyshin.av@mail.ru

Аннотация. В статье в краткой форме рассмотрены некоторые проблемы, связанные с миграцией населения из стран ближнего зарубежья на Дальний Восток России, и использование опыта КНР для решения данных проблем. При изучении проблем, связанных с миграцией населения из стран ближнего зарубежья на Дальний Восток России, были использованы данные полевых исследований и социологических опросов. Результаты исследований показали, что миграция населения связана с определенными проблемами. Это не только проблемы адаптации мигрантов, но и проблемы, связанные с ростом преступности, ростом заболеваемости коренного населения в районах массовой миграции и ряд других проблем. Для решения данных проблем можно использовать опыт других стран, которые стал-

киваются с аналогичными проблемами. Для решения данных проблем необходимо разработать комплексную программу, которая не только учитывала бы зарубежный опыт, но и помогала обеспечивать координацию деятельности с заинтересованными органами из стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: миграция населения, ближнее зарубежье, Дальний Восток России, мигранты, религиозные особенности, сотрудничество, комплексная программа.

Abstract. The article briefly discusses some of the problems associated with migration of people from neighboring countries to the Far East of Russia, and the experience of China to address these issues. When studying the problems related to migration of people from neighboring countries to the Far East of Russia, were used field studies and opinion polls. Research has shown that migration is associated with certain problems. It is not only the problem of adaptation of migrants, but also problems associated with the rising crime rate, the rising incidence of indigenous people in the areas of mass migration and a number of other problems. To address these issues, you can use the experience of other countries confronted with similar problems. To address these problems, there is a need to develop a comprehensive program that not only takes into account foreign experience, but also helped to coordinate with concerned bodies of the CIS countries.

Keywords: migration of people, neighboring countries, Far East of Russia, migrants, religious characteristics, comprehensive program.

Одной из проблем современной России является проблема недостатка рабочей силы для освоения районов Сибири и Дальнего Востока. Данная проблема для России не является новой, в свое время ею занимался великий государственный деятель П.А. Столыпин, однако преждевременная гибель во время очередного покушения помешала ему закончить начатое, несмотря на явные успехи в данном направлении.

В советское время принимались определенные меры, процессы индустриализации, которые были искусственно ускорены в 20-30- ые годы XX века, привели к резкому росту урбанизации, но существенного прорыва тогда достичь не удалось, хотя ресурсов было гораздо больше, чем сейчас. С развалом СССР все достижения постепенно сошли на нет.

Многие говорят, что в настоящее время ситуацию можно улучшить за счет привлечения мигрантов. Считается, что 20-30 миллионов наших соотечественников, которые после распада СССР оказались в молодых независимых государствах, подвергаются дискриминации, что они приедут на историческую Родину, и ситуация в области освоения территорий коренным образом улучшится. Однако они не приезжают, проблема не решается.

Достаточно много говорят о том, что Китай нам поможет. Нельзя теоретически отрицать возможность переселения значительного количества населения из районов с высокой плотностью населения в районы с низкой плотностью населения, однако следует учитывать некоторые факторы. Прежде всего, значительные территории в КНР плохо освоены (Тибет, Синьцзян), даже в соседней с Россией провинции Хэйлунцзян по сообщениям китайских газет имеется более 900 тыс. га так называемых “бросовых” земель. В период “Культурной революции” данные территории обрабатывались, а сейчас не обрабатываются, поскольку не рентабельно, южнее реки Янцзы можно получать 3-4 урожая риса в год. Во – вторых, территории Дальнего Востока России характеризуются достаточно суровыми климатическими условиями, по этой причине проживающему там населению выплачивают определенные доплаты. Не следует забывать о том, что районы Дальнего Востока России, включая Приморский край, являются зоной рискованного земледелия. До сих пор, несмотря на ускорение в Китае процессов урбанизации, большая часть населения страны проживает в сельской местности и занимается сельским хозяйством и связанными с ним промыслами. Те граждане Китая, которые приехали в Россию, согласно данным социологических опросов, приехали для того, чтобы заработать денег и открыть дело на Родине, надолго оставаться здесь они не собираются [4,90]. Они проживают в основном в городах, занимаются коммерцией и оказанием услуг (торговцы, сапожники, предприниматели в области общественного питания и т.п.).

В настоящее время большую часть мигрантов, приезжающих на Дальний Восток России и в Приморский край, в частности, составляют выходцы из стран ближнего зарубежья, прежде всего из Средней Азии. По данным ГУВМ МВД РФ, из числа въехавших в Российскую Федерацию в 2016г. выходцы из Средней Азии составляют примерно 66%, из них примерно 33% составляют выходцы из Узбекистана, при этом численность граждан КНР, находящихся на территории Российской Федерации в 2016 г. существенно не изменилась по сравнению с 2015 г. и составляет примерно 240 тыс. человек, численность граждан Узбекистана превышает 1,7 млн. человек [3]. По данным Росстата РФ более 70% мигрантов, прибывших в Приморский край, являются выходцами из сельской местности, более чем у половины из них нет специального образования, более 80% из них относят себя к малообеспеченным слоям общества. Большую часть из приехавших составляют граждане Республики Узбекистан, в процентном отношении их около 66% [1].

Массовая миграция из стран ближнего зарубежья, прежде всего из Средней Азии, создает ряд проблем в принимающих районах. Прежде всего, большая часть мигрантов является выходцами из сельских районов, где исповедуют в основном ислам, причем часто в его самых радикальных формах, люди приезжают на Дальний Восток России и с удивлением узнают, что тут мечетей нет, их окружают люди с другой религией, о которой они имеют весьма смутное представление. В свою очередь у приезжих свой уровень культуры, свои представления о морали и нравственности, свой уровень образования. Возникает пренебрежение и неприязнь к тем, у кого другая культура, другие представления о морали и нравственности, другой уровень образования. Определенную роль играет то, что на заработки приезжают в основном мужчины, они составляют более 70% приезжих, данный демографический перекос способствует повышению конфликтности в принимающих районах. В итоге постепенно формируются своеобразные гетто, в которые “чужих”, являющихся представителями местного населения, стараются не пускать.

С подобными проблемами сталкивается и Китай. Экономические реформы, начавшиеся в стране в 80-ые годы прошлого века, привели к образованию диспропорций в экономическом развитии, западные районы страны, которые занимают более половины ее территории, значительно отстают по уровню экономического развития от восточных, а особенно, от юго-восточных районов страны. Уровень средних доходов населения западных районов в 2-2,5 раза ниже, чем у населения восточных районов страны. Иностранные предприниматели также предпочитают создавать совместные предприятия в основном в восточных районах страны, где лучше промышленная и гражданская инфраструктура и более квалифицированная рабочая сила в основном китайской национальности. Это приводит к тому, что ежегодно десятки тысяч уйгуров, казахов, узбеков и других представителей западных районов страны устремляются на заработки в восточные районы страны. Учитывая достаточно жесткую систему прописки, которая действует до сих пор в КНР, всеми правдами и неправдами они пытаются проникнуть на территорию наиболее развитых в экономическом отношении районов, включая специальные экономические зоны (СЭЗ) и особые административные районы (ОАР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао). Если повезет, они устраиваются работать на промышленные предприятия, где выполняют самую тяжелую и грязную, а часто и опасную работу, которая не требует особой квалификации, если не повезет, то занимаются попрошайничеством, мелким воровством, торговлей контрафактной продукцией и другими видами незаконной деятельности. Периодически проводятся облавы, по имеющейся информации с территории СЭЗ Шэньчжэнь в иные дни выдворяют до 800 человек, которые проникли туда незаконно без специальных разрешений, тем не менее люди продолжают туда проникать [2].

Для противодействия подобным негативным проявлениям органы власти КНР используют ряд мер, которые достаточно эффективны. Во-первых, из западных районов страны, прежде всего их Синьцзян-Уйгурского автономного района в восточные районы страны были переведены десятки офицеров народной полиции и органов госбезопасности КНР, которые являются по национальности уйгурами, казахами, узбеками, владеют соответствующими языками, знают особенности культуры и обычаев малочисленных народов западных районов Китая для проведения профилактической работы

с мигрантами из этих районов [5]. Для работы с мигрантами активно привлекаются местные представители мусульманского духовенства и старейшины, которые разъясняют мигрантам их права и обязанности, а также правила пребывания на территориях СЭЗ и ОАР. Предпринимателям, которые являются выходцами из западных районов страны, предоставляют специальные льготы при приеме на работу мигрантов из западных районов страны. Органы власти помогают организовывать национальные общины, которые также ведут культурно-воспитательную работу среди мигрантов. Как показывает практика, данные меры являются достаточно эффективными.

Проблемы, с которыми сталкиваются районы Дальнего Востока России и восточных районов КНР из-за массового приезда мигрантов, являются схожими, правильное использование опыта КНР в данной области не только поможет решить имеющиеся проблемы, но и предотвратить возникновение новых. Для решения данных проблем необходимо разработать комплексную программу, которая не только учитывала бы зарубежный опыт, но и помогала обеспечивать координацию деятельности с заинтересованными органами из стран ближнего зарубежья.

Список литературы и источников

1. Миграция в России-2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://yamigrant.ru/migraciya-v-rossii-2017/
2. Наньфан жибао, 20.10.2017.
3. Сводка по миграционной ситуации в России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://migrant.ru/migraciya-v-rossii-2017/
4. Теплоухова М. Россия и международные структуры АТР: повестка для российского Дальнего Востока // Индекс безопасности, № 1, 2010, с.87-104.
5. Цзинцзи жибао, 15.02.2018.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИММИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ: ОПЫТ “КИТАЙСКОГО” ВАНКУВЕРА

КАЗАЧУН Галина Александровна, доцент департамента истории и археологии, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: kazachun@mail.ru

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович, магистрант Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ivanoffdv@mail.ru

THE NATIONAL CULTURE OF IMMIGRATION COMMUNITIES: THE EXPERIENCE OF “CHINESE” VANCOUVER

Galina A. KAZACHUN, PhD, Associate professor, Department of History and Archaeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kazachun@mail.ru

Dmitriy V. IVANOV, Master student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivanoffdv@mail.ru

Аннотация. Современный рост миграционных потоков обострил множество проблем, особенно проблему межкультурной коммуникации в принимающих сообществах. В статье рассматривается деятельность китайских канадцев Ванкувера, где находится самый крупный район компактного их проживания, по сохранению и продвижению своей национальной культуры. Развитию и продвижению национальных культур этносов, в том числе китайцев, в Канаде содействовала политика

мультикультурализма, которая, по мнению экспертного сообщества, потерпела крах в европейских странах.

Ключевые слова: китайская иммиграция, дискриминация, мультикультурализм, интеграция, самобытность, национальная культура, Китайский культурный центр Ванкувера.

Abstract. Canada is the settlers country, founded by immigrants. At the Canadian multiculturalism condition there are many changes in chinese diaspora. Chinese immigrant's activities, their organizations, desire for dealing with other people and expounding culture, are increased. Cultural Centre of Greater Vancouver help to preservate and promote the national culture of Chinese immigrants. Chinese integrate into the Canadian society as Chinese Canadians.

Keywords: immigration, consolidation, integration, ethnos, multiculturalism, Chinese Cultural Centre of Greater Vancouver

Эволюция политики Канады к китайским иммигрантам. В современных условиях резкого обострения проблем иммиграции, важнейшей из которых является необходимость диалога культур в принимающих сообществах, многосторонний опыт Канады не только в признании, но и в содействии сохранению и продвижению культуры иммигрантов, представляет интерес для многих стран, в том числе и России.

Канада – страна иммигрантов практически из всех стран мира. Многие этнические общности бережно сохраняют свою культуру, обычаи и традиции. Это многообразие поддерживается и поощряется обществом и властью в соответствии с концепцией и политикой мультикультурализма – признание культурного многообразия этносов в качестве основы национального единства, закрепленной в 1988 г. соответствующим актом [1]. После его принятия Канада стала первой страной, где мультикультурность закреплена законом.

Китайские иммигранты живут практически во всех странах мира (по оценкам, свыше 50 млн.) [2]. Крупная диаспора сформировалась в Канаде. В 1996 г. она насчитывала свыше 860 тыс., к 2001 г. – 1 млн. 029 тыс., 2006 г. – 1,3 млн., в 2016 г. – более 1, 5 млн. чел. [3]. Весь поток азиатской иммиграции с 1850-х г. попадал на территорию Канады в основном через Ванкувер, где сформировался квартал компактного проживания китайских иммигрантов (1910 г. – более 3500 чел.) [4].

Китайцы в условиях жесткой дискриминации со стороны белого населения и власти, принятие "Акта о китайской иммиграции 1923 г.", запрещавшего иммиграцию их соотечественников, сохраняя свою самобытность, проявляли готовность к интеграции в канадское общество. Важным событием для китайской общины стало празднование 50-тилетнего юбилея Ванкувера в 1936 г.[5] (в нем на 1931 г. проживало 13011 выходцев из Азии) [4]. Как часть общегородского мероприятия была выстроена "Китайская деревня". Для неё из Поднебесной привезли и собрали пагоду и традиционные китайские арки-ворота. Экспозиции была популярной для некитайского населения Ванкувера, которое впервые для себя открывало этот район города. В последующие годы китайцы принимали участие во всех общегородских праздниках и шествиях, устраивали традиционные для китайской культуры "Праздник Урожая", "Праздник Весны", "Парады драконов", "Львиные танцы" и др. [5].

Эволюция иммиграционного законодательства и отношения власти и общества к иммигрантам из Азии, политика мультикультурализма, способствовали развитию и продвижению национальной культуры китайских канадцев, развитию межцивилизационного диалога культур. В Ванкувере и в наши дни сохраняется крупнейший квартал компактного проживания китайских канадцев. В 2011 г. в Британской Колумбии, проживало 30,7 процентов китайских иммигрантов, большая часть из них – 159200 чел. (95 %) – на территории Большого Ванкувера. В 2016 г. их численность составила 175200 чел. [6].

Китайский культурный центр Ванкувера – продвижение национальной культуры. В 1973 г. при поддержке правительства Британской Колумбии и 53-х китайских общественных организаций был основан Китайский культурный центр Ванкувера (в дальнейшем – Центр), официально

зарегистрированный в 1974 г. К 1980 г. построен административный и образовательный комплекс, в 1981 г. комплекс – для коммерческой аренды. В 1986 г. открыт “Многофункциональный зал им. доктора Дэвида Лама” и “Классический китайский сад им. доктора Сунь Ятсена”, в 1991 г. – дополнительный офис, а также Музей и Архив [7].

Китайский культурный центр Ванкувера – некоммерческая благотворительная организация. Управляет им Совет, состоящий из 20 человек, курирующих разные направления его деятельности. Административный и образовательный комплекс зданий Центра предназначен для проведения культурных и учебных мероприятий. Гордостью Центра считается многоуровневая школа китайского языка (S.K.Lee Academy- Chinese Language School), которая оценена правительством КНР лучшей моделью “Школы китайского языкового образования”. Центр, работая с молодым поколением канадцев не только китайского происхождения, проводит экскурсии, соревнования, конкурсы [7]. Среди них – ежегодный конкурс и выставка работ участников проекта “Североамериканское молодежное искусство и основы культуры” для детей с 5 до 18 лет по живописи и молодежи с 13 до 23 лет по дизайну [8]. При Центре с 1989 г. существует “Китайский музыкальный ансамбль Ванкувера”, который является первой профессиональной китайской музыкальной организацией Канады, использующей в современном музыкальном творчестве, национальные китайские инструменты.

Особой достопримечательностью Центра, является первый за пределами Китая, “Классический китайский парк с садом им. доктора Сунь Ятсена”. В 1981 г. создано “Общество сада им. доктора Сунь Ятсена”, с целью ухода за садом и содействия “взаимопониманию между культурами Востока и Запада”. Оно финансируется канадским и китайским правительствами, частными лицами и корпоративными пожертвованиями. Сад был построен 52-мя мастерами из столицы древнекитайского паркового искусства Сучжоу. Скальный материал – известняк из озера Тай в Китае, галька и павильоны тоже привезены из Поднебесной [9].

Другая достопримечательность Центра – открытый в 1998 г. Музей и Архив, здание которого построено в национальном стиле. На трех этажах здания располагаются выставки фотографий, предметов быта, военной истории китайских канадцев. Экспозиция создана “Китайско-канадским военным музейным обществом”. Его задачей является обучение молодого поколения истории и национальным традициям, сохранение материалов и артефактов, а также исследования военной истории китайцев Канады [10].

Заметное участие в работе этой многоцелевой культурной структуры, как и в других проектах, принимает Китай, который в последние два с половиной десятилетия стал оказывать огромное влияние на жизнь китайской диаспоры. Его политика реформ и открытости, впечатляющий рост экономики и уровня жизни резко изменили облик зарубежных диаспор, придали новый импульс их деятельности, упрочили положение в принимающих обществах. Помимо финансирования культурных центров государственные структуры КНР помогают в организации экскурсий в Поднебесную для молодого поколения китайских канадцев, желая показать им “Великую державу”, пробудить гордость за свое происхождение. Поездки проходят под лозунгом “Приобщение к китайским корням”. В 2006 г. в них участвовало 5000 китайцев, живущих за пределами страны [11].

Китайский Культурный Центр Ванкувера, объединяющий выходцев из Гонконга, Тайваня, КНР и китайцев, рожденных в Канаде, является интернациональной площадкой культурного диалога представителей многих канадских этносов. Главная его цель – представление и продвижение национальной культуры и искусства среди китайских канадцев и общества в целом и, таким образом, укрепление взаимопонимания между китайским сообществом и другими этносами. Деятельность Центра, как и многие другие факторы, способствует утверждению в обществе мнения о том, что разногласия, основанные на политических, идеологических или экономических интересах, временное явление, а ценность культуры – постоянна.

Опыт и перспективы Владивостока в межкультурной коммуникации в АТР. Опыт продвижения национальной культуры китайскими канадцами Ванкувера представляет интерес для всесторонней проработки, определения концепции и структуры планируемого во Владивостоке Центра

культуры [12]. Уникальное положение Владивостока, русского по культуре города в Азии, всегда определяло его особое значение в развитии межкультурной коммуникации России с народами Азиатско-Тихоокеанского региона, опыт которой он приобретает уже с первых дней своего основания. По данным 1879 г. почти половина из 8837 жителей были иностранцами: 3471 - китайцы, 500- корейцы Проживание во Владивостоке представителей азиатских народов придавало ему особый колорит. Они создавали центры национальной культуры, учебные заведения. До конца 1930-х г. в городе действовали национальный китайский театр, Дальневосточный корейский педагогический институт и корейские школы, велось радиовещание, выходили газеты на корейском и китайском языках [13]. Обострение международной обстановки в предвоенное десятилетие, Великая отечественная и "холодная" война закрыли Владивосток для международных контактов.

Становление Владивостока как центра межкультурной коммуникации России в АТР началось на рубеже XX- XXI вв. Строительство планируемого музейно – выставочного центра представляет важный шаг на этом пути [12]. Музейно - выставочный центр – это не только экспозиции или выставки. Он может стать местом проведения фестивалей и конференций, мастер-классов и национальных праздников, то есть "центром всеобщего притяжения". Приморская сцена Мариинского театра, филиалы Эрмитажа, Русского музея и Третьяковской галереи будут бесспорным украшением этого проекта. Подход к обучению в культурном центре Владивостока, может представлять собой, как уроки "Русского языка" для туристических групп, так и специальные классы для ценителей "Русской словесности". Создаваемая во Владивостоке площадка должна принимать фестивали и национальные праздники славянских, коренных малочисленных народов, этнических диаспор. Как "единственный европейский город в Азии" Владивосток по праву может стать "туристической и культурной жемчужиной" не только Дальнего Востока России, но и Азиатско -Тихоокеанского региона.

Список литературы и источников

1. Canadian multiculturalism Act, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pier21.ca/research/immigration-history/canadian-multiculturalism-act-1988
2. Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0637/analit03.php
3. Chinese largest visible minority group, surpassing 1 million. [Электронный ресурс]. – Canada's ethnocultural portrait: The changing mosaic. - Режим доступа: http://www12.statcan.gc.ca/english/census01/products/analytic/companion/etoimm/canada.cfm#chinese_largest_visible_minority
4. Simon Fraser University/Chinese Canadian History/A Brief Chronology of Chinese Canadian History/Vancouver Chinatown-1886-2011. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.sfu.ca/chinese-canadian-history/vancouver_chinatown_en.html
5. Simon Fraser University/From C to C: Chinese Canadian story of migration/1936. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sfu.ca/fromctoc/timeline/
6. Statistics Canada/Census program/Correction – Update of the 2016 Census data on ethnic origin (Catalog no. 98-316-X2016001) "Ethnic origin population". [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/news-nouvelles/corr/cgen010-eng.cfm
7. Chinese Cultural Centre of Greater Vancouver/[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.cccvan.com
8. CreArt Canada/About Us/2016 Competition Judging. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.creartcanada.com/aboutus-en
9. Dr. Sun Yat-Sen Classical Chinese Garden. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://vancouverchinesegarden.com (Дата обращения: 05.05.18).
10. Museum/Chinese Cultural Centre of Greater Vancouver. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.cccvan.com/about1-c1iek

11. Анохина Е.С. “Новая” китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. - Томск: Томский государственный университет, 2012, с. 197.

12. На месте стадиона “Динамо” в Приморье построят единый культурный центр и прогулочную зону/Официальный сайт Администрации Приморского края. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.primorsky.ru/news/137908/?type=original

13. Казачун Г.А., Владивосток в системе межкультурных коммуникаций в АТР Владивосток: история и современность. Материалы научно-практической конф. – Владивосток, 2011.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ЕЖЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

The study was supported by JSPS KAKENHI,
Grant Numbers 15KK0079, 26504005, 26245034, 17K02108

МИТИГАМИ Маю, доктор наук, доцент факультета экономики, Университет Ниигаты, Ниигата, Япония, e-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

HOUSING CONDITIONS AND DAILY LIFE OF LABOUR MIGRANTS IN THE RUSSIAN CITIES: BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL QUESTIONNAIRE

Mayu MICHIGAMI, Ph.D in Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Niigata University (National University), Niigata, Japan, e-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Аннотация. В исследовании особое внимание уделяется трудовым мигрантам из Центральной Азии в России. Настоящая статья призвана объяснить следующие три момента. Во-первых, как миграционные процессы коррелируют с региональными ценами на жилье и арендной платой за жилье? Во-вторых, в статье объясняется многоуровневая структура российского рынка жилья. В-третьих, обсуждается состояние жилья и качество жизни трудовых мигрантов с точки зрения управления человеческими ресурсами и производительности труда. Утверждается, что российский рынок жилья сегрегирован. Некоторые из сделок на рынке жилья невидимы в официальной жилищной статистике. Исследование основано на результатах социологического опроса, проведенного автором в некоторых городах России 2017 года.

Ключевые слова: жилье, иммигрант, сегрегация, интеграция, многослойная структура, рынок аренды жилья

Abstract: This research focuses especially on labour migrants from Central Asia into Russia. This paper aims to explain the following three points. First, how do the demographic movements reflect in the regional housing market in Russia, especially related to the regional housing prices and housing rental fee? Second, the paper will explain the multi-layered structure of Russian housing market. Third, the paper discuss labour migrants’ housing condition and quality of life from the perspective of human resource management and labour productivity.The author argues that the Russian housing market is segregated. Migrant’s housing deals are possibly the origin or bottom of the housing market. Some of their deals also seem to be invisible in the official housing statistics, that is to say, taking place in the informal housing market. This study is based on the results of a sociological survey conducted in some cities of Russia 2017 by the author.

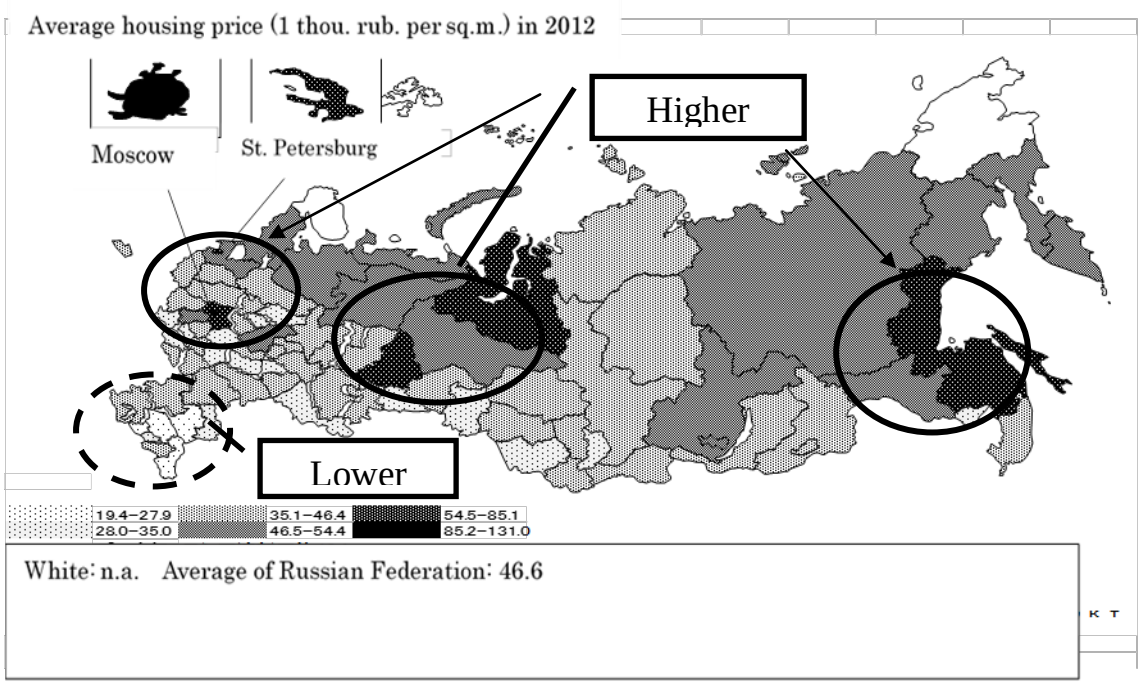
Keywords: Housing, Immigrant, Segregation, Integration, Multi-layered structure, Rental housing market

One of our unique research aspect is arguing the relation between immigrants' housing and Russian regional housing market. We aim to explain the following academic question. How does demographic movement reflect on the regional housing market in Russia; especially reflection on the regional housing price and housing rental fee? We will try to investigate the correlation between the regional housing price or housing rental fee and immigrant inflow or immigrant density in some regoins in Russia, based on the queistional survey. Their movement and housing demand change the regional economy.

Now we can consider a hypothesis: Immigrants' inflow reflect housing price or rental fee – giving a pressure downward or upward? The previous literatures are divided into two views. On the one hand, ethnic and cultural conflict etc among immigrants settlement bring downward housing price in the high density district of immigrants (Vendina (2004, 2005), Zayonchkovskaya et al. (2009), Fedotenkov and Mikolajun (2013), Demincheva and Peshkova (2014), Limonov and Nesena (2016)). Increasing of immigrant from central Asia and Caucasian reflected the housing price level of their residential districts in Moscow. They mainly had researched the case of Moscow city.

Pic. 1 is Rosstat data's housing price map by Russian federation. These three solid lined circle are regions which typically accept immigrant labor. Three areas' housing price level is higher than federal average (Federal avegare 46.4 thous. per sq.m). These areas shows that immigrants inflow might give a pressure upward housing price. As far as we go to the case of Moscow and some regions, it seems that immigrant inflow would reflect the regional housing price of Russia.

However, on the level of Russian Federation , we can't make a clear whether immigrant labor reflects on the regional housing price or not. The one dotted lined circle is region which is lower price than average, though this area is also the regoin that typiccally accept immigrant labor. In the Stavropol area, immigrant inflow doesn't give a reflection to the housing rental selling price.

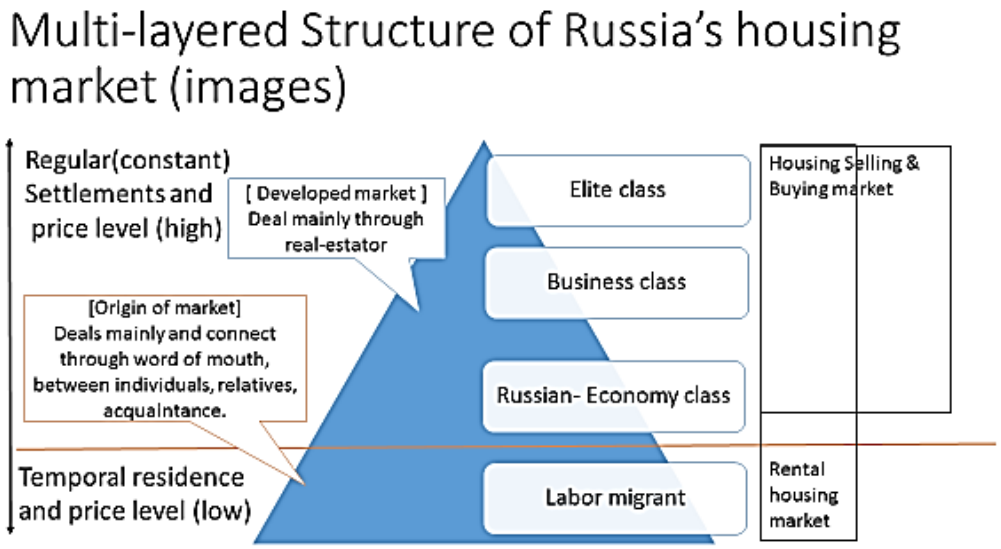
Source: Rosstat (2012) and Michigami (2016)

Pic. 1. Average housing price (1 thou. rub. per sq.m.) in 2012

According to Kashnitsky and Gunko (2016), we can't find the correlation between housing prices and intensities of in-migration at the level of city districts of Moscow. In fact, it is difficult for us to prove it econometrically that increasing of immingrant inflow would reflect on the housing price or rental fee level of their residential districts in Moscow and other cities. The level of price and rental fee are affected by multiple reasons: population movement, business cycle, interest rate, the volume of new housing construction, and the city's urban development plan etc. Beside it, the level of rental fee for immigrant is usually cheaper than the

average. We can construct our hypothesis that immigrants' housing transaction would reflect not on housing price and rental fee, but on the housing market structure, that is, segregation and informality of housing market. Moreover, Ашкинази и Векштейн (2009) showed that the lender prefers to lend their apartment for only Russian to prevent from some ethnic conflictions from central Asia and Caucasus and trouble caused by such confliction. Actually, we can often see the conditions on the website of real estate agency at Moscow; this housing is lent for only Russian, or not for Central Asian.

Therefore, We have the original image of housing market in Russia. That is "multi-layered structure of housing market in Russia (Pic. 2). Russia's housing market has some stratum according to categorized customers' demand; Elite class, Business class, Economy class, and rental apartment, dormitory, dacha, container etc. The bottom is for labor migrants' housing circulation at the purpose of using temporal residence according to their level of rental fee. We regard their transaction of housing as the nature of origin of market. Their deals mainly connect through word of mouth, between individuals, relatives and acquaintance. By climbing up the stratum, there deals circulate through real-estator. In addition, their housing use is regular settlement and their transaction is mainly selling and buying. The mobility and volume of housing deals at the bottom are higher and larger than the one of upper side. The temporal rental housing market mainly on the bottom of housing market. Most of them are the demand of immigrant labor into Russia. They might reflect to all of Russia's housing market dynamics. We would like to confirm this original image and idea with our questionnaire survey.

Source: Author's compiled

Pic. 2. Images of Multi-layered Structure of Russia's Housing Market

We did the original sociological questionnaire survey 25 cities all over the Russia (See the Table 1). We asked 62 questions against immigrant not only about housing conditions but also daily life and their job. The term of our questionnaire survey is from June in 2017 to March in 2018. Finally we collected the total number of respondents is 1003 persons (Average age 34.6 y.o. and oldest 65 y.o – youngest 18 y.o.). All of them are legal imigrants with the patent and permission for labor in Russia. The emigrated countries' formation of respondents is the following: Tadzhikistan (344 respondents), Uzbekistan (225), Ukraine (115), Kyrigyzstan (83), Armenia (51), Azerbaijan (42), Belarus (18), Kazakhstan (19), and others (106); China, North Korea, Vietnam, Moldova, Mongolia, Turkey, Italy, Georgia. The sex formation of all respondents is Men 79.2% (average age 34.4 y.o.) and Women 20.8% (average age 20.8 y.o.). The age formation of respondents is to 29 y.o. - (36.8%), 30-39 y.o. - (32.2%), to 40-49 y.o. - (23.9%), older than 50 y.o. - (6.7%), n.a. - (0.4%).

Results of pur questionnaire survey. The average level of one room apartment's rental fee on the real estate website TSIAN- Moscow (tentative calculation by author) is average 16416 ruble, median 16000 ruble, min 5000 ruble, max 38000 ruble. The one of our questionnaire suevry at Moscow is average 8527 ruble, median 6000 ruble, min 0 ruble, max 35000 ruble. Our outcome is very lower than market price. All our outcome of housing average fee is shown in Table 1. Now average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings; Economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment - 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub. (by Rossiskaya Gazeta, 2017/08/23). These price levels are for Russian people, not for foreigner and migrant labor. We really find low level of immigrant rent and see the bottom aspect of housing market by our questionnaire survey.

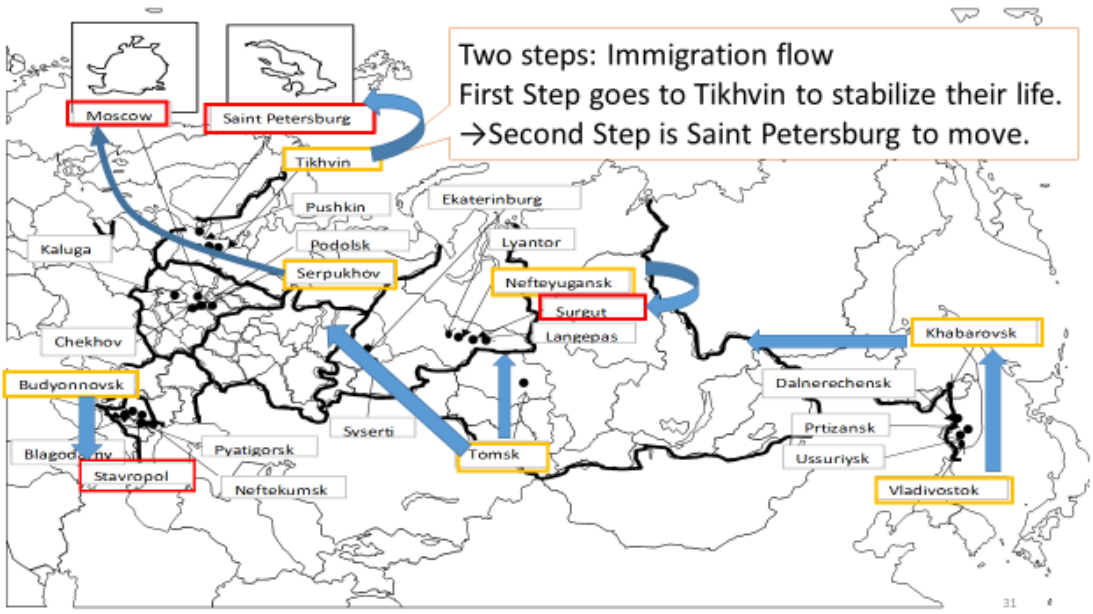
Table 1

Average housing rental fee by region of our questionnaire survey

Distance	city	ave.rent per	Distance	city	ave.rent per sq.m
center	***Moscow***	***273.5***	***center***	***St. Petersburg***	***238.8***
40km	Podolsk	160.7	24km	Pushkin	210.0
80km	Chekhov	206.3	**220km**	**Tikhvin**	**260.6**
100km	**Serpukhov**	**311.5**	***center***	***Ekaterinburg***	***309.6***
188km	Kaluga	229.0	50km	Sysert	132.1
center	***Vladivostok***	***297.7***	***center***	***Stavropol***	***251.6***
100km	Ussuriysk	201.8	116km	Blagodarny	147.5
170km	**Partizansk**	**261.2**	**144km**	**Pyatigorsk**	**270.0**
400km	Dalnerechensk	204.6	240km	Neftekumsk	244.7
center	***Surgut***	***252.2***			184.5
46km	**Nefteyugansk**	**322.5**		**Khabarovsk**	**436.7**
96km	Langepas	178.3		**Tomsk**	**265.0**
77km	Lyantor	143.7		total av.	242.3

Source: Author's calculation

According Table 1, we can see another trend. The rent level of Serpukhov city is higher than Moscow, which is 100 km far from the center Moscow region. The level of Tikhvin city is as well as the case of Sepukhov city; it is higher than St. Petersburg, which is 220 km far from the center city of Leningrad region. The same trend is shown similraly in the Stavropol and Surgut region. We find some "Relay points of immigrant inflow before their going to big cities". They seem that they move by two steps. For example, on the first step, immigrants move to Tikhvin to stabilize their life. Then, on the second step, they move to Saint Petersburg. We would like to investigte further by interview research against immigrants.

Source: Author's compiled

Pic. 3. The image of immingrants' two step movement

References and Sources

1. Michigami, Mayu (2017), “Immigrants’ housing environment and multi-layered structure of housing market in Russia: from the interim results of sociological questionnaire”, Миграция и социально-экономическое развитие, №4.2017, forthcoming.
2. Michigami, Mayu (2016), “Shijohendou ni yureru Rosia Toshi Juutaku (Russian Urban Housing swaying to the Market Fluctuation)”, in ed. Koji Nakatsu, Kironitatsu Chugoku to Rosia (China and Russia at the Crossroad), Soseisha, 2016, pp.171-192. (In Japanese)
3. Rosstat (2012, 2016), Российская Статистическая Ежегодник. -Москва: Rosstat. 2012 and 2016.
4. Rossiskaya Gazeta, 23 августа 2017г. https://rg.ru/2017/08/23/reg-cfo/v-moskve-ceny-na-arendu-kvartir-ostalis-prezhnimi.html
5. Real estator website: TSIAN https://www.cian.ru/ accessed on 3 September and 7th November 2017.
6. ООО «СТЕРНИКС КОНСАЛТИНГ», Жилищный рынок городов России в 1 полугодии 2017 года: Стагнация надолго, Москва, 2017. http://realtymarket.ru/
7. Demintseva E. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017, vol.43, Issue 15, pp.2556-2572.
8. Ашкинази Л. Векштейн М., Национальные предпочтения при аренде жилплощади в Москве, или «кроме ККА и Азии», //Вестник Общественного Мнения. 2009, №1 (99) Стр. 97-100.
9. Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? / Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск третий. М.: Центр миграционных исследований; Институт географии РАН, 2005.
10. Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? //Вестник общественного мнения. 2004. № 3. С 52-64.
11. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Вендина О.И., Тюрюканова Е. В., Иванова Т.Д., Гельбрас В. Г. Иммигранты в Москве, Центр миграционных исследований; Институт Кеннана: под ред. Ж.А. Зайончковской. -М: Три квадрата, 2009.
12. Kashnitsky I., Gunko M., Spatial variation of in-migration to Moscow: Testing the effect of housing market // Cities, 2016, Vol. 59, November, pp.30-39
13. Demintseva Y. The New Muscovites, Migrants from Central Asia, 21 march 2014. No.1, 2014. Russia in global affairs. http://eng.globalaffairs.ru/number/The-New-Muscovites-16509
14. Limonov L., Nesena M., Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? // Aria Development and Policy, Vol.1, 2016, Issue1, pp.63-93
15. Деминцева Е., Пешкова В., Мигранты из Средней Азии в Москве. Демоскоп №597-598, 5-18 мая 2014. http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

МУКОМЕЛЬ Владимирв Изявич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: mukomel@isras.ru

LABOUR MIGRANTS IN RUSSIA: PROBLEMS OF INTEGRATION AND IDENTITY

Vladimir I. MUKOMEL, Doctor of Sociology, chief researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: mukomel@isras.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ процесса адаптации и интеграции мигрантов на рынке труда. В качестве критериев успешности/неуспешности процесса интеграции рассматриваются доступность и простота вхождения в локальные рынки труда, распространенность незаконного и неформального труда, мобильность на рынке труда, специфика рабочих коллективов, где концентрируются трудовые мигранты, идентичность разных групп трудовых мигрантов. Исследование показало, что мигранты адаптированы к изменениям на рынке труда, чему в немалой степени способствуют дифференциация занятости мигрантов и вертикальная мобильность части из них. Наиболее значимыми каналами адаптации и интеграции мигрантов на рынке труда становится работа в многоэтничных коллективах, широкое использование русского языка в процессе трудовой деятельности, позволяющие им расширить свой кругозор и поле коммуникаций с российскими гражданами и соответствующим образом трансформирующие структуру их идентичностей. Самое серьезное внимание должно быть уделено предотвращению социальной исключенности мигрантов вследствие сложностей легализации труда, распространенности незаконной и неформальной занятости. Эмпирической базой для анализа являлись результаты социологических опросов Центра этнополитических и региональных исследований для Высшей школы экономики (НИУ-ВШЭ) в 2017 г. (8,6 тысяч мигрантов).

Ключевые слова: трудовые мигранты, рынок труда, занятия, мобильность, незаконная занятость, неформальная занятость, язык, идентичность

Abstract. The aim of the study is to analyze the process of adaptation and integration of migrants in the labor market. The accessibility and ease of entering the local labor markets, the prevalence of illegal and informal labor, mobility in the labor market, the specifics of working groups, where labor migrants are concentrated, the identity of different groups of labor migrants are considered as criteria of success/failure of the integration process. The study showed that migrants are adapted to changes in the labor market, which is largely facilitated by the differentiation of migrant employment and the vertical mobility of some of them. The most significant channels of adaptation and integration of migrants in the labor market is the work in multi-ethnic groups, the widespread use of the Russian language in the labor process, allowing them to expand their horizons and the field of communication with Russian citizens and accordingly transforming the structure of their identities. The most serious attention should be paid to the prevention of social exclusion of migrants due to the difficulties of legalization of labor, the prevalence of illegal and informal employment. The main empirical basis for analysis was the results of sociological polls conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies for the Higher School of Economics in 2017 (8,6 thousand migrants).

Key words: labour migrants, labor market, occupations, mobility, illegal employment, informal employment, language, identity

Введение. На территории России постоянно находятся от 9,2 до 11,8 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства [1]. Конъюнктурное снижение численности мигрантов в России в последние годы преходяще и не снимает проблемы их адаптации и интеграции на рынке труда, являющейся одной из наиболее сложных сфер политики интеграции.

Настоящая статья посвящена анализу этих проблем, а в качестве критериев успешности/неуспешности процесса интеграции рассматриваются доступность и простота вхождения в локальные рынки труда, распространенность незаконного и неформального труда, мобильность на рынке труда, специфика рабочих коллективов, где концентрируются трудовые мигранты, идентичность разных групп трудовых мигрантов.

Статья базируется на обследовании, проведенного Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для НИУ-ВШЭ в 2017 г. (8577 респондентов в 19 регионах России).

Социально-демографические профили и профили занятости. Типичный мигрант - молодой мужчина со средним образованием, чаще всего - состоящий в браке. Почти половина всех мигрантов - это люди с общим средним образованием, доля с высшим и незаконченным высшим – 19%. (Однако и доля с образованием ниже среднего общего крайне мала – 3,3%).

Подавляющее большинство опрошенных респондентов работают (84,3%). Еще 9,4 % - временно не работают, но ищут работу.

Основными видами занятости мигрантов являются: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий – 33,6% работающих, строительство – 16,3%, коммунальные, социальные и персональные услуги – 13,9%, домашние хозяйства – 8,0% гостиницы и общественное питание – 7,2%, транспорт и связь – 7,0 % работающих. На иные виды экономической деятельности приходится менее 15% работающих.

Сферы занятости мигрантов диверсифицируются и все больше мигрантов занимают рабочие места, на которых работодатель предъявляет повышенные требования к работнику: прогнозируемость ежедневного выхода на работу, знание языка, умение работы в коллективе.

Имеются определенные различия в видах экономической деятельности долгосрочных (находящихся на территории России более года), краткосрочных / циркулярных мигрантов, а также впервые прибывших в Россию. Если долгосрочные мигранты концентрируются в торговле, для циркулярных мигрантов привлекательны также строительство и транспорт, – виды деятельности, позволяющие им регулярно совершать поездки на Родину, к семье.

Впервые прибывшие на российский рынок труда – многие из них являются выпускниками образовательных учреждений - занимают «плохие» рабочие места: больше половины из них работают неквалифицированными рабочими.

Среди иностранных работников имеются и квалифицированные, и высококвалифицированные специалисты, однако их удельный вес невысок: руководителями (группа 1 по ISCO-08) работают лишь 2,0% мигрантов, специалистами высшей и средней квалификации (группы 2 и 3) – 2,3% и 3,0%, соответственно. Служащие, занятые подготовкой документации, учетом и обслуживанием – еще 2,3% мигрантов.

Основная часть работников (61,2%) заняты физическим трудом, причем неквалифицированные работники составляют почти треть (32,2%) работающих мигрантов. Как правило, это рядовые исполнители, не имеющие в подчинении других работников (88,9% мигрантов).

Наиболее распространена занятость в небольших предприятиях и организациях: на предприятиях с численностью до 10 человек работают 40,3% мигрантов, с численностью занятых 10-49 человек – 35,7% мигрантов.

Незаконная и неформальная занятость. Значительная часть работающих мигрантов не имеют законных оснований для занятия трудовой деятельностью. Очень высока доля работающих без законных на то оснований в домашних хозяйствах – 49,2%, сельском хозяйстве – 39,2%, мала - в системе образования, где особенно жесткий контроль (11,7%).

Наиболее распространена нелегальная занятость на микро- и малых предприятиях. Наряду с незаконной занятостью, широко распространена неформальная занятость, когда отношения с работодателем не оформляются документально. Зона неформальной занятости – малый бизнес. На микропредприятиях до 15 человек занято 64,1 % работающих на основе устных соглашений, на малых предприятиях до 100 человек – еще 18,5 %.

Законно работающие мигранты получают больше не имеющих разрешительных документов в среднем на 10%. Неформальная занятость и занятость иностранцев без законных на то оснований, серьезно ограничивает их возможности экономической интеграции, способствуя их социальной исключенности.

Трудовая мобильность. Основная часть мигрантов, имеющих опыт работы на Родине, приезжая в Россию вынуждены менять вид экономической деятельности: только треть из них (33,4%) занимаются тем же видом деятельности, что и на Родине.

Редко продолжают трудиться ранее занятые в сельском хозяйстве, сложно найти рабочие места работавшим в госуправлении, обеспечении военной безопасности, доступ которых к аналогичным рабочим местам в России ограничен.

Наименее склонны менять вид деятельности работавшие до приезда в Россию в привлекательных для мигрантов и конкурентоспособных сферах занятости: в торговле, строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, домашних хозяйствах.

В массовом порядке мигранты, приезжая в Россию, уходят в торговлю, строительство, коммунальные и социальные услуги, домашние хозяйства, в т.ч. квалифицированные работники с опытом работы в здравоохранении и образовании. Подавляющая часть этих работников заняты в торговле (34,8% работавших в здравоохранении, 39,2% – работавших в системе образования), коммунальном и социальном обслуживании (11,8% бывших работников здравоохранения и 42,4% – образования).

На российском рынке труда не востребованы не только специфические знания и навыки, которыми мигранты обладали в конкретном виде деятельности до приезда в Россию. В первую очередь, не востребованы образование и квалификация работника (рис. 1).

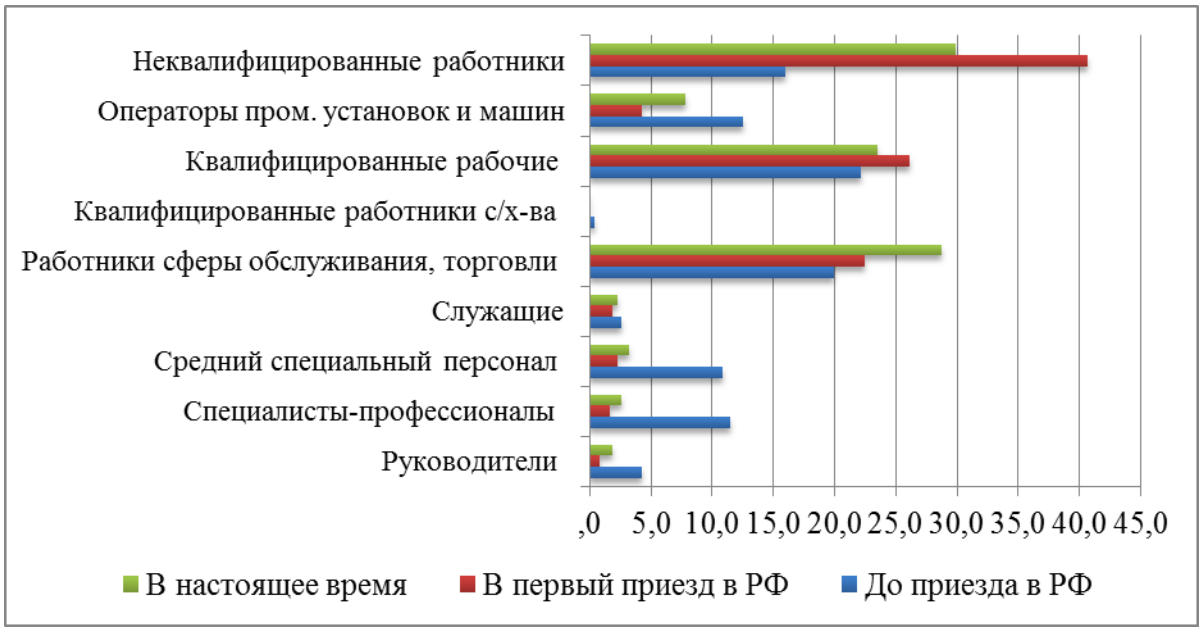

Рис. 1. Занятия респондентов на Родине, в первый приезд в Россию и в настоящее время (N=5427), в %

С наибольшими сложностями сталкиваются квалифицированные кадры: среди работавших на Родине руководителей и специалистов-профессионалов, лишь 13,6% руководителей и 18,2 % специалистов работают на соответствующих рабочих местах в России. Однако, по мере адаптации, части мигрантов удается вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки.

Рабочие коллективы. Моноэтнические мигрантские рабочие коллективы не столь уж распространены, в них работают чуть больше пятой части мигрантов. Чаще всего мигранты работают в смешанных коллективах - 41,1%, 14,3% работают вместе с местными работниками, чуть меньше - с внутрироссийскими мигрантами (4,2%), мигрантами из других стран – 11,8%.

Однако в рабочих коллективах основным языком общения является русский. 55,4% опрошенных мигрантов, для которых русский не является материнским (родным), указали, что на работе общаются на русском языке, еще 36,9% общаются и на русском, и на другом (родном) в равной степени и лишь 3,7% - только на родном

Имеется прямая связь между этническим составом рабочих коллективов и языковыми практиками (табл. 1).

Таблица 1

Язык общения в рабочих коллективах с разным этническим составом

Состав рабочего коллектива	На каком языке Вы чаще всего общаетесь в России на работе?				Всего
	На русском	На русском и на другом в равной степени	На другом	Не относится, з/о	
В основном приезжие из моей страны	43,2%	48,8%	7,7%	,3%	100,0%
В основном приезжие из других стран	66,8%	30,5%	2,4%	,3%	100,0%
В основном местные жители	91,6%	7,6%	,5%	,3%	100,0%
В основном граждане России, приехавшие из других регионов	88,8%	10,6%	,6%		100,0%
Смешанный состав, всех понемногу	66,8%	31,1%	1,4%	,7%	100,0%
Работаю один/ одна	84,9%	13,7%	,6%	,8%	100,0%
Нет ответа, з/о	64,8%	28,9%	3,9%	2,3%	100,0%
Всего	67,5%	29,3%	2,7%	,5%	100,0%

Однако даже в моноэтничных коллективах лишь 7,7% не используют русский язык, а 43,2 % общаются исключительно на русском.

Идентичность разных групп трудовых мигрантов. Работа, рабочий коллектив оказывают влияние на структуру идентичностей трудовых мигрантов (рис. 2). Для работающих вместе с соплеменниками особо значима национальная принадлежность, идентификация себя с гражданами страны исхода, уроженцами своего города, деревни. Для тех, кто работает с местными жителями, характерна иная структура идентичностей, при которой возрастает роль идентификации себя с гражданами России и, особенно, с местными жителями.

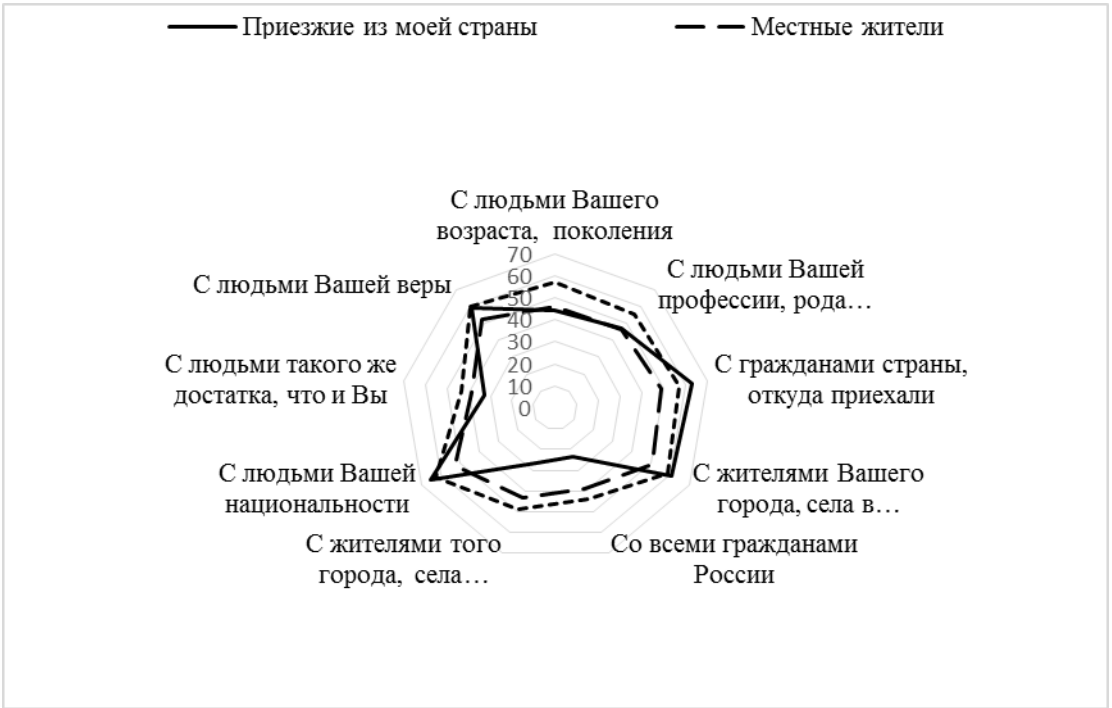

Рис. 2. Структура идентичностей мигрантов, работающих в разных коллективах (с приезжими из своей страны, местными жителями, приезжими из других регионов России) и «часто» идентифицирующими себя с…, %

Работающие с мигрантами из других стран - более возрастные работники, среди которых много женщин (38%), с лучшим образованием, занимающие более статусные позиции на рынке труда. В силу вышеназванных причин они чаще идентифицируют себя с людьми своего поколения, профессии и достатка, при этом у них наиболее выражена идентификация себя с местными жителями и российскими гражданами.

Заключение. Дифференциация занятости мигрантов, вертикальная мобильность части из них свидетельствуют, что процесс их адаптации на рынке труда идет небезуспешно. Однако адаптация и интеграция мигрантов затруднена вследствие существующих правовых и неправовых ограничений, дискриминационных практик, способствующих незаконной и неформальной занятости, т.к. мигранты сталкиваются с процедурными и финансовыми проблемами легализации занятости.

Наиболее значимыми каналами адаптации и интеграции мигрантов на рынке труда становится работа в многоэтничных коллективах, широкое использование русского языка в процессе трудовой деятельности, позволяющие им расширить свой кругозор и поле коммуникаций с российскими гражданами и соответствующим образом трансформирующие структуру их идентичностей.

Список литературы и источников

1. Ромодановский К.О., Мукомель В.И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5-18.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ

ОЧИРОВА Оюуна Анатольевна, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, e-mail: sociologm@mail.ru
ПЕТРОВА Арюуна Анатольевна, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, e-mail: petrova.aryuuna@mail.ru

PECULIARITIES OF ADAPTATION OF FORCED MIGRANTS FROM UKRAINE ON THE TERRITORY OF BURYATIA

Oyuuna A. OCHIROVA, Professor of East Siberian state University of technologies and management, Ulan-Ude, Russia, e-mail: sociologm@mail.ru
Aryuuna A. PETROVA, Associate Professor, East Siberian state University of technology and management, Ulan-Ude, Russia, e-mail: petrova.aryuuna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема противоречия между пониманием российским обществом положительного влияния иммиграции на сложную внутреннюю демографическую ситуацию, в которой находится современная Россия, и неготовностью общества принимать “других” на практике. Авторами представлен анализ отдельных результатов исследования проблем социокультурной адаптации украинских мигрантов в столице Бурятии, проведенного в 2015 году. Прибывающие из Луганской и Донецкой областей Украины рассматриваются как мигранты, наиболее близкие российскому населению в языковом, культурном, образовательном, религиозном отношениях. Обосновывается значимость первого года пребывания на принимающей территории для изучения адаптации. Проверяется гипотеза по поводу признаков и условий адаптации. Опрос проведен в столице Бурятии в сентябре – октябре 2015 г.; модель выборки – малая; отбор произведен “методом доступных

случаев"; анкета стандартизированная. Эмпирические данные, полученные авторами в ходе исследования, помогут в дальнейшем изучении проблем адаптации беженцев, вынужденных переселенцев и получивших временное убежище.

Ключевые слова: мигранты, адаптация, Украина, Бурятия

Abstract. the article deals with the problem of contradiction between the Russian society's understanding of the positive impact of immigration on the complex internal demographic situation in which modern Russia is located and society's unwillingness to accept "others" in practice. The authors present an analysis of the individual results of the study of the problems of socio-cultural adaptation of Ukrainian migrants in the capital of Buryatia, held in 2015. Arriving from Lugansk and Donetsk regions of Ukraine are considered by the authors as migrants closest to the Russian population in linguistic, cultural, educational and religious relations. The importance of the first year of stay in the host territory for the study of adaptation is substantiated. Tests a hypothesis about the characteristics and conditions of adaptation. The survey was conducted in the capital of Buryatia in September – October 2015; the sample model was small; the selection was made "by the method of available cases"; the questionnaire was standardized. Empirical data obtained by the authors in the course of the study will help to further study the problems of adaptation of refugees, internally displaced persons and those who have received temporary asylum.

Keywords: migrants, adaptation, Ukraine, Buryatia

Введение. На современном этапе развития общества мирное решение проблем между определенными группами и целыми государствами уступает место конфликтам и военным действиям. Потоки людей, потерявших собственную территорию проживания, вынуждены вторгаться в чужую. Они привносят свой собственный багаж мировоззрений и потребностей, тем самым преломляя важный фактор национальной безопасности – общегражданскую идентичность [1].

Методологический аспект исследования. Изучение источниковой базы по теме адаптации мигрантов из Украины позволило соотнести авторские предположения с аргументами других исследователей. Безусловно, роль международной миграции возрастает в демографическом развитии [2]. Поэтому основным подходом к изучению адаптации мигрантов является "восприятие украинских переселенцев как важного трудового и демографического ресурса для развития России" [3, с.49].

Нами сформулированы основные проблемы и положения исследования:

– оказавшиеся в экстремальной ситуации выходцы из Украины, находясь под воздействием множества стресс-факторов [4, с. 211], в том числе считающие данную ситуацию следствием обострения российско-украинских отношений, ожидали гораздо большую помощь со стороны РФ;

– слабыми звеньями в цепи технологии помощи мигрантам из Украины оказались: отсутствие достоверной информации, слабая организационная работа подразделений федеральной миграционной службы, низкий уровень профессионализма, производственной культуры ряда работников учреждений по миграции [5, с. 141], здравоохранению, социальных служб;

– принимающее общество оказалось в целом неготовым принять "других" такими, какие они есть, не относилось к ним, как к потенциальному трудоспособному населению, как к будущим согражданам. Работники УФМС и других принимающих структур были слабо мотивированы на стратегию и тактику поведения, формально подходили к проблемам мигрантов [6, с. 36];

– учитывая опыт 2015 года, необходимо разработать альтернативные технологии адаптации с учетом территории исхода, в которых должны быть четко обозначены процедуры и операции, приводящие к желаемым целям миграционной политики. Алгоритмизация действий, технологизация деятельности по приему мигрантов поможет преодолеть влияние субъективного фактора во взаимоотношениях прибывших групп и принимающих структур;

– первый год пребывания на принимающей территории является наиболее важным периодом для принятия решения мигрантом, оставаться здесь или мигрировать в другой регион страны в случае

ожидания российского гражданства. Поэтому для теории и практики миграционной работы не теряет актуальности уникальный опыт научных исследований 2015 года.

Эмпирическая база исследования. Опрос проводился осенью 2015 года [7]. Исследование планировалось как пилотажное, но на современном этапе уникальность опыта этой группы респондентов позволяет также обобщать результаты и использовать их для анализа подобных ситуаций. В данной статье нами представлен социальный портрет группы украинских граждан, согласие которых на опрос авторы посчитали маркером успешной адаптации. Отбор произведен "методом доступных случаев". Из 44 прибывших из Украины согласие на участие в исследовании дали 11 человек. Анкета стандартизирована для количественного анализа.

Таким образом, модель выборки малая – до 40 человек. Все респонденты прибыли из Донецкой и Луганской областей из следующих населенных пунктов: Николаев, Кривой Рог, Святогорск, Торез, Хмельницкий, Горловка, Никополь.

Среди респондентов 54,55% – мужчин, 45,45% женщин; 54,5% в возрасте от 31 до 40 лет, по 9,1% – от 20 до 30 лет, от 51 до 60, от 60 и старше. Среди опрошенных семейных с детьми – 3 чел., остальные – незамужем или неженаты.

Всего 36,4% респондентов после переезда в Бурятию отнесли себя к среднему слою, в то время как на Украине 81,8% считали себя таковыми. Профессиональный состав респондентов: сапожник по ремонту обуви, парикмахер, механик, администратор, водитель, грузчик, электрослесарь, оператор сверлильного станка.

Согласились на участие в опросе мигранты, решившие остаться в России. Причем их представления о Бурятии изменились в лучшую сторону. Им импонируют отсутствие угрозы жизни, мирная жизнь и спокойствие, позитивное отношение общества и красота природы Бурятии. 9 человек, или 81,8%, планируют остаться в Бурятии. Столько же приехали в Бурятию по совету родственников, друзей, а не по распределению.

Респонденты нуждаются больше всего во время пребывания в России, Бурятии в устройстве на работу, в предоставлении жилья, в получении социальных выплат, материальной помощи, в устройстве детей в детский сад, школу, а также в медицинской помощи, предоставлении одежды и обуви.

На вопрос о том, с какими проблемами респонденты столкнулись во время пребывания регионе, ответы распределились следующим образом: 1) отсутствие жилья; 2) трудности в оформлении документов; 3) дискриминация по признаку национальности в сфере труда, при обращении за медпомощью, аренде жилья т.д.

Респондентами были распределены официальные услуги по степени важности. В качестве таковых, то есть значимых, отмечены: содействие в поиске дешёвого жилья специально для мигрантов, помощь в трудоустройстве по прямому договору с работодателем, оформление разрешительных документов.

Заключение. От решения множества проблем, с которыми столкнулись мигранты, зависит успешность их приспособления. Наиболее адаптированной в подобных экстремальных ситуациях, в какой оказались в 2015 году жители Луганской и Донецкой областей Украины, является группа, отличающаяся целерациональным поведением, мотивом которого является получение российского гражданства. Связывание своего будущего с принимающим обществом помогает получить уверенность, "переключиться" со стресс-факторов на повседневность. А также мотивирует на любой контакт с официальными структурами, что является, на наш взгляд, демонстрацией законопослушания перед данным государством. Таким образом, мигрантов, вынужденно находящихся за пределами родины, можно в первый же год пребывания на чужбине разделить на три группы с разными уровнями адаптации:

– группа А – назовем её как "открытая", отзывающаяся на контакт, поскольку её члены твердо решили взять гражданство принимающей страны;

– группа B – назовем её как “полуоткрытая / полузакрытая”, поддающаяся на контакт, члены которой окончательно не определились со сменой гражданства.

– группа C – назовем её как “закрытая”, не поддающаяся на контакт, члены которой не связывают свое будущее с принимающим обществом, находятся в ожидании отъезда на родину.

Внутри каждой группы следует выявить страты и дать им более полную характеристику для того, чтобы разработать специфические технологии адаптации для мигрантов, не по своей воле оказавшихся в другой стране.

Список литературы и источников

1. Антонов В.И., Очирова О.А. Российская идентичность как фактор национальной безопасности в фокусе современных миграционных процессов: региональные особенности и противоречия // В сборнике: Обеспечение национальной безопасности России в современном мире. Байкальский государственный университет. 2016. С. 253-260.

2. Aleshkovski I. A. International migration and globalization: global trends and perspectives // Journal of Globalization Studies, Vol.7 No 2,November 2016, 32-48

3. Рязанцев С., Скоробогатова В. Украинская миграция в приоритетах развития России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 38-51.

4. Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России: монография / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2017. – 252 с.

5. Стегний В.Н., Антипьев К.А. Проблемы адаптации беженцев из Украины в России // Власть. 2015. № 6. С. 138-145.

6. Подлесная М.А., Хомутова Ю.И. Беженцы с юго-востока Украины: опыт социальной адаптации // Теория и практика общественного развития. № 8. 2016. С. 29-36.

7. Очирова О.А. Социальная адаптация мигрантов в принимающем обществе: презентация научного проекта // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 4. С. 104-107.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ

ПЕРМИНОВА Галина Иосифовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и экономики труда Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: perminova.gi@dvfu.ru

КРАЛЮК Кристина Олеговна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: kraliuk.ks@mail.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF MOTIVATION AND STYMULATION OF PERSONNEL IN MULTINATIONAL COMPANIES

Galina I. PERMINOVA, PhD in Economics, Associate Professor of Personnel Management and Labor Economics at the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: perminova.gi@dvfu.ru

Kristina O. KRALIUK, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kraliuk.ks@mail.ru

Аннотация. Сочетание единых корпоративных стандартов и локального подхода в кадровой политике и, особенно в системе мотивации, является разумным решением для многонациональных корпораций, что подтверждается финансовым успехом выбранных компаний и высоким уровнем

удовлетворенности сотрудников. В результате анализа стратегий мотивации персонала в международных компаниях было установлено, что на практике разные МНК, находящиеся на территории одной страны, имеют меньше различий, чем филиалы одной МНК, находящиеся в разных странах

Ключевые слова: многонациональная компания, мотивация, стимулирование, персонал, глокализация

Abstract. The combination of unified corporate standards and local approach in personnel policy and, especially, in the motivation system is a very good solution for multinational corporations, which is confirmed by the financial success of selected companies and high level of employee satisfaction. As a result of the analysis of staff motivation strategies in international companies, it was found that in practice, different MNEs located in the territory of one country have fewer differences than branches of the same MNC that are located in different countries.

Keywords: multinational company, motivation, incentives, personnel, glocalization

Многонациональные компании (далее - МНК), имея дело с большим количеством сотрудников, нацелены на создание оптимальной мотивационной системы или, по крайней мере, на интегрирование отдельных мотивационных инструментов в процесс управления человеческими ресурсами.

Основной проблемой является то, что в международных компаниях существуют единые стандарты, которые применяются ко всем филиалам. Это приводит к недостаточной гибкости функционирования HR-технологий в процессе управления мотивацией персонала многонациональных компаний.

Гипотеза исследования. Анализ стратегий мотивации персонала в международных компаниях позволяет предположить, что на практике в разных многонациональных компаниях, находящихся на территории одной страны, меньше различий, чем в филиалах одной МНК, находящихся в разных странах, что приводит к выбору средней стратегии между общей стандартизацией и полной адаптацией, называемой глокализацией.

Особенности управления системой мотивации и потребностями в многонациональной среде были исследованы [1] на примере шведских многонациональных компаний, таких как Oriflame, SCA, Volvo и IKEA, а также двух американских многонациональных компаний - IBM и Deloitte, которые имеют представительство в России и Швеции.

Характеристика деятельности исследуемых компаний представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика МНК

	Промышленность	Штаб-квартира	Основана	Количество сотрудников	Доходы в евро
Oriflame	Косметика	Швеция	49 лет назад	6500 Швеция – 482 Россия – 1662	1,3 млн.
SCA	Средства личной гигиены	Швеция	87 лет назад	44000 Швеция – 4247 Россия – 1300	11,4 млрд.
Volvo	Автомобили	Швеция	89 лет назад	110000 Швеция – 15153 Россия – 70	30,9 млрд.
IKEA	Розничная торговля	Швеция	73 года назад	140000 Швеция – 6493 Россия – 1466	29,3 млрд.
Deloitte	Профессиональные услуги	США	171 год назад	225400 Швеция – 1100 Россия – 2000	31,2 млрд.
IBM	IT-консалтинг, услуги, компьютерное оборудования	США	104 года назад	377757 Швеция – 1992 Россия – 1700	72,5 млрд.

Из представленных в таблице данных следует, что Oriflame-самая молодая компания, компания с самой длинной историей - Deloitte (171 год), а наибольшее количество работников и доход имеет IBM.

Каждую конкретную компанию характеризуют стандарты, которые и должны соблюдаться всеми дочерними структурами.

Так, представители компании Oriflame подчеркивают развитие предпринимательского духа, SCA - развивают у сотрудников чувство принадлежности и вовлеченности работников в дела компании [1], в Volvo считают, что бренд компании побуждает сотрудников быть активными, в IKEA ценят высокий уровень справедливости, свободу общения и «семейную» атмосферу в компании.

Deloitte и IBM гордятся высокими зарплатами и бонусными программами, IBM - умением работать в команде, Deloitte отличается децентрализованной управленческой системой.

Все компании используют теорию потребностей (пирамиду) Маслоу. Например, в SCA беспокоятся за безопасность рабочих на заводах и проводят регулярные тренинги. Для удовлетворения социальных потребностей компании стараются создать условия для свободного общения между сотрудниками на разных уровнях, что позволяет обменяться знаниями и развить командный дух.

Комфортная внутренняя рабочая среда помогает сократить неудовлетворенность работников своей работой, в том числе учитываются отношения с коллегами и ставки заработных плат, которые, согласно двухфакторной теории Герцберга, удовлетворяют гигиенические факторы потребностей сотрудников.

Использование теории справедливости Адамса позволяет адекватно и справедливо оценить вклад каждого сотрудника и наградить его.

Удобная внутренняя рабочая среда помогает сократить неудовлетворенность работников своей работой, в том числе учитываются отношения с коллегами и ставки заработных плат, которые, согласно двухфакторной теории Герцберга, удовлетворяют гигиенические факторы потребностей сотрудников.

Еще одна теория, которая подходит для всех компаний,- теория X и Y Макгрегора. Руководители МНК предполагают, что их сотрудники могут быть самостоятельными и творческими в работе, если они мотивированы должным образом.

Различия в использовании различных мотивационных инструментов наглядно представлены в табл. 2.

Таблица 2

Различия в использовании мотивационных инструментов между компаниями

	Oriflame	SCA	Volvo	IKEA	Doloitte	IBM
Финансовые бонусы	Размер бонуса зависит от успеха	Размер бонуса зависит от успеха	Размер бонуса зависит от успеха	Размер бонуса зависит от успеха	Размер бонуса зависит от успеха и положения	Размер бонуса зависит от успеха
Зарплата	Зарплата + финансовое вознаграждение за достижения	Зарплата + финансовое вознаграждение за достижения	Зарплата + финансовое вознаграждение за достижения	Зарплата + финансовое вознаграждение за достижения	Зарплата + финансовое вознаграждение, для специалистов со стажем работы	Зарплата + финансовое вознаграждение, для специалистов со стажем работы
Коллективные мероприятия	Несколько событий в течение года, включая международные конференции	Несколько событий в течение года внутри компании	Коллективные тест-драйвы новых моделей, празднование Нового года	Несколько событий в течение года внутри компании	Несколько событий в течение года внутри компании	Несколько событий в течение года внутри компании

Межличностные отношения	Дружеские	Дружеские	Конкурентные, но без барьеров коммуникации	Дружеские	Конкурентные	Конкурентные между командами
Развитие	Внутренние тренинги для профессионального развития и общих интересов	Внутренние тренинги для профессионального развития и общих интересов	Различные тренинги в зависимости от положения и личных потребностей	Обсуждение развития с менеджерами, а также широкий спектр тренингов	Внутренние тренинги для профессионального развития и общих интересов	Внутренние тренинги для профессионального развития и общих интересов
Карьерный рост	Предпринимательский дух помогает легко получить продвижение	Инициатива помогает легко получить продвижение	Достижение целей и опыт помогает получить продвижение по службе	Успешное достижение целей, но это не так просто из-за низкой текучести кадров	Успешное достижение целей, но это не так просто	Инициатива помогает легко получить продвижение
Постановка целей	*Используется*	*Используется*	*Используется*	*Используется*	*Используется*	*Используется*
Наказание	Нет наказания	Нет наказания	В исключительных случаях	Нет наказания	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Награды	*Бонус или продвижение по службе*	*Бонус или продвижение по службе*	*Бонус или продвижение по службе*	*Бонус или продвижение по службе*	*Бонус или продвижение по службе*	*Бонус или продвижение по службе*
Признание	Подтверждение	Подтверждение	Подтверждение	Подтверждение	Подтверждение	Подтверждение
Стиль руководства	Абсолютно демократический	Абсолютно демократический	Демократический с небольшим контролем молодых специалистов	Абсолютно демократический	Более авторитарный	Более авторитарный
Чувство причастности	Разработано	Хорошо развито	Хорошо развито	Хорошо развито	Хорошо развито	Разработано

В таблице приведено краткое описание различий, которые существуют между выбранными компаниями. Выделенные столбцы указывают на общее сходство, которые существуют между этими многонациональными компаниями.

В результате анализа стратегий мотивации персонала в международных компаниях было установлено, что на практике разные МНК, находящиеся на территории одной страны имеют меньше различий, чем филиалы одной МНК, находящиеся в разных странах Это означает, что МНК выбирают среднюю стратегию между общей стандартизацией и полной адаптацией, которую называют глокализацией, что приводит к повышению уровня удовлетворенности сотрудников.

Список литературы и источников

1. Zohreh B.T. Mehdi, Musibau Akintunde Ajagbe Faculty of Management and Human Resource Development, 2010.

ОПЫТ АДАПТАЦИИ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПРИНИМАЮЩИХ СЕМЬЯХ ХАБАРОВСКА

ПОСВАЛЮК Наталья Эдуардовна, старший научный сотрудник, Вычислительный центр, ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: nposvaluyk@mail.ru
ПОСВАЛЮК Татьяна Валерьевна, экономист, ДВ ОЦОР – Структурное подразделение Центра корпоративного учета и отчетности «Желдоручет» - филиала ОАО РЖД, Хабаровск, Россия, e-mail: morningrain1@mail.ru

THE EXPERIENCE OF THE ADAPTATION OF UKRAINIAN REFUGEES IN THE ACCEPTING FAMILIES OF KHABAROVSK

Natalia E. POSVALYUK, Head of laboratory, Computing Center of the Far East Branch RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: nposvaluyk@mail.ru
Tatyana V. POSVALYUK, economist, Eastern regional general service center-structural subdivisions of the Center for Corporate Accounting and Reporting "ZhelDorUchet" branch of OJSC "Russian Railways", Khabarovsk, Russia, e-mail: morningrain1@mail.ru

Аннотация. В работе представлен уникальный опыт привлечения украинских беженцев на Дальний Восток, организации добровольческого содействия адаптации переселенцев в принимающих семьях хабаровчан. Трехлетний мониторинг свидетельствует об интеграции бывших беженцев в принимающее сообщество. Высказывается предложение о создании концептуальной модели адаптации переселенцев в принимающих семьях.
Ключевые слова: беженцы, вынужденные переселенцы, принимающее сообщество, принимающая семья, адаптация переселенцев.

Abstract. The work presents a unique experience of attracting Ukrainian refugees to the Far East, the organization of volunteer assistance for the resettlement adaptation in host families of Khabarovsk citizens. Three-year monitoring shows the integration of former refugees into the host community. A proposal is made to create a conceptual model for the adaptation of settlers in host families.
Keywords: refugees, forced migrants, host community, the host family, the adaptation of migrants.

Украинские беженцы в России – тема, сохраняющая свою актуальность на протяжении последних 3 лет. Первая волна беженцев с Донбасса, накрывшая юго-запад РФ в 2014 году, ввергла в шок население близлежащих к украинской границе городов. Организованная государственная и добровольческая помощь украинским беженцам в приграничных территориях РФ не могла удовлетворить потребности всех прибывших из зоны военного конфликта на Донбассе. Беженцев стали перемещать в удаленные от границы территории, что нередко вызывало недовольство у перемещаемых лиц. Многие граждане нашей страны были готовы оказать содействие в помощи и адаптации прибывающих людей. Основная цель помощи беженцам на тот момент заключалась в том, чтобы снизить плотность населения в приграничных городах и распределить потоки равномерно по России.

В 2015 году «ТелеФОМ» провел опрос 1000 респондентов о готовности россиян помогать беженцам. Большинство россиян утверждали, что с одобрением отнеслись бы к организации в их районе пункта временного размещения беженцев. Временно приютить украинских беженцев у себя дома согласились бы 39% опрошенных. [1].

Стремительно распространяющаяся в СМИ и социальных сетях информация об украинских беженцах и от самих беженцев была противоречивой, находила разный отклик у населения РФ, обнаруживались не только желающие помочь любыми возможными средствами, но и противники приема

беженцев. В социальных сетях и территориях, куда направлялись беженцы, возникали группы поддержки.

Одной из таких групп поддержки стали добровольцы из Хабаровска. Откликнувшись на единичные обращения украинских беженцев в сети с просьбой посоветовать, куда можно приехать на постоянное место жительства, кроме тех регионов, куда предлагалось беженцам организованное перемещение, был получен встречный интерес, пошли репосты ответов хабаровчан, началась работа, которая потребовала привлечения добровольных помощников. К действующей группе из 8 человек на разных этапах деятельности присоединялись как отдельные лица, так и коллективы.

Ключевым мотивом для установления взаимопонимания с потенциальными переселенцами стало упоминание о том, что многие дальневосточники, включая группу добровольцев, – потомки переселенцев из Украины 1908-1910 годов, хранители народных традиций и исторической памяти о родине своих предков. Кроме того, добровольцы старались показать преимущество жизни на Дальнем Востоке, рассказывали о перспективах и возможности вхождения в программу переселения соотечественников с существенной материальной поддержкой семей. На заметки дальневосточников стали откликаться семьи. В случае принятия решения о переселении на Дальний Восток, с потенциальными переселенцами предварительно обсуждались приемлемые варианты перемещения с учетом отсутствия государственной поддержки на тот момент времени. Беженцы, направляясь в Хабаровск, знали, кто их встретит и где они будут жить, при этом сразу достигалась договоренность, что в течение 3 месяцев им помогут устроиться на работу и найти постоянное жилье. Предложения по работе и жилью были подготовлены заранее. Добровольцы и представители организаций, которые приобретали билеты, дистанционно сопровождали беженцев, связывались с добровольцами Москвы и других городов на пути следования поездов, сообщали о нуждах путешественников, заболевших в пути. Их встречали на пути следования, приносили еду, теплую одежду, медикаменты. Первые семьи добрались до Хабаровска разными путями: на собственной машине, самолетом МЧС до Новосибирска, далее - поездом РЖД Хабаровска, самолетом до Хабаровска, билеты на который были куплены нашими земляками. В июле 2014 года принимающими семьями хабаровчан были встречены и приняты первые 6 семей (23 чел.).

С момента размещения в принимающей семье, осуществлялась как поддержка беженцев, так и семей (им добровольцы привозили еду, одежду, деньги, оказывали помощь в регистрации и оформлении документов). Беженцы сопровождались на всех административных этапах, осуществлялось взаимодействие с миграционной службой, медицинскими и социальными учреждениями, что позволило в течение 1 – 2 недель оформить необходимые документы, устроить людей на работу, учебу, получить помощь от общественных организаций. Большую работу провели частные предприниматели по оказанию помощи в приобретении необходимых вещей и предоставлении различных услуг (юридических, медицинских, транспортных, образовательных и других). В среднем, половина из прибывших беженцев, оформила пакет необходимых документов в течении 2 недель, в течении месяца они сумели определиться с арендой жилья и работой. Трудности возникли у одиноких мам по устройству на работу, но и здесь нашелся выход: дети были приняты в частный детский сад с оплатой по гранту в течение 6 месяцев, за этот период удалось матерей трудоустроить.

Жизнь в принимающей семье была организована по «гостевой» модели, когда беженцы позиционировались в семье в качестве «родственников», «пострадавших от войны близких друзей», что определяло совместное пребывание в квартире, участие в домашней работе и приготовлении пищи, совместной трапезе, воспитании детей. Как показало время, такое тесное общение с принимающей семьей позволило беженцам достаточно быстро справиться с острыми эмоциональными переживаниями, депрессивными расстройствами, агрессией, временными неудобствами, и начать устраивать жизнь на новом месте.

По прибытии на место переселенцы стали регулярно выкладывать в интернет - сети информацию о том, как их принимают в Хабаровске, приглашать своих родственников и знакомых, оказавшихся, как и они, в трудной жизненной ситуации, содействовать в организации их перемещения и

устройства. Вследствие увеличения потока мигрантов, были дополнительно привлечены гуманитарные силы Хабаровской епархии МП РПЦ, которые по благословению правящего архиерея митрополита Хабаровского и Приамурского Игнатия, в свою очередь, организовали сбор материальной помощи и передали во временное пользование помещения для пункта временного размещения беженцев. [2]

При добровольческом содействии жителей г. Хабаровска за период с 21 июня по 21 августа 2014 года прибыли на постоянное место жительство в Хабаровский край 81 человек из Украины, включая взрослых трудоспособного возраста 56 человек (мужчин – 25, женщин – 31) и 25 детей.

Через 3 месяца после начала общественных инициатив по переселению беженцев была запущена государственная программа по приему беженцев на территории Хабаровского края, открылись городские пункты временного размещения беженцев (ПВР). В этот период основная организационная работа по приему и сопровождению прибывающих беженцев была передана исполнительным службам города и края. При этом, добровольческая деятельность по сопровождению беженцев, проходивших адаптацию в принимающих семьях, не прекратилась. В течение первого года жизни на Дальнем Востоке переселенцы часто обращались с разными вопросами к своим добровольным помощникам, установились дружеские отношения с членами семей, в которых они жили.

Таблица 1

Характеристики семей беженцев, проживавших в принимающих семьях

Состав семьи	муж	жена	дети	сестры
Семья 1	1	1	3	2
Семья 2		1	1	
Семья 3	1	1	2	
Семья 4		1	1	
Семья 5	1	1	1	
Семья 6	1	1	3	
Всего: 6	4	6	11	2

До настоящего времени продолжается мониторинг прижившихся на Дальнем Востоке семей украинских переселенцев, результаты которого обнадеживают и позволяют высказаться об эффективности адаптации беженцев в принимающих семьях.

Таблица 2

Результаты мониторинга семей беженцев, проходивших адаптацию в принимающих семьях (2014 – 2018 гг.)

	Живут в Хабаровске	Живут в Хабаровске, родились дети	Хотят уехать	Уехали
Семья 1	V			1 (ж)*
Семья2				1(ж) 1(р) **
Семья 3	V	V (1)		
Семья 4	V		V	
Семья 5	V	V (2)		
Семья 6	V		V	
Всего 6	5		2	1

Примечание:

* Отъезд женщины связан с вступлением в брак в другом городе.

* * Отъезд семьи по семейным обстоятельствам (необходимость ухода за больным родственником)

Таким образом, в процессе оказания помощи украинским беженцам, был получен уникальный опыт привлечения населения на Дальний Восток, организации добровольческого содействия адапта-

ции переселенцев в принимающих семьях хабаровчан. Трехлетний мониторинг свидетельствует об интеграции бывших беженцев в принимающее сообщество. «Гостевая» модель адаптации в принимающих семьях оказалась высокоэффективной.

Все переселенцы уже в первый месяц пребывания в Хабаровске вышли на работу и учебу, ко 2 – 3 месяцу начали получать заработную плату, что позволило перейти им в собственное арендное жилье или на другую жилплощадь (по месту работы). Система сопровождения беженцев добровольцами в течение 3 месяцев, при необходимости – дольше, позволила им быстро интегрироваться в местное сообщество и начать самостоятельную жизнь. Быстрое решение проблем с работой, жильем и социальным устройством детей повышает шансы на долгосрочное проживание переселенцев в регионе. Все семьи в 2015 году получили Российское гражданство, три семьи воспользовались возможностью получения статуса переселенцев – соотечественников из зарубежа с соответствующими выплатами денежных средств. По результатам мониторинга 2014 – 2018 г.г. из семей, проходивших адаптацию в принимающих семьях, общей численностью 23 человека, выехали за пределы Хабаровского края 3 человека, вместе с тем, в семьях переселенцев родилось 3 ребенка.

На основе полученного опыта работы с украинскими беженцами разрабатывается концептуальная модель привлечения переселенцев в Дальневосточный регион с комплексной программой сопровождения и адаптации населения в принимающей территории.

Список литературы и источников

1. Украинские беженцы в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/Mir/12084

2. В стенах Молодёжного центра Хабаровской епархии находят временный приют переселенцы из Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravostok.ru/blog/v-stenakh

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ДЛЯ МИГРАНТОВ

ТУПИКИНА Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: etupikina@mail.ru

ГРИЩЕНКО Алексей Иванович, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: ахахаха.ха@mail.ru

ГУЛЕВИЧ Александр Викторович, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: hernandez1912@mail.com

DYNAMICS OF POPULATION AND ATTRACTION OF PRIMORYSKY REGION FOR MIGRANTS

Elena N. TUPIKINA, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: etupikina@mail.ru

Alexey I. HRYSHCHENKO, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ахахаха.ха@mail.ru

Alexander V. GULEVICH, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: hernandez1912@mail.com

Аннотация. Миллионы людей ежегодно пересекают региональные и государственные границы в поисках нового места жительства, работы, с целью учебы, на отдых, лечение и т.п. Данная работа касается миграции населения в Приморском крае. Акцент в работе сделан на категорию прибыва-

ющих мигрантов, т.к. рост численности мигрантов, предполагает рост миграционной привлекательности территории. Для раскрытия данной темы был проведен анализ динамики прибывшего населения, их структуры и регион пребывания. Так же проведен анализ половозрастной структуры прибывших мигрантов. Эти и другие вопросы имеют не просто научный теоретический интерес, но и важный практический, прикладной характер, ибо правильные на них ответы могут стать важным вкладом в эффективное развитие, как отдельных государств, так и отдельных регионов.

Ключевые слова: миграция, мигранты, динамика, структура, Приморский край, внутрирегиональная миграция.

Abstract. Millions of people cross regional and state borders every year in search of a new place of residence, work, study, rest, treatment, etc. This work concerns the migration of the population in Primorsky krai. The focus is on the category of arriving migrants, growth in the number of migrants, suggests an increase in the migration attractiveness of the territory. For the disclosure of this topic, the dynamics of the arrived population, their structure and region of stay were analyzed. An analysis of the sex and age structure of migrants arrived. These and other issues have not only theoretical theoretical interest, but also an important practical, applied nature, because the answers that are right for them can become an important contribution to the effective development of both individual states and individual regions.

Keywords: migration, migrants, dynamics, structure, Primorsky krai, intraregional migration.

Стремление к перемене мест является одной из основных характерных особенностей человека. Более полувека назад с принятием Всеобщей декларации прав человека право на свободу передвижения получило международное признание. Статья 13 этой Декларации гласит: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства» и «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

Обобщая опыт российских ученых можно сказать, что [1, 2] «… миграция населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью перемены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под превалирующим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих».

В рамках данной работы для характеристики миграционной ситуации, рассмотрим количество прибывших человек в Приморский край (на 1000 человек проживающих на территории края) в динамике с 2007 по 2016 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа прибывших в Приморский край на 1000 человек населения в 2007 – 2016 гг.

Исходные данные		Расчетные данные			
Год	Прибыло (на 1000 чел. населения края)	Абсолютный прирост, человек		Темпы прироста, %	
		Базисный	Цепной	Базисный	Цепной
2007	13,84	-	-	-	-
2008	14,98	1,14	1,14	8%	8%
2009	12,63	-1,21	-2,35	-9%	-16%
2010	12,38	-1,46	-0,25	-11%	-2%
2011	30,44	16,60	18,06	120%	146%
2012	37,77	23,93	7,33	173%	24%
2013	37,33	23,49	-0,44	170%	-1%
2014	38,93	25,09	1,60	181%	4%
2015	40,01	26,17	1,08	189%	3%
2016	39,95	26,11	-0,07	189%	0%

Источник: составлено авторами с использованием [3].

В рамках рассматриваемого периода представленные данные позволяют сделать вывод о том, что миграционная привлекательность Приморского края сильно возросла. Количество прибывающих мигрантов выросло почти в 3 раза, темп прироста составил 189%. В среднем за год данный показа-

тель увеличивался на 18%. Это можно считать положительной характеристикой. Но 2009 и 2010 года являются провальными, в 2009 году произошло резкое снижение численности прибывающих мигрантов, снижение составило 16%, это связано с последствиями глобального мирового финансового кризиса. Следует отметить, что уже на следующий год Россия выровняла ситуацию, и снижение составило всего 2%. Так же следует отметить, что в 2011 году наблюдается очень высокий темп прироста, который составил 146%.

По расчетным данным таблицы 1 можно сделать вывод, что в среднем каждый год количество прибывающих мигрантов растет. Но на протяжении рассматриваемого периода наблюдается и отрицательная динамика и очень высокие темпы прироста. Для того чтобы с большей наглядностью судить о данной ситуации воспользуемся рисунком 1.

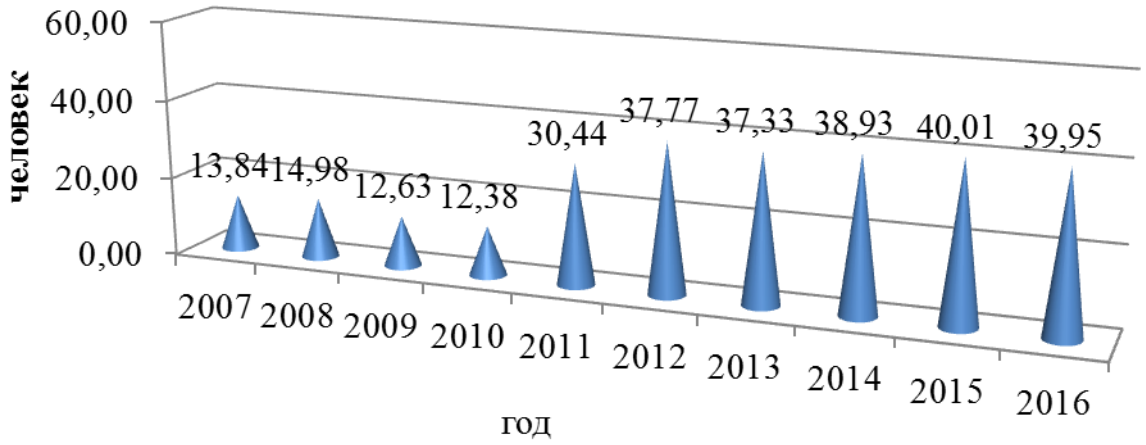

Рис. 1. Динамика числа прибывших в Приморский край в 2007–2016 гг.
(на 1000 человек населения)

Источник: составлено авторами с использованием [3]

На основание рисунка 1 можно сделать несколько выводов. Так в 2009 году на фоне мирового кризиса количество прибывающих мигрантов уменьшилось, схожая тенденция наблюдаются и в 2010 году. А в 2011 и 2012 годах уже наблюдается сильный рост. И в дальнейшие годы вплоть до 2016 года, наблюдается отсутствие какой либо динамики. Все это позволяет условно раделить рассматриваемый период на 3 части: до кризиса, кризис и после. Что позволяет сделать вывод, что хоть кризис и принес только негативные результаты, но позволил данномому показателю перейти на следующую ступень.

Рассмотрим откуда прибывают мигранты в Приморский край. Исследование показывает, что большинство прибывающих мигрантов являются жителями Российской Федерации, и только 16% человек прибывают в Приморский край из-за границы. Из международной миграции можно выделить миграцию со странами СНГ, которая составляет 63%. И это при условии того, что Приморский край один из наиболее удаленный регионов страны от других стран учасниц СНГ. Так же следует отметить тот факт, что основные миграционные потоки проходят внутри страны (84%), и большая часть из них не выходит за пределы региона (57%).

Для полноты картины рассмотрим в какие регионы Приморского края напрявляются прибывающие мигранты (рис. 2).

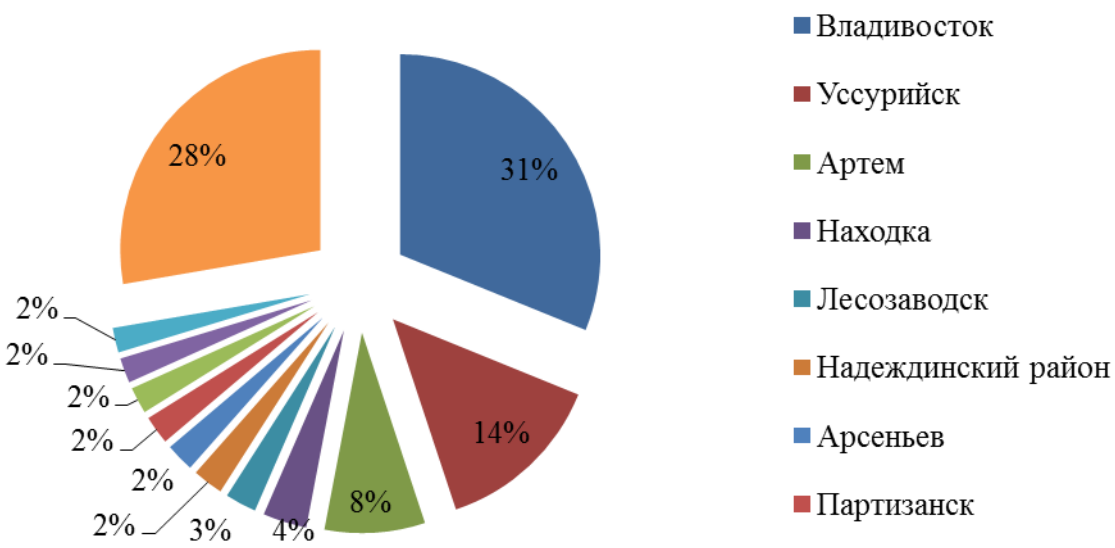

Рис. 2. Распределение иммигрантов в Приморском крае в 2016 г.
Источник: составлено авторами с использованием [3]

Из рисунка 2 видно, что большинство миграционных потоков сосредоточены в крупных городах. Так 53,1% прибывших мигрантов осели в 3 наиболее крупных городах Приморского края. Особо можно выделить столицу Приморского края, в которую прибыл каждый третий мигрант. Если обратить внимание на то, что 57% мигрантов не покидают пределы региона, то можно сделать вывод о том, что не малая часть мигрантов обусловленна сезонными заработками.

Также статистические данные демонстрируют разную половозрастную структуру среди прибывающих мигрантов (рис. 3).

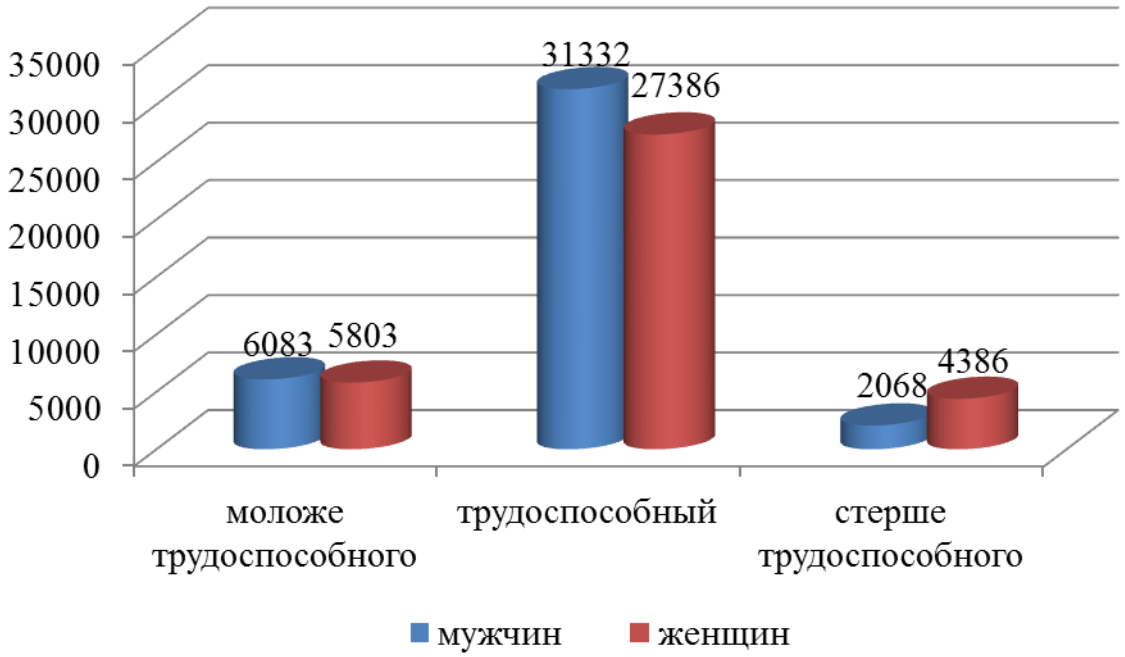

Рис. 3. Половозрастная структура прибывающих мигрантов в Приморский край за 2016 г.
Источник: составлено авторами с использованием [3]

Анализ показал, что большинство прибывающих мигрантов находятся в трудоспособном возрасте, их доля составляет 76,2%. Вторая группа по величине – это дети, их доля составила 15,42%.

Следует отметить, что, в трудоспособном возрасте доля въезжающих мигрантов-мужчин и доля мигрантов-женщин примерно одинаковая, эта же тенденция распространяется и на категорию моложе трудоспособного возраста (дети). Однако в пенсионном возрасте преобладают женщины (67,95%), т.е. въезжающих мигрантов-женщин-пенсионеров больше, чем мужчин.

Таким образом, согласно проведённому анализу, можно сделать вывод, что миграционная привлекательность за исследуемые 10 лет выросла почти в 3 раза. Что касается структуры прибывающих мигрантов, то можно сказать, что большинство миграционных потоков сосредоточенно внутри страны и большая часть из них не выходит за пределы региона. Международная миграция составляет 16%, и большая часть проходит со странами СНГ. Так же следует отметить, что большая часть мигрантов находятся в трудоспособном возрасте, но и для пенсионеров регион можно считать привлекательным.

Список литературы и источников

1. eLIBRARY.RU – научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/defaultx.asp
2. Воробьева О.Д. Современные подходы к исследованиям международной трудовой миграции населения // Вестник института экономики РАН. 2009. №4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0525/nauka02.php
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/
4. Елисеева И.И. Статистика: учебник. – М.: Проспект, 2013. – 342 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

ХАМИДУЛИН Владислав Саидович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: khamidulin.vs@dvfu.ru

STATE POLICY OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF IMMIGRANTS: NEW DIRECTIONS

Vladislav S. KHAMIDULIN**,** PhD in Politics, Associate Professor of Public Administration Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: khamidulin.vs@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы общей и целевой государственной политики адаптации и интеграции иммигрантов. На основании международных данных делается вывод, что интеграционная политика государства не оказывает значимого влияния на процессы адаптации и интеграции иммигрантов, тогда как значение имеет государственная политика в конкретных социально-экономических сферах. Рассмотрение стратегий социально-экономического развития дальневосточных регионов России и региональных государственных программ позволяет сделать вывод, что в этих регионах целевая государственная политика адаптации и интеграции иммигрантов не реализуется. Также, наблюдается несоответствие стратегических и программных положений, касающихся управления иммиграционными процессами. Анализ новейшей литературы по проблематике адаптации и интеграции иммигрантов позволяет сделать вывод о смещении фокуса внимания исследователей со статической картины к динамике адаптационных процессов и влиянию социально-экономического контекста на эти процессы.

Ключевые слова: иммигранты, адаптация, интеграция, дальневосточные регионы, государственная политика

Abstract. The article examines the problems of the general and targeted state policy of adaptation and integration of immigrants. Based on international data, it is concluded that the integration policy of the state does not have a significant impact on the processes of adaptation and integration of immigrants, whereas the public policy in specific socio-economic spheres has importance. Consideration of strategies for socio-economic development of the Far Eastern regions of Russia and regional state programs allows us to conclude that the targeted state policy of adaptation and integration of immigrants is not being implemented in these regions. Also, there is a discrepancy between the strategic and programmatic provisions relating to the governance of immigration processes. Analysis of the latest literature on the problems of adaptation and integration of immigrants allows us to conclude that the focus of researchers' attention has shifted from the static picture to the dynamics of adaptation processes and the influence of the social and economic context on these processes.

Keywords: immigrants, adaptation, integration, Far Eastern regions, state policy

Интеграционная политика государства в отношении иммигрантов реализуется через правовое регулирование допуска конкретных индивидов и групп иммигрантов на территорию государства и предоставление им прав на проживание, что определяет их дальнейший доступ к социальным услугам или же их исключение из системы социальных услуг в случае правовых ограничений. Это, в свою очередь, определяет степень интегрированности иммигрантов в принимающее общество [10].

Существуют различия между целевой и общей государственными политиками интеграции и адаптации иммигрантов. Целевая политика как правило реализуется в странах с небольшим числом иммигрантов и направлена на какие-то определенные группы людей. При разработке и реализации общей политики интеграции ее объектами являются не группы людей, а условия, которые затрудняют доступ к определенным благам не только иммигрантам, но и гражданам государства [8, 80-83].

Вместе с тем, международные данные об эффективности государственной политики адаптации и интеграции неоднозначны. Авторы исследования, основывающегося на данных MIPEX [5], пришли к выводу, что реальная интеграция иммигрантов в Европе, скорее, зависит не от интеграционной политики государства, а от специфических государственных структур: образования, труда или системы социального обеспечения.

Эти выводы в целом подтверждаются отчетом по проекту «Интеграционная политика: кому выгодно? Разработка и применение индикаторов в дебатах об интеграции», который реализовывался в 28 странах Европейского союза Центром международных отношений в Барселоне и Группой миграционной политики в 2013-2015 гг. [4]. Например, основными факторами, влияющими на трудовую интеграцию иммигрантов, являются гибкость рынка труда (чем более гибким является рынок, тем выше уровень занятости иммигрантов и ниже уровень несоответствия их навыков и требований к рабочему месту) и строгость законодательства о минимальном доходе (что имеет значение для иммигрантов с сильной этнической идентичностью). В области образования ни общая политика интеграции, ни целевая образовательная политика не являются основными факторами, определяющими результаты учащихся детей иммигрантов. В основном, влияние оказывает образовательная система принимающей страны, уровень социально-экономического неравенства и уровень человеческого развития в стране.

В этом отношении можно сделать вывод, что, несмотря на то, что контекст государственной интеграционной политики в зарубежных странах и в России может сильно отличаться, разработка больших и сложных моделей интеграции, например, представленных в [1, 85-147], является излишней.

Рассмотрим вопрос о том, реализуется ли общая и/или целевая государственная политика интеграции и адаптации иммигрантов в дальневосточных регионах России. Для ответа на этот вопрос нами были проанализированы региональные стратегии и программы социально-экономического развития.

Все дальневосточные регионы можно охарактеризовать по пяти основным темам, связанным с иммиграцией и содержащихся в их стратегиях социально-экономического развития: по наличию в стратегии темы необходимости привлечения иммигрантов для обеспечения социально-экономического развития региона, наличию темы адаптации и интеграции иммигрантов в принимающее общество, наличию темы социокультурных угроз, которые несет в себе массовая иммиграция из-за рубежа, наличию тем ассимиляции иммигрантов и толерантности к различиям.

Таблица 1

Темы, связанные с иммиграцией, содержащиеся в стратегиях социально-экономического развития регионов Дальнего Востока

Регион	Необходимость привлечения мигрантов из-за рубежа	Адаптация и интеграция иммигрантов	Социокультурные угрозы со стороны иммиграции	Ассимиляция иммигрантов	Толерантность
Приморский край	1	1	0	1	1
Еврейская автономная область	1	0	1	1	1
Республика Саха (Якутия)	1	1	0	0	0
Камчатский край	1	0	1	0	0
Амурская область	1	1	0	1	0
Хабаровский край	1	0	0	0	0
Магаданская область	1	0	0	0	0
Сахалинская область	0	0	0	0	0
Чукотский автономный округ	0	0	0	0	0

Примечание: 1 = тема присутствует, 0 = тема отсутствует;

Среди всех дальневосточных регионов тема необходимости привлечения иммигрантов в регион отсутствует только в стратегиях Сахалинской области и ЧАО. Тема адаптации и интеграции иммигрантов содержится только в государственной программе социально-экономического развития Республики Саха (Якутия), стратегиях развития Амурской области и Приморского края. Беспокойство, что иммиграция может принести с собой существенные проблемы социокультурного характера, наблюдается в стратегиях Камчатского края и ЕАО, причем в первом случае эти проблемы связаны также с традиционным образом жизни коренных малых народов севера, живущих на территории региона. Тему ассимиляции иммигрантов можно увидеть в стратегиях Приморского края (где она обозначена понятием «социокультурная переработка», которое несколько нелогично связано только с временными рабочими мигрантами), Амурской области (через приобщение к ценностям и традициям русской культуры) и ЕАО (через приобщение к ценностям и традициям национальной культуры)[6]. Тема развития толерантности, которая нами трактуется как способ адаптации принимающего населения к иммиграции и иммигрантами, присутствует в стратегиях Приморского края и ЕАО. Таким об-

[6] В нашей классификации применялся формальный критерий наличия слов в документе. Мы можем сказать, что в случае Приморского края решение включить его в группу «ассимиляционистских» регионов было принято в силу того, что понятия «адаптация» и «социокультурная переработка» здесь употребляются в отличных друг от друга смыслах. В случае Амурской области и ЕАО решение об отнесении стратегий регионов к «ассимиляционистским» было принято на основании того, что слово «приобщение», которое в этих документах употребляется, одним из значений имеет «включиться», а если кто-то «включается» в русскую («национальную» в случае ЕАО) культуру, то он становится ее частью.

разом можно констатировать значимые различия между стратегиями дальневосточных регионов по наличию в них тем, связанных с иммиграцией.

Вместе с тем, на уровне региональных государственных программ (принятых до 2016 г.), которые должны конкретизировать направления развития, обозначенные в региональных стратегиях, отсутствуют темы, обозначенные в последних. Например, если рассматривать связь между темами социокультурных угроз и взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества, то в государственных программах ЕАО и Камчатского края, т.е. тех регионов, в стратегиях социально-экономического развития которых отмечались социокультурные угрозы, которые несет иммиграция, тема этих угроз не возникает. Адаптация принимающего населения к иммиграции и в этих регионах, и в остальных, где есть подобные программы, осуществляется путем проведения информационно-разъяснительной работы при помощи СМИ.

Также, в государственных программах Приморского края отсутствуют всякие упоминания социокультурной переработки иммигрантов, что говорит о слабой связи между стратегическими положениями и текущими задачами социально-экономического развития региона.

В одной из своих давних работ классик исследований аккультурации иммигрантов Дж.Берри сожалеет, что разработчики политики слабо обращают внимание на теоретические и эмпирические работы обществоведов по проблемам аккультурации [3, 623]. Можно было бы предположить, что именно поэтому интеграционная политика различных государств не приводит к значимым результатам, но проблема в том, что современные научные подходы также страдают определенными недостатками, не позволяющими эффективно их использовать при разработке государственных программ.

На эти недостатки обращают внимание авторы, предлагающие сместить исследовательский акцент со статической картинки на динамику аккультурации [11]. Если связь между социально-демографическими переменными и уровнем аккультурации хорошо известна, то сам процесс аккультурации, включая то, как именно индивиды оценивают, обсуждают, организуют, смещаются между культурными ориентациями, до сих пор исследован плохо. Аффективные, когнитивные, поведенческие переменные не очень хорошо знакомы исследователям [2].

Часто можно встретить исследования, базовым допущением которых является та или иная версия рационального индивида, что на самом деле является значительным упрощением того, как на самом деле происходит аккультурация. Согласно этой версии, индивиды свободно управляют своими множественными культурными идентичностями [9, 48].

Хорошо известная модель аккультурации Дж.Берри основана на подобного рода допущении: иммигранты выбирают четыре типа реакции в зависимости от стратегии принимающего общества: ассимиляцию, сепарацию, интеграцию и маргинализацию, которые связаны с плавильным котлом, сегрегацией, мультикультурализмом и исключением [3]. Эмпирические исследования показывают, что модель Дж.Берри не всегда воспроизводится. Например, маргинализация столь редко происходит, что ее существование как аккультурационной стратегии находится под вопросом [11]. При этом адаптация и ассимиляция обычно теоретически осмысливаются посредством допущения о том, что опыт иммигрантов схож достаточно для того, чтобы создавать надежные обобщенные модели. Но адаптация - это комплексный и динамичный процесс, требующий от исследователя начинать с рассмотрения специфического контекста, ресурсов, желаний, которые оформляют отношение иммигрантов к культуре своей страны происхождения и культуре принимающего общества [6].

Одним из предложений может стать выход за пределы доминирующего на данный момент методологического индивидуализма, который определяет отношение исследователей к этнокультурным сообществам как к индивидам, более-менее рационально принимающим решения о том, встраиваться ли в принимающее общество, или же выбирать какую-то другую стратегию. Соответственно, пересмотр отношений между индивидом и обществом, поведением индивида и контекстом, в котором оно осуществляется, является необходимым условием разработки моделей, которые должны учитываться при разработке политики. Инструментом такого пересмотра может являться методологический структуризм [7], позволяющий рассматривать социальное целое как нечто большее суммы

своих составляющих, но при этом не отрицающий активное вовлечение индивидуальных и коллективных агентов в формирование социальных структур. Индивидуальное поведение не определяется тотально характеристиками коллективов, но индивидуальное действие с необходимостью фильтруется и обусловливается структурными и социальными факторами и институтами. Индивид не является асоциальным, неисторичным рациональным существом стандартной экономической теории, но находится в конкретном социальном и историческом контексте.

Таким образом, проблемы адаптации и интеграции иммигрантов должны рассматриваться в конкретном историческом и существующем социально-экономическом контексте с акцентом на обоюдное влияние друг на друга иммигрантских сообществ и доминирующего большинства.

Список литературы и источников

1. Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А. Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа: Дизайн-Пресс. 2014. 248 с.
2. Barker G.G. Choosing the best of both worlds: The acculturation process revisited. International Journal of Intercultural Relations. Volume 45, March 2015, Pages 56-69
3. Berry J.W. A Psychology of Immigration. Journal of Social Issues, 2001. Vol. 57(3), pp. 615–631
4. Bilgili Ö., Huddleston T., Joki A.-L. The Dynamics between Integration Policies and Outcomes: a Synthesis of the Literature. 2015. URL: http://www.migpolgroup.com/wp_clean/wp-content/uploads/2015/03/MIPEX_Literature-review_The-Dynamics-Between-Integration-Policies-and-Outcomes.pdf
5. Cebolla-Boado H., Finotelli C. Is There a North–South Divide in Integration Outcomes? A Comparison of the Integration Outcomes of Immigrants in Southern and Northern Europe European. Journal of Population. 2015. Vol. 31(1), pp.31-77
6. De La Garza A.T., Ono K.A. Retheorizing Adaptation: Differential Adaptation and Critical Intercultural Communication. Journal of International and Intercultural Communication. Volume 8, 2015. Issue 4. Pages 269-289
7. Fine B., Milonakis D. From Economics Imperialism to Freakonomics: the Shifting Boundaries between Economics and Other Social Sciences Economics As Social Theory. Routledge; 1st edition. 2009
8. International Migration Outlook 2015, OECD Publishing, Paris. URL: http://ifuturo.org/documentacion/InternationalMigrationOutlook.pdf
9. Oudenhoven J.P. van, Benet-Martinez V. In search of a cultural home: From acculturation to frame-switching and intercultural competencies. International Journal of Intercultural Relations. Volume 46, May 2015, Pages 47-54
10. Söhn, J. Unequal Welcome and Unequal Life Chances: How the State Shapes Integration Opportunities of Immigrants. European Journal of Sociology, 2013. Vol.54, pp.295-326
11. Ward C., Geeraert N. Advancing acculturation theory and research: the acculturation process in its ecological context. Current Opinion in Psychology. Volume 8, April 2016, Pages 98-104

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В П.Г.Т. НИКОЛАЕВКА

ШЕВЧЕНКО Александр Вячеславович, инженер, Вычислительный центр ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: mobil52@yandex.ru

ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION: RESULTS OF THE EMPIRICAL STUDY IN NIKOLAEVKA

Aleksandr V. SHEVCHENKO, Engineer, Computing Center of the Far East Branch RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: mobil52@yandex.ru

Аннотация. В работе представлены характеристики нескольких семей и одиноких граждан из разных бывших союзных республик СССР, а также вынужденных переселенцев из Донбасса, проживающих от одного до 5 лет в условиях дальневосточного поселка городского типа. Продленное наблюдение в условиях тесных соседских отношений и совместного труда позволило выявить некоторые особенности адаптивного поведения мигрантов из территорий с различным этнокультурным укладом в среде коренных жителей.

Ключевые слова: беженцы, вынужденные переселенцы, принимающее сообщество, адаптация переселенцев.

Abstract. Social characteristics of some families and single persons from the former USSR republics as well as forced migrants from Donbass area, Ukraine, who have been residing for one-five years in the urban community of Nikolaevka in the Far East of Russia, are presented. Extended observation during close neighbourly interaction and cooperation made it possible to identify some specific features of adoptive behaviour of migrants, having different ethnic and cultural origin, to get accustomed to the local environment.

Keywords: refugees, forced migrants, host community, adaptation of migrants

Дальневосточной реальностью для коренного и коренного пришлого населения региона в последнее десятилетие стало замещение местного населения, покинувшего Дальний Восток, мигрантами. Если китайских и корейских мигрантов исторически принято в регионе считать «своими», осознавать ассимиляционные тенденции у соседей, смиряться с межэтническими браками детей, принимать элементы культуры, сотрудничать и мирно жить по – соседству, то появление переселенцев из Средней Азии стало новым фактором, который уже нельзя игнорировать.

Эмпирическое наблюдение за семьями и одинокими мигрантами, прибывшими в Дальневосточный регион, позволило установить разные причины и мотивы их переселения, оценить перспективы адаптации в непривычных социально – экономических и климатических условиях.

Рассмотрим первую семью, прибывшую на Дальний Восток из Армении. Семья этнических армян переехала на постоянное место жительства в п.г.т. Николаевка Смидовичского района ЕАО по программе переселения. Мотивы к переселению возникли по причине социальной напряженности в Армении, связанной с межэтническими конфликтами. В семье три ребенка – 12 лет, 7 лет и 3 года. Родители свободно владеют русским языком, коммуникационных затруднений во время адаптации не возникало. Но сразу возникли проблемы с жильем и ограничения финансового характера. Глава семейства, бывший учитель физкультуры, в поселке на работу по профилю устроиться не смог. Мать, ранее работавшая в прокуратуре, на работу не устраивалась, так как занимается воспитанием малолетних детей. Получив подъемные выплаты, семья купила подержанный японский автомобиль. Им было предоставлено бесплатное жилье на шесть месяцев в общежитии. Семья жила на средства, получаемые отцом семейства за работу у местного предпринимателя. Отец семейства не сумел правильно оценить жилищную ситуацию и вовремя не решил проблему проживания в поселке по истечении срока предоставления бесплатного жилья. Через полгода семья была вынуждена переселиться в съемное жилье в виде частного дома, продать машину для внесения трехмесячной арендной платы. Через несколько месяцев средства от проданной машины закончились, и единственного источника доходов не хватало для оплаты проживания в доме и содержания семьи. Тогда отец семейства вынужден был начать дополнительно работать по выходным на частных подворьях.

Анализируя сложившуюся ситуацию в этой семье, можно сделать вывод, что, имея весомую мотивацию на постоянную миграцию в Дальневосточный регион, семья не воспользовалась возможностью бесплатно получить землю в поселке и построить дом. В результате сложившейся ситуации, на сегодня у них нет возможности обрести собственное жилье, и они будут вынуждены снимать его

постоянно. Это не позволит им полноценно жить и воспитывать детей. С большой долей вероятности они уедут обратно, или в другой регион России.

Не все вынужденные переселенцы из Украины способны интегрироваться в социум Дальнего Востока. Одна из украинских семей, получивших гражданство, не захотела проживать в сельской местности из-за непривычных условий ведения хозяйства на Дальнем Востоке. В итоге они переехали жить в Хабаровск. Постоянную работу найти не смогли и работают на сезонных работах. Но шансы на адаптацию есть, так как единственный ребенок уже взрослый и тоже работает. Снимают квартиру. При этом, вынужденные мигранты проявляют недовольство уровнем жизни, климатическими условиями, и при первой же возможности готовы переехать на запад России.

Граждане, приехавшие из Узбекистана нелегально, оказались более приспособленными к дальневосточным условиям. Оба учились в советской школе и хорошо знают русский язык. Один из них проживает с гражданской женой. Она помогает им с устройством на строительные работы в пределах района. Работая на стройках, они имеют возможность накапливать и отправлять денежные средства семье на родину. Узбеки неплохо адаптировались в поселке и хотели бы получить гражданство. Но нелегальное проживание не позволяет им это сделать. К тому же законодательство Узбекистана не позволяет иметь двойное гражданство. Терять гражданство Узбекистана они не желают. У обоих среднее образование и возраст около 50 лет. Ужесточившийся контроль нелегальных мигрантов с большой вероятностью приведет к их депортации.

Наблюдение за приезжающими в поселок на протяжении 5 лет сезонными трудовыми мигрантами из Узбекистана (бригадой из 7 человек), позволяет определить основные мотивы миграции: наличие работы, свободных земель, более высокий уровень жизни и культуры. Большинство трудовых мигрантов имеют семьи, их возраст колеблется от 19 до 53 лет. Среди них, в основном, люди, получившие только среднее образование. Один мигрант имел высшее педагогическое образование. Один - среднее специальное. Был среди них один бывший военнослужащий, служивший в пограничных войсках в 1987 году в Амурской флотилии. Большинство узбекских трудовых мигрантов знают русский язык. Молодежь, не знающая языка, в течение нескольких месяцев научается понимать бытовую лексику. К концу сезона все достаточно свободно разговаривают на русском языке. За 3 – 5 лет трудовые мигранты адаптируются к жизни на Дальнем Востоке настолько, что в состоянии самостоятельно жить и работать, постоянно отправляя на родину денежные средства. Некоторые из них проявляют желание привезти свои семьи, но не могут этого сделать из-за невозможности приобрести землю или получить гражданство.

Заслуживает особого внимания ситуация с коренными дальневосточниками. Примером стереотипных проблем может послужить семья, которую создали коренная дальневосточница и коренной житель Краснодара. Они уехали жить в Краснодар. Своего жилья в Краснодаре не было, приобрести его они не смогли, поэтому вернулись к родственникам жены в Хабаровск. В Хабаровске у родственников жилье есть, поэтому удалось решить экономические вопросы без затруднений. Супруга устроилась на высокооплачиваемую работу, а муж ушел в отпуск по уходу за родившимся ребенком. В дальнейшем, родственники помогли им решить вопрос с жильем, и семья готова родить еще одного ребенка. В этом случае, адаптация жителя Краснодара и закрепление семьи на Дальнем Востоке прошли с хорошим результатом. Это один из примеров, позволяющих сделать вывод о том, что если бы была соответствующая помощь государства таким семьям, то не пришлось бы семье ездить через всю Россию для того, чтобы решить жилищный вопрос и вопрос с работой. К тому же, коренным жителям, которым не требуется время на адаптацию, помощь государства могла быть более эффективной с меньшими затратами.

Так, на семью переселенцев из Армении затраты государства составили в целом около 800000 рублей. Вероятность возврата переселенцев очень высока. Идентичные затраты на коренных жителей с помощью государства в приобретении жилья, с большей вероятностью приведут к положительным результатам. Большинство из них хорошо знают условия проживания и имеют работу. Основная причина переезда коренных жителей в другой регион - невозможность приобрести доступное жилье, или дорогая аренда жилья. В других регионах России выше вероятность решения жилищных проблем. При этом, не все потенциальные мигранты правильно оценивают свои возможности. Зачастую адап-

тация даже в регионах с лучшими условиями проживания проходит плохо. В этом случае семья ограничивается одним ребенком, либо вообще не решается на рождение детей.

Один из таких случаев произошел с коренным хабаровчанином, имевшим небольшой бизнес по ремонту автомобилей на протяжении 20 лет. Он имел однокомнатную квартиру и планировал расширять бизнес и жилую площадь. В его семье был один ребенок, планировали рождение еще одного. Но кризисные события изменили планы. Хабаровчанин оценил ситуацию и принял решение продать бизнес и квартиру. На эти деньги была куплена трехкомнатная квартира в Сочи, и семья переехала туда на постоянное место жительства. Но через год они вернулись в Хабаровск. При отсутствии работы и возможности возобновления бизнеса на новом месте жительства, было принято решение вернуться на Дальний Восток, заработать деньги, используя старые возможности в бизнесе, и вернуться в Сочи. Для открытия своего бизнеса в Сочи требовалась определенная сумма денег. Заработав эту сумму за один год и получив помощь от родителей, семья снова уехала в Сочи в 2017 году. На сегодняшний день он строит на купленном земельном участке свой автосервис. В Хабаровске предприниматель вынужден был снимать помещение в аренду, и это были значительные затраты. К тому же, немалые расходы на отопление помещений. Если бы государство оказывало помощь, предоставив беспроцентную ссуду на покупку земли под бизнес в Хабаровске, или выделило бы ее безвозмездно, то семья осталась бы в регионе и продолжала бы платить налоги в бюджет. Эти налоги значительно выше, чем те, которые платит переселенец со своей заработной платы. К тому же, не потребовалось бы из бюджета выделять деньги, либо они вскоре вернулись бы в бюджет предпринимателем.

Большая часть малого бизнеса снимает помещение в аренду, и не имеет возможности развиваться. Эта модель бизнеса сильно тормозит уровень развития бизнеса в регионе. Отсюда уход от налогов и серые зарплаты. Процветание бизнеса по сдаче в аренду коммерческих площадей не приносит экономического эффекта на Дальнем Востоке. Такие затраты, подкрепленные затратами на тепло, сводят на нет успешность бизнеса.

Отсюда можно сделать вывод, что без помощи государства коренным дальневосточникам будет продолжаться постоянный отток активных граждан в другие регионы, а помощь переселенцам не принесет ожидаемый эффект. Коренному дальневосточнику требуется небольшая помощь в приобретении жилья, либо земельного участка для бизнеса.

Предложение государством беспроцентных, или льготных ссуд на приобретение коммерческой недвижимости позволит повысить собираемость налогов и снизить закрытие предприятий малого бизнеса в кризисное время. Это позволит получить дополнительные рабочие места, в том числе, для переселенцев. Очевидна необходимость регламентации условий сдачи в аренду коммерческой недвижимости, прежде всего, ограничение стоимости аренды и создание ряда других мер, не поощряющих строительство новых коммерческих площадей для сдачи в аренду.

Недостаток в политике переселения на Дальний Восток состоит в том, что не проводится работа с мигрантами по разъяснению возможных вариантов устройства жизни и адаптации в новых условиях, по устранению финансовой неграмотности, устройству на работу и самозанятости. Не организовано консультирование переселенцев на первом этапе жизни в регионе, которое могло бы помочь людям сделать правильный выбор. Многие переселенцы едут с убеждением, что им будут предоставлены неограниченные услуги по адаптации. На практике же ими никто не занимается.

Научное издание

Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие дальнего востока

Сборник трудов II Международной научно-практической конференции

4–5 июня 2018 г.

Подписано в печать 30.05.2018 г.
Формат 60×84 / 8. Усл. печ. л. 30,92.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–80). Заказ 268.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)